ТЫСЯЧА
И ОДНА
НОЧЬ

НОЧИ 145—270

Издательство «Ирфон», Душанбе — 1983

И (Араб)
К 53

Перевод с арабского М. А. Салье

Переиздание по выпуску:
Госиздат «Художественная литература», 1959 г.

К 53 Книга тысячи и одной ночи: В 8-ми т. Пер. с араб. М. А. Салье.— (2-е изд.). Душанбе. Ирфон, 1983. Т. 3. Ночи 145—270.

320 стр.

К $\frac{70304-324}{М-501(13)-83}$ — 181—83 И (Араб)

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ И ПТИЦАХ

И сказал потом царь Шахразаде: «Хочу, чтобы ты мне теперь рассказала что-нибудь из рассказов о животных и птицах». А сестра ее, Дуньязада, воскликнула: «Я не видела за все это время, чтобы у царя расправилась грудь когда-нибудь, кроме сегодняшней ночи, и я надеюсь, что исход твоего дела с ним благополучен». А царя в это время настигал сон, и он заснул...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СОРОК ШЕСТАЯ НОЧЬ

РАССКАЗ О ГУСЫНЕ И ЛЬВЕНКЕ

Когда же настала сто сорок шестая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие годы павлин, который ютился на берегу моря со своей женой. И место это изобиловало львами, и были там всякие звери, а деревья и реки были в том месте многочисленны.

И этот павлин с женою ютились ночью на одном дереве из этих деревьев, боясь зверей, а днем спозаранку вылетали, чтобы найти пропитание. И они жили так, пока их страх не усилился, и стали они искать другое место, где бы приютиться. И когда они искали такое место, вдруг показался остров, изобилующий деревьями и реками, и они опустились на этот остров, и поели, и напились, тогда вдруг подбежала к ним гусыня. В сильном испуге бежала она до тех пор, пока не прибежала к дереву, на котором был павлин с женой, и тогда только успокоилась.

И павлин не усомнился, что у этой гусыни удивительная история, и спросил ее, что с нею и почему она боится, и гусыня сказала: «Я больна от ужаса и от страха перед сыном Адама. Берегись и еще раз берегись сыновей Адама!» — «Не бойся, раз ты добралась до нас»,— сказал ей павлин, и гусыня воскликнула: «Слава Аллаху, который облегчил мою заботу и горе благодаря вашей близости! Я пришла, желая вашей дружбы».

И когда она кончила говорить, жена павлина спустилась к ней и сказала; «Приют и уют! Добро пожаловать! С тобою не будет беды. Откуда достигнет нас сын Адама, когда мы на этом острове, который посреди моря? С суши он не может до нас добраться, а с моря ему нельзя к нам подняться. Радуйся же и расскажи нам, что постигло и поразило тебя от сына Адама».

«Знай, о пава,— сказала тогда гусыня,— что я всю жизнь провела на этом острове в безопасности, не видя дурного. И однажды ночью я заснула и увидела во сне образ сына Адама, который говорил со мной, и я говорила с ним. И я услышала, как кто-то говорит мне: «О гусыня, остерегайся сына Адама и не обманывайся его речами, и тем, что он принесет тебе; велики его хитрости и обманы! Берегись же всячески его коварства, ибо он обманщик и коварен, как сказал о нем поэт:

Языка концом он дает кусок тебе лакомый
И хитрит с тобой, как хитрит лиса прековарная.

Знай, что сын Адама может вытащить рыбу из моря и бросить в птиц глиняные пули, и свалить своим коварством слона. От зла сына Адама не уцелеет никто, и не спасется от него ни птица, ни зверь. И вот я сообщил тебе то, что я слышал о сыновьях Адама».

И я пробудилась от сна, испуганная и устрашенная, и у меня до сих пор не расправилась грудь: так я боюсь зла от сына Адама, чтобы он не провел меня хитростью и не поймал бы меня

в свои силки. И едва настал конец дня, как мои силы ослабли и исчезла моя решимость. А потом мне захотелось есть и пить, и я вышла побродить со смущенным умом и сжавшимся сердцем. И, дойдя до той горы, я нашла у входа в пещеру львенка желтого цвета.

И когда этот львенок увидел меня, он сильно обрадовался, и ему понравился мой цвет и то, что я приятна видом, и он закричал мне, говоря: «Подойди ко мне!» А когда я подошла, он спросил: «Как твое имя и какой ты породы?»— «Мое имя гусыня, и я из породы птиц,— отвечала я и потом спросила его:— Почему ты сидишь до сих пор на этом месте?»— а львенок ответил: «Причина этого в том, что мой отец, лев, уже несколько дней предостерегает меня от сына Адама, и случилось так, что сегодня ночью я видел во сне образ сына Адама...»

И затем львенок рассказал мне подобное тому, что я рассказала тебе, и, услышав его слова, я воскликнула: «О лев, я прибежала к тебе, ища убежища, чтобы ты убил сына Адама и принял бы твердое решение убить его, ибо я очень боюсь и мой страх еще сильнее оттого, что ты боишься сына Адама, хотя ты султан зверей».

И я продолжала, о сестрица, предостерегать львенка от сына Адама и наставлять его, чтобы он его убил. И львенок в тот же час и минуту встал с того места, где он был, и пошел, а я пошла сзади него. И он бил себя хвостом по спине и все время шел, а я шла сзади до разветвления дороги. И мы увидели, как взлетела пыль, а потом пыль рассеялась, и из-за нее показался бежавший голый осел, который то скакал и бежал, то начинал кататься в пыли.

И лев, увидав осла, окликнул его, и тот смиренно подошел к нему, и лев спросил: «О животное с сумасбродным умом, какой ты породы и почему ты пришел в это место?»— и осел отвечал: «О сын султана, по породе я осел, а пришел в это место я потому, что убегаю от сына Адама».— «Ты боишься, что сын Адама убьет тебя?»— спросил львенок, и осел ответил: «Нет, о сын султана, я только боюсь, что он учинит со мною хитрость и сядет на меня верхом, так как у него есть вещь, которую он называет вьючным седлом и кладет мне на спину, и другая вещь, называемая подпругой, которую он завязывает у меня на животе, и еще вещь, называемая подхвостником, которую он кладет мне под хвост, и вещь, называемая уздой, которую он кладет мне в рот. И сделает мне стремена, кото-

рыми будет меня колоть, и заставит бежать сверх силы, и если я споткнусь, он будет меня проклинать, а если зареву, станет бранить меня. А потом, когда я состарюсь и не смогу бегать, он сделает мне деревянное седло и отдаст меня водоносам, и те будут возить на моей спине воду из реки в бурдюках и в другой посуде, вроде кувшинов, и я пребуду в позоре, унижении и утомлении, пока не умру, и тогда меня бросят на холмы собакам. Что же больше этой заботы и какое бедствие страшней этих бедствий?»

И когда я услышала, о пава, слова осла, перья поднялись на моем теле от страха перед сыном Адама, и я сказала львенку: «О господин, ослу простительно, и его слова еще прибавили страха к моему страху».

«Куда ты теперь отправляешься?»— спросил львенок осла, и тот ответил: «Я издали увидел сына Адама как раз перед тем, как засияло солнце, и убежал, спасаясь от него, и вот теперь я хочу убежать и буду бежать все время, так как очень боюсь его. Может быть, я найду себе место, чтобы укрыться от обманщика, сына Адама».

И пока осел разговаривал со львенком, держа такие речи, и хотел с нами попрощаться и бежать, вдруг появилось перед ними облако пыли. И осел закричал, и заревел, и, взглянув в сторону пыли, пустил громкие ветры, и через минуту пыль рассеялась, открыв вороного коня с пятном на лбу, как дирхем. И у коня этого были прекрасные отметины и красивая белая шерсть на ногах, и он приятно ржал.

И конь несся до тех пор, пока не остановился перед львенком, сыном льва, и, увидав его, львенок восхитился им и спросил: «Какой ты породы, о благородный зверь, и почему ты мчишься по этой пустыне, широкой и длинной?»— «О господин зверей,— отвечал конь,— я конь из породы лошадей, а мчусь я и убегаю от сына Адама».

И львенок изумился словам коня и сказал ему: «Не говори таких слов — это стыд и срам для тебя. Ты длинный и толстый, как же ты боишься сына Адама при твоем большом теле и быстром беге, а я, хоть и мал телом, решил повстречаться с сыном Адама, броситься на него и съесть его мясо, и успокоить страх этой бедной гусыни. А ты пришел сейчас и растерзал мое сердце этими словами и отвратил меня от того, что я хотел сделать. Несмотря на твою величину, человек покорил тебя и не испугался твоей длины и ширины. А ведь если бы

ты лягнул его, то наверное убил бы его, и он бы с тобою не справился, а выпил бы чашу смерти».

И конь засмеялся, услышав слова львенка, и воскликнул: «Не бывать, не бывать, чтобы я его одолел, о сын царя! Пусть не обманывает тебя то, что я длинен, широк и толст в сравнении с человеком, ибо он по своей хитрости и коварству делает из пальмового лыка вещь, которая называется путами, и надевает их на мои четыре ноги, и привязывает меня к высокому колышку, и я вынужден стоять, привязанный к нему, и не могу ни сесть, ни лечь. А когда же человек хочет на меня сесть, он кладет на спину мне для своих ног вещь из железа, называемую стременем, и вещь, называемую седлом, и привязывает его двумя подпругами, у меня под животом, а мне в рот он вкладывает железную вещь, которая называется уздечкой, и еще привязывает что-то из кожи, что он называет удилами. И когда он садится в седло на моей спине, он берет удила в руку и направляет, и ведет меня ими, погоняя меня ударами стремян в бока, пока не окровавит их. Не спрашивай же, о сын султана, что я вытерпел от сына Адама! А если я состарюсь, и моя спина отощает, и я не смогу быстро бегать, он продаст меня мельнику, чтобы я вертел жернов. И я буду вертеть жернов на мельнице ночью и днем, пока не одряхлею. И тогда мельник продаст меня мяснику, и тот меня зарежет, сдерет с меня шкуру и выщиплет хвост, и продаст его на решета и сита, а жир мой он вытопит».

Услышав слова коня, львенок стал еще более гневен и озабочен и спросил: «Когда ты оставил сына Адама?» И конь отвечал: «Я оставил его в полдень, и он идет за мной следом».

И пока львенок разговаривал с конем, держа такие речи, вдруг поднялась пыль и потом рассеялась, и из-за нее появился несущийся и бегущий верблюд, который рычал и бил ногами о землю, и он делал так до тех пор, пока не достиг нас. И львенок, увидав, что он велик и толст, подумал, что это сын Адама, и хотел на него прыгнуть, но я предупредила его: «О сын султана, это не сын Адама, это только верблюд, и он как будто бы убегает от сына Адама».

И пока я вела с львенком такие речи, о сестрица, верблюд приблизился к нему и приветствовал его, а львенок ответил на его привет и спросил: «Какова причина твоего прихода в это место?» — «Я пришел, убегая от сына Адама», — отвечал верблюд. И львенок воскликнул: «Как, ты такой большой и длин-

ный, и широкий, боишься сына Адама! Ведь если бы ты один раз лягнул его, ты бы его наверное убил».

«О сын султана,— отвечал верблюд,— знай, что у сына Адама есть хитрости, с которыми не справиться, и одолеть его может только смерть. Он продевает мне в нос кольцо с веревкой, которую называет уздою, а вокруг моей головы он обвязывает повод и отдает меня младшему из своих детей, и маленький ребенок тянет меня за веревку, хотя я большой и громадный. Он нагружает на меня самые тяжелые тюки и отправляется со мною в долгие путешествия, и употребляет меня для трудных работ часть ночи и дня. А когда я стану старым и дряхлым и сломлюсь, человек не сохранит ко мне дружбы, а, напротив, продаст меня мяснику, и тот зарежет и продаст мою кожу кожевникам, а мясо харчевникам. Не спрашивай же, что я терплю от сына Адама!»

«Когда ты оставил сына Адама?»— спросил львенок, и верблюд отвечал: «Я оставил его на закате и думаю, он придет после моего ухода и, не найдя меня, побежит искать; отпусти же меня, о сын султана, и я побегу по степям и пустыням».— «Подожди немного, о верблюд,— сказал львенок,— и посмотри, как я его разорву и накормлю тебя его мясом. Я обглодаю его кости и выпью его кровь».— «О сын султана,— ответил верблюд,— я боюсь для тебя зла от сына Адама, ибо он обманщик, и он коварен». И верблюд произнес слова поэта:

Тяжелый сосед когда поселится к людям,
Несчастным тогда возможно одно — уехать.

И пока верблюд разговаривал со львенком, ведя такие речи, вдруг поднялась пыль и через минуту рассеялась, обнаружив коротенького старика с нежной кожей, и на плече у него была корзинка с плотничьими принадлежностями, и на голове он нес ветку дерева и восемь досок. Он вел за руку маленьких детей и шел поспешными шагами, и он шел до тех пор, пока не приблизился к львенку.

И, увидав его, о сестрица, я упала от сильного испуга, а львенок, тот встал и пошел ему навстречу. И когда он дошел до него, человек засмеялся ему в морду и сказал ясным языком: «О благородный царь с широкой рукой, да сделает Аллах счастливым твой вечер и твой путь и да прибавит тебе доблести и силы! Защити меня от того, что меня постигло и поразило злом, ибо я не нашел себе защитника, кроме тебя».

И потом плотник встал перед львенком и принялся плакать, стонать и жаловаться, и львенок, услышав его плач и сетованья, сказал: «Я защищу тебя от того, чего ты боишься. Но кто тебя обидел и кто ты будешь, о зверь, подобного которому я в жизни не видел, а я никого не видал прекраснее тебя внешностью и красноречивее языком? Каково твое дело?» — «О господин зверей,— ответил человек,— я плотник, а тот, кто обидел меня,— сын Адама, и утром после сегодняшней ночи он будет у тебя в этом месте».

И когда львенок услышал от плотника эти слова, свет сменился мраком перед лицом его, и он начал храпеть и храпеть, и глаза его стали метать искры, и он закричал: «Клянусь Аллахом, я, право, не буду спать эту ночь до утра и не вернусь к отцу, пока не достигну своей цели!— И он обратился к плотнику и сказал:— Я вижу, что твои шаги коротки, но я не могу разбить твое сердце, так как я великодушен. Я думаю, ты не можешь идти рядом со зверями. Расскажи же мне, куда ты идешь».

«Знай, — отвечал плотник,— что я иду к везирю твоего отца — барсу, ибо он, узнав, что сын Адама ступил на эту землю, испугался великим страхом и прислал ко мне гонца из зверей, чтобы я сделал ему дом, где он мог бы жить и приютиться, и чтобы до него не мог бы добраться ни один из сыновей Адама. И когда гонец пришел ко мне, я взял эти доски и отправился к нему».

И когда львенок услышал слова плотника, его взяла зависть к барсу, и он воскликнул: «Клянусь жизнью, ты непременно должен сделать мне из этих досок дом, прежде чем ты сделаешь дом для барса, а когда ты кончишь для меня работу, иди к барсу и сделай ему, что он хочет».

Но плотник, услышав от львенка эти слова, сказал: «О господин зверей, я ничего не могу сделать для тебя, раньше чем я не сделаю барсу то, что он хочет. А потом я приду служить тебе и сделаю для тебя дом, который будет тебе крепостью от врага».— «Клянусь Аллахом, я не дам тебе уйти отсюда, пока ты не сделаешь мне из этих досок дом!» — воскликнул львенок.

И потом он бросился к плотнику и прыгнул на него, желая пошутить с ним, и, ударив его лапой, сбросил корзину с его плеча, а плотник упал без чувств. И львенок стал смеяться над ним и воскликнул: «Горе тебе, о плотник! Ты слабый, и нет

у тебя сил, и тебе простительно, если ты боишься сына Адама». А плотник, когда упал на спину, сильно рассердился, но скрыл это от львенка из страха перед ним. И, сев прямо, плотник засмеялся в морду львенку и сказал: «Вот я сделаю тебе дом!»

И плотник взял доски, которые были с ним, и сколотил дом, сделав его по мерке львенка, а дверь в него он оставил открытой. Он придал ему вид сундука и сделал в нем большое отверстие, над которым приделал большую крышку, а в крышке просверлил много дырок. А потом он вынул несколько остроконечных гвоздей и сказал львенку: «Войди в дом через это отверстие, чтобы я мог его примерить».

И львенок обрадовался и пошел к отверстию, но увидал, что оно узкое, а плотник сказал ему: «Войди и встань на колени передних и задних лап». И львенок сделал это и вошел в сундук, но конец его хвоста остался снаружи. И львенок хотел высунуться назад и выйти, но плотник сказал ему: «Не торопись и подожди, пока я посмотрю, вместит ли дом и твой хвост вместе с тобою». И львенок послушался, и плотник свернул хвост львенка и запихал его в сундук, и, быстро наложив крышку на отверстие, приколотил ее.

И львенок закричал: «О плотник, что это за узкий дом ты мне сделал! Дай мне из него выйти!»— «Не бывать, не бывать! Не поможет раскаяние в том, что миновало! Ты не выйдешь отсюда! — отвечал плотник, и потом он засмеялся и сказал львенку:— Ты попал в клетку, и нет для тебя спасенья из тесной клетки, о самый гадкий из зверей»— «О брат мой, что это за речи ты ко мне обращаешь?»— сказал львенок, а плотник отвечал: «Знай, собака пустыни, что ты попался туда, куда боялся, и судьба тебя туда бросила, и не поможет тебе осторожность».

И когда львенок услышал его слова, о сестрица, он понял, что это сын Адама, от которого его предостерегал наяву его отец и во сне голос. И я тоже уверилась, что это он, наверное и без сомнения. И я испугалась великим испугом и отошла от него немного, высматривая, что он сделает со львенком. И я увидела, о сестрица, что сын Адама вырыл яму в том месте, недалеко от сундука, где был львенок, и кинул его туда, а сверху он набросал хворосту и поджег его огнем. И мой страх, о сестрица, стал велик, и я уже два дня бегу от сына Адама и боюсь его».

РАССКАЗ О ГАЗЕЛЕНКЕ И ПАВЕ

И когда пава услышала от гусыни эти слова...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СОРОК СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто сорок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда пава услышала от гусыни эти слова, она крайне удивилась и сказала: «О сестрица, ты в безопасности от сына Адама, так как мы на острове из морских островов, к которому не пройти сыну Адама. Оставайся же у нас, пока не облегчит Аллах и твою и нашу участь».— «Я боюсь, что меня поразит поражающий, и от того, что суждено, не освободится убегающий!»— сказала гусыня. Но пава молвила: «Живи у нас, ты такая же, как и мы».

И она до тех пор уговаривала гусыню, пока та не села и не сказала: «О сестрица, ты знаешь, как мала моя стойкость, и если бы я тебя не увидела здесь, я бы не села». И пава сказала: «Если что-нибудь у нас написано на лбу, мы испытаем это сполна, и если приблизится наш срок, то кто нас вызволит? Не умрет душа, пока не исчерпает свой надел и не пройдет назначенный ей срок».

И пока они разговаривали так, вдруг поднялась пыль, и гусыня закричала и спустилась на море, говоря «Остерегайся, остерегайся, даже если не убежишь от судьбы и приговора!».

И через минуту пыль рассеялась, из-за нее появился газеленок, и гусыня с павой успокоились, и пава сказала: «О сестрица, то, что ты увидела и чего остерегалась,— газеленок. Вот он подходит к нам, и нет нам от него беды, так как газель ест только травы, растущие на земле, и как ты из породы птиц, так и он из породы зверей. Успокойся же и не будь озабочена: забота истощает тело».

И не закончила еще пава своих слов, как газеленок уже достиг их, ища тень под сенью дерева, и, увидев паву и гусыню, он приветствовал их и сказал им: «Я пришел сегодня на этот остров, и не видал я земли более плодородной и лучшего жилья». И он предложил птицам быть вместе и подружиться с ними. И когда пава и гусыня увидели, как он любит их, они проявили

к нему ласку и пожелали дружить с ним, и дали друг другу в этом верные клятвы. И стали они жить в одном жилище и есть одну пищу, и вместе пить.

И жили они в безопасности и ели, и пили, пока не прошел мимо них корабль, заблудившийся в море, и корабль пристал близко от них, и люди вышли и рассеялись по острову. И они увидели газеленка, паву и гусыню, собравшихся вместе, и направились к ним. И пава, увидя их, забралась на дерево и потом полетела по воздуху, а газеленок умчался в пустыню, гусыня же осталась стоять остолбеневшая, и ее ловили, пока не поймали. И она закричала: «Не помогла мне осторожность против судьбы и приговора!» И люди унесли ее на свой корабль.

А когда пава увидала, что случилось с гусыней, она покинула этот остров, говоря: «Я вижу, что бедствия высматривают всякого, и если бы не этот корабль, не пришлось бы мне расстаться с этой гусыней, которая была из лучших моих друзей»

И пава улетела и встретилась с газеленком, и тот приветствовал ее и поздравил со спасением, и спросил про гусыню, и пава ответила: «Ее захватили враги, и я не хотела оставаться на этом острове после нее». И она заплакала о разлуке с гусыней и произнесла:

День разлуки в куски порвал мое сердце,
Пусть же сердце порвет Аллах дня разлуки.

И еще она сказала такой стих:

Хотела бы я, чтоб близость опять вернулась,
Сказала б я ей, что сталось со мной в разлуке.

И газеленок огорчился великим огорчением и уговорил паву не улетать. И они с газеленком остались жить в безопасности и ели, и пили, но только все время грустили о разлуке с гусыней.

И газеленок сказал однажды паве: «О сестрица, я понял, что те, кто сошли к нам с корабля, виновники нашей разлуки и гибели гусыни. Берегись же их и остерегайся коварства и обмана сыновей Адама». И пава ответила: «Я твердо знаю, что гусыня погибла лишь оттого, что перестала хвалить Аллаха. А ведь говорила ей: «Боюсь за тебя, потому что ты бросила славословие, ибо все, что сотворено Аллахом, хвалит его, а кто пренебрегает славословием — будет наказан гибелью».

И газеленок, услышав слова павы, воскликнул: «Да сделает Аллах прекрасным твое лицо!» — и принялся славить Аллаха,

не переставая ни на минуту. А говорят, что славословье газеленка такое: «Хвала судящему, обладателю могущества и власти!»

РАССКАЗ О ГОЛУБЯХ И БОГОМОЛЬЦЕ

Случилось, что какой-то богомолец поклонялся богу на одной горе, а на этой горе ютилась чета голубей. И богомолец делил свою пищу на две половины...»

Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СОРОК ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто сорок восьмая ночь, она сказала. «Дошло до меня, о счастливый царь, что богомолец делил свою пищу на две половины, и половину он назначал для себя, а половину — для той четы голубей. И богомолец молился, чтобы у них было большое потомство, и потомство их умножилось, и голуби стали ютиться только на той горе, где был богомолец. А причиною пребывания голубей вместе с богомольцем было то, что голуби много хвалят Аллаха. И говорят, что голуби кричат при славословье: «Хвала творцу тварей, дающему пропитание, воздвигшему небеса, простершему земли!»

И чета голубей пребывала со своим потомством в приятнейшей жизни, пока богомолец не умер. И тогда расстались голуби, бывшие вместе, и рассеялись по городам, селениям и горам.

РАССКАЗ О БОГОМОЛЬЦЕ И АНГЕЛЕ

Говорят, что где-то в горах жил один человек — пастух, и обладал он верою, разумом и воздержанностью. И были у него овцы, которых он пас, пользуясь их молоком и шерстью. А на той горе, где ютился пастух, было много деревьев, пастбищ и львов, и эти звери не имели силы против пастуха и его овец. И он жил на этой горе спокойно, не заботясь с мирских делах,

так как он был счастлив и предавался молитве и поклонению творцу.

И предопределил ему Аллах заболеть сильной болезнью, и тогда этот богомолец вошел в пещеру на горе, а овцы днем выходили на пастбище и к ночи возвращались в пещеру. И Аллах великий захотел испробовать этого пастуха и испытать его послушанье и стойкость, и послал к нему ангела. И ангел вошел к нему в образе прекрасной женщины и сел перед ним.

И когда пастух увидал женщину, которая сидела возле него, волосы поднялись на его теле, и он спросил: «О женщина, что побудило тебя прийти сюда? Мне нет до тебя никакого дела, и между мною и тобою нет ничего».

— О человек,— ответила она,— не видишь ты разве, как красива я и прелестна и как хорошо от меня пахнет? Иль ты не знаешь, что нужно женщинам от мужчин и мужчинам от женщин? Что же удерживает тебя, когда я избрала твою близость и мне любезно единение с тобой? Я пришла к тебе послушная и не буду тебе отказывать, и нет возле нас человека, которого бы мы боялись. Я хочу остаться с тобой, пока ты пребываешь на этой горе, и буду тебе подругой. И я предлагаю тебе себя потому, что ты нуждаешься в услугах женщины. И если ты познаешь меня, пройдет твоя болезнь и вернется к тебе здоровье, и ты будешь раскаиваться, что избегал близости к женщинам в прежней твоей жизни. Я дала тебе добрый совет; прими же его и приблизься ко мне».

«Уходи от меня, о женщина, о коварная обманщица!— вскричал пастух.— Я не доверяю тебе и не подойду к тебе, и нет мне нужды быть с тобою близким и познать тебя, ибо тот, кто пожелает тебя, отказывается от другой жизни, а кто желает другой жизни, тот откажется от тебя, так как ты искушала первых и последних. Аллах великий наблюдает за своими рабами, и горе тому, кто будет испытан общением с тобой!»

И женщина отвечала: «О ты, что сбился с прямой дороги и потерял верный путь, обрати ко мне свое лицо и взгляни на мои прелести и воспользуйся моей близостью, как делали мудрецы, бывшие раньше тебя. Они были более опытны, чем ты, и правильнее тебя мыслили, но все же не отвергли, как отверг ты, наслаждения женщинами. Напротив, они стремились познать женщин и сблизиться с ними, а ты отказался от этого. И не ухудшило это их веры и земной жизни. Отступись же от твоего мнения и восхвалишь последствия этого».

И пастух сказал: «Все, что ты говоришь, я отрицаю и ненавижу, и все, что ты высказываешь, я отвергаю, ибо ты коварная обманщица, и нет для тебя ни обета, ни верности. Сколько затаила ты мерзости под твоей красотой, сколько праведников ты искушала, и было последствием дела их раскаяние и погибель. Отступись же от меня, о ты, для кого благо в порче других!» И он натянул на лицо плащ, чтобы не видеть ее лица, и предался поминанию своего господа, и когда ангел увидел, как прекрасна его покорность, он вышел от него и поднялся на небо.

А поблизости от пастуха находилось селение, где был человек из праведников, который не знал, где обитает пастух. И он увидел во сне, что кто-то как будто говорит ему: «Близко от тебя, в таком-то месте, живет праведный человек, иди к нему и будь покорен его приказу».

И когда наступило утро, праведник вышел, направляясь к нему, и зной усилился над ним, и он пришел к дереву, возле которого бежал источник воды, и, присев там, стал отдыхать под тенью этого дерева. И вдруг звери и птицы пришли к этому источнику, чтобы напиться, но, увидав спящего богомольца, они побежали от него и умчались назад, и тогда богомолец воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Я могу отдохнуть здесь, лишь причиняя вред этим птицам и зверям».

И он поднялся и говорил, укоряя себя: «Сегодня этим животным помешало то, что я сидел в этом месте! Какое же оправданье у меня перед моим творцом и творцом этих зверей и птиц? Я ведь стал причиной того, что они убежали от водопоя и от своего надела и пастбища! О, стыд мой перед господом в день, когда он воздаст рогатой овце за безрогую!» И он заплакал и произнес такие стихи:

Аллахом клянусь, коль люди могли бы видеть,
К чему рождены — не спали б они беспечно!

Умрут, воскреснут и на суд сойдутся,
Затем — угрозы и великий ужас.

А мы, веленья и запреты слыша,
Спим наяву, как отроки в пещере[1].

[1] Намек на легенду корана о семи спящих отроках, в которой рассказывается о том, как семь юношей, обитателей языческого города, верные единому богу, скрываются в пещере. Аллах низводит на них сон, продолжающийся триста девять лет.

И он заплакал о том, что сидел под деревом и не дал птицам и зверям пить, и пошел, и странствовал наугад, пока не пришел к пастуху. И, войдя к нему, он приветствовал его, и пастух ответил на его приветствие и обнял его, и заплакал. «Что привело тебя в это место, куда никто из людей ко мне не входит?»— спросил он богомольца, и тот ответил: «Я увидел во сне кого-то, кто описал мне твое обиталище и велел мне к тебе отправиться и приветствовать тебя, и я пришел к тебе, последовав тому, что мне было приказано».

И пастух принял праведника, и его душе была приятна дружба с ним, и они жили на горе, поклоняясь Аллаху в этой пещере, и прекрасно было их поклонение. И они пребывали в этом месте, поклоняясь своему господу, и питались мясом овец и их молоком, не имея ни богатства, ни сынов, пока не пришла к ним несомненная истина, и вот конец рассказа о них».

«О Шахразада,— сказал тут царь,— ты лишила меня желания властвовать и заставила меня раскаяться в том, что я совершил, убив женщин и девушек. Знаешь ли ты какие-нибудь рассказы о птицах?» И она ответила: «Да!»

РАССКАЗ О ВОДЯНОЙ ПТИЦЕ И ЧЕРЕПАХЕ

Рассказывают, о счастливый царь, что одна птица полетела и поднялась ввысь, а затем опустилась на скалу посреди воды, а вода была текучая. И птица стояла и вдруг увидела труп человека, который вода привлекла и прибила к той скале, а труп распух и поднялся на поверхность воды. И водяная птица приблизилась к нему и увидала, что это труп сына Адама, и нашла на нем следы ударов мечами и разящими копьями. И сказала себе водяная птица: «Думаю, что этот убитый был злым, и соединились против него люди и убили его, и избавились от него и от его зла».

И водяная птица недоумевала и дивилась, и когда она так стояла, вдруг ястребы и орлы окружили этот труп со всех сторон, и водяная птица, увидя это, опечалилась сильной печалью и воскликнула: «Нет мне терпенья пребывать здесь!» И она улетела, ища места, где бы приютиться до тех пор, пока этот труп не изчезнет, и хищные птицы не уйдут от него.

И так она летала, пока не увидела поток, посреди которого росло дерево. И птица опустилась на него, огорченная, грустная и печальная из-за разлуки с родными местами, и думала: «Печали непрестанно преследуют меня! Я успокоилась, когда увидала труп, и сильно обрадовалась, и сказала: «Вот пропитание, которое послал мне Аллах!» Но стала радость моя огорчением, а веселье заботой и печалью. И взяли у меня труп хищные птицы и растерзали его, и преградили мне путь к нему. Так, как же я могу надеяться избежать горестей в этой жизни и довериться ей? Ведь говорится в поговорке: «Здешная жизнь — дом того, у кого нет дома». Обманут жизнью тот, кто лишен разума и доверяет ей богатство и детей своих, и семью свою, и друзей своих, и не перестает обманутый ею кичливо ходить по земле, пока не окажется он под нею и не посыплет его прахом самый дорогой для него и ближайший к нему человек. И нет для мужа ничего лучшего, чем стойкость в заботах и кознях жизни... Я покинула свое жилище и родные места, не желая расстаться с братьями, любимыми и друзьями».

И когда птица размышляла, вдруг подошла черепаха-самец и спустилась в воду, и, приблизившись к водяной птице, приветствовала ее, и спросила: «О госпожа, что отстранило и удалило тебя от родного места?»—«То, что там поселились враги; нет терпенья разумному вынести соседство с врагом своим,— отвечала птица.— Как прекрасны слова одного из поэтов:

Тяжелый сосед когда поселится к людям,
Несчастным тогда возможно одно — уехать.

«Если дело обстоит так, как ты описала, и положение таково, как ты сказала,— молвила черепаха,— то я всегда буду рядом с тобою и не покину тебя, и стану исполнять твои желания, и во всем служить тебе. Ведь сказано: «Нет тоски сильнее, чем тоска чужеземца, оторванного от семьи и родины»; и еще говорится: «С разлукою с праведными не сравнится никакое бедствие». И лучшее, чем может разумный утешить свою душу,— дружба на чужбине и стойкость в беде и горести. И я надеюсь, что ты восхвалишь мою дружбу с тобою, и я стану тебе слугой и помощником».

Услышав слова черепахи, водяная птица ответила ей: «Ты права в том, что сказала, и, клянусь жизнью, я чувствовала после разлуки боль и заботу, когда была далеко от своих мест и рассталась с близкими и друзьями. Поистине, в разлуке на-

зидание для тех, кто поучается, и она наводит на размышление тех, кто размышляет, и если не найдет молодец друзей, которые его утешат, покинет добро его навсегда и укрепится зло навеки. И не останется для разумного ничего другого, как утешаться с друзьями от забот во всех случаях, и постоянно хранить терпение и стойкость, это два похвальных качества, помогающие против несчастья и превратностей судьбы и прогоняющие при всяком деле страх и печаль».— «Берегись печали,— сказала ей черепаха,— она испортит тебе жизнь и уничтожит твое мужество».

И они продолжали разговаривать друг с другом и водяная птица сказала черепахе: «Я все время боюсь превратностей судьбы и ударов случая». И черепаха, услышав слова водяной птицы, подошла к ней, поцеловала ее между глаз и сказала: «Племя птиц всегда получает благословение из-за тебя и узнает добро, советуясь с тобою; почему же ты несешь заботы и несчастье?»

И она до тех пор старалась рассеять страх водяной птицы, пока та не успокоилась, а потом водяная птица полетела туда, где был труп, и, достигнув того места, не увидала там ни хищных птиц, ни трупа — одни только кости. И она возвратилась и рассказала черепахе об уходе врага из тех мест и молвила: «Знай, я хочу вернуться на свое место, чтобы насладиться жизнью с друзьями, ибо нет терпения у разумного быть в разлуке с родиной».

И они пришли в то место и не нашли там ничего внушающего страх, и водяная птица произнесла:

Ведь не мало бед будут юноше слишком тягостны,
Но Аллах хранит у себя от них спасенье.

И теснят они, но когда захватят кольца их,
Вдруг придет спасенье, хоть думал я, что спасенья нет.

И обе зажили на этом острове. И водяная птица была радостна и спокойна и вдруг прислала к ней судьба голодного сокола, и он ударил ее один раз когтем в живот и убил, и не помогла ей осторожность, когда кончился срок.

И причина ее гибели в том, что она пренебрегла славословием. И говорят, что она славословила так: «Хвала господу нашему за то, что он обогатил и сделал бедным». Вот каков рассказ о водяной птице и хищных птицах».

«О Шахразада,— сказал царь,— своим рассказом ты прибавила мне наставлений и назиданий. А есть ли у тебя какие-нибудь рассказы о зверях?»

РАССКАЗ О ЛИСИЦЕ И ВОЛКЕ

И Шахразада сказала: «Да! Знай, о царь, волк и лисица поселились в одной норе и ютились там вместе, и проводили там ночи, и волк притеснял лисицу. И они провели так некоторое время.

И случилось, что лисица посоветовала волку быть мягче и бросить дурное и сказала ему: «Знай, если ты будешь продолжать твои преступления, Аллах, может быть, отдаст тебя во власть сыну Адама, а он хитер, злокознен и коварен, и ловит птиц в воздухе, и рыб в воде, и рубит горы и переносит их с места на место, и все это по своей хитрости и коварству. Будь же мягок и справедлив и оставь зло и преступление—это будет приятнее для твоей жизни».

И волк не принял ее слов и ответил ей грубо и сказал: «Что это ты рассуждаешь о больших и значительных делах!» И потом он ударил лисицу таким ударом, что она упала без памяти. А очнувшись, она засмеялась волку в морду и принялась перед ним извиняться за дурные речи, и сказала ему такие два стиха:

Коль раньше грех свершила с вами я,
Любя вас, и дурное сделала,

Я раскаялась в том, что сделала, и прощение
Вы даруйте злому, коль явится с повинной он.

И волк принял извинения лисицы и перестал на нее злиться, и сказал: «Не говори о том, что тебя не касается: услышишь то, что тебе не понравится...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СОРОК ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

И когда же настала сто сорок девятая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что волк сказал лисице: «Не говори о том, что тебя не касается: услышишь то,

что тебе не понравится». И лисица ответила: «Слушаю и повинуюсь! Я далека от мысли, чтобы говорить то, что тебе не нравится. Ведь сказал мудрец: «Не говори о том, о чем тебя не спрашивают, и не отвечай на то, к чему тебя не зовут. Оставь то, что тебя не касается, для того, что тебя касается, и не расточай дурным дружеских советов — они воздадут тебе за это злом».

Однако, когда лисица слушала слова волка, она улыбнулась ему в морду, но затаила против него коварство и подумала: «Я непременно постараюсь быть виновницей гибели этого волка!»

И она терпела от волка обиды и говорила в душе: «Поистине, наглость и клевета будут причиной гибели и ввергнут в сети затруднений. Ведь сказано: «Кто нагл, тот теряет, кто невежда, тот раскаивается, а кто страшится — спасается». Справедливость — черта благородных, и мужество — почетнейшее стяжение. Мне следует быть обходительной с этим преступником: он неизбежно будет повергнут».

И потом лисица сказала волку: «Господь прощает рабу согрешившему и принимает раскаяние раба своего, если он совершил грехи. Я слабый раб и, советуя, причинила тебе обиду, но если бы ты знал, какая мне досталась боль от твоей пощечины, ты бы наверное понял, что и слон ее не вынес бы и не мог бы ее стерпеть. Но я не жалуюсь на боль от этой пощечины из-за той радости, которую она мне доставила, ибо, хотя она и привела меня к великому страданию, последствия его были радостны. Сказал мудрец: «Удар учителя сначала очень тяжел, но потом он слаще очищенного меда».

«Я простил твой грех и извинил твою оплошность,— сказал волк.— Остерегайся моей силы и проявляй ко мне рабскую преданность. Ты узнала, как я подчиняю себе тех, кто со мной враждует». И лисица пала ниц перед волком и воскликнула: «Да продлит Аллах твою жизнь, и да подчинишь ты себе тех, кто с тобою враждует!» И она продолжала бояться волка и была с ним обходительна и услужлива.

И однажды лисица пришла к винограднику и увидела в стене брешь. Эта брешь показалась лисице подозрительной, и она сказала: «Поистине, тому, что здесь брешь, наверное есть причина! Говорится в поговорке: «Кто увидит в земле щель и не отойдет в сторону, опасаясь приблизиться к ней, тот обольщен самим собою и подвергает себя гибели». Известно, что некоторые люди делают в винограднике изображение лисицы и даже

ставят перед ним виноград на блюде, чтобы увидала это лисица и подошла бы к изображению и попала бы в беду. Я вижу в этой бреши ухищрение, а пословица говорит: «Осторожность — половина ловкости». А осторожность в том, чтобы мне понаблюдать за этой брешью и посмотреть: может быть, я найду возле нее уловку, приводящую к гибели. И пусть не побудит меня жадность ввергнуть себя в погибель».

И лисица подошла к отверстию и осторожно обошла вокруг него, со вниманием его рассматривая. И оказалось, что это большая яма, которую вырыл хозяин виноградника, чтобы ловить туда зверей, которые портят виноградники. И лисица сказала: «Ты получила то, на что рассчитывала! Она увидала, что яма покрыта чем-то тонким и мягким, и отошла от нее, говоря: «Слава Аллаху, что я ее остереглась, и я надеюсь, что в нее упадет мой враг, волк, который сделал горестной мою жизнь. И тогда виноградник освободится, и я буду в нем одна и независима и заживу там безопасно». И лисица потрясла головой и громко засмеялась, и произнесла:

Если б мне теперь увидеть
  Злого волка в этой яме!

Долго он смущал мне сердце
  И поил насильно горьким.

Если б я жива осталась
  И окончилась жизнь волка,

Виноградник опустел бы,
  И нашла б я в нем добычу.

А окончив эти стихи, она пустилась поскорее бежать и, придя к волку, сказала ему: «Аллах облегчил для тебя доступ в виноградник без труда, и это из-за твоего счастья. На здоровье тебе то, что Аллах послал тебе и помог без труда овладеть этой дозволенной добычей и обильным уделом».— «А что указывает на то, о чем ты говоришь?— спросил волк лисицу. И она ответила: «Я пришла к винограднику, и оказалось, что его владелец умер и его растерзали волки, и я вошла в сад и увидела, что плоды созрели на деревьях».

И волк не усомнился в словах лисицы, и его охватила алчность, и он поднялся и пришел к расщелине, и жадность обманула его. А лисица лежала распластавшись, как мертвая, и она произнесла такой стих:

Желаешь сближения с Лейлой[1], но подлинно
Склоняют желания достойных мужей главу.

И когда волк пришел к расщелине, лисица сказала ему: «Войди в виноградник, ты избавлен от нужды взбираться и рушить стену сада. Аллаху принадлежит завершение милости!» И волк пошел, желая войти в виноградник, и, дойдя до середины прикрытия над ямой, провалился в нее. И лисица сильно задрожала от радости и веселья, и прошли ее горести и печали, и она затянула напев и произнесла такие стихи:

Смягчилось время в беде ко мне.
Оно сжалилось, ведь горю давно.

И досталось мне, что хотела я,
И исчезло то, что страшит меня.

Я простить готова грехи все те,
Что свершил твой враг уж давно со мной.

Для волка ныне спасенья нет
От несчастий этих губительных.

В винограднике я одна теперь,
И мне глупых в нем нет товарищей.

И она поглядела в яму и увидала, что волк плачет, раскаиваясь и печалясь о себе, и заплакала вместе с ним, и тогда волк поднял голову к лисице и спросил ее: «Из жалости ли ко мне ты плачешь, о Абу-ль-Хосейн?»[2] — «Нет, клянусь тем, кто бросил тебя в эту яму,— ответила лисица.— Я плачу о том, что ты прожил долгую жизнь раньше этого, и печалюсь, что ты не упал в эту яму раньше сегодняшнего дня. И если бы ты упал в нее раньше, чем я с тобой встретилась, я была бы спокойна и отдыхала бы, но ты был пощажен до определенного срока и известного времени».

И волк сказал как бы шутя: «О поступающий дурно, пойди к моей матушке и расскажи ей, что со мною случилось. Может быть, она придумает, как меня освободить». Но лисица ответи-

[1] Лейла (ночь) — имя возлюбленной Кайса, прозванного «Меджнун» (бесноватый). Легенда об их любви очень популярна на Востоке; она легла в основу поэмы «Лейли и Меджнун» великого азербайджанского поэта Низами.

[2] Абу-ль-Хосейн — буквально: «Отец маленькой крепости» — прозвище лисицы.

ла: «Тебя погубила твоя сильная жадность и великая алчность. Ты упал в яму, из которой никогда не спасешься. Разве не знаешь ты, о невежественный волк, что говорит сказавший ходячую поговорку: «Кто не думает о последствиях, тому судьба не друг и не в безопасности он от гибели».

«О Абуль-ль-Хосейн,— сказал волк,— ты проявил любовь ко мне и хотел моей дружбы, и боялся моей мощи и силы. Не храни на меня злобы за то, что я с тобой сделал: ведь кто властен и прощает, награда тому у Аллаха. И поэт сказал:

Посей же ты доброе, хоть места и нет ему.
Напрасным добру не быть, куда б ни сажать его.

Поистине, доброе, хоть долго растет оно,
Пожнет только тот, кто сам посадил его.

Но лиса сказала: «О глупейшее из животных, о дурак среди зверей пустыни, забыл ты, как ты притеснял меня и был горд и превозносился? Ты не соблюдал обязанностей дружбы и не внял словам поэта:

Не будь же обидчиком, коль властен и мощен ты,
Ведь близко к обидчику граница возмездия.

Коль дремлют глаза твои — обиженный бодрствует:
Зовет на тебя он месть, а око творца не спит».

«О Абу-ль-Хосейн,— сказал волк,— не взыщи с меня за прежние грехи: прощенья ищут у благородных и содеяние добра — лучшее из сокровищ. Как прекрасны слова поэта:

Спеши сотворить добро, когда только властен ты,
Не всякий ведь будешь миг на доброе властен ты».

И волк продолжал унижаться перед лисицей и говорил ей: «Может быть, ты можешь чем-нибудь спасти меня от гибели?» Но лисица отвечала ему: «О глупый волк обольщенный, коварный обманщик, не желай спасения — это воздаяние и месть за твои скверные поступки». И она смеялась, оскалив зубы, и произнесла такие два стиха:

Не надо обманов больше,
Желанного не достигнешь.

Что хочешь ты — невозможно,
Ты сеял — пожни же гибель.

И волк сказал: «О кроткая среди животных, я слишком доверяю тебе, чтобы ты оставила меня в этой яме». И он стал плакать и жаловаться, и пролил из глаз слезы, и произнес такие два стиха:

О ты, кто десницу мне не раз уж протягивал,
О тот, чьих подарков ряд исчислить числом нельзя,

Как только превратностью судьбы поражен я был,
Всегда находил твою я руку в своей руке.

«О глупый враг,— сказала лисица,— как ты дошел до мольбы, смирения, унижения и покорности после гордости, заносчивости, несправедливости и притеснения? Я дружила с тобой, страшась твоей вражды, и льстила тебе, только желая от тебя милости, а теперь тебя поразило наказание и постигла тебя месть». И она произнесла такое двустишие:

О ты, теперь стремящийся к обману,
Как скверно думал ты, так и попался.

Вкуси же беду от горьких испытаний
И будь с волками вечно в одном стаде.

«О кроткая,— взмолился волк,— не говори языком враждебных, не взирай их глазами. Будь верна обету дружбы со мною, пока не минует время встречи. Пойди и раздобудь мне веревку и один край ее привяжи к дереву, а другой край спусти ко мне, и я уцеплюсь за веревку и, может быть, спасусь от того, что меня постигло. Я отдам тебе все сокровища, какими обладают мои руки». Но лисица сказала: «Ты уж много раз говорил о том, что не даст тебе спасения. Ты не получишь от меня ничего. Вспомни, какое зло ты совершал прежде и какие затаил обманы и козни. А теперь ты близок к тому, чтобы быть побитым камнями. Знай что душа твоя покидает этот мир и оставляет его, и уходит из него, а потом ты отправишься туда, где гибель и обитель зла, и плохое то будет жилище!»

«О Абу-ль-Хосейн,— сказал волк — пусть возвратится наша дружба, и не упорствуй в ненависти и злобе. Знай: кто спас душу от гибели, тот оживил ее, а кто оживил душу, тот как бы оживил всех людей. Не стремись к притеснению — мудрые запрещают это. И нет притеснения более явного, чем то, что я нахожусь в этой яме, глотаю горечь смерти и вижу гибель. Ты мо-

жешь освободить меня из сетей затруднения: будь же щедра, освободи меня и сделай мне добро».

«О жестокий и грубый,— сказала ему лисица,— я сравниваю твои хорошие слова и заявления с твоими дурными намерениями и поступками и уподобляю тебя соколу с куропаткой».— «А как это было?»— спросил волк.

И лисица сказала: «Однажды я вошла в виноградник, чтобы поесть винограду, и, будучи там, увидела сокола, который ринулся на куропатку, и когда он вцепился в куропатку и поймал ее, куропатка вырвалась от него и, уйдя в свое гнездо, спряталась там. И сокол последовал за ней и крикнул ей; «О глупая, я увидал тебя голодную и пожалел тебя, и подобрал тебе зерен в пустыни, и я для того схватил тебя, чтобы ты поела. А ты убежала от меня, и я вижу, что твое бегство принесет тебе только лишения. Покажись же, возьми зерна, которые я тебе принес, и поешь их на здоровье и на пользу».

И, услышав речи сокола, куропатка поверила ему и вылетела, а сокол вонзил в нее когти и крепко захватил ее ими.

И куропатка спросила: «Это и есть то, что ты, как говорил, принес мне из пустыни? И ты еще сказал: «Ешь на здоровье и на пользу!» Ты солгал мне. Да сделает Аллах мое мясо, которое ты съешь, убийственным ядом в твоем животе». И когда сокол съел куропатку, у него попадали перья, и силы его ослабели, и он тотчас же умер.

«Знай же,— продолжала лисица, кто роет своему брату колодец, скоро сам упадет в него. А ты обманул меня сначала».

И волк отвечал лисе:— «Брось говорить такие слова и приводить поговорки, и не напоминай мне о скверных делах, которые я делал прежде. Довольно с меня и того дурного, что со мною случилось: я попал в такое место, что меня пожалеет и враг, а не только друг. Придумай же для меня хитрость, что бы я выбрался отсюда, и окажи мне в этом помощь, а если это тебе трудно, то ведь друг выносит ради друга самый тяжелый труд и подвергает опасности свою душу, чтобы спасти его от гибели. Говорится же: заботливый друг лучше единоутробного брата. И если ты найдешь средство спасти меня и я спасусь, право, я соберу для тебя припасы, которые будут тебе защитою, а потом научу тебя диковинным хитростям, которыми ты откроешь себе изобильные виноградники и сорвешь плоды плодоносных деревьев. Успокой же душу и прохлади глаза!»

Но лисица сказала ему, смеясь: «Как хорошо, что мудрецы предупредили о таких глупых, подобных тебе!»

И волк спросил: «А что же сказали мудрецы?»

И лисица ответила: «Мудрецы говорят, что у кого грубое тело и грубая натура, тот далек от разума и близок к невежеству. А что до твоих слов, о самообольщенный, коварный и грубый, что друг переносит затруднения, чтобы выручить друга, то они правильны, как ты и сказал. Но они показали мне, что ты невежествен и малоумен: как я могу быть тебе другом, когда ты меня обманывал? Разве ты считал меня другом, когда я была твоим злорадным врагом? Эти слова страшнее удара стрелой, если ты поразмыслишь. А что касается твоих слов о том, что ты дашь мне припасы, которые будут мне защитой, и научишь меня хитростям, которые приведут меня в плодородные виноградники и помогут мне оборвать плодоносные деревья, то почему, о вероломный обманщик, ты не придумаешь для себя хитрости, чтобы избавиться от гибели?

Как ты далек от того, чтобы быть самому себе полезным, и так я далека от того, чтобы принять твои дружественные слова. Если ты знаешь хитрость, то ухитрись избавить себя от этого дела, от которого и прошу Аллаха тебя подольше не спасать.

Ну подумай же, о глупец: ведь если у тебя есть хитрость, то избавь себя от смерти, а не поучай других. Но ты подобен человеку, которого поразила болезнь и к которому пришел человек, больной такой же болезнью, чтобы лечить его. И пришедший спросил: «Не хочешь ли, я тебя вылечу от твоей болезни?» — а первый сказал ему: «А не начать ли тебе лечение с себя самого», — и пришедший оставил его и ушел. И ты, о глупый волк, такой же. Будь на своем месте и терпи то, что тебя постигло».

Услышав слова лисицы, волк понял, что ему не будет от нее добра, и заплакал о себе, и сказал: «Я был небрежен к тому, что делал, но если Аллах избавит меня от этой горести, я раскаюсь, что притеснял тех, что слабее меня, и оденусь в шерстяное рубище[1], и поднимусь на гору, поминая Аллаха великого и боясь его наказания, и отстранюсь от всех зверей, и стану кормить бойцов за веру и бедняков».

---

[1] Шерстяное рубище — одежда, типичная для мусульманских мистиков — суфиев.

И он принялся рыдать и плакать, и сердце лисицы смягчилось, и когда она услышала его мольбы и слова, указывающие, что он раскаялся в своих преступлениях и гордости, ее взяла жалость. И лисица подпрыгнула от радости и стала на краю ямы, а потом она села на задние лапы и опустила хвост в яму, и тогда волк поднялся и, протянув лапу к хвосту лисицы, потянул ее к себе, и она оказалась вместе с ним в яме.

«О безжалостная лисица,— сказал тут волк,— как ты могла злорадствовать обо мне, раз ты была со мной в дружбе и под моей властью? А теперь ты попала со мной в яму, и наказание спешит к тебе. Сказали мудрецы: «Если кто из вас поносит своего брата за то, что тот сосет собаку, наверное сам будет сосать ее». А как прекрасны слова поэта:

Когда судьба идет на людей с войсками,
К другим, чтоб бежать, верблюдов она приводит.

Скажите же тем, злорадствует кто: «Очнитесь!
Что вынесли мы, то вам претерпеть придется».

А смерть в толпе — лучшее дело, и я ускорю твою смерть раньше, чем ты увидишь мою смерть».

И лисица сказала себе: «Ах, ах, я попалась вместе с этим притеснителем, и в таком положении необходимо коварство и обман! Говорят ведь: «Женщина готовит свой убор для дня праздника», и пословица гласит: «Я приберег тебя, о слезинка, на случай беды!» Если я не изловчусь с этим жестоким зверем, я погибну, несомненно. А как хороши слова поэта:

Живи обманом — теперь пора,
Сыны которой как львы в берлоге,

Открой же трубы коварства ты,
Чтоб в ход пошли колеса жизни,

И срывай плоды, а не будет их,
Так довольствуйся ты травой сухою».

И лисица сказала волку: «Не торопись убивать меня — не таково воздаяние мне, и ты раскаешься, о могучий зверь, обладатель мощи и сильной ярости. А если ты подождешь и внимательно рассмотришь то, что я тебе расскажу, ты узнаешь, к какой я стремилась цели. Если же ты поторопишься меня убить, тебе ничего не достанется, и мы оба умрем здесь».—«О коварная обманщица, а чем ты надеешься спасти меня и себя,

что просишь отсрочить твою смерть? Осведоми меня и расскажи мне, к какой цели ты стремишься!»— воскликнул волк.

И лисица сказала: Что касается цели, к которой я стремлюсь, то тебе не должно воздать мне за нее хорошим: когда я услышала, что ты обещаешь и признаешь свою былую вину и печалишься о том, что прежде не раскаялся и не делал добра, и узнала, что ты дал обет, если спасешься, не обижать друзей и прочих, перестать есть виноград и другие плоды, постоянно быть смиренным, обрезать себе когти и обломать клыки, одеться в шерсть и приносить жертву Аллаху великому,— тогда меня взяла жалость к тебе, так как лучшее слово — самое правдивое.

Я желала твоей гибели, но когда услышала, что ты раскаялся и дал такие обеты, если Аллах спасет тебя, я сочла долгом избавить тебя от твоей беды и спустила к тебе хвост, чтобы ты за него уцепился и спасся бы. Но ты не оставил своей грубости и жестокости и не искал спасенья и мягкости. Ты так потянул меня, что я подумала, что дух из меня вышел, и мы с тобою оказались в обители смерти. Нас спасет только одна вещь, и если ты согласишься на это, мы с тобою избавимся — и я и ты. А после этого тебе следует выполнить то, что ты обещал, и я буду тебе товарищем».

«А на что я должен согласиться?— спросил волк, и лисица ответила: «Встань прямо, и я взберусь тебе на голову, так что буду почти вровень с поверхностью земли, и я прыгну и окажусь наверху. И я пойду и принесу тебе что-нибудь, за что ты зацепишься, и тогда ты спасешься».— «Я не доверяю твоим советам,— сказал волк,— так как мудрецы говорили: «Кто ставит доверие на место злобы, делает ошибку, а кто доверяет существу неверному — тот обманут». Кто испытывает уже испытанного, того постигнет раскаяние и пропадут его дни напрасно, а кто не различает разных положений, поступая в каждом из них, как должно, но действует во всех делах одним способом, у того будет мало удачи и многими будут его бедствия. А как хороши слова поэта:

Пусть всегда дурною будет мысль твоя,
Ведь дурная мысль разумней мыслей всех.

Нет беды для человека горестней,
Чем творить добро другим, веря им.

А вот слова другого:

Ты мыслей дурных держись,— лишь ими спасаешься ты.
Живет кто проснувшимся, тот мало узнает бед.

Врага ты с улыбкой встречай и приветливо,
В душе же готовь ему войска, чтоб сразиться с ним.

А вот слова третьего:

Враждебнее всех к тебе ближайший соратник твой,
Людей берегись же всех, дружи лишь с опаскою.

И ждать от судьбы добра — лишь слабость, поистине,
Так жди же дурного ты и бойся судьбы своей».

И лисица сказала волку: «Думать дурное непохвально ни в каком случае, а думать хорошее — черта совершенных, и следствие этого будет спасение от ужасов. Тебе надлежит, о волк, сделать хитрость, чтобы спастись от того, что тебя постигло, и нам вместе спастись лучше, чем умереть. Оставь дурные мысли и злобу, ибо если ты станешь доверчивым, то может быть два исхода: либо я принесу тебе что-нибудь, за что ты зацепишься и спасешься, либо я обману тебя и спасусь, а тебя оставлю. А это невозможно, так как я боюсь подвергнуться тому, чему ты подвергся, и это будет наказание за обман. Говорится ведь в поговорках: «Верность прекрасна, измена дурна». Тебе следует мне довериться, так как мне известно о превратностях судьбы. Не откладывай же, примени хитрость, чтобы освободить нас — дело слишком затянулось, чтобы вести долгие разговоры».

И волк сказал: «Хоть я и мало доверяю твоей верности, но я понял, что ты задумала и пожелала меня спасти, когда ты услышала, как я раскаиваюсь. И тогда я сказал себе: «Если она правдива в своих утверждениях, то она исправила то, что сделала скверного, а если она лжёт — то воздаяние ей у ее господа». Я соглашусь на то, что ты советуешь, и если ты меня обманешь, то обман будет причиной твоей гибели».

Потом волк встал в яме прямо и, взяв лисицу на плечи, поднял ее вровень с поверхностью земли, и лисица спрыгнула с плеч волка и выскочила на землю, а оказавшись вне ямы, она упала без чувств.

«О мой друг,— сказал волк,— не будь небрежна в моем деле и не откладывай моего избавления».

Но лисица стала смеяться и хохотать и воскликнула: «О ты, обольщенный, я попала тебе в руки только в наказание за шутки и насмешки над тобою: когда я услышала, как ты раскаиваешься, восторг и радость сделали меня мягкосердой, и я стала прыгать и плясать, и мой хвост опустился в яму, и ты потянул меня к себе, и я к тебе упала. А потом Аллах великий спас меня от тебя, и почему мне не помочь твоей гибели,— ты ведь из племени сатаны. Я вчера видела во сне, что пляшу на твоей свадьбе, и рассказала это толкователю снов, а он сказал мне: «Ты попадешь в западню и спасешься от нее». И я поняла, что, когда я попала в твои руки и спаслась — это было в соответствии с моим сном. И ты знаешь, обольщенный глупец, что я твой враг, так как же ты хочешь, по твоему малоумию и глупости, чтобы я тебя спасла, хотя ты слышал мои грубые речи? И как я буду стараться спасти тебя, когда мудрые сказали: «Смерть нечестивого — отдых людям и очищение земли». Но если бы я не боялась перенести от верности большие страдания, чем страдания от обмана, я бы наверное придумала, как спасти тебя».

Услышав слова лисицы, волк укусил себе лапу от раскаяния...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО СТА ПЯТИДЕСЯТИ

Когда же настала ночь, дополняющая до ста пятидесяти, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда волк услышал слова лисицы, он укусил себе лапу от раскаяния, а затем смягчил свои речи, видя, что это неизбежно, но никакой пользы от этого не было.

И тогда волк сказал лисице тихим голосом: «Вы, племя лисиц, говорите слаще всех и приятнее всех шутите, и это все твои шутки, но не во всякое время хорошо шутить», а лисица ответила: «О глупец, для шуток есть предел, которого не переходит тот, кто шутит. Не думай, что Аллах отдаст меня тебе, после того, как он уже спас меня из твоих рук».

«Тебе следует желать моего спасения из-за нашей прежней братской дружбы, и если ты меня спасешь, я обязательно воздам тебе добром»,— сказал волк, и лисица ответила: «Мудре-

цы говорили, «Не братайся с нечестивым глупцом — он тебя обезобразит, а не украсит, и не братайся с лжецом: если ты проявишь хорошее, он это скроет, а если проявишь злое — разгласит». И сказали мудрецы: «Для всего есть хитрость, кроме смерти,— все можно исправить, кроме испорченной сущности, и все можно отразить, кроме судьбы».

А относительно воздания, которое я, ты говоришь, заслужила от тебя, то я сравню тебя по воздаянию со змеей, убежавшей от змеелова. Один человек увидал ее испуганною и спросил: «Что с тобою, о змея?»— и она ответила: «Я убежала от змеелова, и он ищет меня: если ты спасешь меня от него и скроешь меня у себя, я воздам тебе хорошим и сделаю с тобою все доброе».

И человек взял ее, желая награды, жадный до воздаяния, и положил ее за пазуху. А когда змеелов прошел и удалился своей дорогой и то, чего змея боялась, миновало, этот человек сказал ей: «Где награда? Я спас тебя от того, чего ты боялась и остерегалась». И змея отвечала: «Скажи мне, в какой член и в какое место мне тебя ужалить — ты знаешь, что наше воздаяние не идет дальше этого». И потом она ужалила его один раз, и он умер.

И тебя, о глупец, я сравнила с той змеей и человеком. Разве не слышал ты слов поэта:

Не верь человеку ты, коль в сердце его вселил
Ты гнев, но считаешь ты, что минула ярость,

Ехидна, поистине, хоть кольца нежны ее,
Наружно мягка к тебе, но яд затаила».

И волк сказал ей: «О красноречивая, о прекрасная лицом, не забывай, кто я и как люди меня боятся. Ты знаешь, что я налетаю на крепости и обрываю виноградники,— сделай же то, что я тебе велел, и стой передо мной, как раб перед господином». Но лисица воскликнула: «О глупый и невежественный, стремившийся к тщетному, я дивлюсь, как ты глуп и тупоголов, раз ты велишь мне тебе служить и стоять перед тобой, точно я твой раб, и ты купил меня за деньги. Ты скоро увидишь, что тебя постигнет — тебе проломят голову камнями и сломают твои предательские зубы».

А потом лисица взошла на холм, возвышавшийся над виноградником, и стала кричать людям в винограднике и кричала

до тех пор, пока не разбудила их. И они заметили лисицу и поспешно, толпой, пришли к ней, и лисица стояла на месте, пока они не приблизились к ней и к яме, где был волк. А потом лисица бросилась бежать, и хозяева виноградника посмотрели в яму и, увидав там волка, принялись бросать в него тяжелые камни и до тех пор били его камнями и палками и кололи зубцами копий, пока не убили.

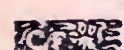
И когда они ушли, лисица вернулась к яме и остановилась у места убиения волка, и, увидав, что волк мертв, она стала качать головой от сильной радости и произнесла такие стихи:

Похитила волка жизнь судьба и взяла ее,
Далеко душа его да будет пропавшая!

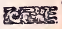
Как долго, Абу-Сирхан[1], хотел ты убить меня,
А ныне пришло к тебе несчастье, и близко так.

И в яму свалился ты, и всякий, упав в нее,
Услышит, что смерти ветр там дует порывистый.

И лисица осталась в винограднике одна, спокойная, не боясь бедствий, пока не пришла к ней смерть, и вот какова была повесть о волке с лисицей.



РАССКАЗ О МЫШИ И ЛАСКЕ



Рассказывают, что мышь и ласка жили в жилище одного крестьянина, а этот крестьянин был беден. И случилось так, что один из друзей крестьянина заболел, и врач прописал ему очищенный кунжут. Он попросил у одного из своих приятелей кунжута. И приятель дал немного кунжута этому бедному крестьянину, чтобы тот очистил его для больного. И крестьянин пришел к своей жене и велел ей приготовить кунжут, и она вымочила его, разбросала и высушила, и приготовила.

Когда ласка увидела кунжут, она подошла к нему и весь день таскала его в свою нору, пока не перенесла большую часть.

[1] Абу-Сирхан — прозвище волка, буквально: «Отец зари»; первые лучи зари арабы иногда называют: «Волчий хвост».

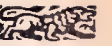
И женщина пришла и увидела, что кунжута явно убавилось, и стояла, дивясь этому, а потом она села, чтобы выследить, кто придет к кунжуту, и узнать, почему его не хватает. И ласка пришла и, увидев сидящую женщину, поняла, что та выслеживает ее, и сказала в душе: «Поистине, этот поступок будет иметь дурные последствия! Я боюсь, что эта женщина за мной следит, а кто не думает о последствиях, тому судьба не друг. Я обязательно сделаю хорошее дело, которым проявлю свою невиновность и смою все скверное, что я сделала».

И она стала выносить кунжут из своей норки и приходила и клала его к остальному кунжуту. И женщина застала ее и, увидав, что ласка так делает, сказала: «Не она виновница пропажи кунжута, так как она приносит его из норки того, кто его утащил, и кладет его на другой кунжут. Она сделала нам добро, возвратив кунжут, а тому, кто сделал добро, воздастся только добром. Но я буду следить за вором, пока он не попадется, и я узнаю, кто он».

А ласка поняла, что было в мыслях этой женщины, и отправилась к мыши, и сказала ей: «О сестрица, нет добра в том, кто не блюдет соседства и не тверд в любви». И мышь отвечала: «Да, мой друг. Благо тебе и соседству с тобой! Но какова причина этих слов?» — «Хозяин дома,— отвечала ласка,— принес кунжут, и они с семьей поели и насытились, и осталось его еще много. И все, кто имеет душу, взяли от него. А если ты тоже возьмешь кунжута, ты будешь иметь на него больше права, чем те, кто его уже взяли».

И это понравилось мышке, и она запищала и заплясала и заиграла ушами и хвостом, и ей захотелось отведать кунжута. И она тотчас же вышла из норки и увидала, что кунжут высушен и очищен и сияет белизной, а женщина сидит и наблюдает за ним, но мышь не подумала о последствиях этого дела. И женщина приготовила дубинку, а мышь не могла сдержать тебя, и забралась в кунжут и стала его есть, наслаждаясь. А женщина ударила ее дубинкой и разбила ей голову, и причиной ее смерти была жадность и пренебрежение к последствиям своего дела».

И царь сказал: «О Шахразада, клянусь Аллахом, это хороший рассказ! Знаешь ли ты рассказ о прекрасной дружбе и соблюдении ее, когда трудно избавиться от гибели?» И Шахразада ответила: «Да!»

РАССКАЗ О ВОРОНЕ И КОТЕ 

Дошло до меня, что ворон и кот побратались. А они сидели под деревом и вдруг увидели пантеру, подходившую к дереву, под которым они находились. И они заметили ее только тогда, когда она подошла близко к дереву.

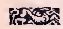
И ворон взлетел на верхушку дерева, а кот остался стоять растерянный. «О друг мой,— спросил он ворона,— знаешь ли ты какую-нибудь хитрость, чтобы освободить меня, как я на тебя надеюсь?» И ворон отвечал: «Братья прибегают к братьям только тогда, когда нужна от них хитрость, если случится дурное дело. А как хороши слова поэта:

> Тот верный друг, кто будет заодно с тобой
> И пользу принесет тебе во вред себе,
>
> И, если поразил тебя судьбы удар,
> Чтоб быть с тобою, душу растерзает он».

А близ дерева были пастухи с собаками. И ворон улетел и стал бить крыльями о землю, и каркать, и кричать, а потом он подлетел к пастухам, и ударил крылом по морде одну из собак и поднялся немного, и собаки побежали за ним, преследуя его. И пастух поднял голову и увидел, что птица летит близко от земли и падает, и последовал за нею. И ворон летел лишь настолько высоко, чтобы спастись и избавиться от собак, и побуждал их растерзать его, а потом он поднялся немного выше, и собаки следовали за ним, пока он не прилетел к дереву, под которым была пантера.

И когда собаки увидели пантеру, они прыгнули на нее, и пантера бросилась бежать; а она ведь хотела съесть кота. И этот кот спасся от нее благодаря хитрости своего друга ворона.

Эта сказка, о царь, указывает на то, что любовь искренних друзей спасает и выручает от бед и от наступления гибели.



РАССКАЗ О ВОРОНЕ И ЛИСИЦЕ, О БЛОХЕ И МЫШИ, О СОКОЛЕ И ВОРОБЬЕ

Рассказывают еще, что одна лисица жила в норке на горе, и всякий раз, как у нее рождались детеныши и крепли, она съедала их от голода, а если бы она не съедала детенышей и

оставляла бы их и сидела бы возле иих, охраняя и оберегая их, она бы умерла с голоду, и это мучило ее.

А на верхушке этой горы ютился ворон, и лисица сказала себе: «Хочу завязать с этим вороном дружбу, и пусть он развлекает меня в одиночестве и помогает мне искать пропитания, так как для него возможно то, чего я не могу».

И лисица подошла к ворону и стала от него близко, чтобы он мог слышать ее слова, и поздоровалась с ним, а потом сказала: «О сосед, поистине сосед мусульманин имеет двойное право на своего соседа мусульманина: право защиты и право единой веры — ислама. Знай, о мой друг, что ты мне сосед, и у меня есть перед тобой обязанность, которую следует исполнить, тем более что мы давно соседи, и мне в сердце вложена любовь к тебе, которая призывает меня быть с тобою ласковой и побуждает меня искать с тобою братства. Каков же твой ответ?»

И ворон отвечал лисице: «Лучшее из слов — самое правдивое. Но, может быть, твой язык говорит о том, чего нет в твоем сердце. Я боюсь, что твоя дружба будет только на языке, а вражда будет скрыта в сердце, ибо ты — пожирающий, а я пожираемый, и нам следует быть в отдалении от взаимной любви и близости. Что же побуждает тебя стремиться к недостижимому и искать того, чего не будет? Ты из породы зверей, а я из породы птиц, и такое братство не будет полным и верным».

«Кто знает, где место благородных, и умеет избирать среди них, тот и получит, может быть, пользу от друзей,— отвечала лисица.— Я хочу близости к тебе и избрала дружбу с тобою, чтобы один из нас был помощником другому в наших делах, и последствием нашей дружбы будет успех. Я знаю рассказы о прекрасной дружбе, и если ты хочешь, чтобы я их рассказала тебе, я расскажу».— «Я позволяю тебе сообщить их,— отвечал ворон.— Говори же и расскажи их мне, а я выслушаю внимательно, чтобы узнать, с какой целью их рассказывают».

«Слушай, о мой друг,— сказала лисица,— о блохе и мыши есть рассказ, указывающий на то, о чем я тебе сказала».— «А как это?» — спросил ворон. И лисица ответила.

«Говорят, что мышь жила в доме одного купца, который вел большую торговлю и имел много денег. И однажды блоха залез-

ла ночью в постель этого купца и нашла его тело мягким, и блоха почувствовала жажду и стала пить его кровь. И купец почувствовал боль от блохи и пробудился от сна, и стал звать своих невольниц и кое-кого из слуг, и они поспешили и, засучив рукава, стали искать блоху. А блоха, почуяв, что ее ищут, обратилась в бегство и, увидя нору мышки, вошла туда.

И когда мышка увидела ее, она спросила: «Что привело тебя сюда, когда ты не такое существо, как я, и не из моей породы, и тебе угрожает грубость, ссоры и обиды?» А блоха ответила: «Я бежала в твое жилище, спасая душу от смерти, и пришла к тебе, ища защиты. Мне нет нужды до твоего дома, и тебя не постигнет от меня зло, которое бы заставило тебя уйти из твоего дома. Я надеюсь вознаградить тебя за милость, и скоро ты узнаешь и восхвалишь последствия того, о чем я тебе говорю». А мышь, услышав слова блохи...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мышь, услышав слова блохи, ответила: «Если дело таково, как ты описала и рассказала, успокойся здесь. И тебя ожидает дождь благополучия, и ты найдешь лишь то, что тебя порадует, и постигнет тебя лишь то, что меня постигнет. Я отдала тебе свою дружбу. Так не жалей о крови купца, которая тебе не досталась, и не печалься о том, что не будешь пить ее. Будь довольна тем достатком в жизни, который для тебя найдется,— это безопаснее. Я слышала, о блоха, как один поэт из увещателей говорил такие стихи:

Стезей одиноких и скромных я шел
И жизнь с чем придется свою проводил.

Я жил куском хлеба, водицы глотком,
Щепоткою соли, лохмотья носил.

И если Аллах облегчит мою жизнь —
Прекрасно,— а нет, рад тому я, что есть»

И услыхав слова мыши, блоха ответила: «О сестрица, я выслушала твое наставление, и подчиняюсь, и повинуюсь тебе. У

меня нет силы перечить тебе, пока не пройдет моя жизнь в осуществлеиии этого прекрасного иамерения». И мышь отвечала: «Любить искренно — достаточно хорошее иамереиие».

И любовь возникла между ними и текла непрестанно. И блоха стала после этого ютиться в постели купца, но не переходила меру дозволенного, а днем она пряталась с мышкой в ее жилище.

И случилось, что купец однажды вечером прииес домой много динаров и начал их рассматривать. И когда мышь услышала звон денег, она высунула голову из норы и стала смотреть на них, пока купец не положил их под подушку и ие лег спать.

И тогда мышь сказала блохе: «Разве ие видишь ты возможиый случай и великую удачу? Есть ли у тебя хитрость, которая поможет нам достичь желаемого с этими динарами?» — «Тому, кто стремится к цели, хорошо иметь силу, чтобы достичь ее,— отвечала блоха.— Но если он слаб для этого, он подвергается тому, чего опасается, и, будучи слабым, ие достигиет желаемого, даже если сила придумаиной им хитрости будет полиой. Так бывает с воробьем, который подбирает зерна и попадает в сеть, и охотники ловят его. И у тебя иет силы взять динары и вынести их из дому, и у меня нет силы иа это. Нет, я даже не могу снести единого динара из них. Делай с дииарами, что знаешь».

И мышь ответила: «Я приготовила в моей норе семьдесят выходов, через которые я выйду, если захочу выйти, а для сокровищ я приготовила надежное место, и, если ты ухитришься увести купца из дома, я не сомневаюсь в удаче с помощью судьбы»,— «Я обязуюсь увести его из дома»,— сказала блоха.

А затем она отправилась к постели купца и укусила его устрашающим укусом, подобного которому купец раньше не чувствовал. И блоха удалилась в такое место, где была в безопасности от купца, а купец проснулся и стал искать блоху, ио ие нашел ее. Тогда он лег на другой бок, но блоха укусила его еще сильнее, чем в первый раз, и купец потерял сон, и, покинув свое ложе, вышел и заснул иа лавочке у дверей своего дома, и ие проснулся до утра.

И тогда мышь стала переносить деньги и не оставила иичего, а когда наступило утро, купец стал подозревать людей и делать предположения».

И потом лиса сказала вороиу: «Знай, что я говорю тебе это, о ворон зоркий, разумный и опытиый, только для того, чтобы

тебе досталась награда за твою милость ко мне, как мыши досталась награда за ее милость к этой блохе. Посмотри, как она наградила ее и воздала ей наилучшим воздаянием».

И ворон отвечал: «Если благодетель хочет, он благодетельствует или не благодетельствует, и не обязательно благодетельствовать тому, кто стремится завязать связь посредством разлуки. И если я окажу тебе милость, хотя ты мой враг, я буду причиной разлуки с моей собственной душой. И ты, о лисица, коварна и обманчива, а тот, кому присущи коварства и обман, не соблюдает договора, а кто не соблюдает договора — тому нет пощады.

Недавно я узнал про тебя, что ты обманула одного из своих друзей — волка — и устраивала ему козни, пока не погубила его своим обманом и хитростью. Ты сделала с ним так, хотя он из твоей породы, и ты долгое время дружила с ним и не пощадила его. Так как же я доверюсь твоей искренней дружбе? Если ты сделала это с другом, который твоей же породы, так как же ты поступишь с врагом, который не из твоей породы? Тебя со мною можно уподобить лишь соколу с охотничьими птицами».

«А как это?» — спросила лисица.

И ворон сказал: «Говорят, что один сокол был упорным притеснителем и его боялись все хищники и никто не спасался от него...»

И Шахразаду застигло утро и она прекратила дозволенные речи.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто пятьдесят вторая ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня о счастливый царь, что ворон сказал: «Говорят, что один сокол был упорным притеснителем в дни своей юности, и его боялись хищники среди птиц и на суше и никто не спасался от него. И было много случаев его несправедливости и притеснения, и сокол этот имел обычай обижать всех птиц.

А когда годы прошли над ним, его силы ослабли и разрушилась его мощь, он стал голодать. И его муки усилились, а когда не стало у него пищи, он решил прилететь на сборище птиц и есть то, что от них остается. Так стал он добывать пищу хитростью после силы и мощи.

Вот и ты также, о лисица, если лишишься силы, то не лишишься хитрости, и я не сомневаюсь, что, ища моей дружбы, ты хитришь, чтобы добыть себе пищу. А я не из тех, кто протянет и положит свою руку в твою, так как Аллах даровал мне силу в крыльях, осторожность в душе и зоркость в глазах.

Знай, что тот, кто уподобляется более сильному, чем он,— устает и нередко погибает. И я боюсь, что, если ты станешь сравнивать себя с более сильным, чем ты, с тобою случится то, что случилось с воробьем».— «А что случилось с воробьем? Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне его историю»,— попросила лисица.

И ворон сказал: «Дошло до меня, что воробей пролетал над пастбищем овец. Он увидел это пастбище и остановился, разглядывая его, и вдруг большой орел ринулся на ягненка из маленьких ягнят и унес его в когтях, и улетел.

И когда воробей увидел это, он захлопал крыльями и сказал: «Я сделаю то же, что сделал этот!» И он возгордился собою и сравнил себя с тем, кто больше его, и в тот же час полетел и опустился на жирного барана с обильной шерстью. А шерсть барана сбилась, потому что он лежал на своей моче и навозе, и стала точно выплюнутая.

И воробей, опустившись на спину барана, захлопал крыльями, и его ноги запутались в шерсти, и он хотел улететь, но не мог высвободиться.

И все это происходило, а пастух видел, что сначала произошло с орлом и что потом случилось с воробьем. И он подошел к воробью, сердитый, и, схватив его, выщипал ему перья из крыльев, привязал к ноге нитку и принес его своим детям, и бросил им его. И кто-то из детей спросил: «Что это?» — и пастух ответил:«Он уподобил себя тому, кто выше его, и погиб».

И тебя также, о лисица, я предостерегу: не уподобляй себя тому, кто сильнее тебя,— ты погибнешь. Вот каковы мои речи, уходи же от меня с миром».

И когда лисица потеряла надежду подружиться с вороном, она повернула назад, стеная от печали и окрежеща зубами от сожаления. И когда ворон услышал ее плач и стоны и увидел, как она грустна и печальна, он спросил ее: «О лисица, что тебя

постигло, что ты скрежещешь зубами?» И лисица ответила: «Я скрежещу зубами, так как увидела, что ты хитрее меня».

И потом она, повернув назад, обратилась в бегство и направилась в свою нору. Вот какова была, о царь, их история».

«О Шахразада, как прекрасны и приятны эти рассказы,— воскликнул царь.— А знаешь ли ты какие-нибудь наставительные повести?»

И Шахразада сказала:

РАССКАЗ ПРО ЕЖА И ВЯХИРЯ

Рассказывают еще, что еж устроил жилище около пальмы, а на ней поселился вяхирь со своей женой. И свили они там гнездо, и жили приятною жизнью. И еж говорил про себя: «Вот вяхирь и его жена едят плоды с пальмы, а я не нахожу к этому пути: Но надо обязательно устроить с ними хитрость».

И вырыл еж у подножья нору и сделал ее жилищем для себя и для своей жены, а рядом он устроил мечеть и стал уединяться там, выказывая благочестие и богомольность и пренебрежение к миру.

И вяхирь видел, что еж поклоняется богу и молится, и сердце его смягчилось из-за его великого воздержания. «Сколько лет ты живешь так?» — спросил он.— «Тридцать лет»,— отвечал еж. «А что ты ешь?» — продолжал вяхирь. «Что упадет с пальмы»,— сказал еж. «А во что ты одет? — спросил вяхирь, и еж ответил: «В иглы, жесткостью которых я пользуюсь».— «А почему ты предпочел это место другому?» — спросил вяхирь. «Я выбрал его не на дороге, чтобы направить заблудшего и научить незнающего»,— ответил еж. И вяхирь сказал ему: «Я думал, что ты не таков, но теперь я хочу того, что есть у тебя».

«Поистине,— отвечал еж,— я боюсь, что твои слова будут противоположны твоим поступкам и ты станешь подобен земледельцу, который, когда пришло время посева, не спешил сеять и говорил себе: «Я боюсь, что дни не приведут меня к желаемому и, поторопившись сеять, я погублю добро». А когда пришло время жатвы и он увидел, как люди жнут, ему стало жаль, что он упустил время, отстав от других, и он умер от горя и печали».

И вяхирь спросил ежа: «А что мне делать, чтобы освободиться от пут здешнего мира и предаться только поклонению

господу?» И еж отвечал: «Приготовляйся к будущей жизни и будь воздержан в пище». А вяхирь воскликнул: «Но как мне быть, когда я птица и не могу залететь дальше пальмы, на которой моя пища? А если бы я мог это сделать, я бы не знал места, где поселиться».— «Ты можешь отрясти столько фиников с пальмы, что тебе хватит запаса на год, и тебе и твоей жене. А сам поселись в гнезде под пальмой и проси у Аллаха хорошего наставления,— сказал еж.— Потом примись за те финики, которые ты тряс, и перенеси их все и спрячь, чтобы питаться ими во время недостатка. И если финики кончатся, а твоя отсрочка будет продлена, обратись к воздержанной жизни».— «Да воздаст тебе Аллах благом за твое хорошее намерение, когда ты напомнил мне о будущей жизни и вывел меня на верный путь!» — воскликнул вяхирь.

А затем вяхирь и его жена до тех пор трудились, сбрасывая финики, пока на пальме ничего не осталось. И тогда еж нашел чем питаться и обрадовался, и, наполнив плодами свое жилище, спрятал их, чтобы их съесть. И он говорил себе: «Когда вяхирю и его жене понадобятся эти припасы, они попросят их у меня и пожелают того, что у меня есть, полагаясь на мое воздержание и благочестие. А услышав мои советы и наставления, они подлетят ко мне близко, и я поймаю их и съем. И тогда это место останется пустым, и плоды будут падать с пальмы, и мне их хватит». А потом вяхирь и его жена спустились с пальмы, сбросив все бывшие на ней плоды, и увидели, что еж перенес их все в свою нору. И вяхирь сказал ежу: «О праведный еж, увещатель и советник, мы не видим следа фиников и не знаем других плодов, чтобы ими питаться». А еж ответил: «Может быть, они улетели по ветру, но пренебречь пропитанием ради пропитающего — в этом сущность успеха. Ведь тот, кто прорезал углы рта, не оставит рта без пищи».

И он продолжал давать им такие наставления и проявлял благочестие красивыми словами, пока птицы ему не доверились, и, приблизившись к нему, они пошли в отверстие гнезда, не боясь его коварства. И тут еж подскочил к входу, скрежеща зубами. И когда вяхирь увидел его явный обман, он воскликнул: «Как далеко сегодня от вчера! Разве не знаешь ты, что у обиженных есть защитник? Берегись же ты коварства и обмана, чтобы тебя не постигло то, что постигло обманщиков, которые строили козни купцу».— «А как это было?» — спросил еж. И вяхирь сказал:

РАССКАЗ О КУПЦЕ И ДВУХ ЗЛОДЕЯХ

Дошло до меня, что один купец из города, называемого Сиида, обладал большим имуществом. Он связал тюки и приготовил товары и выехал в какой-то город, чтобы продать их там. И за ним последовали два человека из злокозненных. Они нагрузили какое у них нашлось имущество и товары и сказали купцу, что они тоже из купцов, и поехали с ним.

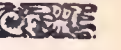
И когда сделали привал на первой остановке, эти люди сговорились обмануть купца, и взять то, что у него было. А потом каждый из них задумал в душе устроить со своим товарищем хитрость и обмануть его, и оба они говорили про себя: «Если я обману моего товарища, мое время будет безоблачно, и я заберу все это имущество».

И они затаили друг против друга дурные намерения, и один из них взял кушанье и положил туда яду, а другой сделал то же со своим кушаньем, и оба они предложили друг другу своего кушанья и поели, и вместе умерли. А эти люди сиживали с купцом и беседовали с ним, и когда они исчезли и заставили себя ждать, купец стал их разыскивать, чтобы узнать, что с ними, и нашел их мертвыми. И тогда он узнал, что это хитрецы, которые хотели обмануть его, и хитрость их обратилась против них самих. Так купец остался невредимым и взял то, что с ними было».

И царь сказал: «Ты обратила мои мысли, о Шахразада, на то, чем я пренебрегал. Прибавь же мне этих притчей».

И она сказала:

РАССКАЗ О ТКАЧЕ И ФОКУСНИКЕ



Дошло до меня, о царь, что у одного человека была обезьяна, а этот человек был вор. И когда он приходил на какой-нибудь рынок в том городе, где он жил, то не уходил оттуда без большой наживы. И случилось так, что однажды он увидел человека, который нес скроенные платья, чтобы продать их. И этот человек стал выкликать платья на рынке, но никто не приценялся к ним, и всякий раз, как он предлагал их кому-нибудь, их неизменно отказывались купить.

И случилось так, что вор, у которого была обезьяна, уви-

дел человека со скроенными платьями, а тот завернул их в кусок полотна и присел отдохнуть от усталости. И обезьяна стала играть перед ним, пока он не отвлекся, смотря на нее, и вор утащил у него узел с материей, а потом он взял обезьяну и пошел в пустынное место, и, развязав узел, увидал там эти скроенные платья.

Он завязал эти платья в дорогое полотно и пошел на другой рынок и предложил на продажу полотно и то, что в нем было, поставив условием, чтобы его не развязывали. Он соблазнял людей малой ценой за этот узел, и один человек увидел его, и узел ему понравился из-за его ценности.

Он купил узел с таким условием и ушел с ним домой, полагая, что купил удачно, и когда его жена увидела узел, она спросила его: «Что это?» — и он ответил: «Это дорогая вещь, которую я купил ниже ее цены, чтобы продать ее и взять за нее прибыль».— «О ты, обманутый,— сказала ему жена,— разве такую вещь продают за меньшую цену, если она не краденая! Ты не знаешь разве, что тот, кто покупает вещь, не видя ее, делает ошибку и становится подобен ткачу».

«А какова история ткача?» — спросил ее муж, и она сказала: «Дошло до меня, что в одном селении был ткач, и он работал, но добывал пищу лишь с трудом.

И случилось, что один богатый человек, живший поблизости от его селения, устроил пир и позвал людей, и ткач тоже пришел. И он увидел, что людям, одетым в мягкие одежды, предлагают роскошные кушанья, и хозяин дома даже величает их, видя, как они хорошо одеты. И тогда ткач сказал себе: «Если бы я променял свое ремесло на другое, более легкое по работе, более высокое по степени и с большей оплатой, я бы наверное собрал большие деньги и купил бы роскошные одежды, чтобы возвысить мой сан и стать великим в глазах людей, и сделаться таким, как эти люди».

И потом ткач увидел, как какой-то фокусник из забавников, присутствовавших на пиру, поднялся и влез на высокую стену, уходящую ввысь, а затем кинулся оттуда на землю и стал на ноги. И тут ткач сказал себе: «Обязательно сделаю то, что сделал этот, и не буду слаб для этого!»

И он поднялся, и влез на стену, и бросился оттуда, и, достигнув земли, сломал себе шею, и тотчас же умер.

Я рассказала тебе об этом лишь для того, чтобы ты клал себе свою еду той стороной, которую ты знаешь и узнал впол-

не, и чтобы тебя не взяла жадность, и ты бы не захотел того, что не по тебе».

И муж отвечал ей: «Не всякий, кто знает, спасется своими знаниями, и не всякий невежда гибнет от невежества. Я видывал, как змеелова, сведущего в змеях и знающего о них, иногда жалит змея и убивает, но справляется с нею тот, кто не знает о них и не сведущ в их повадках».

И он не согласился с женою и купил эти вещи, и стал придерживаться этого обычая, и покупал у воров за бесценок пока не попал в подозрение, и не погиб от этого.

РАССКАЗ О ВОРОБЬЕ И ПАВЛИНЕ

А в эти же времена был воробей, который приходил каждый день к одному из царей птиц и все время прилетал к нему по утрам и по вечерам, так что стал первым из приходящих и последним из уходящих от него.

И случилось так, что множество птиц собралось на одной высокой горе, и одни из них говорили другим: «Нас стало много, и умножились наши несогласия, и необходимо нам иметь царя, который разбирал бы наши дела: тогда наши слова станут едины и прекратятся наши несогласия».

А тот воробей пролетал мимо, и он посоветовал им сделать царем павлина (а это был тот царь, которого он часто посещал). И птицы избрали павлина и сделали его царем над собою, и павлин был к ним милостив и назначал воробья своим писцом и везирем, и воробей иногда прекращал пребывание у павлина и разбирал дела.

И однажды воробья не оказалось у павлина, и тот взволновался великим волнением, и когда это было так, воробей вдруг вошел к нему. «Что задержало тебя, хотя ты ближайший из наших подданных и самый дорогой для нас из них?» — спросил павлин. И воробей ответил: «Я видел одно дело, и оно показалось мне темным и испугало меня».— «А что же ты видел?» — спросил павлин.

«Я видел человека с сетью, который укрепил ее у моего гнезда и крепко вколотил колышки, а посредине сети он насыпал зерен и сел поодаль от него,— отвечал воробей.— И я сидел, глядя, что он будет делать, и, пока я там сидел, вдруг по-

явился журавль с женой, которых судьба и рок туда пригнали. И они упали в середину сети и стали кричать, и охотник поднялся и забрал их. Это встревожило меня, и вот почему я отсутствовал, о царь времени. И я не буду больше жить в этом гнезде, так как боюсь сети».

«Не уходи со своего места: осторожность не поможет тебе против судьбы»,— сказал павлин. И воробей последовал его приказанию и сказал: «Я буду терпеть и не уйду, повинуясь царю». И воробей продолжал опасаться за себя и взял свою пищу к павлину и ел, пока не насытился, и запил пищу водой.

А потом воробей удалился. И в какой-то день он летел и увидел, что два воробья дерутся на земле. «Как могу я быть везирем царя и видеть, что воробьи дерутся около меня! — воскликнул он.— Клянусь Аллахом, я помирю их!» И он направился к ним, чтобы их помирить, и охотник перевернул свою сеть на них всех, и тот воробей попал в середину сети.

И охотник взял его, и дал своему товарищу, и сказал: «Держи его крепко, он жирный, и я не видел лучше его». И воробей подумал: «Я попался туда, куда боялся попасть, и я был в безопасности только у павлина. Не помогла осторожность против постигшей судьбы, и некуда бежать от рока осторожному. Как хороши слова поэта:

Не бывать чему, не свершить того даже хитростью
Никогда, а то, чему быть должно, то будет.

И наступит то, чему быть должно, своевременно,
А незнающий, тот всегда обманут будет».

«О Шахразада,— сказал царь,— прибавь мне таких рассказов». И Шахразада ответила: «В следующую ночь, если царь сохранит мне жизнь, да возвеличит его Аллах...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ПОВЕСТЬ ОБ АЛИ ИБН БЕККАРЕ и ШАМС-АН-НАХАР

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала сто пятьдесят третья ночь, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что в древние времена и минувшие века и годы, в халифате царя Харуна ар-Рашида, был один человек, купец, у которого был сын по имени Абу-ль-Хасан Али ибн Тахир.

И человек этот имел много денег и делал обильные дары. А сын его был красив лицом, и поведение его было любезно людям. И сын купца входил во дворец халифа без разрешения, и все наложницы халифа любили его. Он был сотрапезником царя, говорил ему стихи и рассказывал диковинные рассказы, однако продолжал продавать и покупать на рынке купцов.

А у лавки его обычно сидел юноша из детей персов, которого звали Али ибн Беккар. И юноша этот был красив станом, изящен видом и совершенен по внешности: с розовыми щеками, сходившимися бровями и нежной речью, и улыбающимися устами, и он любил веселье и развлеченья.

И случилось как-то, что оба сидели, разговаривая и веселясь, и вдруг появились десять невольниц, точно луны, и каждая из них отличалась красотой и стройностью стана, а среди них была женщина, верхом на муле, оседланном вышитым седлом с золотыми стременами. И на этой женщине был тон-

кий изар[1], а стан ее охватывал шелковый пояс с золотой каймой. И была она такова, как сказал о ней поэт:

И кожа ее шелкам подобна, а речь ее
Нежна и приятна нам, не вздор и не проповедь.

Глазам же ее Аллах «Явитесь!»— сказал, и вот
Явились они, пьяня сердце, как вино пьянит.

Любовь к ней! Пускай сильней всечасно тоска моя!
В любви утешенне — в день судный найду тебя!

И когда невольницы достигли лавки Абу-ль-Хасана, та женщина сошла с мула и, сев возле лавки, приветствовала его, и он тоже приветствовал ее. И когда Али ибн Беккар ее увидел, она похитила его ум. И он хотел уйти, но она сказала ему: «Сиди на месте! Мы приехали к тебе, а ты уходишь! Это несправедливо!»» «Клянусь Аллахом, о госпожа,— ответил он,— я бегу от того, что увидел, и язык обстоятельств говорит:

Как солнце она, что на небе живет,
Утешь же ты душу благим утешеньем!

Подняться не можешь ведь ты до нее,
Спуститься к тебе она тоже не может».

И когда женщина услышала это, она улыбнулась и спросила Абу-ль-Хасана: «Как имя этого юноши и откуда он?» И Абу-ль-Хасан отвечал: «Он чужеземец».— «Из какой страны?» — спросила она. «Он сын царя персов, и зовут его Али ибн Беккар,— ответил торговец,— а чужеземцу надлежит оказывать уваженне».— «Когда моя невольница придет к тебе, приведи его ко мне»,— сказала женщина. И Абу-ль-Хасан отвечал: «На голове и на глазах!» [2] — и потом женщина поднялась и отправилась своей дорогой. И вот что было с нею.

Что же касается Али ибн Беккара, то он не знал, что сказать. А через час невольница пришла к Абу-ль-Хасану и сказала ему: «Моя госпожа требует тебя вместе с твоим товарищем». И Абу-ль-Хасан поднялся и взял с собою Али ибн Беккара, и они пошли во дворец Харун ар-Рашида.

[1] Изар — кусок полотняной или шелковой ткани, в который завертываются арабские женщины, выходя на улицу.
[2] Формула безусловного повиновения у мусульман.

И невольница ввела их в комнату и посадила, и они немного побеседовали.

И вдруг перед ними поставили столы, и они поели, и вымыли руки. А затем невольница принесла им вино, и они опьянели.

И после того она велела им подниматься. И они пошли с нею, и невольница ввела их в другую комнату, построенную на четырех столбах. И эта комната была устлана разными подстилками и украшена всевозможными украшениями, точно палата из палат в раю. Оба юноши оторопели, увидав такие редкости, и, пока они смотрели на эти диковины, вдруг появились десять невольниц, словно луны, которые гордо раскачивались, ошеломляя взоры и смущая умы, и встали в ряд, подобные райским гуриям.

А через короткое время вдруг появились другие десять невольниц и приветствовали их обоих. В руках этих невольниц были лютни и инструменты для забавы и радости. И все невольницы сели и настроили струны, и поднялись перед гостями, и играли на лютнях, и пели, и говорили стихи, и каждая из них была искушением для рабов Аллаха.

И пока это происходило, вдруг появилось еще десять невольниц, подобных им: высокогрудые ровесницы, черноглазые, с румяными щеками, сходящимися бровями и мягкими членами,— искушение для богомольцев и услада для взирающих. И на них были всякие разноцветные шелка и одежды, ошеломляющие и искушающие разум. И они встали у дверей, а после них пришли другие десять невольниц, прекраснее их, и на них были красивые одежды, не подходящие ни под какое описание. И невольницы тоже встали у дверей, а потом из дверей вышли двадцать невольниц, среди которых была невольница по имени Шамс-ан-Нахар, подобная луне среди звезд. И она качалась от довольства и изнеженности, опоясанная избытком своих волос. На ней была голубая одежда и шелковый изар с каемками из золота и драгоценных камней, а стан ее охватывал пояс, украшенный всякими драгоценностями.

И она шла, кичливо раскачиваясь, пока не села на ложе. И когда Али ибн Беккар увидал ее, он произнес такие стихи:

Из-за этой болезнь моя началася,
И продлилась любовь моя и влюбленность.

Перед нею душа моя, вижу, тает
От любви к ней, и всем видны мои кости.

А окончив эти стихи, он сказал Абу-ль-Хасану: «Если бы ты хотел сделать мне добро, то рассказал бы мне об этой красавице. Тогда, прежде чем войти сюда, я укрепил бы свою душу и внушил бы ей быть стойкою в том, что ее постигнет».

И он стал плакать, стонать и жаловаться, а Абу-ль-Хасан отвечал: «О брат мой, я хотел тебе только добра, но я боялся, что если я скажу тебе заранее, тебя охватит любовь, которая оттолкнет тебя от встречи с ней и встанет между ней и тобою. Успокой же душу и прохлади глаза — она обращает лицо к тебе и добивается встречи с тобою».— «Как зовут эту женщину?» — спросил Али ибн Беккар. И Абу-ль-Хасан ответил: «Ее имя Шамс-ан-Нахар, и она из любимиц повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, а это место — дворец халифа».

И Шамс-ан-Нахар села и стала рассматривать прелести Али ибн Беккара, и он тоже рассматривал ее красоту, и любовь друг к другу охватила обоих. И Шамс-ан-Нахар велела всем невольницам сесть по местам. И каждая из них села напротив окна, и Шамс-ан-Нахар велела им петь, и одна из невольниц взяла лютню и произнесла:

Ты послание второй раз пришли,
И ответ возьми ты открыто свой.

Пред тобой, о царь дивной прелести,
Я стою, на страсть свою жалуясь.

О владыка мой, о душа моя,
О жизнь моя драгоценная,

Пожалуй мне поцелуй один —
Подари его или дай взаймы!

Я верну его, не лишишься ты
Самого его,— каким был, верну.

А захочешь ты прибавления,
Так возьми его, с душой радостной.

О надевший мне платье радости,
Будь же счастлив ты в платье радости!

И Али ибн Беккар пришел в восторг и сказал ей: «При-

бавь мне еще таких стихов!» И невольница пошевелила струны и произнесла такое стихотворение:

Ты часто далек, о мой любимый,
И глаз иаучил мой долго плакать.

О счастье очей моих, о радость —
Желаний предел моих и веры!

О, сжалься над тем, чьи очи тонут
В слезах опечаленного страстью.

А когда она окончила свои стихи, Шамс-ан-Нахар сказала другой невольнице: «Дай нам послушать что-нибудь». И та затянула напев и произнесла такие стихи:

От взоров хмелею я, не винами я пьяна,
И стана его изгиб с собою мой сон увел.

Не тешит меня вино — утешусь лишь кудрями;
Вином не взволнована — чертами лица его.

И волю мою сломил кудрей завиток его,
А то, что одето в плащ, похитило разум мой.

И когда Шамс-ан-Нахар услышала стихи, произнесенные невольницей, она долго вздыхала, и стихи ей понравились. А потом она велела петь другой невольнице. И та взяла лютню и произнесла:

Лицо его светилу неба — соперник,
Вода юности на лице его сочится,

И отметил пух на щеках его два ряда письмен,
И весь смысл любви в них изложен до предела.

Закричала прелесть, лишь только он повстречался мне:
«Вот он, расшитый вышивкой Аллаха!»

А когда она окончила свои стихи, Али ибн Беккар сказал невольнице, бывшей близко от него: «Скажи ты, о невольница, и дай нам услышать что-нибудь!» И она взяла лютню и произнесла:

Время близости слишком коротко —
Для оттяжек этих игр твоих.

Разлука часто губит нас —
Прекрасный так не делает.

Ловите же миг счастья вы —
Любви приятен будет час.

А когда она окончила свои стихи, Али ибн Беккар сопроводил их обильными слезами. При виде его плача, жалоб и стонов Шамс-ан-Нахар загорелась страстью и любовью, и ее погубило увлечение и безумие любви. И она поднялась с ложа и подошла к дверям покоя, и Али ибн Беккар встал и пошел ей навстречу, и они обнялись и упали без памяти. И невольницы подошли к ним, и подняли их, и внесли их в покои, и обрызгали розовой водой. А когда они очнулись, то не нашли Абу-ль-Хасана, который прятался за краем ложа. «Где же Абу-ль-Хасан?» — спросила невольница, и тот показался ей из-за ложа. Шамс-ан-Нахар пожелала ему мира и воскликнула: «Я прошу Аллаха, чтобы он дал мне возможность наградить тебя, о творец милости!»

А потом она обратилась к Али ибн Беккару и сказала: «О господин, любовь я не чувствовала бы вдвойне; но для нас нет ничего иного, кроме стойкости против того, что нас постигло».

— «О госпожа,— ответил Али ибн Беккар,— встреча с тобою мне приятна, и взгляд на тебя не потушит во мне пламени, и ничто не устранит любви к тебе, овладевшей моим сердцем, кроме гибели моей души».

И он заплакал, и слезы бежали по его щеке, словно рассыпанные жемчужины, и, увидев, что он плачет, Шамс-ан-Нахар заплакала с ним вместе. И тогда Абу-ль-Хасан воскликнул: «Клянусь Аллахом, я дивлюсь вам и недоумеваю! Поистине, то, что происходит, удивительно и диковинно! Вы так плачете, когда вместе, что же будет, когда вы расстанетесь и разлучитесь? Теперь не время печалей и плача,— прибавил он,— нет, теперь время быть вместе и радоваться. Веселитесь же и развлекайтесь, но не плачьте!»

Потом Шамс-ан-Нахар сделала знак одной невольнице, и та ушла и вернулась с прислужницами, которые несли столик с серебряными блюдами, где были всякие роскошные кушанья. И они поставили стол перед ними, и Шамс-ан-Нахар принялась есть и кормить Али ибн Беккара, и они ели, пока не насытились. А затем столик был убран, и они вымыли руки, и принесли курильницы с разными курениями — алоэ, амброй и неддом, а также принесли кувшины с розовой водой. И они надушились и воскурили благовония, и им принесли подносы из резного зо-

лота, где были всевозможные напитки и плоды, свежие и сухие, желательные душе и услаждающие глаз, а после того принесли агатовый, таз, полный вина.

И Шамс-ан-Нахар выбрала десять невольниц, которым она велела находиться при них, и десять невольниц из числа певиц, а остальным позволила разойтись. И она приказала невольницам играть на лютне. И они сделали так, как она велела, и одна из них произнесла:

Как дух мой, мне дорог тот, кто мне возвратит привет
Со смехом, и вновь придет любовь за отчаяньем.

Руками страстей теперь покров с моих тайн уже снят,
Открыли хулителям, что в сердце моем, они.

И слезы из глаз моих меж мною и им стоят,
Как будто бы слезы глаз со мною влюблены в него.

А когда она окончила стихи, Шамс-ан-Нахар поднялась и, наполнив кубок, выпила его, а потом она налила кубок и дала его Али ибн Беккару...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто пятьдесят четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шамс-ан-Нахар наполнила кубок и дала его Али ибн Беккару, а потом она велела невольнице петь, и та произнесла такие стихи:

Похожи слеза моя, коль льется, и влага вин,
И то же, что в кубке есть, глаза мои льют струей.

Не знаю, клянусь творцом, то око ли льет вино
Струею обильною, иль слезы я пил свои.

А когда она окончила стихи, Али ибн Беккар выпил свой кубок и возвратил его Шамс-ан-Нахар, а та наполнила его и подала Абу-ль-Хасану, который выпил кубок. А потом она взяла лютню и сказала: «Никто не будет петь над моим кубком, кроме меня!» И натянула струны и произнесла такое стихотворение:

Диковинных слез струя дрожит на щеках его,
И страсти его огни, пылая, в груди горят.

Он плачет, коль близко вы, боясь отдаления,
И слезы его текут, коль близко вы иль вдали.

— И слова другого:—

Мы твой выкуп, о кравчий наш, облаченный
Красотою от звезд чела и до пяток.
Солнце светит из рук твоих, и плеяды
Между уст — а над воротом светит месяц.

Твои чаши оставили меня пьяным,
И пускают их в круг ходить твои очи.

Разве в дивном бытьи своем не луна ты
В полнолунье, что смерть несет всем влюбленным?

Иль бог ты, что жизнь подаст или сгубит —
Расставаясь, с кем хочешь ты, и встречаясь?

Все красоты Аллах творил из тебя лишь,
Прелесть ветра из свойств твоих сотворил он.

Не земное созданье ты, но напротив —
Вышний ангел, ниспосланный всех создавшим.

И когда Али ибн Беккар, Абу-ль-Хасан и присутствующие услышали стихи Шамс-ан-Нахар, они едва не улетели от восторга. И они стали играть и смеяться, и когда это было так, вдруг приблизилась невольница, дрожащая от страха, и сказала: «О госпожа, слуги халифа у двери. Это Афиф, и Масрур, и Марджан, и другие евнухи, которых я не знаю». И, услышав эти слова, невольницы чуть не умерли от испуга, но Шамс-ан-нахар засмеялась и сказала: «Не бойтесь!».

И потом она приказала невольнице: «Отвечай им, пока мы не выйдем отсюда». И велела запереть двери и опустить над дверями занавески. И, заперев дверь в комнату, она вышла через потайную дверь в сад, и села на свое ложе, и приказала невольнице растирать себе ноги, а другим невольницам она велела разойтись по своим местам. И потом она приказала оставшейся девушке позвать тех, кто был у двери, чтобы они вошли, и вошел Масрур и те, кто был с ним, а было их двадцать, с мечами в руках. Они приветствовали Шамс-ан-Нахар,

и она спросила их: «Зачем вы пришли?» И евнухи ответили: «Повелитель правоверных приветствует тебя. Он стосковался, не видя тебя, и передает тебе, что у него было сегодня торжество и большое веселье, и он хочет, чтобы в завершение радости ты была с ним в этот час. Ты ли придешь к нему, или он придет к тебе?»

И Шамс-ан-Нахар поднялась и поцеловала землю и сказала: «Слушаю и повинуюсь приказу повелителя правоверных!» И затем она велела призвать надсмотрщиц и девушек и, когда они пришли, сделала вид, что собирается поступить так, как повелел халиф. А ее помещение было готово для приема халифа, и она сказала евнухам: «Идите к повелителю правоверных и передайте ему, что я ожидаю его после того, как приготовлю для него ковры и нужные вещи».

И евнухи поспешно отправились к повелителю правоверных, а что касается Шамс-ан-Нахар, то она сняла с себя одежды и, выйдя к своему возлюбленному Али ибн Беккару, прижала его к груди и попрощалась с ним. И он горько заплакал и сказал: «О госпожа, это прощание — причина моей гибели и гибели моей души, но я прошу Аллаха, чтобы он наделил меня стойкостью в любви, которою он испытал меня».— «Клянусь Аллахом,— отвечала Шамс-ан-Нахар,— никто не подвергнется гибели, кроме меня! Ты выйдешь на рынок и встретишься с теми, кто тебя утешит, и будешь охранен, и страсть твоя будет скрыта, а я подвергнусь заботам и тяготам и не найду никого, кто бы утешил меня, тем более что я обещала халифу встретиться с ним. Быть может, меня постигнет из-за этого большая опасность, так как я тоскую по тебе и люблю тебя и в тебя влюблена и печалюсь о разлуке с тобою. Каким языком я буду петь и с каким сердцем явлюсь к халифу? Какими словами я буду беседовать с повелителем правоверных и какими глазами взгляну на место, где тебя нет? Как я буду на пиру, где тебя не будет, и с удовольствием буду ли я пить вино, когда тебя нет?» И Абу-ль-Хасан сказал ей: «Не смущайся и терпи и не будь небрежна, разделяя трапезу с повелителем правоверных сегодня вечером. Не выказывай ему невнимание и будь стойкой!»

И пока они разговаривали, пришла невольница и сказала: «О госпожа, пришли слуги халифа!» И Шамс-ан-Нахар поднялась на ноги и сказала невольнице: «Возьми Абу-ль-Хасана и его товарища и отправляйтесь с ними в верхнюю светлицу,

которая выходит в сад, и оставь их там, пока не наступит темнота, а потом ухитрись как-нибудь вывести».

И невольница взяла и повела их в светлицу, и, заперев дверь, ушла своей дорогой, а они оба сели и стали смотреть в сад.

И вдруг пришел халиф, предшествуемый почти сотнею евнухов с мечами в руках, и вокруг него было двадцать невольниц, точно луны, и на них были самые роскошные, какие есть, одежды, и на голове у каждой из них был венец, окаймленный жемчугами и яхонтами, и все они держали в руках зажженные свечи. И халиф шел посреди них, а они окружали его со всех сторон, и перед ним шли Масрур, и Афиф, и Васиф, а он шествовал среди них, покачиваясь.

И Шамс-ан-Нахар и невольницы, бывшие с нею, поднялись и встретили халифа у ворот сада, целуя перед ним землю, и они до тех пор шли перед ним, пока не сели на ложе, а невольницы и евнухи, бывшие в саду, все встали перед ними. И явились прекрасные девушки и прислужницы, неся в руках зажженные свечи, благовония, курения и музыкальные инструменты, а царь приказал певицам сесть, и они сели по своим местам. И Шамс-ан-Нахар пришла и села на скамеечку, рядом с ложем халифа, и стала разговаривать с ним, и при всем этом Абу-ль-Хасан и Али ибн Беккар смотрели на них и слушали, а халиф не видел их.

А потом халиф принялся шутить и играть с Шамс-ан-Нахар, и они наслаждались и радовались, и царь велел открыть помещение, и его открыли, и распахнули окна, и зажгли свечи, и там стало светло, как днем.

А затем евнухи стали переносить посуду для питья. «И я увидел такую посуду и такие редкости,— говорил Абу-ль-Хасан,— каких не видывали мои глаза. Это была посуда из золота, серебра и прочих драгоценных металлов и камней, которых нет сил описать, и мне даже представлялось, что я во сне — так я был ошеломлен тем, что видел».

Что же касается Али ибн Беккара, то с того времени, как с ним рассталась Шамс-ан-Нахар, он лежал на земле от сильной страсти и любви. А очнувшись, он стал смотреть на эти вещи, которым не найти равных, и сказал Абу-ль-Хасану: «О брат мой, я боюсь, что халиф нас увидит или узнает о нас, и больше всего я боюсь за тебя, а что до меня, то про себя я знаю, что я погиб несомненно, и гибель моя от одной любви и страсти

и чрезмерного увлечения, и любовного безумия, и оттого, что я расстался с любимою после сближения. Но я надеюсь, что Аллах освободит нас из этой западни».

И Али ибн Беккар с Абу-ль-Хасаном до тех пор смотрели на халифа и на то, как он веселится, пока приготовления к пиру не были закончены. А потом халиф обратился к одной из невольниц и сказал: «Подавай, о Гарам, самую волнующую музыку, какую знаешь». И невольница взяла лютню и, настроив ее, произнесла:

> Сильна бедуинки страсть, родными покинутой,
> По иве томящейся и мирте Аравии.
>
> Увидевши путников, огнями любви она
> Костер обеспечит им, слезами бурдюк нальет.
>
> И все ж не сильней любви к тому, кого я люблю,
> Но грешной считает он меня за любовь мою.

И когда Шамс-ан-Нахар услышала эти стихи, она склонилась со скамеечки, на которой сидела, и упала на землю без памяти и исчезла из мира. И невольницы встали и подняли ее, и когда Али ибн Беккар увидел это из светлицы, он упал без чувств.

И Абу-ль-Хасан сказал: «Поистине, судьба разделила страсть между вами поровну!»

И когда они разговаривали, вдруг пришла к ним та невольница, что привела их в светлицу, и сказала: «О Абу-ль-Хасан, поднимайся с своим товарищем и уходите: мир стал тесен для вас, и боюсь, что халиф узнает про вас. Если вы не уйдете сей же час, мы умерли!» — «А как может этот молодец уйти со мной, когда у него нет сил встать?» — спросил Абу-ль-Хасан. И девушка принялась брызгать на Али ибн Беккара розовой водой, и он очнулся от обморока.

И тогда Абу-ль-Хасан поднял его, а невольница его поддерживала, и они спустились с ним из светлицы и немного прошли. А потом невольница открыла маленькую железную дверь и вывела через нее Абу-ль-Хасана и Али ибн Беккара, и они увидели скамейку на берегу Тигра и сели. И невольница захлопала в ладоши, и к ней подъехал человек в маленьком челноке, и она сказала ему: «Возьми этих юношей и доставь их на другой берег». И они сели в челнок. И когда человек начал грести и они отдалились от сада, Али ибн Беккар посмот-

рел на дворец халифа, сад и беседку и простился с ними таким двустишием:

Прощаясь, протягивал я руку ослабшую —
Другая рука была на сердце, под пеплом.

Последним не будет пусть свидание это нам,
И пищей последнею не будет та пища.

А затем невольница сказала матросу: «Поторопись с ними». И тот стал грести, ускоряя ход, а невольница была с ними...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что матрос стал грести, направляясь к другому берегу; а невольница была с ними. И они пересекли реку в этом месте и переправились на другой берег, и вышли на берег, и пошли. И невольница попрощалась с ними и сказала: «Я хотела не расставаться с вами, но я не могу идти дальше».

И потом невольница вернулась, а что касается Али ибн Беккара, то он свалился и упал перед Абу-ль-Хасаном, и не мог встать. «Это место не надежное, и мы можем опасаться, что погибнем здесь из-за воров и разбойников и детей беззакония»,— сказал ему Абу-ль-Хасан, и Али ибн Беккар поднялся и немного прошел, но не мог идти.

А у Абу-ль-Хасана были в этой стороне друзья, и он направился к верному человеку, с которым был дружен, и постучал к нему в дверь. И этот человек поспешно вышел к нему и, увидя обоих, сказал им: «Добро пожаловать!» — и ввел их в свое жилище. Он усадил их и стал с ними разговаривать, и спросил их, где они были, и Абу-ль-Хасан сказал: «Мы вышли в такое время, так как с одним человеком я вел дела, и за ним остались мои деньги. До меня дошло, что он хочет уехать с моим добром, и я вышел сегодня вечером и направился к нему. Я сдружился с этим моим товарищем, Али ибн Беккаром, и мы пришли сюда, думая, что, может быть, увидим его, но он спрятался, и мы его не видали. И мы вернулись с пустыми руками

без ничего, и нам было тяжело возвращаться в такое время ночи, и мы не знали, куда нам пойти, и пришли к тебе, зная твою дружбу и твои прекрасные обычаи».— «Добро пожаловать, привет вам!» — ответил хозяин дома и постарался выказать им уважение, и они провели у него остаток ночи.

Когда же настало утро, они вышли от него и продолжали идти, пока не достигли города. Они вошли в город и прошли мимо дома Абу-ль-Хасана, и тот принялся заклинать своего друга Али ибн Беккара и привел его к себе домой. Они прилегли немного на постель, а проснувшись, Абу-ль-Хасан приказал своим слугам устлать дом роскошными коврами. И они это сделали.

А потом Абу-ль-Хасан сказал про себя: «Я обязательно должен утешить юношу и развлечь его, ведь я лучше, чем кто-нибудь другой, знаю, каково ему».

И Абу-ль-Хасан приказал подать воды для Али ибн Беккара, и принесли воды, и Али поднялся и совершил омовение и обязательные молитвы, которые он пропустил за день и за вечер, а потом он сел и стал развлекаться разговором с Абу-ль-Хасаном. И когда Абу-ль-Хасан увидел это, он подошел к нему и сказал: «О господин, в твоем положении лучше всего тебе остаться сегодня вечером у меня, чтобы расправилась грудь и рассеялась охватившая тебя печаль и тоска. Повеселись с нами,— может быть, горение твоего сердца успокоится».— «Поступай, о брат мой, как тебе вздумается,— ответил Али ибн Беккар.— Я, во всяком случае, не спасусь от того, что меня постигло; делай же то, что делаешь».

И Абу-ль-Хасан поднялся и позвал своих слуг и вызвал своих близких друзей. Он послал за певицами и музыкантами, и, когда они пришли, приготовили им кушанья и напитки, и они провели за едой, питьем и весельем остаток этого дня до вечера. А затем зажгли свечи, и между ними заходили чаши дружбы и завязалась беседа, и им стало хорошо, и одна из певиц взяла лютню и произнесла:

Стрелою очей меня поразило время,
И был я сражен, и милых я всех оставил.

Упорствовал рок, и стойкость моя ослабла,
А раньше ведь был я верный всему отгадчик.

И, услышав слова певицы, Али ибн Беккар упал на землю без памяти в обморок, пока не поднялась заря. Когда же за-

блистал день, Али ибн Беккар очиулся и пожелал уйти к себе домой, и Абу-ль-Хасаи ие стал его удерживать, боясь плохих последствий. Его слуги привели Али иби Беккару мула и посадили его, и он сел, а Абу-ль-Хасан с несколькими слугами ехал вместе с ним, пока не привез его домой.

Когда же Али ибн Беккар успокоился в своем доме, Абу-ль-Хасаи прославил Аллаха за спасение из этой западни и сидел с иим, утешая его. Но Али ибн Беккар не мог владеть собою от сильиой страсти и любви. И Абу-ль-Хасан поднялся и, простившись с ним, ушел в свое жилище...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволеиные речи.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же иастала сто пятьдесят шестая ночь, оиа сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-ль-Хасаи простился с Али ибн Беккаром, и тот сказал ему: «О брат мой, не оставляй меня без вестей». И Абу-ль-Хасан отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

А затем Абу-ль-Хасан ушел, и, придя в свою лавку, открыл ее и стал поджидать вестей от Шамс-ан-Нихар, но иикто ие принес ему ничего. И ои провел эту ночь в своем доме, а когда настало утро, он встал и отправился к дому Али ибн Беккара, и, придя к нему, нашел его иа постели. Его окружали друзья, и врачи были подле него, и каждый из них прописывал ему что-нибудь и щупал ему руку.

Когда же Абу-ль-Хасан вошел и Али увидал его, он улыбиулся, и Абу-ль-Хасаи поздоровался с ним и спросил, как он поживает. Он просидел у него, пока люди не вышли, и потом спросил его: «Что все это значит?» И Али ибн Беккар отвечал: «Распространился слух, что я болен, и мои друзья прослышали об этом, и у меня иет силы, которая помогла бы мне встать и ходить, чтобы уличить во лжи тех, кто считает меня больным. Я все время лежу здесь, как ты меня видишь, и мои друзья пришли посетить меня. Но видел ли ты девушку, о брат мой, и слышал ли от иее какие-нибудь вести?» — «Я ие видел ее с того дня, как расстался с ией иа берегу Тигра» — ответил Абу-ль-Хасан. И потом ои сказал: «О брат мой, берегись позора и оставь этот плач».

«О брат мой, я не владею собою,— ответил Али ибн Беккар, а затем он произнес: —

На кисти ее есть то, чего я достичь не мог,—
Рисунок на коже рук — он стойкость сломил мою.

Стрелы своих глаз она страшилась для рук своих
И вот облачила их в кольчугу сплетенную.

И руку мою взял врач, не зная, и молвил я:
«Пости́гни, в сердце боль — пусти ж мою руку ты».

Кричит она призраку, что был и ушел от нас:
«Аллах, каково ему? Прибавить иль скрыть не смей».

Сказал он: «Он был таков, что если бы жаждал он,
И крикнула б ты: «Не пей!» не стал бы он пить тогда».

И тут пролила она с нарциссов жемчужины[1]
На розы, и в пурпур рук вонзила градинок ряд.

А окончив свои стихи, он сказал: «О Абу-ль-Хасан, мне послана беда, от которой я был в безопасности, и нет мне отдыха лучше смерти». И Абу-ль-Хасан ответил ему: «Потерпи, может быть, Аллах тебя вылечит».

А затем Абу-ль-Хасан ушел от него и отправился к себе в лавку, и открыл ее, и, просидев лишь немного, он увидал, что та невольница подходит к нему и приветствует его. И он ответил на ее приветствие и, взглянув на нее, увидел, что она идет с трепещущим сердцем, озабоченная, и на ней видны слезы горести. «Приют и уют тебе! Как поживает Шамс-ан-Нахар?» — спросил он, и невольница ответила: «Я расскажу тебе, что с ней, но в каком состоянии Али ибн Беккар?» И Абу-ль-Хасан рассказал ей обо всем, что было и чем завершилось его дело. И невольница опечалилась и огорчилась, и завздыхала, удивляясь этим делам.

А затем она сказала: «Моя госпожа в еще более удивительном состоянии. Когда вы отправились и ушли, я вернулась, и мое сердце трепетало за вас, и мне не верилось, что вы спасетесь. А вернувшись, я нашла мою госпожу лежащей в беседке, и она не говорила и не отвечала никому, а повелитель правоверных сидел у ее изголовья и не мог никого найти, кто бы

[1] С нарциссом арабские поэты часто сравнивают глаза. Жемчужины — слезы.

ему рассказал о ней, и он не знал, что с ней случилось. А она пролежала без памяти до полуночи и потом очнулась, и повелитель правоверных спросил ее: «Что случилось с тобой, о Шамс-ан-Нахар, и что тебя постигло сегодня ночью?» И, услышав слова халифа, Шамс-ан-Нахар поцеловала ему ноги и воскликнула: «О повелитель правоверных, да сделает меня Аллах выкупом за тебя! Меня охватило нездоровье, и огонь вспыхнул у меня в теле, и я лишилась чувств из-за моих страданий, и не знаю я, что со мной было».— «Что ты ела сегодня днем?» — спросил халиф. И она сказала:«Я позавтракала чем-то, чего никогда не ела». А затем она сделала вид, что стала сильнее, и приказала подать что-нибудь выпить, и выпила, и после того попросила царя вернуться к веселью. И царь сел на свое ложе в беседке, и помещение было приведено в порядок, и когда я пришла к ней, она спросила меня про вас, и я рассказала ей, что я с вами сделала, и повторила ей стихи, которые сказал на прощанье Али ибн Беккар, и она заплакала украдкой, и приумолкла. А потом халиф сел и приказал одной из невольниц петь, и она произнесла:

Клянусь, не сладка мне жизнь, когда удалились вы,
О, если бы знать я мог, как вам без меня жилось!

И, услышав эти стихи, моя госпожа упала на скамью без памяти...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница говорила Абу-ль-Хасану: «И когда моя госпожа услышала эти стихи, она упала на скамью без памяти, а я схватила ее за руку и побрызгала ей в лицо розовой водой, и когда она очнулась, я сказала ей: «О госпожа, не срывай покрова с себя и с тех, кого вмещает твой дворец. Ради жизни твоего возлюбленного будь терпелива».— «Разве может быть в этом деле что-

нибудь хуже смерти? Я ищу ее, и в ней для меня отдых»,— сказала она. И когда мы так разговаривали, одна невольница пропела слова поэта:

Сказали: «Терпение, быть может, нам отдых даст!»
Я молвил: «А как терпеть, когда мы расстались с ним?»

Союз укрепил он наш взаимный, и клялся я
Порвать узы стойкости в прощальном объятии.

А когда невольница кончила свои стихи, моя госпожа упала без памяти, и халиф увидел это и поспешно подошел к ней, и велел убрать напитки, и чтобы все невольницы воротились в свои комнаты, а сам оставался у нее весь остаток ночи, пока не наступило утро. И повелитель правоверных позвал врачей и лекарей и велел им лечить Шамс-ан-Нахар, не зная, какова ее страсть и любовь, и я осталась с нею, пока мне не показалось, что она поправилась. Вот что меня задержало и помешало прийти к вам. Я оставила у нее много приближенных, чьи сердца беспокоятся о ней, и она велела мне пойти к вам, узнать новость об Али ибн Беккаре и вернуться».

Услышав ее слова, Абу-ль-Хасан удивился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я рассказал тебе все новости о нем! Возвращайся к твоей госпоже и передай ей привет, и уговаривай ее хорошенько быть терпеливой. Побуждай ее к этому и скажи ей: «Скрывай тайну!» И передай ей, что я узнал о ее деле и что это дело трудное, где нужна сообразительность». И невольница поблагодарила Абу-ль-Хасана и ушла.

Вот что было с нею.

Что же касается Абу-ль-Хасана, то он просидел в своей лавке до конца дня, а когда день прошел, он поднялся и, выйдя из своей лавки, запер ее, и пришел к дому Али ибн Беккара. Он постучал в дверь, и к нему вышел один из слуг и ввел его. Когда он вошел к Али ибн Беккару, тот улыбнулся и обрадовался его приходу, и воскликнул: «О Абу-ль-Хасан, ты заставил меня тосковать, не придя ко мне сегодня! Моя душа залог за тебя на всю оставшуюся мне жизнь».

«Брось эти речи,— ответил Абу-ль-Хасан,— если бы твое исцеление было в моих руках, я бы, право, сделал это прежде, чем ты бы меня попросил, и если бы тебя можно было выкупить, я выкупил бы тебя своей душой. А сегодня приходила невольница и рассказала, что Шамс-ан-Нахар не могла прийти

в то время, так как у нее был халиф. И невольница мне рассказала обо всем, что было с ее госпожой».

И Абу-ль-Хасан передал ему все, что он слышал от невольницы, и Али ибн Беккар крайне опечалился и заплакал, а затем он обратился к Абу-ль-Хасану и сказал ему: «Заклинаю тебя Аллахом, о брат мой, помоги мне в моем испытании и научи меня, какую применить хитрость. Прошу тебя, сделай милость и переночуй у меня сегодня ночью, чтобы я мог развлечься с тобою».

И Абу-ль-Хасан последовал его приказанию и согласился переночевать у него, и они провели вечер разговаривая. А когда спустилась ночь, Али ибн Беккар начал вздыхать и плакать, и жаловаться, и затем он пролил слезы и произнес такие стихи:

Твой призрак в глазах моих, а имя в устах моих,
А место — в душе моей, так как ты уходишь?

Печалюсь о том лишь я, что жизни проходят дни
И нам не достается свидание на долю.—

И слова другого: —

Мой надежный шлем раздробила ты острием очей,
И копьем ты стана пронзила панцирь терпения.

И открыла нам из-под мускуса твоей родинки
Зари камфору, что пронзает амбры глубокий мрак.

Испугавшись, сгрызла кораллы ты свежим жемчугом,
И жемчужины в пруду сахара поселилися:

Ты вздохнула горько, и в грудь рукой ты ударила,
След оставив там, и увидел то, что не видел я.

Из коралла перья чернилами — амброй серою —
На листке хрустальном пять ровных строчек вывели.

О, повязанный мечом истинным,— коль глядит она —
Берегись удара очей ее сокрушающих.

И удара ты, о копье носящий, страшись ее,
Если ринется на тебя она с копьем стройности.

Окончив эти стихи, Али ибн Беккар испустил громкий крик и упал без памяти. И Абу-ль-Хасан подумал, что дух оставил его тело. И он пролежал без сознания, пока не начал восхо-

дить день, а потом он очнулся и поговорил с Абу-ль-Хасаном, и Абу-ль-Хасан просидел у него до зари. А после того он поднялся и ушел, и, придя в свою лавку, открыл ее, и вдруг та невольница пришла к нему и остановилась подле него.

И когда Абу-ль-Хасан взглянул на нее, она знаком поздоровалась с ним, и он ответил на ее приветствие, и тогда невольница передала ему привет от своей госпожи и спросила: «Как поживает Али ибн Беккар?» — «О добрая невольница,— ответил Абу-ль-Хасан,— не спрашивай, что с ним и как он сильно влюблен: он не спит ночью и не отдыхает днем, и его изнурила бессонница и одолела тоска, и его положение не обрадует любимого». И невольница сказала ему: «Моя госпожа приветствует тебя и его, и она написала ему записку. Ее положение еще хуже, чем его положение. Она отдала мне записку и сказала: «Не приходи ко мне без ответа и сделай так, как я тебе велела». И вот она, эта записка, у меня. Не хочешь ли ты отправиться со мною к нему, и мы возьмем у него ответ?» — «Слушаю и повинуюсь»,— сказал Абу-ль-Хасан. И затем он запер лавку и, взяв с собою невольницу, вышел с нею оттуда, куда вошел. И они шли до тех пор, пока не достигли дома Али ибн Беккара, и тогда Абу-ль-Хасан оставил невольницу стоять у ворот и вошел...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-ль-Хасан пошел с невольницей к дому Али ибн Беккара и, оставив ее у ворот, вошел в дом. И Али ибн Беккар, увидя его, обрадовался, а Абу-ль-Хасан сказал ему: «Я пришел потому, что такой-то прислал к тебе свою невольницу с запиской, содержащей привет тебе, и он говорит в ней, что не приходит к тебе из-за одного обстоятельства. А невольница стоит у двери. Позволишь ли ты ей войти?» — «Введите ее!» — сказал Али. И Абу-ль-Хасан подмигнул ему, что это невольница Шамс-ан-Нахар, и Али ибн Беккар понял знак.

А когда невольница вошла, он поднялся и обрадовался, и спросил ее знаками: «Как поживает твой господин, да исцелит

и да излечит его Аллах!» А она ответила: «Хорошо!» А затем вынула записку и подала ее юноше. И Али ибн Беккар взял записку, поцеловал ее и, развернув, прочитал, а потом отдал Абу-ль-Хасану, и тот увидел, что в ней написаны стихи:

Мой посланный тебе скажет все новости,
Что скажет он, пусть заменит свидание.

Влюбленную в тебя страстно оставил ты,
И бодрствуют неизменно глаза ее.

Я стойкою быть стараюсь в несчастии,
Но тварь отразить не может судьбы удар.

Будь счастлив и не забудь ты души моей,
О, если бы век не скрывался ты с глаз моих!

Взгляни, как ты худ стал телом и болен как,
И знай, каково мне ныне, по тем следам.

А далее: «Без пальцев письмо я тебе выводила и без языка с тобою говорила. Говорить если вкратце, глаза мои сна не знают, и сердце мое думы не покидают. И как будто здоровьем век я не наслаждалась и с печалью не расставалась, и словно не видела зрелищ красивых и в жизни дней не проводила счастливых. Я как будто из любви сотворена и из печалей и горестей создана, недуги мои сменяются, и страсть моя умножается. И страсть моя велика, и вздымается в сердце тоска, и я стала такою, как сказал поэт:

Душа моя связана, а мысли развязаны,
Глаза мои бодрствуют, а тело устало.

Терпенье оставило, разлука приблизилась,
И ум помутился мой, а сердце украли.

И знай, что жалобы и стенанья не погасят огня испытанья, но развлекают больного, измученного страданием разлуки. И утешаюсь я, повторяя слова: сближенье. Как прекрасны слова из стихотворенья:

Когда не найдешь в любви прощенья и гнева ты —
То где наслажденне письмом и посланьями?».

И когда Абу-ль-Хасан прочел эту записку, слова ее взволновали его, и смысл ее поразил в самое уязвимое место.

А затем Али ибн Беккар дал невольнице ответную записку, и когда она взяла ее, он сказал: «Передай своей госпоже мой привет и осведоми ее о моей любви и страсти; скажи ей, что любовь смешалась у меня с мясом и костями и что я нуждаюсь в друге, который бы спас меня из моря гибели и освободил меня от этих сетей. Время и его превратности мне враждебны; найдется ли помощник, который выручит меня из этих несчастий?»

И он заплакал, и невольница тоже заплакала от его слез, и простилась с ним, и вышла от него. И Абу-ль-Хасан вышел с ней вместе, и они простились. Она ушла своей дорогой, а Абу-ль-Хасан отправился в свою лавку, открыл ее и сел там по обыкновению...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Абу-ль-Хасан простился с невольницей и отправился в свою лавку, открыл ее, и сел там по обыкновению. А усевшись на свое место, он почувствовал, что сердце его сжалось и стеснилась грудь. И он не знал, как ему поступить. Так он провел в размышлении остаток дня и вечер, а на следующий день отправился к Али ибн Беккару и просидел у него, пока народ не ушел. Тогда он спросил Али ибн Беккара, как он поживает, и тот принялся сетовать на любовь и на охватившую его страсть и волнение, и произнес слова поэта:

И прежде меня о муках любви стонали,
Живой и мертвец страшились всегда разлуки.

Но все же такого, что в сердце моем таится,
Не видывал я, не слыхал я вовеки,—

И слова поэта: —

Любя тебя, то вынес я, чего не знал,
Влюбившись в Лейлу, Кайс ее безумный.

Но за зверями по степям не гнался я,
Как делал Кайс: безумствуют ведь разно.

И Абу-ль-Хасан воскликнул: «Я не видел и не слышал о подобном тебе в любви! Как может быть такое волнение и слабость в движениях, когда ты увлекся возлюбленной, отвечающей тебе! Каково же будет, если ты полюбишь возлюбленную, не согласную с тобою, которая будет тебя обманывать, и это раскроется?»

И эти слова понравились Али ибн Беккару, и он доверился им и поблагодарил Абу-ль-Хасана. А у Абу-ль-Хасана был друг, осведомленный о его деле с Али ибн Беккаром, который знал, что они заодно, и никто, кроме него, не знал, что происходит между ними. Он приходил к Абу-ль-Хасану и спрашивал, как поживает Али ибн Беккар, а спустя малое время, он спросил про девушку, и Абу-ль-Хасан обманул его и сказал: «Она позвала его к себе, и между ними было то, больше чего не бывает, и это последнее, что дошло до меня про них. А сам для себя я придумал дело и план, который хочу изложить тебе».— «Какой же это план?» — спросил друг Абу-ль-Хасана. И Абу-ль-Хасан ответил: «Знай, о брат мой, про меня известно, что я обделываю много дел между мужчинами и женщинами; но я боюсь, о брат мой, что это дело раскроется и станет причиной моей гибели и захвата моего имущества, и посрамят мою честь и честь моей семьи. По моему мнению, мне надо собрать деньги и, снарядившись, отправиться в город Басру, и жить там, пока я не увижу, что станется с ними, а обо мне никто не узнал. Любовь овладела этими двумя, и между ними пошла переписка. Дело в том, что ходит от одного к другому невольница, которая скрывает их тайны, но я боюсь, что ей это наскучит, и она выдаст тайну кому-нибудь, и тогда весть о них распространится, и это приведет к моей гибели и будет причиной того, что я пропаду и не окажется у меня оправдания перед людьми». И его друг отвечал ему: «Ты рассказал мне об опасном деле, которого страшится разумный и сведущий. Да избавит тебя Аллах от этого зла, которого ты боишься и опасаешься, и да спасет тебя от последствий, которые тебя страшат! А твой план — он правилен».

И Абу-ль-Хасан отправился к себе домой и стал справлять свои дела, и снаряжаться в путь в город Басру, и не прошло трех дней, как он уже устроил дела и выехал, направляясь в Басру. И его друг пришел через три дня его навестить, но не нашел его. И когда он спросил о нем соседей, ему сказали: «Он отправился в Басру три дня назад, так как у него есть

дела с тамошиими купцами. Ои поехал требовать с должииков н скоро вериется».

И тот человек растерялся и не знал, куда идти, и воскликнул: «О, если бы я ие разлучался с Абу-ль-Хасаном!» Потом он прндумал способ, чтобы пробраться к Али ибн Беккару, и, придя к его дому, сказал одному из слуг: «Попроси для меня у твоего господнна разрешения войтн и передай ему привет».

И слуга вошел и рассказал своему господнну об этом человеке, а потом вернулся к иему н разрешнл ему войти к Али ибн Беккару. И тот человек вошел и увидел, что Али ибн Беккар лежнт иа подушках. Он прнветствовал его, и Алн нби Беккар ответил на его приветствне и сказал ему: «Добро пожаловать!»

Затем тот юноша нзвнннлся перед инм за то, что ие приходнл к иему все это время, и сказал: «О господин, между миою и Абу-ль-Хасаном дружба, н я доверял ему свои тайиы и ни на мннуту ие расставался с инм, но я отлучнлся иа три дня по некоторым делам с несколькнми товарнщами, и затем пришел к Абу-ль-Хасаиу н нашел его лавку запертой, н тогда я спроснл о нем соседей, и они сказалн, что он отправился в Басру. Я не знаю лучшего его друга, чем ты; ради Аллаха, скажн мне, что с инм».

И когда Али ибн Беккар услышал слова юиоши, у него нзменился цвет лнца, и он взволновался и вcovклнкнул: «Я не слышал до сего дия о его путешествни, и если дела таковы, как ты говорншь, мне достанутся тяготы! — И он пронзнес: —

Я плакал о радостях, что мною упущены,
И были любнмые не врозь, но все же вместе.

Сегодня же разлучил нас с ними жестокий рок,
И ныне я слезы лью о людях любнмых».

А потом Али ибн Беккар опустнл голову, размышляя, а через мииуту поднял голову и сказал одному нз своих слуг: «Пойди в дом Абу-ль-Хасана и спросн, пребывает лн ои здесь, нли уехал, а если скажут: «Уехал», спросн, в какую сторону он отправился».

И слуга ушел и ненадолго скрылся, а затем пришел к своему господнну н сказал: «Когда я спроснл об Абу-ль-Хасане, его родные рассказалн, что он уехал в Басру, но я нашел там невольнnцу, которая стояла у двери, и, увндав меня, узнала, а я ие узнал ее. Она спросила: «Ты слуга Алн ибн Беккара?» И я

отвечал: «Да». И она сказала: «У меня есть послание к нему от самого дорогого для него человека». И она пришла со мною и стоит у дверей».— «Введи ее!» — сказал Али ибн Беккар.

И слуга пошел и привел девушку, и тот человек, который был у Али ибн Беккара, посмотрел на невольницу и нашел ее красивой. И невольница подошла к Али ибн Беккару и приветствовала его...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО СТА ШЕСТИДЕСЯТИ

Когда же настала ночь, дополняющая до ста шестидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница, войдя к Али ибн Беккару, подошла к нему и приветствовала его, и заговорила с ним потихоньку, а он клялся и уверял, во время разговора, что не говорил этого, и затем невольница простилась с ним и ушла. А тот человек, друг Абу-ль-Хасана, был ювелир, и когда невольница ушла, он нашел время для разговора и сказал Али ибн Беккару: «Наверное, и нет сомнения в том, что во дворе халифа тебя разыскивают или между тобою и ею есть дело».— «А кто тебя осведомил об этом?» — спросил Али ибн Беккар. И юноша ответил: «Я знаю эту девушку — она невольница Шамс-ан-Нахар. Когда-то давно она приносила записку, где было записано, что Шамс-ан-Нахар желает жемчужное ожерелье, и я послал ей ожерелье за дорогую цену».

Услышав эти слова, Али ибн Беккар так взволновался, что все испугались, как бы он не погиб, но потом он оправился и спросил: «О брат мой, ради Аллаха, прошу тебя, скажи мне, откуда ты ее знаешь?» — «Брось приставать с вопросами,— ответил ювелир». Но Али ибн Беккар воскликнул: «Я не отступлю от тебя, пока не расскажешь мне правду!» — «Я расскажу тебе,— ответил торговец,— чтобы тебя не взяло подозрение и не поразила бы тебя из-за моих слов тоска. Я не скрою от тебя тайны и изложу тебе все дело по правде, но с условием, что ты мне расскажешь, что с тобою и почему ты болен».

И Али ибн Беккар рассказал ему о себе и прибавил: «Клянусь Аллахом, о брат мой, меня побуждает скрывать мое дело от других только опасение, так как люди срывают покровы друг с друга». И тогда ювелир сказал Али ибн Беккару: «Я хотел с тобою встретиться лишь потому, что сильно люблю тебя и всегда тревожусь о тебе. Мне жалко твое сердце, которое страдает от мучения разлуки, и, может быть, я буду твоим другом взамен моего приятеля Абу-ль-Хасана, пока он в отлучке. Успокой же свою душу и прохлади глаза!»

И Али ибн Беккар поблагодарил его за это и произнес такие два стиха:

Когда б объявил себя я стойким в разлуке с ним,
Открыли бы ложь мою рыданья и слезы.

И как утаить могу я слезы, текущие
По впадинам щек моих в разлуке с любимым?

И он промолчал некоторое время, а потом спросил ювелира: «Знаешь ли ты, что сказала мне потихоньку невольница?» — «Клянусь Аллахом, нет, о господин!» — отвечал ювелир. И Али ибн Беккар сказал: «Она утверждает, что я посоветовал Абу-ль-Хасану отправиться в Басру и что я придумал таким образом хитрость, чтобы прекратилась наша переписка и связь. Я клялся ей, что этого не было, но она не поверила мне и ушла к своей госпоже, сохраняя прежнее подозрение, так как она прислушивалась к мнению Абу-ль-Хасана и повиновалась ему».— «О брат мой,— отвечал ювелир,— по состоянию невольницы я понял об этом деле и догадался о нем, но если пожелает Аллах великий, я буду тебе помощником в том, что ты хочешь».— «А кто может мне помочь,— воскликнул юноша,— и что ты с нею сделаешь, когда она бежит, как зверь в пустыне?» — «Клянусь Аллахом,— сказал ювелир,— я не премину приложить старания, чтобы тебе помочь и придумать, как бы тебе пробраться к ней, без вреда и не снимая завесы с этого дела».

А затем он попросил разрешения удалиться, и Али ибн Беккар сказал ему: «О брат мой, тебе надлежит хранить тайну». И он посмотрел на него и заплакал, а ювелир простился с ним и ушел...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ

И когда же настала сто шестьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир простился с юношей и ушел, и не знал он, что сделает, чтобы помочь Али ибн Беккару. И он шел, раздумывая об этом, и вдруг видит бумажку, брошенную на дорогу. Он взял ее и посмотрел адрес, и прочитал его, и видит, он гласит: «От младшего влюбленного к старшему любимому». И, развернув бумажку, он увидел, что на ней написаны такие два стиха:

> Пришел посланец ко мне, любовью маня твоей,
> Я думал — верней всего, что как-то ошибся он.
>
> И радостен не был я, но стал еще горестней,
> Ведь знал я, что мой гонец не выказал разума.

А затем: «Знай, о господин, что я не ведаю причины прекращения переписки между нами, и если ты выказал суровость, то я встречу ее верностью, а если любовь от тебя ушла, то я храню любовь, несмотря на отдаление. Я с тобою такова, как сказал поэт:

> Гордись — снесу; будь жесток — стерплю; возносись — склонюсь;
> Назначай — приму; говори — я слышу; вели — я раб».

И когда он читал записку, вдруг подошла та невольница, оглядываясь направо и налево, и она увидала бумажку в руках ювелира и воскликнула: «О господин, эту бумажку я уронила!» Но он ничего не ответил ей и двинулся вперед, а невольница следовала за ним, пока он не подошел к своему дому.

И он вошел, а невольница вошла за ним и сказала: «О господин, отдай мне эту записку и верни ее — это у меня она выпала».— «О добрая девушка,— отвечал ювелир, повернувшись к ней,— не бойся и не печалься. Аллах ведь покровитель и любит покровительствовать. Расскажи мне, в чем дело; поистине, я хранитель тайн, но я возьму с тебя клятву, что ты не скроешь от меня ничего о твоей госпоже. Может быть, Аллах поможет мне исполнить ее желания и облегчит трудные дела, пользуясь моею рукой».

И услышав его слова, девушка сказала: «О господин, не пропадет тайна, которую ты хранишь, и не окончится неудачей дело, если ты стараешься его исполнить. Знай, что мое сердце склонилось к тебе, и я открою тебе мою тайну, а ты отдай мне

бумажку». И она рассказала ему всю историю и сказала: «Аллах тому, что я говорю, свидетель», а ювелир воскликнул: «Ты права, так как мне известны корни этого дела».

И он рассказал историю Али ибн Беккара, и то, как он узнал его тайные мысли, и поведал ей обо всем деле, с начала до конца. И, услышав это, невольница обрадовалась, и они сговорились, что она возьмет записку и отдаст ее Али ибн Беккару, а обо всем, что случится, расскажет ювелиру, вернувшись к нему.

И ювелир отдал бумажку невольнице, которая взяла ее и запечатала, как раньше, и сказала: «Моя госпожа Шамс-ан-Нахар отдала мне ее запечатанной, а когда Али ибн Беккар прочитает ее и даст мне ответ, я приду к тебе».

Потом невольница простилась с ним и отправилась к Али ибн Беккару, которого она нашла ожидающим. Она отдала ему бумажку, и он прочитал ее и написал ответное письмо, которое отдал девушке, и та взяла его и вернулась к ювелиру.

И ювелир взял письмо и, сломав печать, прочитал его, и увидел, что там написаны такие два стиха:

Посланья, что наш гонец всегда у себя хранил,
Исчезли, и сердится гонец наш на нас теперь.

Так выберите гонца от вас ко мне верного,
Умел чтоб правдивым быть, а лгать не умел совсем.

А после: «Я не совершил обмана и не погубил доверенного, не проявил суровости, не оставил верности, не нарушил договора и не прерывал любви. Я не расставался с печалью и после разлуки нашел себе лишь гибель, и я совсем не знаю, о чем вы говорите, и люблю только то, что вы любите. Клянусь знающим все скрытое и тайну,— я стремлюсь только встретиться с любимым, и мое дело — скрывать страсть, даже если я стану болен от недугов. Вот рассказ о том, каково мне, и конец».

Когда ювелир прочел эту бумажку и понял, что в ней написано, он горько заплакал, а невольница сказала ему: «Не выходи отсюда, пока я не вернусь к тебе: Али ибн Беккар заподозрил меня кое в чем, но это ему простительно. А я хочу свести тебя с моей госпожой Шамс-ан-Нахар какой бы то ни было хитростью. Я оставила ее лежащей, и она ждет от меня ответа».

Потом невольница ушла к своей госпоже, а ювелир провел ночь с взволнованным сердцем.

Когда же настало утро, он совершил утреннюю молитву и сидел, ожидая ее прихода, и вдруг видит, она приближается, радостная, и входит к нему. «Что нового, о девушка?» — спросил он ее, и она отвечала: «Я ушла от тебя к моей госпоже и отдала ей записку, которую написал Али ибн Беккар, а моя госпожа прочитала записку и, поняв ее смысл, смутилась, и не знала, что думать, а я сказала ей: «О госпожа моя, не бойся, что дела, которые между нами, испортятся из-за отсутствия Абу-ль-Хасана. Я нашла кого-то, кто заступит его место, и он лучше его, и выше саном и более пригоден для сокрытия тайны». И я рассказала ей, что произошло у тебя с Абу-ль-Хасаном и как ты подладился к нему и к Али ибн Беккару, и как эта записка у меня выпала и ты наткнулся на нее, и еще я рассказала ей, на чем мы с тобою порешили».

И ювелир удивился до крайности, а невольница сказала ему: «Моя госпожа желает услышать твои речи, чтобы они подтвердили ей, какие обеты вы с Али ибн Беккаром дали друг другу. Собирайся же идти со мной к ней сию же минуту».

Услышав слова невольницы, ювелир увидел, что это будет большая опасность и великое дело, которое нельзя предпринять и начать внезапно, и сказал невольнице: «О сестрица, я из детей простого народа и не таков, как Абу-ль-Хасан, так как Абу-ль-Хасан был высок саном, славен и знаменит и вхож во дворец халифа, где нуждались в его товарах. А что до меня, то Абу-ль-Хасан мне рассказывал, а я дрожал перед ним из-за его рассказа. И если твоя госпожа желает со мной поговорить, то это должно быть не во дворце халифа, а далеко от жилища повелителя правоверных. Мой разум не подчиняется мне, чтобы исполнить то, о чем ты говоришь». И он отказался идти с нею, а невольница ручалась ему за безопасность и говорила: «Не бойся и не страшись беды».

И тогда он решился пойти с нею, но у него подогнулись ноги и задрожали руки, и он воскликнул: «Сохрани Аллах от того, чтобы я пошел с тобою, и у меня нет силы для этого!». И тогда невольница сказала ему: «Успокой свое сердце! Если тебе тяжело пойти во дворец халифа и ты не можешь отправиться со мною, то я заставлю ее прийти к тебе. Не двигайся же с места, пока я не приду к тебе с нею».

Потом невольница ушла и отсутствовала лишь недолго, и возвратилась к ювелиру, и сказала ему: «Берегись, чтобы у тебя не оказалось кого-нибудь из слуг или невольниц». А он отве-

чал: «У меня нет никого, кроме черной невольницы, старой годами, которая мне прислуживает». И невольница поднялась и заперла дверь, ведущую от ювелира к его служанке, а слуг ювелира она выслала из дому.

Потом она вышла и вернулась, и с ней была девушка, которая шла сзади. Она ввела ее в дом ювелира, и дом стал благоухать от духов. И, увидя ее, ювелир поднялся на ноги и поставил ей скамейку с подушкой, и девушка села, а он сел напротив нее. И девушка просидела некоторое время, ничего не говоря, пока не отдохнула, а потом она открыла лицо, и ювелиру показалось, что солнце засияло в его жилище. И она спросила свою невольницу: «Это тот человек, про которого ты мне говорила?» — «Да»,— отвечала невольница. И девушка обернулась к ювелиру и спросила его: «Как ты живешь?» — «Хорошо, в молитвах за твою жизнь и жизнь повелителя правоверных»,— отвечал он, и Шамс-ан-Нахар молвила: «Ты заставил нас прийти к тебе и осведомить тебя о тайнах, которые есть у нас». Затем она спросила его о родных и семье, и ювелир открыл ей все обстоятельства своей жизни и сказал: «У меня есть еще дом, кроме этого дома, который я назначил для встреч с друзьями и братьями, и там нет никого из моих, кроме той служанки, про которую я говорил твоей невольнице».

Потом Шамс-ан-Нахар принялась его расспрашивать, как он узнал о начале всей истории и о деле Абу-ль-Хасана и почему тот уехал. И ювелир сказал ей, что пришло Абу-ль-Хасану на ум и побудило его выехать, и Шамс-ан-Нахар стала вздыхать о разлуке с Абу-ль-Хасаном и сказала: «О такой-то, знай, что души людей сходны в страстях и одни люди стоят других. Не может исполниться дело без слов, не достигается цель без старанья, и достается отдых только после труда...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто шестьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шамс-ан-Нахар говорила ювелиру: «Отдых достается лишь после труда, и успех сопутствует только благородным. Теперь я посвятила тебя в наше дело, и в твоей власти сорвать с нас покров, но нет благо-

родства больше твоего. Ты знаешь, что эта невольница хранит мою тайну, и поэтому она занимает у меня большое место. Я избрала ее для важных дел, и пусть не будет для тебя никого выше ее. Осведоми ее о своих делах и будь спокоен — ты в безопасности от того, чего ты боишься из-за нас, и не будешь ты заперт в таком месте, которое бы она тебе не открыла. Она станет приходить к тебе от меня с новостями для Али ибн Беккара, а ты будешь посредником при передаче вестей между нами».

Потом Шамс-ан-Нахар поднялась (а она едва могла подняться) и пошла. И ювелир шел перед ней, пока она не достигла ворот его дома; а затем он вернулся и сел на свое место, насмотревшись на ее красоту, которая его ошеломила, и, услышав ее слова, от которых смутился его ум, и ее образованность и изящество поразили его. И он просидел, раздумывая о свойствах девушки, пока душа его не успокоилась, и тогда он потребовал пищи и поел, чтобы удержать дух в теле, а затем он переменил одежду и, выйдя из дому, направился к юноше Али ибн Беккару.

Он постучал в ворота, и слуги не замедлили встретить его и шли перед ним, пока не привели его к своему господину. И ювелир нашел его лежащим на постели. И, увидя ювелира, Али сказал: «Ты заставил ждать себя и прибавил заботы к моей заботе». А затем он отослал слуг своих и велел запереть двери, и сказал ювелиру: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не сомкнул глаз с того дня, как мы с тобою расстались. Невольница приходила вчера ко мне с запечатанной запиской от своей госпожи Шамс-ан-Нахар».

И Али ибн Беккар рассказал ему обо всем, что произошло у него с невольницей, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я растерялся и не знаю, что делать, и мало у меня терпения! Абу-ль-Хасан был мне другом, так как он знал невольницу». Услышав его слова, ювелир засмеялся, и Али ибн Беккар спросил его: «Как можешь ты смеяться моим словам, когда я обрадовался тебе и сделал тебя защитой против превратностей»

И он принялся вздыхать и плакать, и произнес такие стихи:

Над плачем смеется он моим, увидав меня —
Стерпев, что я вытерпел, он сам бы заплакал.

Над любящим сжалится в его испытаниях
Лишь тот, кто, как он, в тоске и долго страдает.

Любовь и печаль, и стон, и мысль, и тоска моя —
По милом, что в уголках души обитает.

В душе поселился он и бросить не мог ее
На миг, но как ценно мне его пребыванье!

И друга иного я взамен не хочу его,
И, кроме него, никто мне не был любимым.

Когда ювелир услышал от него такие слова и понял эти нанизанные стихи, он заплакал из-за его плача и рассказал ему о том, что случилось у него с невольницей и ее госпожой с тех пор, как он ее покинул. И Али ибн Беккар прислушивался к его словам, и при каждом слове, который слышал он, цвет его лица переходил от бледного к алому, и тело его становилось то сильнее, то ослабевало. И когда ювелир дошел до конца рассказа, Али ибн Беккар заплакал и воскликнул: «О брат мой, я, во всяком случае, погибаю! О, если бы мой срок был близок и я избавился бы от этого! Но я прошу у тебя милости — будь мне помощником и успокоителем во всех делах, пока Аллах захочет, чего захочет — я не стану ни словом перечить тебе».

«Ничто не погасит в тебе этого огня, кроме встречи с той, кем ты увлекся,— сказал ювелир,— но это произойдет не в таком опасном месте. Нет, встреча будет у меня, в том помещении, куда приходила невольница и ее госпожа. Это тот дом, который она сама себе выбрала; и я хочу свести вас друг с другом, чтобы вы могли пожаловаться на муки любви, перенесенные вами».— «О господин,— отвечал Али ибн Беккар,— делай что хочешь, награда тебе у Аллаха! Поступай же так, как найдешь правильным, и не затягивай, чтобы я не умер от этих огорчений!»

И я провел у него эту ночь, развлекая его рассказами, пока не взошел день и не настало утро,— говорил ювелир...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала сто шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир говорил: «И я провел у него эту ночь, развлекая его рассказами, пока не взошел день, а потом я совершил утреннюю молитву и, выйдя от

него, направился к себе домой. И я успел просидеть лишь немного, пока пришла невольница. Она приветствовала меня, а я отвечал на ее приветствие и рассказал ей о том, что произошло у меня с Али ибн Беккаром.

«Знай,— сказала невольница,— что халиф уехал от нас, и в нашем доме нет никого. В нем будет лучше, и мы будет вернее скрыты».— «Твои слова правильны, но все же тот дом не таков, как этот. Мой дом больше подходит для нас и лучше нас скроет»,— сказал я, и невольница отвечала: «Верное мнение — твое мнение! Я иду к моей госпоже, чтобы передать ей твой рассказ и изложить ей то, что ты говоришь».

И она поднялась и ушла, и придя к своей госпоже, изложила ей весь разговор, а потом она воротилась в мое жилище и сказала мне: «Дело вышло так, как ты говорил; приготовь же для нас помещение и ожидай нас». Потом она вынула из-за пазухи мешок с динарами и сказала: «Моя госпожа тебя приветствует и говорит тебе: «Возьми этот мешок и трать из него на все, что понадобится по обстоятельствам».

И я поклялся, что не возьму ничего из денег, а невольница взяла мешок и вернулась к своей госпоже, и сказала ей: «О госпожа, он не принял денег, но отдал их мне». И госпожа ее ответила: «Не беда!»

А после ухода невольницы,— говорил ювелир,— я поднялся и пошел в свой второй дом и переправил туда всю нужную утварь и роскошные ковры, и перенес в этот дом фарфоровые, стеклянные, серебряные и золотые сосуды. Я приготовил все, что требовалось из еды и питья, и когда невольница пришла и увидела, что я сделал, это ей понравилось, и она велела мне привести Али ибн Беккара. «Его не приведет никто, кроме тебя»,— сказал я ей. И она пошла и привела его в превосходнейшем состоянии, и прелесть его была светла.

И я встретил его словами: «Добро пожаловать!» — рассказывал ювелир,— и, усадив его на подходящую скамейку, поставил перед ним немного очищенных цветов в фарфоровых и хрустальных сосудах разного цвета. А потом я разостлал перед ним скатерть со всякими кушаньями, вид которых расправляет грудь, и сел с ним разговаривать, чтобы утешить его. Невольница же ушла и отсутствовала до вечера, а после заката солнца она вернулась, и с ней была Шамс-ан-Нахар и две служанки, и больше никого. И когда она увидала Али ибн Беккара и Али ибн Беккар увидел ее, он поднялся на ноги и обнял ее, и она

тоже его обняла, и оба упали на землю без сознания и пролежали с час времени.

А очнувшись, они принялись жаловаться друг другу на мученья разлуки и потом сидели, и разговаривали, ведя ясные, мягкие и нежные речи, и взяли немного благовоний. И после того они стали благодарить меня за то, что я сделал, и я спросил их: «Не хотите ли чего-нибудь поесть?» — «Хорошо!» — отвечали они. И я принес им кушанья, и они ели, пока не насытились, и вымыли руки.

И я перевел их после того в другое помещение и принес им вина, и они выпили и опьянели, и наклонились друг к другу. И Шамс-ан-Нахар сказала: «О господин, доверши свою милость — принеси нам лютню или какой-нибудь музыкальный инструмент, чтобы наша радость стала в этот час полной».— «На голове и на глазах!» — ответил я и, поднявшись, принес лютню. И Шамс-ан-Нахар взяла ее и настроила, а потом положила лютню на колени и искусно ударила по ней, поднимая в душе огорчения и увеселяя печального. А затем она произнесла такие два стиха:

Не спал я, как будто бы люблю бессонницу,
И таю, как будто бы недуг для меня рожден.

Бежит по щеке слеза и жжет, как огнем, ее,
О, если бы знать я мог, расставшись, сойдемся ль мы!

И затем она принялась петь стихи, так что смутила разум. Пела она восхитительные стихотворения на разные голоса, и дом едва не плясал от великого восторга — такие она проявила чудеса в своем пении. И у нас не осталось ни разума, ни мыслей, и когда мы хорошо уселись и чаши заходили между нами, невольница затянула напев и произнесла такие стихи:

Обещал любимый свиданье мне, и исполнил он
В такую ночь, что за ряд ночей сочту я.

О ночь дивная! Даровал нам рок ей подобную,
А доносчики и хулители не знали.

И любимый спал, мой сжимая стан рукой правою,
И от радости обняла его я левой.

И, обняв его, упивалась я его уст вином,
И достался мне и медовый сок и улей!

И когда мы утопали в море радости,— говорил ювелир,— вдруг вошла к нам, вся дрожа, маленькая служанка и сказала: «О госпожа, подумай, как тебе уйти: люди окружили нас и настигли, и мы не знаем, какая этому причина».

Услышав это, я встал испуганный, и вдруг слышу, одна невольница кричит: «Пришла беда!» И стала земля для меня тесна при всем своем просторе. И я взглянул на ворота, но не нашел там пути. Я подскочил к воротам соседа и спрятался, и увидел, что люди вошли в мой дом, и поднялся великий шум.

Я подумал тогда, что весть о нас дошла до халифа, и он послал начальника стражи, чтобы схватить нас и привести к нему. И я растерялся и просидел за воротами соседа до полуночи, не имея возможности выйти оттуда, где я был. И поднялся хозяин дома, и, увидев меня, испугался, и почувствовал из-за меня великий страх. Он вышел из дома и подошел ко мне, держа в руке обнаженный меч, и спросил: «Кто это у нас?» А я ответил ему: «Я твой сосед, ювелир».

И он узнал меня и повернул назад, а потом принес свет и, подойдя ко мне, сказал: «О брат мой, нелегко было мне то, что случилось с тобою сегодня вечером!» — «О брат мой,— спросил я его,— осведоми меня, кто был в моем доме и вошел туда, и сломал ворота? Я убежал к тебе и не знаю, как было дело». И сосед мой ответил: «Воры, которые забрались вчера к нашим соседям и убили такого-то, и забрали его деньги, видели, как ты переносил свои вещи и принес их в этот дом. Они пришли к тебе, взяли то, что у тебя было, и убили твоих гостей».

И мы с моим соседом встали и пошли в мой дом,— говорил ювелир,— и увидели, что дом пуст и в нем ничего не осталось. И я расстроился и воскликнул: «Что до вещей, то я не беспокоюсь об их пропаже, даже если это вещи, которые я одолжил у моих друзей! Не беда: друзья узнают, что я не виноват, так как мое имущество пропало, и дом разграблен. А вот что касается Али ибн Беккара и любимицы повелителя правоверных — я боюсь, что их дело станет известно, и это будет причиной гибели моей души».

И я обернулся к соседу и сказал ему: «Ты мой брат и сосед и покрываешь мой срам — что же ты мне посоветуешь сделать?» — «Вот что я тебе посоветую: выжидай! — сказал этот человек.— Те, что вошли в твой дом и взяли твои деньги, перебили лучший отряд из дворца халифа и отряд людей от начальника стражи, и правительственные стражники ищут их по всем

дорогам. Может быть, они их повстречают, и тогда то, что ты хочешь, достанется тебе без труда».

И ювелир, услышав это, вернулся в свой другой дом, где он жил...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто шестьдесят четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня о счастливый царь, что ювелир, услышав эти слова, вернулся в свой другой дом, где он жил, и говорил себе: «Со мной случилось то, чего убоялся Абу-ль-Хасан. Он вот уехал в Басру, а я попался».

А весть о том, что его дом разграблен, распространилась среди людей, и люди стали приходить к нему со всех сторон, и некоторые злорадствовали, а другие оправдывали его и разделяли его горе. И ювелир жаловался им и не ел, и не пил, так ему было тяжело.

И вот однажды он сидел и горевал, и вдруг вошел к нему один из его слуг и сказал:«У ворот человек, который зовет тебя, и я его не знаю».

И ювелир вышел и поздоровался с пришедшим, и оказалось, что этот человек ему не знаком. «У меня с тобой будет разговор»,— сказал этот человек. И ювелир ввел его в дом и спросил: «Что у тебя за разговор?» А человек ответил: «Пойдем со мной в твой другой дом».— «А разве ты знаешь мой другой дом?» — спросил ювелир. «Все, что с тобой случилось, мне известно,— отвечал пришедший,— и еще я знаю нечто такое, чем Аллах облегчит твою заботу». И я подумал про себя: «Пойду с ним, куда он захочет».

И мы отправились и пришли к дому, но человек, увидев этот дом, сказал: «У него нет ни ворот, ни привратника, и в нем нельзя сидеть. Пойдем в другое место». И этот человек ходил с места на место, и я за ним, пока не пришла ночь, и я ни о чем его не спрашивал. И он все шел, и я шел с ним, пока мы не вышли на равнину, и человек говорил мне: «Следуй за мной!»— и ускорял шаги, а я торопился за ним и укреплял свое сердце, чтобы идти.

И мы пришли к реке и сели в лодку, и матрос стал грести

и переправил нас на другой берег. И тогда этот человек вышел из лодки и повел по улице, на которую я в жизни не заходил, и не знал я, в какой она стороне. А затем человек остановился у ворот одного дома, открыл их и, войдя, ввел меня с собою и запер ворота на железный замок. И он провел меня по проходу, и мы вошли к десяти человекам, которые все были, как один, и это были братья.

И мы приветствовали их,— рассказывал ювелир,— и они ответили на наш привет и велели нам сесть, и мы сели, а я уже погиб от сильной усталости. Мне принесли розовой воды и обрызгали мне лицо, и дали мне выпить вина, а потом мне принесли пищу, и некоторые из этих людей поели со мной вместе, и я подумал: «Если бы в пище было что-нибудь вредное, они не ели бы со мной». А когда мы вымыли руки, каждый вернулся на свое место.

И эти люди спросили меня: «Знаешь ли ты нас?» — «Нет,— ответил я,— я в жизни вас не видел, и даже не видел того, кто привел меня к вам, и никогда не видывал я этого места».— «Расскажи нам, что с тобою было, и не лги ни в чем»,— сказали они, и я ответил: «Знайте, что мои обстоятельства дивны и дело мое удивительно. Знаете ли вы обо мне что-нибудь?» — «Да, мы те, что взяли прошлой ночью твои вещи, и мы забрали твоего друга и ту, что пела с ним»,— сказали они. И я воскликнул: «Да опустит Аллах на вас свой покров! Где мой друг и та, что с ним пела?» И они показали мне рукой в сторону и сказали: «Там, но клянемся Аллахом, о брат наш, их тайна неизвестна никому из нас, кроме тебя, и с тех пор, как мы привели их, мы их не видели до сего времени, и мы не спрашивали их, кто они, так как видели их величие и достоинство. А вот тот человек, который помешал нам их убить. Расскажи же нам о них истину и можешь не опасаться за себя и за них».

Услышав эти слова,— говорил ювелир,— я едва не погиб от страха и ужаса и сказал им: «О братья, знайте, что когда великодушие пропадет, оно найдется только у вас, и если у меня будет тайна, распространения которой я буду бояться, ее скроет ваша грудь!» И я стал прибавлять им в этом смысле, а потом я нашел, что поспешить с рассказом будет полезнее и лучше, чем скрывать его, и стал им рассказывать обо всем, что мне выпало, пока не дошел до конца рассказа. И, услышав мою повесть, они спросили: «А тот юноша — Али ибн Беккар, а та девушка — Шамс-ан-Нахар?» И я ответил им: «Да».

И им стало тяжело, и они встали и извинились перед нами обоими, а потом они сказали мне: «Часть того, что мы взяли из твоего дома, пропала, а это остаток». И мне отдали бо́льшую часть вещей и обязались возвратить их на место, ко мне домой, и вернуть мне остальное, и мое сердце успокоилось, но только воры разделились надвое; часть их была за меня, а часть против меня. Потом мы вышли из этого дома, и вот что было со мною.

Что же касается Али ибн Беккара и Шамс-ан-Нахар, то они были близки к гибели от сильного страха. А затем я пошел к Али ибн Беккару и Шамс-ан-Нахар и поздоровался с ними, и сказал им: «Если бы узнать, что случилось с невольницей и двумя прислужницами и куда они ушли!» И оба ответили: «Мы о них ничего не знаем».

И мы продолжали идти, пока не достигли того места, где была лодка, и нас посадили в нее, и вдруг оказывается, эта та лодка, в которой мы переехали. И матрос греб до тех пор, пока не доставил нас на другой берег, и нас спустили на сушу, но не успели мы усесться на берегу и отдохнуть, как отовсюду и со всех сторон нас окружили всадники, точно орлы. И тогда те, что были с нами, поспешно вскочили, подобно орлам, и лодка вернулась за ними, и они сошли в нее, и матрос двинулся с ними, и они оказались посреди реки и уехали, а мы остались на суше, на берегу реки, и не могли ни двинуться, ни стоять спокойно. «Откуда вы?» — спросили нас конные, и мы не знали, что ответить, и тогда,— говорил ювелир,— я сказал им: «Те, кого вы видели с нами,— разбойники. Мы их не знаем, мы — певцы. Они хотели нас схватить, чтобы мы им пели, и мы освободились от них только благодаря обходительности и мягким речам. Они сейчас нас отпустили, и с ними было то, что вы видели».

И всадники посмотрели на Шамс-ан-Нахар и Али ибн Беккара и сказали мне: «Ты не правдив в своих речах, а если ты говоришь правду — расскажи нам, кто вы, откуда, где ваше место и в каком квартале вы живете».

И я не знал, что сказать им,— говорил ювелир,— и тогда Шамс-ан-Нахар вскочила и, подойдя к начальнику конных, потихоньку заговорила с ним, и он сошел со своего коня и, посадив на него девушку, взял коня за узду и повел, а другой сделал то же самое с юношей Али ибн Беккаром и со мной также. И предводитель всадников привел нас до одного места на бе-

регу реки, и тут он закричал на каком-то наречии, и к нему вышла из пустыря толпа людей, и с ними были две лодки.

И предводитель посадил нас в одну из них и сам сел с нами, пока не достигли дворца халифа (а мы боролись со смертью от сильного ужаса). И мы поехали, не останавливаясь, и приехали в одно место, откуда могли попасть к себе, и тогда мы вышли на сушу и пошли, и вместе с нами было несколько конных, которые развлекали нас, пока мы не пришли домой. А когда мы вошли в дом, всадники, бывшие с нами, простились и уехали своей дорогой, а что до нас, то мы вошли к себе и не могли двинуться из дома, и не отличали утра от вечера, и мы были в таком состоянии, пока не настало утро.

Когда же пришел конец дня, Али ибн Беккар упал без памяти, и женщины и мужчины стали плакать по нем, а он лежал неподвижно. И кто-то из его родных пришел ко мне, и меня разбудили, и сказали: «Расскажи нам, что с нашим сыном и что значит то состояние, в котором он сейчас!» — «О люди,— сказал я им,— выслушайте мои слова...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир сказал им: «О люди, выслушайте мои слова и не делайте со мною дурного! Подождите, он очнется и сам расскажет вам свою историю». И я заговорил с ними сурово и стал их пугать, что осрамлю их. И когда мы так разговаривали, Али ибн Беккар вдруг зашевелился на постели. И его родные обрадовались, и народ ушел от него (а мне его близкие не дали уйти), и затем ему обрызгали лицо розовой водой, и, когда он очнулся и вдохнул воздух, его принялись спрашивать, что с ним, а он стал рассказывать, но его язык не мог быстро отвечать.

А затем он показал знаком, чтобы меня отпустили домой. И меня отпустили, и я вышел, не веря спасению. Я шел до дому, идя между двух человек, и пришел к своим родным. И, увидав меня в таком виде, они подняли вопли и стали бить себя по лицу, но я сделал им рукой знак: «Молчите!» — и они замолчали. А те два человека ушли своей дорогой. И я опроки-

нулся на постель и проспал остаток ночи, и очнулся лишь ко времени зари, и тогда я увидел, что родные собрались вокруг меня.

«Что с тобой случилось и поразило тебя злом?» — спросили они. А я сказал: «Принесите мне чего-нибудь выпить!» И они принесли мне вина, и я пил его, пока не напился вдоволь, а затем я сказал: «То, что было — было!» И они ушли своей дорогой. А я извинился перед моими друзьями и спросил их, вернулось ли что-нибудь из того, что пропало из моего дома. И они сказали: «Часть возвращена, и случилось это так: пришел какой-то человек и бросил вещи в ворота дома, и мы его не видели».

И я стал утешать свою душу и провел у себя дома два дня, будучи не в силах выйти из дому, а затем я ободрился и пошел, и пришел в баню, чувствуя сильную усталость, и сердце мое было занято мыслями об Али ибн Беккаре и Шамс-ан-Нахар. А я не слышал о них ничего все это время и не мог пробраться в дом Али ибн Беккара, а у себя дома я не имел покоя, так как боялся за самого себя.

Затем я покаялся Аллаху великому в том, что совершил, и прославил его за свое спасение, а спустя некоторое время душа подговорила меня отправиться в ту сторону и через часок вернуться.

И когда я хотел идти, увидел женщину, которая стояла, и вдруг оказывается,— это невольница Шамс-ан-Нахар! Узнав ее, я пошел и торопился, идя, но она последовала за мною, и меня охватил из-за нее страх. И всякий раз, как я вглядывался в нее, меня брал испуг, а невольница говорила мне: «Постой, я тебе что-то расскажу!» Но я не обращал на нее внимания. И я дошел до мечети, стоявшей в одном месте, где не было людей, и тогда девушка сказала мне: «Войди в эту мечеть, я скажу тебе словечко,— и не бойся ничего!»

И она стала заклинать меня, и я вошел в мечеть, а она вошла сзади. Я совершил молитву в два раката, а потом подошел к девушке, испуская вздохи, и спросил ее: «Что тебе?» А она спросила, что со мною. Я рассказал, что мне выпало, и передал ей, что случилось с Али ибн Беккаром, а потом я спросил ее: «Какие у тебя вести?».

И она сказала: «Знай, что, когда я увидела, как люди сломали ворота твоего дома и вошли, я испугалась их и побоялась, что они от халифа и заберут нас с моей госпожой, и мы сейчас

же погибнем. И я убежала по крышам вместе с двумя прислужницами, и мы бросились и оказались у каких-то людей. Мы убежали к ним, и они доставили нас во дворец халифа в самом скверном состоянии; а там мы скрыли наше дело и ворочались весь вечер на угольях нашего беспокойства, пока не спустилась ночь.

И тогда я открыла дверь к реке и, позвав матроса, который увез нас той ночью, сказала ему: «Мы не знаем, что с нашей госпожой, свези меня в лодке,— я поеду и поищу ее на реке — может быть, я услышу что-нибудь о ней».

И матрос повез меня в челноке и поехал со мною, и я все время ездила по реке, пока не наступила полночь. И я увидала лодку, направлявшуюся к той двери, и в ней был человек, который греб, и с ним другой человек, стоявший на ногах, а между ними лежала женщина. И тот человек греб, пока они не достигли берега, и когда женщина вышла, я всмотрелась в нее и вдруг вижу — это Шамс-ан-Нахар. И я подошла к ней, оторопев от радости, когда увидела ее, после того как пресеклись мои надежды...».

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница говорила ювелиру: «И я оторопела от радости после того, как пресеклись мои надежды. А когда я подошла к ней, она велела мне дать тысячу динаров человеку, который ее привез. И затем я с двумя прислужницами понесла ее, и мы бросили ее на постель. И она провела эту ночь в расстроенном состоянии, а когда наступило утро, я не давала невольницам и евнухам войти к ней и до нее добраться в течение всего дня.

А на другой день она оправилась от того, что с нею было, и я увидела, что она словно вышла из могилы. Я обрызгала ей лицо розовой водой, переменила одежду и вымыла руки и ноги. Я ухаживала за ней, и заставила ее съесть немного пищи и выпить немного вина, так как у нее не было ни к чему охоты.

Когда же она подышала воздухом и здоровье вернулось к ней, я стала упрекать ее и сказала: «О госпожа, посмотри и

сжалься над собою! Ты видела, что с нами случилось, и тебе достались затруднения, которых достаточно! Ты ведь была близка к гибели!»

«Клянусь Аллахом, добрая девушка,— сказала она мне,— смерть, по-моему, легче, чем то, что со мною случилось! Я была бы убита, без сомнения. Ведь когда воры вывели нас из дома ювелира, они спросили меня: «Кто ты будешь?» — а я ответила: «Я невольница из певиц»,— и они мне повернули. Потом спросили Али ибн Беккара, кто он такой, и он ответил: «Я из простых людей». И они нас взяли, и мы шли с ними, пока они не привели нас в свое жилище, и мы торопились, идя с ними, так как очень боялись. И приведя нас в свое жилище, они осмотрели меня и увидели, какие на мне одежды, ожерелья и драгоценности, и, заподозрив меня, сказали: «Поистине, таких ожерелий не бывает у какой-нибудь певицы! Будь правдива и скажи нам истину: каково твое ремесло?»

И я ничего им не ответила и сказала в душе: «Теперь они меня убьют из-за моих украшений и драгоценностей!» И я не произнесла ни слова, а разбойники обернулись к Али ибн Беккару и спросили его: «А ты кто будешь и откуда ты — твой вид не таков, как у простых людей?» Но он промолчал, и мы скрыли наше положение, и стали плакать.

И Аллах смягчил сердца воров, и они спросили нас: «Кто владелец дома, в котором вы были?» — «Его владелец — такой-то ювелир»,— сказали мы. И один из воров воскликнул: «Я хорошо знаю его и его дом — он живет во втором своем доме, и я берусь тотчас привести его к вам».

И они сговорились, что поместят меня в одно место, одну, а Али ибн Беккара поместят в другое место, тоже одного, и сказали нам: «Отдыхайте и не бойтесь, что ваше дело раскроется, вы в безопасности».

А потом их товарищ отправился к ювелиру и привел его, и ювелир разъяснил им наше дело, и мы с ним свиделись. И один из воров пригнал для нас лодку, и нас посадили в нее и переправились с нами на другой берег, и выбросили нас на сушу, и уехали. И приехали конные из ночной стражи и спросили нас: «Кто вы такие?» И я поговорила с начальником конных и сказала ему: «Я Шамс-ан-Нахар, любимица халифа. Я выпила вина и пошла к одной моей знакомой, жене везиря, и пришли разбойники, и взяли меня, и привели в это место, а увидав вас, они бросились бежать. И я могу наградить вас».

И когда начальник конных услышал мои слова, он узнал меня, и, сойдя со своего коня, посадил меня, и то же самое сделал с Али ибн Беккаром и ювелиром. И в сердце моем теперь пылает огонь беспокойства, в особенности из-за ювелира, товарища Али ибн Беккара. Сходи же к нему, передай ему от меня привет и расспроси его про Али ибн Беккара».

И я заговорила с нею и стала укорять за то, что она совершила, и предостерегла ее, и сказала: «О госпожа, бойся за себя». Но она закричала на меня и рассердилась из-за моих слов. А потом я ушла от нее и пришла к тебе, но не нашла тебя. Я боялась пойти к ибн Беккару и осталась стоять, подстерегая тебя, чтобы спросить о нем, узнать, каково ему. Прошу тебя, по твоей милости, возьми у меня сколько-нибудь денег — ты ведь, наверное, занял у твоих друзей вещи, а они у тебя погибли, так что тебе нужно возместить людям за их утварь, которая у тебя пропала».

И я ответил ей: «Слушаю и повинуюсь, ступай!» — рассказывал ювелир,— и мы с нею шли, пока не подошли к моему дому. «Постой здесь, пока я не вернусь к тебе»,— сказала девушка...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка сказала ювелиру: «Постой здесь, пока я не вернусь к тебе»,— и ушла, а потом возвратилась с деньгами. Она отдала их мне,— продолжал ювелир,— и спросила: «О господин, где мы с тобой встретимся?» А я отвечал ей: «Я пойду и сейчас же отправлюсь к себе домой, и ради тебя я придумаю что-нибудь, как тебе свидеться с Али ибн Беккаром,— к нему ведь теперь затруднительно добраться».— «Скажи, в какое место мне прийти?» — спросила девушка. И я ответил ей: «Ко мне домой».

И потом она попрощалась со мною и ушла, а я понес деньги и, принеся их домой, сосчитал их, и оказалось, что денег пять тысяч динаров. Я отдал своим родным из них немного и тем, чьи вещи были за мною, я дал, взамен их, денег.

А потом я поднялся и, взяв с собою моих слуг, отправился

к тому дому, из которого пропали вещи. Я привел каменщиков, и плотников, и строителей, и они сделали дом снова таким же, каким он был, и я поселил там свою невольницу и забыл, что со мной случилось. И затем я пошел и пришел к дому Али ибн Беккара.

И когда я достиг его, ко мне подошли слуги Беккара и сказали: «Наш господин ищет тебя ночью и днем, и он обещал нам, что всякого, кто приведет тебя к нему, он отпустит на волю. И они ходят и разыскивают тебя, но не знают, в каком ты месте. К нашему господину вернулось здоровье, и он то приходит в себя, то впадает в беспамятство, а когда он приходит в сознание, то вспоминает тебя и говорит: «Пусть его непременно приведут ко мне на один миг!» — и опять падает без чувств».

И я отправился к нему со слугой,— говорил ювелир,— и оказалось, что он не в состоянии говорить. И, увидав его, я сел у его изголовья, а он открыл глаза и при виде меня заплакал, и воскликнул: «Привет тебе! Добро пожаловать!» Я поддержал его и посадил, и прижал к своей груди, а он сказал мне: «Знай, о брат мой, с тех пор, как я слег, я не садился. Слава же Аллаху за то, что я увидел тебя!»

И я до тех пор поддерживал его,— говорил ювелир,— пока не поставил на ноги и не заставил пройти несколько шагов.

И он переменил одежду и выпил питье, и все это для того, чтобы успокоилось его сердце. А когда я увидел на нем признаки здоровья, я рассказал ему, что было с невольницей (а меня никто не слышал), и потом я сказал: «Укрепи свой дух и силу, я знаю, что с тобою». И он улыбнулся, а я сказал ему: «Ты найдешь лишь то, что тебя обрадует и исцелит». Затем Али ибн Беккар приказал подать кушанье и, когда его подали, сказал мне: «О брат мой, видел ли ты, что меня поразило?» И он извинился передо мною и спросил меня, каково мне было это время. И я рассказал ему о том, что со мною случилось, с начала до конца.

И Али ибн Беккар удивился, а затем он сказал слугам: «Принесите мне то-то и то-то». И ему принесли дорогие подстилки и ковры, и прочую домашнюю утварь из золота и серебра — больше того, что у меня пропало, и Али ибн Беккар отдал мне эти вещи, а я отослал их домой.

Я остался у Али ибн Беккара на ночь, а когда заблистало утро, он сказал мне: «Знай, что все имеет конец, и конец люб-

ви — смерть или единение, а я ближе к смерти. О, если бы я умер раньше того, что случилось! Ведь если бы Аллах не был к нам милостив, мы были бы посрамлены, и я не знаю, что приведет меня к избавлению от того, что со мною. Если бы не страх перед Аллахом, я бы, наверное, ускорил свою гибель[1]. Знай, о брат мой, я как птица в клетке, и душа моя несомненно погибнет от горестей, но ей назначено определенное время и установленный срок».

И он стал плакать и сетовать и произнес:

> Довольно с влюбленного тех слез, что уж пролиты.
> Прогнала печаль давно терпенье всякое.
>
> Скрывающий тайное в душе собирал его,
> Но око рассеяло все то, что им собрано.

А когда он кончил говорить эти стихи, я сказал ему: «О господин, знай, что я намереваюсь уйти домой,— быть может, невольница вернется ко мне с вестями».— «В этом нет беды,— сказал Али ибн Беккар,— но только скорее возвращайся и расскажи мне все, ты видишь, в каком я состоянии».

И я простился с ним,— говорил ювелир,— и ушел к себе домой, и не успел я как следует усесться, как пришла невольница, задыхаясь от слез. «Что с тобой?» — спросил я ее, и она сказала: «О господин, знай: нас постигло то, что постигло, и случилось дело, которого мы боялись. Когда я вчера ушла от тебя, я нашла мою госпожу разгневанной на одну из тех прислужниц, которые были с нами в тот вечер, и она велела побить ее, и девушка испугалась и убежала от своей госпожи; она вышла и ее встретил один из тех, кто поставлены сторожить у ворот, и схватил, и хотел вернуть ее обратно к ее госпоже, но девушка намекнула ему словами, и сторож обошелся с ней ласково и выспросил, что с ней было. И девушка рассказала ему, что с ними произошло.

---

[1] Мусульмане считают самоубийство величайшим грехом, и случаи добровольного лишения себя жизни среди них крайне редки. Объясняется это характером мусульманской религии: взаимоотношения между божеством и людьми представляют своего рода торговую сделку; душа правоверного составляет собственность Аллаха и находится у последнего как залог за деятельность человека на земле; преждевременно лишив себя жизни, человек посягает на то, что принадлежит не ему, а божеству, и совершает грех, который уже нельзя искупить в земной жизни.

И весть об этом дошла до халифа, и он приказал перевести мою госпожу Шамс-ан-Нахар и все, что у нее есть, во дворец и поставить двадцать евнухов сторожить ее. Я с нею до сих пор не видалась и не сообщила ей о причине этого, и я подозреваю, что все произошло из-за этого случая. Я испугалась за себя и растерялась, о господин, и не знаю, как поступить и как ухитриться в нашем с нею деле. У нее нет никого, кто бы лучше хранил тайну и был ближе к ее сокрытию, чем я. Ступай же, господин, к Али ибн Беккару и расскажи ему об этом...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница говорила ювелиру: «У моей госпожи нет никого, кто был бы ей ближе и лучше хранил бы тайну, чем я. Ступай же, господин, и отправляйся поскорей к Али ибн Беккару; расскажи ему об этом, чтобы он был готов и остерегся бы. А когда дело раскроется, мы придумаем, как поступить для спасения наших душ».

И меня охватила от этого великая забота,— говорил ювелир,— и бытие мое покрылось мраком из-за слов девушки.

И невольница собралась уходить, и я спросил ее: «Как же поступить, когда в этом деле не осталось времени?» А она сказала мне: «Следует поспешить к Али ибн Беккару, если он твой друг и ты хочешь его спасения. Тебе надлежит поскорее сообщить ему об этом деле и не затягивать для него срока и не быть на далеком расстоянии, а мне должно позаботиться о том, чтобы разведать новости».

Потом она простилась со мной и вышла. И когда невольница ушла, я поднялся и вышел за ней следом, и отправился к Али ибн Беккару. Я увидел, что он тешит свою душу надеждами на единение и развлекается несбыточными мечтами. Увидав, что я быстро вернулся к нему, он воскликнул: «Я вижу, что ты вернулся ко мне сейчас же!» — «Потерпи и брось свои думы! — сказал я ему.— Случилось событие, которое сулит гибель твоей души и имущества».

И когда он услышал эти слова, лицо его изменилось, и он встревожился и воскликнул: «О брат мой, расскажи мне, что произошло!» — «О господин мой,— отвечал я,— знай, что случилось то-то и то-то и ты несомненно погиб, если пробудешь в этом доме до конца дня». И Али ибн Беккар оторопел, и дух едва не покинул его тело, а затем после этого он воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! — и спросил: — Что мне делать, о брат мой, и каково твое мнение?» — «Мое мнение,— ответил я,— такое: возьми с собою денег, сколько можешь, и тех слуг, которым доверяешь, и пойдем в другие земли раньше, чем кончится сегодняшний день».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал мне Али ибн Беккар.

А потом он вскочил смущенный, не зная, что делать, и то шел, то падал. Он захватил, что мог, попросил прощенья у своих родных, завещал им то, что было ему нужно, и взял с собою трех нагруженных верблюдов, а затем он сел на своего коня, и я сделал то же самое, что сделал он. И мы выехали украдкой, переодетые, и поехали, и продолжали ехать весь остальной день и ночь, а когда пришел конец ночи, мы сложили наши тюки, спутали верблюдов и заснули.

И усталость опустилась на нас и заставила нас забыть о самих себе, и вдруг нас окружили воры и взяли все, что с нами было. Они перебили слуг, когда те захотели защитить нас, и оставили нас на месте в сквернейшем виде, после того как забрали наше имущество, угнали всех животных и уехали.

И когда мы с Али ибн Беккаром остались одни, то мы поднялись и пошли, пока не настало утро, и тогда мы достигли одного города и, войдя в него, направились в мечеть. Мы вошли в нее нагие и просидели в углу мечети весь остальной день, а когда пришла ночь, мы переночевали там, без еды и питья.

И наступило утро, и мы совершили утреннюю молитву, и сидели, и вдруг вошел человек и приветствовал нас. Он сотворил молитву в два раката, а затем обернулся к нам и спросил: «О люди, вы чужеземцы?» — «Да,— сказали мы,— и воры преградили нам дорогу и раздели нас, и мы пришли в этот город и не знаем в нем никого, кто бы приютил нас».— «Не хотите ли пойти со мной в мой дом?» — спросил этот человек.

И тогда,— говорил ювелир,— я сказал Али ибн Беккару: «Пойдем с ним — мы спасемся от двух дел: — во-первых, мы

боимся, что кто-нибудь войдет к нам в эту мечеть и узнает нас, и мы будет посрамлены, а во-вторых, мы люди иноземные и нет нам места, где бы приютиться».— «Делай, что хочешь»,— отвечал Али ибн Беккар. А тот человек сказал нам второй раз: «О бедняки, послушайтесь меня и идите со мной в мой дом!» И я ответил ему: «Слушаю и повинуюсь!»

И этот человек подарил нам кое-что из своей одежды и одел нас, извиняясь перед нами, и был с нами ласков, и мы пошли с ним к его дому. Он постучал в ворота, и вышел маленький евнух и открыл ворота, и этот человек, хозяин дома, вошел, и мы вошли за ним. Потом он велел принести узел, где были платья и тюрбаны, и надел на нас две одежды, и дал нам два тюрбана, и мы повязали их и сели.

И вдруг пришла невольница со столиком и, поставив его перед нами, сказала: «Ешьте!» — и мы поели немного и столик убрали. Мы пробыли у этого человека, пока не пришла ночь. И тогда Али ибн Беккар принялся вздыхать и сказал: «Знай, о брат мой, я погиб несомненно, и я хочу завещать тебе нечто. А именно: когда увидишь, что я умер, пойди к моей матушке и расскажи ей, и вели ей прийти сюда для того, чтобы принимать соболезнования по мне и быть здесь, когда меня будут обмывать. И накажи ей быть стойкой в разлуке со мною».

И потом он упал без памяти, а очнувшись, он услышал, как невольница пела вдали и говорила стихи, и стал прислушиваться, внимая ее голосу, а сам то обмирал, то приходил в себя, то плакал от скорби и печали из-за того, что его постигло.

И он услышал, как невольница, которая пела, произнесла такие стихи:

Поспешила разлука вновь разлучить нас
После дружбы и близости, и согласья.

Разлучили превратности нас ночные;
Если б знать мне, когда придет наша встреча!

О, как горько за близостью расставанье!
Если б только влюбленный им не терзался!

Горесть смерти — минута лишь, и проходит,
А разлука с любимым — вечно в сердце.

Коль могли бы добраться мы до разлуки,
То разлука вкусила бы вкус разлуки.

Услышав стихи, произнесенные невольницей, Али ибн Беккар издал вопль, и дух его расстался с его телом.

И когда я увидел, что он умер,— говорил ювелир,— я поручил его заботам хозяина дома и сказал ему: «Знай, я ухожу в Багдад передать об этом его матери и близким, чтобы они пошли обрядить его». Потом я пришел в Багдад и, зайдя домой, переменил на себе одежду, а затем я пришел в дом Али ибн Беккара. И когда его слуги увидали меня, они подошли ко мне и стали меня расспрашивать про ибн Беккара, а я попросил их, чтобы они испросили мне разрешение войти к его матери. И она позволила мне войти, и я вошел и приветствовал ее и сказал: «Поистине, Аллах распоряжается душами по своей власти. И когда он решит какое-нибудь дело, некуда убежать от решения его, и не бывало, чтобы умерла душа иначе, как по изволению Аллаха, в срок, установленный в записи».

И мать Али ибн Беккара предположила по этим словам, что ее сын умер, и заплакала сильным плачем, а потом она воскликнула: «Ради Аллаха, прошу тебя, скажи мне, скончался ли мой сын?» И я не мог дать ей ответа из-за плача и великой горести. Увидев, что я в таком состоянии, мать Али ибн Беккара задохнулась от плача и затем упала на землю без памяти. А очнувшись от обморока, она спросила: «Что было с моим сыном?» — и я воскликнул: «Да сделает Аллах великий твою награду за него!»

И потом я рассказал ей, как было с ним дело, от начала до конца. «Поручил ли он тебе что-нибудь?» — спросила его мать, и я ответил ей: «Да»,— и рассказал, какое он дал мне поручение. «Поторопись обрядить его»,— сказал я ей. И когда мать Али ибн Беккара услышала мои слова, она упала без памяти, а очнувшись, она принялась за то, что я наказал ей сделать.

Затем я ушел от нее домой и пошел по дороге, раздумывая о прекрасной юности Али ибн Беккара и его великой любви. И когда я так шел, вдруг какая-то женщина схватила меня за руку, и я посмотрел на нее и узнал невольницу...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир говорил: «И вдруг какая-то женщина схватила меня за руку, и я всмотрелся в нее и вижу — это невольница, которая приходила от Шамс-ан-Нахар, и она была охвачена скорбью. И мы узнали друг друга и плакали вместе, пока не пришли к тому дому.

И я спросил ее: «Узнала ли ты о том, что с юношей Али ибн Беккаром?» — «Нет, клянусь Аллахом!» — отвечала она. И я рассказал ей, что случилось и как было дело, и мы все время плакали. И потом я спросил ее: «А как поживает твоя госпожа?»

И она отвечала: «Повелитель правоверных не стал слушать ничьих слов о ней, так как он сильно любил ее и ее поступки он толковал прекрасным образом. И халиф сказал ей: «О Шамс-ан-Нахар, ты мне дорога, и я стерплю это от тебя наперекор твоим врагам»,— и велел обставить для нее комнату с вызолоченными стенами и прекрасное помещение. И моя госпожа зажила у него после этого приятнейшею жизнью, пользуясь великим благоволением. И случилось в один из дней, что халиф сел, как обычно, за питье, и наложницы явились пред лицо его, и он усадил их по местам, и Шамс-ан-Нахар посадил с собою рядом (а у нее пропало терпенье, и страданье ее увеличилось). И халиф приказал одной из невольниц петь, и она взяла лютню, наладила ее и настроила, и, ударив по струнам, произнесла такие стихи:

Зовущий нередко звал к любви, и внимала я,
И слезы чертили страсть чертой на щеке моей.

И кажется, слезы глаз вещают, что чувствуем —
Что скрыл я, открыл их ток, скрыв то, что открыть я мог.

Так как же стремиться скрыть любовь и таить ее?
Покажет ведь, что со мной, безмерная страсть моя.

Приятна теперь мне смерть, раз милых лишился я,
Узнать бы, что ныне им приятно, как нет меня!

И, услышав, как невольница говорит эти стихи, Шамс-ан-Нахар не могла сидеть и упала без памяти. И халиф кинул кубок и привлек ее к себе, и закричал, а невольницы зашумели, и повелитель правоверных стал переворачивать Шамс-ан-Нахар и шевелить ее, и вдруг оказалось, что она мертва.

И повелитель правоверных опечалился из-за ее смерти великой печалью и приказал сломать все бывшие в комнате сосуды и лютни, и увеселяющие музыкальные инструменты. А когда Шамс-ан-Нахар умерла, он положил ее к себе на колени и провел подле нее всю остальную ночь.

Когда же взошел день, он обрядил ее и велел ее обмыть и завернуть в саван, и похоронить, и печалился о ней великой печалью, но не спросил, что с ней было и какое случилось с нею дело».

Потом невольница сказала ювелиру: «Прошу тебя, ради Аллаха, извести меня в тот день, когда прибудет похоронное шествие Али ибн Беккара, чтобы я могла присутствовать на его погребении». И он отвечал ей: «Что касается меня, то ты меня найдешь в каком хочешь месте, а вот ты — где я найду тебя и кто может до тебя добраться в том месте, где ты находишься?» И невольница сказала ему: «Когда умерла Шамс-ан-Нахар, повелитель правоверных отпустил ее невольниц на свободу, со дня ее смерти, и меня тоже среди них, и мы находимся у ее гробницы, в таком-то месте».

И я поднялся,— говорил ювелир,— и пришел к могиле Шамс-ан-Нахар, и посетил ее, а потом ушел своей дорогой и ожидал похорон Али ибн Беккара, пока шествие не прибыло.

И жители Багдада вышли хоронить его, и я вышел с ними и увидал ту невольницу среди женщин, и она горевала сильнее всех. И в Багдаде не было похорон великолепнее этих, и мы шли в большой тесноте, пока не достигли могилы и не закопали его на милость великого Аллаха.

И я не перестаю посещать его могилу и могилу Шамс-ан-Нахар,— сказал ювелир.— И вот вся повесть о том, что с ними было, да помилует их обоих Аллах!»

Но это не удивительнее повести о царе Шахрамане».

«А как это было?» — спросил Шахразаду царь...

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ ШАХРАМАНЕ, СЫНЕ ЕГО КАМАР-АЗ-ЗАМАНЕ И ЦАРЕВНЕ БУДУР

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО СТА СЕМИДЕСЯТИ

Когда же настала ночь, дополняющая до ста семидесяти, Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия царь, которого звали царь Шахраман. И был он обладателем большого войска и челяди, и слуг, но только велики сделались его годы, и кости его размякли, и не было послано ему ребенка.

И он размышлял про себя и печалился, и беспокоился, и пожаловался на это одному из своих везирей и сказал: «Я боюсь, что, когда умру, царство погибнет, так как я не найду среди моих потомков кого-нибудь, чтобы управлять им после меня». И тот везирь отвечал ему: «Быть может, Аллах совершит впоследствии нечто; положись же на Аллаха, о царь, и взмолись к нему».

И царь поднялся, совершил омовение и молитву в два раката, и воззвал к великому Аллаху с правдивым намерением, а потом он призвал свою жену на ложе и познал ее в это же время, и она зачала от него, по могуществу Аллаха великого.

А когда завершились ее месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне в ночь полнолуния, и царь назвал его

Камар-аз-Заманом[1] и обрадовался ему до крайней степени. И он кликнул клич, чтобы город украсили, и город был украшен семь дней, и стучали в барабаны и били в литавры. А младенцу царь назначил кормилиц и нянек, и воспитывался он в величии и неге, пока не прожил пятнадцать лет. И он превосходил всех красотою и прелестью, и стройностью и соразмерностью, и отец любил его и не мог с ним расстаться ни ночью, ни днем.

И отец мальчика пожаловался одному из своих везирей на великую любовь свою к сыну и сказал: «О везирь, поистине я боюсь, что дитя мое, Камар-аз-Замана, постигнут удары судьбы и случайности, и хочу я женить его в течение моей жизни».— «Знай, о царь,— ответил ему везирь,— что жениться — значит проявить благородство нрава, и правильно будет, чтобы ты женил твоего сына, пока ты жив, раньше, чем сделаешь его султаном».

И тогда царь Шахраман воскликнул: «Ко мне моего сына Камар-аз-Замана!» И тот явился, склонив голову к земле от смущения перед своим отцом. И отец сказал ему: «О Камар-аз-Заман, я хочу тебя женить и порадоваться на тебя, пока я жив»,— а юноша ответил: «О батюшка, знай, что нет у меня охоты к браку и душа моя не склонна к женщинам, так как я нашел много книг и рассуждений об их коварстве и вероломстве. И поэт сказал:

А коли вы спросите о женах, то истинно
Я в женских делах премудр и опытен буду.

И если седа глава у мужа иль мало средств,
Не будет тогда ему в любви их удела.

А другой сказал:

Не слушайся женщин — вот покорность прекрасная,
Несчастлив тот юноша, что женам узду вручил:

Мешают они ему в достоинствах высших стать,
Хотя бы стремился он к науке лет тысячу».

А окончив свои стихи, он сказал: «О батюшка, брак — нечто такое, чего я не сделаю никогда, хотя бы пришлось мне испить чашу гибели».

---

[1] Камар-аз-Заман — значит «Луна времени».

И когда султан Шахраман услышал от своего сына такие слова, свет стал мраком перед лицом его, и он сильно огорчился...»

И Шахразаду застигло утро, н она прекратнла дозволенные речи.

СТО СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто семьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Шахраман услышал от своего сына такне слова, свет стал мраком перед лицом его, н он огорчнлся, что его сын Камар-аз-Заман не послушался, когда он посоветовал ему жениться. Но из-за сильной любви к сыну он не пожелал повторить ему этн речи и гневать его, а, напротнв, проявлял заботливость и оказал ему уваженне и всяческую ласку, которой можно привлечь любовь к сердцу. А при всем этом Камар-аз-Заман каждый день становился все более красив, прелестен, нзящен и изнежен.

И царь Шахраман прождал целый год и увидел, что тот сделался совершенен по красноречию и прелести, и люди теряли из-за него честь. Все веющие ветры разносили его милости, и стал он в своей красоте искушением для влюбленных и по своему совершенству — цветущим садом для тоскующих. Его речи былн нежны, и лицо его смущало полную луну, и был он строен станом, соразмерен и нзнежен, как будто он ветвь ивы или трость бамбука. Его щека заменяла розу и анемон, а стан его — ветку нвы, и черты его были нзящны, как сказал о нем говорнвшнй:

Явнлся он, н сказалн «Хвала творцу!»
Прославлен тот, кем он создан столь стройным был.

Прекраснымн всеми всюду владеет он,
И все онн покоряться должны ему.

Слюна его жидким медом нам кажется,
Нанизанный ряд жемчужнн — в устах его.

Все прелести он прнсвоил однн себе
И всех людей красотою ума лишнл.

Начертано красотою вдоль щек его:
«Свидетель я,— нет красавца опричь его».

А когда Камар-аз-Заману исполнился еще один год, его отец призвал его к себе и сказал ему: «О дитя мое, не выслушаешь ли ты меня?» И Камар-аз-Заман пал на землю перед своим отцом из почтительного страха перед ним, и устыдился и воскликнул: «О батюшка, как мне тебя не выслушать, когда Аллах мне велел тебе повиноваться и не быть ослушником?»

«О дитя мое,— сказал ему тогда царь Шахраман,— знай, что я хочу тебя женить и порадоваться на тебя при жизни и сделать тебя султаном в моем царстве прежде моей смерти».

И когда Камар-аз-Заман услышал это от своего отца, он ненадолго потупил голову, а потом поднял ее и сказал: «О батюшка, такое я не сделаю никогда, хотя бы пришлось мне испить чашу гибели. Я знаю и уверен, что великий Аллах вменил мне в обязанность повиноваться тебе, но, ради Аллаха, прошу тебя, не принуждай меня к браку и не думай, что я женюсь когда-либо в моей жизни, так как я читал книги древних и недавно живших и осведомлен о том, какие их постигли от женщин искушения, бедствия и беспредельные козни, и о том, что рассказывают про их хитрости. А как прекрасны слова поэта:

Распутницей кто обманут,
Тому не видать свободы,

Хоть тысячу он построит
Покрытых железом замков.

Ведь строить их бесполезно,
И крепости не помогут,

И женщины всех обманут —
Далеких также, как близких.

Они себе красят пальцы
И в косы вплетают ленты,

И веки чернят сурьмою,
И пьем из-за них мы горесть.

А как прекрасны слова другого:

Право, женщины, если даже звать к воздержанию их,
Кости мертвые, что растерзаны хищным ястребом.

Ночью речи их и все тайны их тебе отданы,
А наутро ноги и руки их не твои уже.

Точно хан[1] они, где ночуешь ты, а с зарей — в пути,
И не знаешь ты, кто ночует в нем, когда нет тебя».

Услышав от своего сына Камар-аз-Замана эти слова и поняв эти нанизанные стихи, царь Шахраман не дал ему ответа вследствие своей крайней любви к нему и оказал ему еще большую милость и уважение.

И собрание разошлось в тот же час, и, после того как собрание было распущено, царь позвал своего везиря и уединился с ним, и сказал ему: «О везирь, поведай мне, как мне поступить с моим сыном Камар-аз-Заманом, как женить его...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто семьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь потребовал к себе везиря и уединился с ним, и сказал ему: «О везирь, скажи мне, как мне поступить с моим сыном Камар-аз-Заманом. Я спросил у тебя совета насчет его брака, и это ты мне посоветовал его женить, прежде чем я сделаю его султаном. Я говорил с сыном о браке много раз, но он не согласился со мною; посоветуй же мне теперь, о везирь, что мне делать?» — «О царь,— ответил везирь,— потерпи еще год, а потом, когда ты захочешь заговорить с твоим сыном об этом деле, не говори тайком, но заведи с ним речь в день суда, когда все везири и эмиры будут присутствовать и все войска будут стоять тут же. И когда эти люди соберутся, пошли в ту минуту за твоим сыном Камар-аз-Заманом и вели ему явиться, а когда он явится, скажи ему о женитьбе в присутствии везирей и вельмож, и обладателей власти. Он обязательно устыдится и не сможет тебе противоречить в их присутствии».

Услышав от своего везиря эти слова, царь Шахраман обрадовался великою радостью и счел правильным его мнение, и наградил его великолепным платьем. И царь Шахраман не говорил со своим сыном Камар-аз-Заманом год о женитьбе. И с каждым днем из дней, что проходили над ним, юноша становился все более красив, прекрасен, блестящ и совершенен, и

---

[1] **Хан** — постоялый двор для купцов.

достиг он возраста близкого к двадцати годам, и Аллах облачил его в одежду прелести и увенчал его венцом совершенства. И око его околдовывало сильнее, чем Харут[1], а игра его взора больше сбивала с пути, чем Тагут[2]. Его щеки сияли румянцем, и веки издевались над острорежущим, а белизна его лба говорила о блестящей луне, и чернота волос была подобна мрачной ночи. Его стан был тоньше летучей паутинки, а бедра тяжелее песчаного холма; вид его боков возбуждал горесть, и стан его сетовал на тяжесть бедер, и прелести его смущали род людской, как сказал о нем кто-то из поэтов в таких стихах:

Я щекой его и улыбкой уст поклянусь тебе,
И стрелами глаз, оперенными его чарами.

Клянусь мягкостью я боков его, острием очей.
Белизной чела и волос его чернотой клянусь.

И бровями теми, что сон прогнали с очей моих,
Мною властвуя запрещением и велением,

И ланиты розой и миртой нежной пушка его,
И улыбкой уст и жемчужин рядом во рту его,

И изгибом шеи и дивным станом клянусь его,
Что взрастил гранатов плоды своих на груди его,

Клянусь бедрами, что дрожат всегда, коль он движется,
Иль спокоен он, клянусь нежностью я боков его;

Шелковистой кожей и живостью я клянусь его,
И красою всей, что присвоена целиком ему.

И рукой его вечно щедрою, и правдивостью
Языка его, и хорошим родом, и знатностью.

Я клянусь, что мускус, дознаться коль — аромат его,
И дыханьем амбры нам веет ветер из уст его.

Точно так же солнце светящее не сравнится с ним,
И сочту я месяц обрезком малым ногтей его.

[1] Харут и Марут — имена ангелов, которым, как говорится в коране, была дарована способность очаровывать и соблазнять людей, а также учить их колдовству.
[2] Тагут (преступление) — одно из наименований дьявола.

И затем царь Шахраман слушал речи везиря еще год, пока не случился день праздиика...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала сто семьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман послушался совета везиря и ждал еще год, пока ие случился день праздника. И пришел день суда, и зал собраиий царя наполиился тогда эмирами, везирями, вельможами царства и воииами, и людьми власти, а затем царь послал за своим сыном Камар-аз-Замаиом, и тот, явившись, три раза поцеловал землю меж рук своего отца и встал перед ним, заложив руки за спину.

И его отец сказал ему: «Зиай, о дитя мое, что я послал за тобою и велел тебе на сей раз явиться в это собрание, где присутствуют перед иами все вельможи царства, только для того, чтобы дать тебе одно приказание, насчет которого ты мне ие прекословь. А именно: ты женишься, ибо я желаю женить тебя на дочери какого-нибудь царя и порадоваться иа тебя прежде моей смерти».

Услышав это от своего отца, Камар-аз-Заман опустил неиадолго голову к земле, а затем поднял голову к отцу, и его охватили в эту минуту безумие юиости и глупость молодости, и он воскликнул: «Что до меня, то я никогда не женюсь, хотя бы мие пришлось испить чашу гибели, а что касается тебя, то ты старец великий по годам, ио малый по уму! Разве ты не спрашивал меня о браке раньше сегодняшнего дия уже дважды, кроме этого раза, а я ие соглашался иа это?»

Потом Камар-аз-Заман разъединил руки, заложенные за спину, и засучил перед своим отцом рукава до локтей, будучи гневеи, и сказал своему отцу миого слов, и сердце его волновалось, и его отец смутился, и ему стало стыдно, так как это случилось перед вельможами его царства и воинами, присутствовавшими иа празднике. А потом царя Шахрамана охватила ярость царей, и он закричал на своего сыиа, так что устрашил его, и крикиул иевольникам, которые были перед ним, и сказал им: «Схватите его!»

И невольники побежали к царевичу, обгоняя друг друга, и схватили его и поставили его перед отцом, и тот приказал скрутить ему руки, и Камар-аз-Замана скрутили и поставили перед царем, и он поник головой от страха и ужаса, и его лоб и лицо покрылись жемчугом испарины, и сильное смущение и стыд охватили его.

И тогда отец стал бранить и ругать его и воскликнул: «Горе тебе, о дитя прелюбодеяния и питомец бесстыдства! Как может быть таким твой ответ мне перед моей стражей и воинами! Но тебя еще до сих пор никто не проучил...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто семьдесят четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман сказал своему сыну Камар-аз-Заману: «Как может быть таким твой ответ мне перед моей стражей и воинами! Но тебя еще до сих пор никто не проучил! Разве ты не знаешь, что если бы поступок, который совершен тобою, исходил от простолюдина из числа простых людей, это было бы с его стороны очень гадко?»

Потом царь велел своим невольникам развязать скрученного Камар-аз-Замана и заточить его в одной из башен крепости. Тогда его взяли и отвели в древнюю башню, где была разрушенная комната, а посреди комнаты был развалившийся старый колодец. И комнату подмели и вытерли там пол, и поставили в ней для Камар-аз-Замана ложе, а на ложе ему постлали матрас и коврик и положили подушку, и принесли большой фонарь и свечу, так как в этой комнате было темно днем.

А затем невольники ввели Камар-аз-Замана в это помещение и у дверей комнаты поставили евнуха. И Камар-аз-Заман поднялся на ложе, с разбитым сердцем и печальной душой, и, он упрекал себя и раскаивался в том, что произошло у него с отцом, когда раскаяние было ему бесполезно. «Прокляни, Аллах, брак и девушек, и обманщиц женщин! — воскликнул он.— О, если бы я послушался моего отца и женился! Поступи я так, мне было бы лучше, чем в этой тюрьме».

Вот что было с Камар-аз-Заманом. Что же касается его отца, то он пребывал на престоле своего царства остаток дня, до времени заката, а затем уединился с везирем и сказал ему:

«Знай, о везирь, ты был причиной всего того, что произошло, между мной и моим сыном, так как ты посоветовал мне то, что посоветовал. Что же ты посоветуешь мне делать теперь?» — «О царь,— ответил ему везирь,— оставь твоего сына в тюрьме на пятнадцать дней, а потом призови его к себе и вели ему жениться: он не будет тебе больше противоречить...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто семьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь сказал царю Шахраману: «Оставь твоего сына в тюрьме на пятнадцать дней, а потом призови его к себе и вели ему жениться: он не будет тебе больше противоречить».

И царь последовал совету везиря. Он пролежал эту ночь с сердцем, занятым мыслью о сыне, так как любил его великой любовью, ибо не было у него другого ребенка. А к царю Шахраману всякую ночь приходил сон только тогда, когда он клал руку под голову своему сыну Камар-аз-Заману. И царь прошел эту ночь с умом расстроенным из-за сына, и он ворочался с боку на бок, точно лежал на углях дерева — гада [1], и его охватило беспокойство, и сон не брал его всю эту ночь. И глаза его пролили слезы, и он произнес такие стихи:

Долга надо мною ночь, а сплетники дремлют.
«Довольно тебе души, разлукой смущенной,—

Я молвил (а ночь моя еще от забот длинней),—
Ужель не вернешься ты, сиянье утра?—

И слова другого:

Как заметил я, что Плеяд глаза сном смежаются,
И укрылася звезда Севера дремотой,

А Медведица в платье горести обнажила лик,—
Тотчас понял я, что свет утренний скончался.

[1] Гада́ — кустарник из семейства тамарисковых; он растет в песках, горит ярким огнем и дает очень горячие уголья.

Вот что было с царем Шахраманом. Что же касается Камар-аз-Замана, то когда пришла к нему ночь, евнух подал ему фонарь, зажег для него свечу и вставил ее в подсвечник, а потом он подал ему кое-чего съестного, и Камар-аз-Заман немного поел. И он принялся укорять себя за то что был невежей по отношению к отцу, и сказал своей душе: «О душа, разве ты не знаешь, что сын Адама — заложник своего языка и что именно язык человека ввергает его в гибель?»

А потом глаза его пролили слезы, и он заплакал о том, что совершил. С болящей душой и расколовшимся сердцем он до крайности раскаивался в том, как он поступил по отношению к отцу, и произнес:

Знай: смерть несут юноше оплошности уст его,
Хотя не погибнет муж, оплошно ступив ногой.

Оплошность из уст его снесет ему голову,
А если споткнется он,— здрав будет со временем.

А когда Камар-аз-Заман кончил есть, он потребовал, чтобы ему вымыли руки, и невольник вымыл ему руки после еды, и затем Камар-аз-Заман поднялся и совершил предзакатную и ночную молитву [1], и сел...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто семьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман, сын царя Шахрамана, совершил предзакатную и ночную молитву и сидел на ложе, читая коран. Он прочел главы «О корове», «Семейство Имрана», «Я-Син», «Ар-Рахман», «Благословенна власть», «Чистосердечие» и «Главы-охранительницы» и закончил молением и возгласом: «У Аллаха ищу защиты!»

А потом он лег на ложе, на матрас из мадинского атласа, одинаковый по обе стороны и набитый иракским шелком, а под головой у него была подушка, набитая перьями страуса. И ког-

[1] Мусульмане молятся пять раз в сутки; между рассветом и восходом солнца, в полдень, перед закатом солнца, между закатом солнца и наступлением сумерек и после наступления темноты.

да он захотел лечь, он снял верхнюю одежду и, освободившись от платья, лег в рубахе из тонкой вощеной материи, а голова его была покрыта голубой мервской повязкой. И в тот час этой ночи Камар-аз-Заман стал подобен луне, когда она бывает полной в четырнадцатую ночь месяца. Потом он накрылся шелковым плащом и заснул, и фонарь горел у него в ногах, а свеча горела над его головой, и он спал до первой трети ночи, не зная, что скрыто для него в неведомом и что ему предопределил ведающий сокровенное.

И случилось по предопределенному велению и заранее назначенной судьбе, что эта башня и эта комната были старые, покинутые в течение многих лет. И в комнате был римский колодец, где пребывала джинния[1], которая жила в нем. А звали ее Маймуна, и была она из потомства Иблиса проклятого и дочерью Димирьята, одного из знаменитых царей джиннов...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто семьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня о счастливый царь, что эту джиннию звали Маймуна, и была она дочерью Димирьята, одного из знаменитых царей джиннов.

И когда Камар-аз-Заман проспал до первой трети ночи, эта ифритка поднялась из римского колодца и направилась к нему, чтобы украдкой подслушать[2], и, оказавшись на верху колодца, она увидела свет, который горел в башне, в противность обычаю. А ифритка эта жила в том месте долгий срок лет, и она сказала про себя: «Я ничего такого здесь раньше не видела»,— и, увидев свет, она изумилась до крайности, и ей пришло на ум, что этому обстоятельству непременно должна быть причина.

И она направилась в сторону этого света и, увидев, что он исходит из комнаты, подошла к ней, и увидала евнуха, который спал у дверей комнаты. А войдя в комнату, она нашла там

[1] Джинны, ифриты, мариды — в арабском фольклоре добрые или злые духи.

[2] По арабскому поверью, джинны иногда взлетают к небу, чтобы тайком подслушать разговоры ангелов и узнать будущее людей.

поставленное ложе и на нем спящего человека, и свеча горела у него в головах, а фонарь горел у его ног. И ифритка Маймуна подивилась этому свету и мало-помалу подошла к нему и, опустив крылья, встала у ложа.

Она сняла плащ с лица Камар-аз-Замана и взглянула на него, и некоторое время стояла, ошеломленная его красотою и прелестью, и оказалось, что сияние его лица сильнее света свечки, и лицо его мерцало светом, и глаза его, во сне, стали как глаза газели и зрачки его почернели, и щеки зарделись, и веки расслабли, а брови изогнулись, как лук, и повеяло от него благовонным мускусом, как сказал о нем поэт:

Я лобзал его, и чернели томно зрачки его,
Искусители, и щека его алела.

О душа, коль скажут хулители, что красе его
Есть подобие, так скажи ты им: «Подайте!»

И когда ифритка Маймуна, дочь Димирьята, увидала его, она прославила Аллаха и воскликнула: «Благословен Аллах, лучший из творцов!» (А эта ифритка была из правоверных джиннов.) Она продолжала некоторое время смотреть в лицо Камар-аз-Замана, восклицая: «Нет бога, кроме Аллаха!» — и завидуя юноше, завидуя его красоте и прелести, и потом сказала про себя: «Клянусь Аллахом, я не буду ему вредить и никому не дам его обидеть, и выкуплю его от всякого зла! Поистине, это красивое лицо достойно лишь того, чтобы на него смотрели и прославляли за него Аллаха. Но как могло случиться, что родные положили его в это разрушенное место; если бы к нему сейчас явился кто-нибудь из наших маридов, он наверное погубил бы его».

Потом ифритка склонилась над Камар-аз-Заманом и поцеловала его между глаз, а после этого она опустила плащ ему на лицо и, накрыв его, распахнула крылья, и полетела в сторону неба. Она вылетела из-под сводов той комнаты и продолжала лететь по воздуху, поднимаясь ввысь, пока не приблизилась к нижнему небу [1]. И вдруг она услыхала хлопанье крыльев в воздухе и направилась на этот шум, и когда она приблизилась,

[1] По народному поверью, отразившемуся в коране, землю осеняют семь небес, лежащих одно над другим. «Земель» существует также семь; та земля, на которой мы обитаем,— высшая и находится ближе прочих к «нижнему небу».

то оказалось, что это ифрит, которого звали Дахнаш, и Маймуна низверглась на него, как низвергается ястреб.

И когда Дахнаш почуял ее и узнал, что эта Маймуна, дочь царя джиннов, он испугался, и у него затряслись поджилки. И он попросил у нее защиты и сказал ей: «Заклинаю тебя величайшим, благороднейшим именем, и вышним талисманом, что вырезан на перстне Сулеймана[1], будь со мною мягкой и не вреди мне!»

И Маймуна услышала от Дахнаша эти слова, и сердце ее сжалилось над ним, и она сказала: «Ты заклинаешь меня, о проклятый, великою клятвой, но я не отпущу тебя, пока ты не расскажешь, откуда ты сейчас прилетел».— «О госпожа,— ответил ифрит,— знай, что прилетел я из крайних городов Китая и с внутренних островов. Я расскажу тебе о диковине, которую я видел в эту ночь, и если ты найдешь, что мои слова — правда, позволь мне лететь своей дорогой и напиши мне твоей рукой свидетельство, что я твой вольноотпущенник, чтобы мне не причинил зла никто из племени джиннов — летающих, высших, нижних или ныряющих».

И Маймуна спросила его: «Что же ты видел этой ночью, о лжец, о проклятый? Рассказывай и не лги мне, желая спастись от меня своей ложью. Клянусь надписью, вырезанной в гнезде перстня Сулеймана ибн Дауда,— мир с ними обоими! — если твои слова не будут правдивы, я вырву тебе перья своей рукой, порву твою кожу и переломаю тебе кости!» И ифрит Дахнаш, сын Шамхураша крылатого, ответил ей: «Я согласен, о госпожа, на это условие...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто семьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Дахнаш ответил Маймуне: «Я согласен, о госпожа, на это условие,— а потом он

[1] **Сулейман ибн Дауд** (Соломон сын Давидов) — один из любимых героев мусульманской повествовательной литературы. На перстне Сулеймана, по преданию, было вырезано так называемое величайшее из девяноста девяти имен Аллаха, знание которого будто бы давало ему власть над джиннами, птицами и ветрами.

сказал: — Знай, о госпожа, что этой ночью я улетел с внутренних островов в землях китайских (а это земля царя аль-Гайюра, владыки островов и земель, и семи дворцов). И у этого царя я видел дочку, лучше которой не сотворил Аллах в ее время. Я не могу тебе описать ее, так как мой язык не имеет сил, чтобы ее описать как должно, но я упомяну о некоторых ее качествах приблизительно. Ее волосы — как ночь разлуки и расставанья, а лицо ее — точно дни единенья, и отлично описал ее тот, кто сказал:

Распустила три она локона из волос своих
Ночью темною и четыре ночи явила нам,

И к луне на небе лицом она обратилася,
И явила мне две луны она одновременно.

И нос ее — как острие полированного меча, а щеки,— точно алое вино. Ее щеки похожи на анемон, и губы ее — точно кораллы или сердолик, ее слюна желаннее вина, и вкус ее погасит мучительный огонь. Ее языком движет великий разум и всегда готовый ответ, и грудь ее — искушение для тех, кто ее видит. Слава же тому, кто ее сотворил и соразмерил!

И две руки ее круглые и гладкие, как сказал о ней поэт, охваченный любовью:

И кисти, которые, браслетов не будь на них,
Текли бы из рукавов, как быстрый ручей течет.

А груди ее точно две шкатулки из слоновой кости, сиянье которых заимствует луна и солнце. И живот у нее в свернутых складках, как складки египетских материй, расшитых парчой, и складки эти подобны бумажным свиткам. И доходит это все до тонкого стана, подобного призраку воображения, а он покоится на бедрах, похожих на кучи песка, и сажают они ее, когда она хочет встать, и пробуждают ее, когда она хочет спать как сказал поэт (и хорошо сказал):

И бедра ее к слабому прикрепились,
А бедра ведь те и к ней и ко мне жестоки.

Как вспомню я их, меня поднимут они тотчас,
Ее же они, коль встанет она, посадят.

И этот таз обременяет две ляшки, округленные и гладкие, а икры ее — точно столбы из жемчуга и все это носят ноги,

тонкие и заостренные, как острие копья,— творение заботливого, судящего. И подивился я их малым размерам: как могут они носить то, что над ними? И я был краток в описании и кончаю его, боясь затянуть...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто семьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ифрит Дахнаш ибн Шамхураш говорил ифритке Маймуне: «И я был краток в описании ее, боясь его затянуть».

И, услышав описание этой девушки и ее красоты и прелести, Маймуна изумилась, а Дахнаш сказал ей: «Поистине отец этой девушки могучий царь, витязь нападающий, погружающийся в шум битв и ночью и днем. И не страшится он смерти и не боится кончины, ибо он жестокий несправедливец и мрачный видом покровитель.

Он обладает войсками и отрядами, областями, островами, городами и домами, и зовут его царь аль-Гайюр, владыка островов, морей и семи дворцов. И любит он свою дочь, ту девушку, которую я описал тебе, сильной любовью. Из-за своей любви к ней он свез к себе богатства всех царей и построил ей семь дворцов — каждый дворец особого рода: первый дворец — из хрусталя, второй — из мрамора, третий — из китайского железа, четвертый дворец — из руд и драгоценных камней, пятый — из глины, разноцветных агатов и алмазов, шестой дворец — из серебра и седьмой — из золота.

И он наполнил эти семь дворцов разнообразными, роскошными коврами из шелка, золотыми и серебряными сосудами и всякой утварью, которая нужна царям. И он приказал своей дочери жить в каждом из этих дворцов часть года, а затем переезжать в другой дворец. А имя ее — царевна Будур [1].

И когда красота царевны сделалась знаменита и молва о ней распространилась по странам, все цари стали посылать к ее отцу, сватая у него девушку. И отец советовался с нею и склонял ее к замужеству, но разговоры о замужестве были ей

[1] Будур (множественное число от «бедр») — «полные луны».

отвратительны. И она говорила своему отцу: «О батюшка, нет у меня никакой охоты выходить замуж. Я госпожа, правительница и царица, и правлю людьми и не хочу мужчины, который будет править мною».

И всякий раз, как она отказывалась выйти замуж, желание сватавшихся все увеличивалось. И тогда все цари внутренних островов Китая принялись посылать ее отцу подарки и редкости и писать ему относительно брака с нею. И отец много раз советовал ей выйти замуж, но девушка прекословила ему и была с ним дерзка, и разгневалась на него, и сказала: «О батюшка, если ты еще раз заговоришь со мной о замужестве, я пойду в комнату, возьму меч и воткну его рукояткой в землю, а острие я приложу к животу и обопрусь на него, так что выйдет из моей спины, и убью себя».

И когда отец услышал от дочери эти слова, свет стал мраком пред лицом его, и сердце его загорелось из-за дочери великим огнем. Он испугался, что она убьет себя, и не знал, как быть с нею и с царями, которые к ней посватались.

«Если уж тебе никак не выйти замуж, воздержись от того, чтобы входить и выходить»,— сказал он ей, и затем ввел ее в комнату, заточил ее там и приставил, чтобы сторожить ее, десять старух управительниц. Он запретил ей появляться в тех семи дворцах и сделал вид, что гневен на нее, а ко всем царям он отправил письма и известил их, что разум девушки поражен бесноватостью. И сейчас год, как она в заточении».

А потом ифрит Дахнаш сказал ифритке Маймуне: «Я отправляюсь к ней каждую ночь, о госпожа, и смотрю на нее, и наслаждаюсь ее лицом, и целую ее, спящую, меж глаз. Из-за любви к ней я не причиняю ей вреда или обид и не сажусь на нее, так как ее юность прекрасна и прелесть ее редкостна, и каждый, кто увидит ее, приревнует к самому себе. Заклинаю тебя, о госпожа, воротись со мною и посмотри на ее красоту, прелесть и стройность, и соразмерность, а после этого, если захочешь меня наказать и взять в плен, сделай это: ведь и приказ и запрет принадлежат тебе».

И ифрит Дахнаш поник головой и опустил крылья к земле, а ифритка Маймуна, посмеявшись над его словами и плюнув ему в лицо, сказала: «Что такое эта девушка, про которую ты говоришь? Она только черепок, чтобы мочиться! Фу! Фу! Клянусь Аллахом, я думала, что у тебя диковинное дело или удивительная история, о проклятый! А как же было бы, если бы

ты увидел моего возлюбленного! Я сегодня ночью видела такого человека, что если бы ты его увидел хоть во сне, ты бы наверное стал расслабленным и у тебя потекли бы слюни».— «А что за история с этим юношей?» — спросил ее Дахнаш.

И Маймуна сказала: «Знай, о Дахнаш, что с этим юношей случилось то же, что случилось с твоей возлюбленной, о которой ты говорил: его отец много раз приказывал ему жениться, а он отказывался, и когда он не послушался отца, тот рассердился и заточил его в башне, где я живу. И сегодня ночью я поднялась и увидала его».— «О госпожа,— сказал Дахнаш,— покажи мне этого юношу, чтобы я посмотрел, красивей ли он, чем моя возлюбленная, царевна Будур, или нет. Я не думаю, что найдется в теперешнее время подобный моей возлюбленной».— «Ты лжешь, о проклятый, о сквернейший из маридов и презреннейший из чертей — воскликнула ифритка.— Я уверена, что не найдется подобного моему возлюбленному в этих землях...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО СТА ВОСЬМИДЕСЯТИ

Когда же настала ночь, дополняющая до ста восьмидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ифритка Маймуна сказала ифриту Дахнашу: «Я уверена, что не найдется подобного моему возлюбленному в этих землях. Сумасшедший ты, что ли, что сравниваешь свою возлюбленную с моим возлюбленным?» — «Заклинаю тебя Аллахом, госпожа, полети со мной и посмотри на мою возлюбленную, а я вернусь с тобою и посмотрю на твоего возлюбленного»,— сказал ей Дахнаш.

И Маймуна воскликнула: «Обязательно, о проклятый, ты ведь коварный черт! Но я полечу с тобой и ты полетишь со мной только с каким-нибудь залогом и с условием, что, если твоя возлюбленная, которую ты любишь и превозносишь сверх меры, окажется лучше моего возлюбленного, о котором я говорила и которого я люблю и превозношу,— этот залог будет тебе против меня. Но если окажется лучше мой возлюбленный,— залог будет мне против тебя».

«О госпожа,— отвечал ей ифрит Дахнаш,— я принимаю от тебя это условие и согласен на него. Отправимся со мною на

острова».— «Нет! Место, где мой возлюбленный, ближе, чем место твоей возлюбленной,— сказала Маймуна.— Вот он, под нами. Спустись со мною, чтобы посмотреть на моего возлюбленного, а потом мы отправимся к твоей возлюбленной».

И Дахнаш сказал: «Внимание и повиновение!» — а затем они спустились вниз и сошли в круглое помещение, которое было в башне. И Маймуна остановила Дахнаша возле ложа и, протянув руку, подняла шелковое покрывало с лица Камар-аз-Замана, сына царя Шахрамана, и лицо его заблистало, засверкало, засветилось и засияло. И Маймуна взглянула на него и в тот же час и минуту обернулась к Дахнашу и воскликнула: «Смотри, о проклятый, и не будь безобразнейшим из безумцев! Мы — женщины, и он для нас искушение».

И Дахнаш посмотрел на юношу и некоторое время его разглядывал, а потом он покачал головой и сказал Маймуне «Клянусь Аллахом, госпожа, тебе простительно, но против тебя остается еще нечто другое: положение женщины не таково, как положение мужчины [1]. Клянусь Аллахом, поистине твой возлюбленный более всех тварей сходен с моей возлюбленной по красоте и прелести, блеску и совершенству, и оба они как будто вместе вылиты в форме красоты».

И когда Маймуна услышала от Дахнаша эти слова, свет стал мраком пред лицом ее, и она ударила его крылом по голове крепким ударом, который едва не порешил его, так он был силен. А затем она воскликнула: «Клянусь светом лика его величия, ты сейчас же отправишься, о проклятый, и возьмешь твою возлюбленную, которую ты любишь, и быстро принесешь ее в это место, чтобы мы свели их обоих и посмотрели бы на них, когда они будут спать вместе, близко друг от друга. И тогда нам станет ясно, который из них красивее и прекраснее другого. А если ты, о проклятый, сейчас же не сделаешь того, что я тебе приказываю, я сожгу тебя моим огнем, и закидаю тебя искрами, и разорву тебя на куски, и разбросаю в пустынях, и сделаю тебя назиданием для оседлого и путешествующего».— «О госпожа,— сказал Дахнаш,— я обязан сделать это для тебя, но я знаю, что моя возлюбленная красивее и усладительнее».

После этого ифрит Дахнаш полетел, в тот же час и минуту, и Маймуна полетела с ним, чтобы стеречь его, и они скры-

[1] Эту фразу, вероятно, следует понимать в том смысле, что при одинаковой красоте женщина кажется лучше, чем мужчина.

лись на некоторое время, а потом оба прилетели, неся ту девушку.

А на ней была венецианская рубашка, тонкая, с двумя золотыми каемками, и была она украшена диковинными вышивками, а по краям рукавов были написаны такие стихи.

Три вещи мешают ей прийти посетить наш дом
(Страшны соглядатаи и злые завистники):

Сиянье чела ее, и звон драгоценностей,
И амбры прекрасный дух, что в складках сокрыт ее.

Пусть скроет чело совсем она рукавом своим
И снимет уборы все, но как же ей с потом быть?

И Дахнаш с Маймуной до тех пор несли эту девушку, пока не опустили ее и не положили рядом с юношей Камар-аз-Заманом...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто восемьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что ифрит Дахнаш и ифритка Маймуна до тех пор несли царевну Будур, пока не опустились и не положили ее рядом с юношей Камар-аз-Заманом на ложе. И они открыли их лица, и оба более всех людей походили друг на друга, и были они словно двойники или несравненные брат и сестра, и служили искушением для богобоязненных, как сказал о них ясно говорящий поэт:

О сердце, одного красавца не люби,
Теряя разум в ласках и мольбах пред ним;

Полюби красавцев ты всех зараз — и увидишь ты:
Коль уйдет один, так другой придет тотчас к тебе.

А другой сказал:

Глаза мои видели, что двое лежат в пыли,
Хотел бы я, чтоб они на веки легли мои.

И Дахнаш с Маймуной стали смотреть на них, и Дахнаш воскликнул: «Клянусь Аллахом, хорошо, о госпожа! Моя люби-

мая красивей!» — «Нет, мой возлюбленный красивей! — сказала Маймуна.— Горе тебе, Дахнаш, ты слеп глазами и сердцем и не отличаешь тощего от жирного. Разве сокроется истина? Не видишь ты, как он красив и прелестен, строен и соразмерен? Горе тебе, послушай, что я скажу о моем возлюбленном, и если ты искренно любишь ту, в кого ты влюблен, скажи про нее то, что я скажу о моем любимом».

И Маймуна поцеловала Камар-аз-Замана меж глаз многими поцелуями и произнесла такую касыду[1]

Что за дело мне до хулителя, что бранит тебя?
Как утешиться, когда ветка ты, вечно гибкая?

Насурьмлен твой глаз, колдовство свое навевает он,
И любви узритской[2] исхода нет, когда смотрит он.

Как турчанки очи: творят они с сердцем раненым
Даже большее, чем отточенный и блестящий меч.

Бремя тяжкое на меня взвалила любви она,
Но, поистине, чтоб носить рубаху, я слишком слаб.

Моя страсть к тебе, как и знаешь ты, и любовь к тебе
В меня вложена, а любовь к другому — притворство лишь.

Но имей я сердце такое же, как твоя душа,
Я бы не был тонок и худ теперь, как твой гибкий стан.

О луна небес! Всею прелестью и красой ее
В описаниях наградить должно средь других людей.

Все хулители говорили мне: «Кто такая та,
О ком плачешь ты?»— и ответил я: «Опишите!» — им.

О жестокость сердца, ты мягкости от бока ее
Научиться можешь, и, может быть, станешь мягче ты.

О эмир, сурова красоты надсмотрщик — глаза твои,
И привратник-бровь справедливости не желает знать.

Лгут сказавшие, что красоты всё Юсуф[3] взял себе —
Сколько Юсуфов в красоте твоей заключается!

---

[1] Касыда — длинное поэтическое произведение торжественного или лирического характера, хвалебная ода.
[2] Узритам — людям из племени Бену-Узра — легенды приписывают особую верность и чистоту в любви.
[3] Юсуф — арабское имя Иосифа Прекрасного, упоминаемого в библии.

Я для джиннов страшен, коль встречу их, но когда с тобой
Повстречаюсь я, то трепещет сердце и страшно мне.

И стараюсь я от тебя уйти, опасаясь глаз
Соглядатаев, но доколе мне принуждать себя?

Черны локоны и чело его красотой блестит,
И прекрасны очи, и стан его прям и гибок так.

И, услышав стихи Маймуны о ее возлюбленном, Дахнаш пришел в великий восторг и до крайности удивился...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто восемьдесят вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда ифрит Дахнаш услышал стихи Маймуны, он затрясся от великого восторга и воскликнул: «Поистине, ты хорошо сказала о том, кого ты любишь, и прекрасно описала его, и я тоже обязательно не пожалею стараний и, как могу, скажу что-нибудь о моей возлюбленной».

Потом Дахнаш подошел к девушке Будур, поцеловал ее меж глаз и, посмотрев на Маймуну и на Будур, свою возлюбленную, произнес такую касыду (а он сам не сознавал):

За любовь к прекрасной хулят меня и бранят они —
Ошибаются, по неведенью ошибаются!

Подари сближенье влюбленному! Ведь поистине,
Если вкусит он расставание, так погибнет он.

Поражен слезами, влюбившись я, и силен их ток,
И как будто кровь из-под век моих изливается.

Не дивись тому, что испытывал я в любви своей,
Но дивись тому, что был узнан я, когда скрылись вы.

Да лишусь любви я, коль скверное я задумаю!
Пусть любовь наскучит, иль будет сердце неискренно!

И еще слова поэта:

Опустел их стан и жилища их в долине,
И повержен я, и злодей мой удалился.

Я пьян вином любви моей, и пляшет
В глазах слеза под песнь вожака верблюдов.

Я стремлюся к счастью и близости, и уверен я,
Что блаженство я лишь в Будур найду счастливой.

Не знаю я, на что, из трех стану сетовать,
Перечислю я, вот послушай, я считаю:

На глаза ее мечевосные иль на стан ее,
Что копье несет, иль кудрей ее кольчугу.

Она молвила, а я спрашивал о ней всякого,
Кого встречу я из кочевых и оседлых»:

«Я в душе твоей, так направь же взор в ее сторону
И найдешь меня»,— и ответил я: «Где дух мой?»

Услышав от Дахнаша эти стихи, Маймуна сказала: «Отлично, о Дахнаш, но кто из этих двух лучше?» — «Моя возлюбленная Будур лучше, чем твой возлюбленный»,— ответил Дахнаш. И Маймуна воскликнула: «Ты лжешь, проклятый! Нет, мой возлюбленный лучше, чем твоя возлюбленная!» — «Моя возлюбленная лучше»,— сказал Дахнаш. И они до тех пор возражали друг другу словами, пока Маймуна не закричала на Дахнаша и не захотела броситься на него.

И Дахнаш смирился перед нею и смягчил свои речи, и сказал: «Пусть не будет тяжела для тебя истина! Прекратим твои и мои речи: каждый из нас свидетельствует, что его возлюбленный лучше, и оба мы отворачиваемся от слов другого. Нам нужен кто-нибудь, кто установит между нами решение, и мы положимся на то, что он скажет».— «Я согласна на это»,— сказала Маймуна.

А затем она ударила рукой об землю, и оттуда появился ифрит — кривой, горбатый и шелудивый, с глазами, прорезанными на лице вдоль, а на голове у него было семь рогов и четыре пряди волос, которые спускались до пяток. Его руки были, как вилы, ноги, как мачты, и у него были ногти, как когти льва, и копыта, как у дикого осла. И когда этот ифрит появился и увидел Маймуну, он поцеловал перед ней землю, а потом встал, заложив руки за спину, и спросил: «Что тебе нужно, о госпожа, о дочь царя?» — «О Кашкаш,— сказала она,— я хочу, чтобы ты рассудил меня с этим проклятым Дахнашем».

И затем она рассказала ему всю историю, с начала до конца, и тогда ифрит Кашкаш посмотрел на лицо этого юноши и на лицо той девушки и увидел, что они спят, обнявшись, и каждый из них положил руку под шею другого, и они сходны по красоте и одинаковы в прелести. И марид Кашкаш посмотрел на них и подивился их красоте и прелести, и, продлив свои взгляды на юношу и девушку, обернулся к Маймуне и произнес такие стихи:

Посещай любимый, и пусть бранят завистники —
Ведь против страсти помочь не может завистливый.

И Аллах не создал прекраснее в мире зрелища,
Чем влюбленные, что в одной постели лежат вдвоем.

Обнялись они, и покров согласия объемлет их,
А подушку им заменяют плечи и кисти рук.

И когда сердца заключат с любовью союз навек —
По холодному люди бьют железу,
узнай, тогда.

И когда дружит хоть один с тобой, он прекрасный друг:
Проводи же жизнь с подобным другом и счастлив будь.

О хулящие за любовь влюбленных, возможно ли
Исправление тех, у кого душа испорчена?

О владыка мой, милосердный бог, дай нам свидеться
Перед кончиною хоть на день один, на единственный!

Потом ифрит Кашкаш обратился к Маймуне и Дахнашу и сказал им: «Клянусь Аллахом, если вы хотите истины, то я скажу, что оба они равны по красоте, прелести, блеску и совершенству, и отличить их можно только по полу — мужскому и женскому. Но у меня есть другой способ: разбудим одного из них так, чтобы другой не знал, и тот, кто загорится любовью к своему соседу, будет ниже его по красоте и прелести».— «Это мнение правильное!» — воскликнула Маймуна, а Дахнаш сказал: «Я согласен на это!»

И тогда Дахнаш принял образ блохи и укусил Камар-аз-Замана, и тот вскочил со сна, испуганный...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала сто восемьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Дахнаш принял образ блохи и укусил Камар-аз-Замана, и тот вскочил со сна испуганный и стал драть ногтями укушенное место на шее,— так сильно оно горело. Он повернулся на бок и увидел, что кто-то лежит с ним рядом, и дыхание его ароматнее благоухающего мускуса, а тело его мягче масла, и изумился этому до пределов изумления.

И, поднявшись, он сел прямо и взглянул на то существо, которое лежало с ним рядом, и оказалось, что это девушка, точно бесподобная жемчужина или воздвигнутый купол, со станом как буква алиф[1], высокая ростом, с выдающейся грудью и румяными щеками, как сказал про нее поэт:

Четыре здесь для того только собраны,
Чтоб сердце мое изранить и кровь пролить:

Свет лба ее и мрак ночи кудрей ее,
И розы щек, и сиянье улыбки уст.

А вот слова другого:

Являет луну и гнется она, как ива,
Газелью глядит, а дышит как будто амброй.

И будто горе любит мое сердце
И в час разлуки с ним соединится.

И Камар-аз-Заман увидел Ситт Будур, дочь царя аль-Гайюра, и увидел ее красоту и прелесть, когда она спала рядом с ним, и увидел на ней венецианскую рубашку (а девушка была без шальвар) и на голове ее — платок, обшитый золотой каймой и унизанный дорогими камнями, а в ушах ее — пару колец, светивших, как звезды, и на шее — ожерелье из бесподобных жемчужин, которых не может иметь ни один царь. И он посмотрел на нее глазами, и ум его был ошеломлен.

И зашевелился в нем природный жар, и Аллах послал на него охоту к соитию, и юноша воскликнул про себя: «Что захо-

[1] Алиф — первая буква арабского алфавита, изображается в виде вертикальной черты.

тел Аллах, то будет, а чего не хочет он, того не будет!» А потом он протянул руку к девушке и, повернув ее, распустил ворот ее рубахи, и явилось ему ее тело, и он увидел ее груди, подобные двум шкатулкам из слоновой кости, и любовь его к ней еще увеличилась, и он почувствовал к ней великое желание.

И Камар-аз-Заман начал будить девушку, но она не просыпалась, так как Дахнаш отяжелил ее сон. И тогда Камар-аз-Заман принялся трясти ее и шевелить, говоря: «О любимая, проснись и посмотри, кто я,— я Камар-аз-Заман!» Но девушка не пробудилась и не шевельнула головой.

И тогда Камар-аз-Заман подумал о ней некоторое время и сказал про себя: «Если мое опасенье правильно, то это та девушка, на которой мой родитель хочет меня женить, а прошло уже три года, как я отказываюсь от этого. Если хочет этого Аллах, когда придет утро, я скажу отцу: «Жени меня на ней, чтобы я ею насладился, и все тут...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто восемьдесят четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман сказал про себя: «Клянусь Аллахом, я утром скажу отцу: «Жени меня на ней, чтобы я ею насладился!» — и не дам пройти половине дня, как уже достигну с ней близости и буду наслаждаться ее прелестью и красотой».

Потом Камар-аз-Заман наклонился к Будур, чтобы поцеловать ее. И джинния Маймуна задрожала и смутилась, а ифрит Дахнаш,— тот взлетел от радости. Но затем Камар-аз-Заман, когда ему захотелось поцеловать девушку в рот, устыдился Аллаха великого и, повернув голову, отвратил от нее лицо и, сказал своему сердцу: «Терпи!»

И он подумал про себя и сказал: «Я подожду, чтобы не оказалось, что мой отец, когда разгневался на меня и заточил меня в этом месте, привел ко мне эту девушку и велел ей спать со мной рядом, желая испытать меня ею. Он, может быть, научил ее, чтобы, когда я стану ее будить, она не спешила проснуться, и сказал ей: «Что бы ни сделал с тобой Камар-аз-Заман,— расскажи мне»,

Или мой отец стоит где-нибудь, спрятавшись, чтобы смотреть на меня, когда я его не вижу, и видит все, что я делаю с этой девушкой, а утром он будет меня бранить и скажет мне: «Как ты говоришь: «Нет мне охоты жениться!» — а сам целовал эту девушку и обнимал ее?» Я удержу свою душу, чтобы не раскрылось мое сердце отцу, и правильно будет мне не касаться сейчас этой девушки и не смотреть на нее. Но только я возьму у нее что-нибудь, что будет у меня залогом и воспоминанием о ней, чтобы между нами остался какой-нибудь знак».

Потом Камар-аз-Заман поднял руку девушки и снял с ее маленького пальца перстень, который стоил много денег, так как камень его был из великих драгоценностей, и вокруг него были вырезаны такие стихи:

> Не подумайте, что забыть я мог обещания,
> Сколько времени вы бы ни были в отдалении.
>
> Господа мои, будьте щедрыми, будьте кроткими;
> Целовать смогу я уста, быть может, и щеки вам.
>
> Но клянусь Аллахом, уйти от вас не могу уж я,
> Даже если бы перешли предел вы любви моей.

Потом Камар-аз-Заман снял этот перстень с маленького пальца царевны Будур и надел его на свой маленький палец, а затем он повернул к девушке спину и заснул.

И, увидя это, джинния Маймуна обрадовалась и сказала Дахнашу и Кашкашу: «Видели ли вы, какую мой возлюбленный Камар-аз-Заман проявил воздержанность с этой девушкой? Вот как совершенны его достоинства! Посмотри, как он взглянул на эту девушку с ее красотой и прелестью — и не поцеловал ее, и не обнял ее, и не протянул к ней руки,— напротив, он повернул к ней спину и заснул».— «Да, мы видели, какое он проявил совершенство»,— сказали они.

Тогда Маймуна превратилась в блоху и, проникнув в одежды Будур, возлюбленной Дахнаша, прошла по ее ноге, дошла до бедра и, пройдя под пупком расстояние в четыре кирата [1], укусила девушку.

---

[1] Слово «кират» (взято арабами с греческого) первоначально означало — зернышко рожкового дерева. Как мера поверхности, «четыре кирата» равны площади, покрытой четырьмя зернышками.

И та открыла глаза и, выпрямившись, села прямо, и увидела юношу, который спал рядом с ней и храпел во сне, и был он из лучших созданий Аллаха великого, и глаза его смущали прекрасных гурий, а слюна его была сладка на вкус и полезнее терьяка [1]. Рот его походил на печать Сулеймана [2], его уста были цветом, как коралл, и щеки подобны цветам анемона, как сказал кто-то в таких стихах:

Утешился я, забыв Навар или Зейнаб
Для мирты пушка его под розой ланиты;

Люблю газеленка я, одетого в курточку,
И нет уж любви во мне для тех, кто в браслетах.

Мой друг и в собраниях и в уединении
Не тот, что дружит со мной в домашнем покое.

Хулящий за то, что я и Зейнаб и Хинд забыл,—
Блестит, как заря в пути, моя невиновность.

Согласен ли ты, чтоб в плен попал я ко пленнице,
Живущей, как в крепости, за прочной стеною.

И когда царевна Будур увидела Камар-аз-Замана, ее охватили безумие, любовь и страсть...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто восемьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царевна Будур увидела Камар-аз-Замана, ее охватили безумие, любовь и страсть, и она воскликнула про себя: «О позор мне: этот юноша — чужой, и я его не знаю! Почему он лежит рядом со мною на одной постели?»

Потом она взглянула на него второй раз и всмотрелась в его красоту и прелесть, и воскликнула: «Клянусь Аллахом,

[1] Терьяк (собственно: противоядие) — обычное в Египте название опиума.

[2] Соломонова печать — растение из семейства лилейных, с цветком которого сравниваются уста юноши.

это красивый юноша, и моя печень едва не разрывается от любви к нему! О, позор мой с ним! Клянусь Аллахом, если бы я знала, что это тот юноша, который сватал меня у отца, я бы его не отвергла, но вышла бы за него замуж и насладилась бы его прелестью». И она посмотрела ему в лицо и сказала: «О господин мой, о свет моего глаза, пробудись от сна и воспользуйся моей красотой и прелестью!»

И потом она пошевелила его руку, но джинния Маймуна опустила над ним крылья и сделала сон его непробудным, и Камар-аз-Заман не проснулся. А царевна Будур принялась его трясти, говоря ему: «Заклинаю тебя жизнью, послушайся меня, пробудись от сна и взгляни на нарцисс и на зелень. Насладись моим животом и пупком, играй со мной и дразни меня от этой минуты до утра. Заклинаю тебя Аллахом, встань, господин, обопрись на подушку и не спи!»

Но Камар-аз-Заман не дал ей ответа, а, напротив, захрапел во сне, и девушка воскликнула: «Ой, ой, ты гордишься своей красотой, прелестью, изяществом и нежностью, но как ты красив, так и я тоже красива! Что же ты делаешь? Разве они тебя научили от меня отворачиваться, или мой отец, скверный старик, тебя научил и не позволил тебе и взял с тебя клятву, что ты не заговоришь со мной сегодня ночью?»

Но Камар-аз-Заман не раскрыл рта и не проснулся, и девушка еще больше его полюбила, и Аллах вдохнул в ее сердце любовь к Камар-аз-Заману. Она посмотрела на него взглядом, оставившим в ней тысячу вздохов, и сердце ее забилось, и внутри нее все затрепетало, и члены ее задрожали. И она сказала Камар-аз-Заману: «Скажи мне что-нибудь, о мой любимый, поговори со мной, о возлюбленный, ответь мне и скажи, как тебя зовут. Ты похитил мой разум!»

Но при всем этом Камар-аз-Заман был погружен в сон и не отвечал ей ни слова, и царевна Будур вздохнула и сказала: «Ой, ой, как ты чванишься!»

А потом она стала его трясти и повернула его руку и увидела свой перстень на его маленьком пальце, и тогда она издала крик, сопровождая его ужимками, и воскликнула: «Ах, ах! Клянусь Аллахом, ты мой возлюбленный и любишь меня. И похоже, что ты отворачиваешься от меня из чванства, хотя ты, мой любимый, пришел ко мне, когда я спала (и я не знаю, что ты со мной делал), и взял мой перстень, но я не сниму моего перстня с твоего пальца!»

И она распахнула ворот его рубашки и, склонившись к нему, поцеловала его, а затем она протянула к нему руку, чтобы поискать и посмотреть, нет ли на нем чего-нибудь, что она могла бы взять. Но она ничего не нашла и опустила руку ему на грудь, и рука ее скользнула к животу, так мягко было его тело, а потом она опустила руку к пупку и попала на его срамоту. И сердце девушки раскололось, и душа ее затрепетала, и поднялась в ней страсть, так как страсть женщин сильнее, чем страсть мужчин, и девушка смутилась.

А потом она сняла перстень Камар-аз-Замана с его пальца и надела его себе на палец вместо своего перстня, и поцеловала Камар-аз-Замана в уста, и поцеловала ему руки, и не оставила на нем места, которого бы не поцеловала. И после этого она придвинулась к нему и взяла его в объятия, и обняла его, и положила одну руку ему на шею, а другую под мышку и, обняв его, заснула с ним рядом...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто восемьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Будур заснула рядом с Камар-аз-Заманом и с нею было то, что было, Маймуна сказала Дахнашу: «Видел ты, о проклятый, какое проявил мой возлюбленный высокомерие и гордость и что делала твоя возлюбленная из любви к моему возлюбленному? Нет сомнения, что мой возлюбленный лучше твоей возлюбленной, но все-таки я тебя прощаю».

Потом она написала ему свидетельство, что отпустила его, и, обернувшись к Кашкашу, сказала: «Подойди вместе с Дахнашем, подними его возлюбленную и помоги ему снести ее на место, так как ночь прошла и от нее осталось лишь немного».— «Слушаю и повинуюсь!» — сказал Кашкаш. И затем Кашкаш с Дахнашем подошли к царевне Будур и, зайдя под нее, поднялись и улетели с нею, и принесли ее на место, и уложили в постель. А Маймуна осталась одна и смотрела на Камар-аз-Замана, который спал, пока от ночи не осталось только немного, и потом она удалилась своим путем.

А когда показалась заря, Камар-аз-Заман пробудился от

сна и повернулся направо и налево, но не нашел около себя девушки. «Что это такое? — сказал он себе.— Похоже, что мой отец соблазнял меня жениться на той девушке, которая была подле меня, и после тайком взял ее от меня, чтобы увеличилось мое желание жениться». И он кликнул евнуха, который спал у дверей, и сказал ему: «Горе тебе, проклятый, поднимайся на ноги!» — и евнух встал, одурев от сна, и подал таз и кувшин. И Камар-аз-Заман поднялся и вошел в место отдохновения и, исполнив нужду, вышел оттуда, омылся, совершил утреннюю молитву и сел, и стал славить великого Аллаха.

А потом он посмотрел на евнуха и увидел, что тот стоит перед ним, прислуживая ему, и воскликнул: «Горе тебе, о Сауаб, кто приходил сюда и взял девушку, что была рядом со мною, когда я спал?» — «О господин, что это за девушка?» — спросил евнух и Камар-аз-Заман отвечал: «Девушка, которая спала подле меня сегодня ночью».

И евнух испугался его слов и воскликнул: «Клянусь Аллахом, не было подле тебя ни девушки, никого другого! Откуда вошла к тебе девушка, когда я спал у двери, и она заперта? Клянусь Аллахом, господин, не входил к тебе ни мужчина, ни женщина».— «Ты лжешь, злосчастный раб! — воскликнул Камар-аз-Заман.— Разве ты достиг таких степеней, что тоже хочешь обмануть меня и не говоришь мне, куда ушла девушка, которая спала подле меня сегодня ночью, и не рассказываешь, кто взял ее у меня?»

И евнух сказал, испугавшись его: «Клянусь Аллахом, я не видел ни девушки, ни юноши». А Камар-аз-Заман рассердился на слова евнуха и воскликнул: «О проклятый, мой отец научил тебя хитрить. Подойди-ка ко мне». И евнух подошел к Камар-аз-Заману, а Камар-аз-Заман схватил его за ворот и ударил об землю, и евнух пустил ветры. А потом Камар-аз-Заман встал на него коленями и пнул его ногой, и так сдавил ему горло, что евнух обеспамятел.

А после этого Камар-аз-Заман поднял его, и, привязав к веревке колодца, стал спускать его, пока он не достиг воды, и опустил его туда (а тогда были дни зимние и очень холодные), и евнух погрузился в воду, а потом Камар-аз-Заман вытянул его и опустил во второй раз. И он все время погружал евнуха в воду и выдергивал его оттуда, и евнух звал на помощь, кричал и вопил. А Камар-аз-Заман говорил ему: «Клянусь Аллахом, о проклятый, я не подниму тебя из этого колодца, пока

ты мне не сообщишь и не расскажешь об этой девушке и о том, кто взял ее, когда я спал...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто восемьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман сказал евнуху: «Клянусь Аллахом, я не подниму тебя из этого колодца, пока ты мне не сообщишь и не расскажешь об этой девушке и о том, кто ее взял, когда я спал».

И евнух сказал ему, после того как увидел смерть воочию: «О господин, выпусти меня, и я расскажу тебе по правде и сообщу тебе всю историю». И тогда Камар-аз-Заман вытянул его из колодца и поднял его, а евнух исчез из мира от холода и пытки погружения и боязни утонуть, и от побоев, которые он перетерпел. И он принялся дрожать, как тростинка на сильном ветру, и его зубы судорожно сжались. А платье его вымокло, и тело его измазалось и покрылось ссадинами от колодезных стен, и оказался он в гнусном положении. И Камар-аз-Заману стало тяжело видеть его таким.

А когда евнух увидел себя на лице земли, он воскликнул: «О господин, дай мне снять с себя одежду; я ее выжму и расстелю на солнце, и надену другую, и потом быстро приду к тебе и расскажу тебе все дело по правде».— «О злой раб,— воскликнул Камар-аз-Заман,— если бы ты не взглянул в глаза смерти, ты бы не признался в истине и не сказал бы этого! Иди сделай свои дела и возвращайся ко мне скорей, и расскажи мне все по правде».

И тут раб вышел, не веря в спасение, и до тех пор бежал, падая и вставая, пока не вошел к царю Шахраману, отцу Камар-аз-Замана. И он увидел, что тот сидит, и везирь рядом с ним, и они беседуют о Камар-аз-Замане, и царь говорит везирю: «Я сегодня ночью не спал, так мое сердце было занято мыслями о моем сыне Камар-аз-Замане. Я боюсь, что его постигнет беда в старой башне. Зачем надо было его заточать?» И везирь ответил ему: «Не бойся! Клянусь Аллахом, с ним совершенно ничего не случится! Оставь его в заточении на месяц времени, пока нрав его не смягчится, и не будет сломлена его душа, и не успокоится его гнев».

И когда они разговаривали, вдруг вошел евнух в таком виде, что царь встревожился из-за него, а евнух сказал ему: «О владыка султан, у твоего сына улетел разум, и он стал бесноватым и сделал со мною то-то и то-то, так что я стал таким, как ты видишь. И он говорит мне: «Девушка ночевала подле меня в сегодняшнюю ночь и тайком ушла: где же она?» И заставляет меня рассказать про нее и про то, кто ее взял, а я не видел ни девушки, ни юноши, и дверь всю ночь была заперта, а я спал у двери, и ключ был у меня под головой, и я своей рукой открыл ему утром».

Услышав такие слова о своем сыне Камар-аз-Замане, царь Шахраман вскричал: «Увы, мой сын!» — и разгневался сильным гневом на везиря, который был виновником во всем, что случилось, и сказал ему: «Вставай, выясни, что с моим сыном, и посмотри, что случилось с его разумом».

И везирь встал и вышел, спотыкаясь о полы платья от страха перед гневом царя, и пошел с евнухом в башню (а солнце уже поднялось), и вошел к Камар-аз-Заману, и увидел, что тот сидит на ложе и читает коран.

Он приветствовал его и сел с ним рядом, и сказал ему: «О господин, этот скверный евнух рассказал нам о деле, которое нас огорчило и встревожило, и царь разгневался из-за этого».— «А что же он вам про меня рассказал, что расстроило моего отца? — спросил Камар-аз-Заман.— По правде, он расстроил лишь меня одного».— «Он пришел к нам в непохвальном состоянии,— отвечал везирь,— и сказал твоему отцу некие слова,— да будешь ты далек от них! — и этот раб солгал нам такое, чего не подобает говорить о тебе. Да сохранит Аллах твою юность, и да сохранит он твой превосходный ум и красноречивый язык, и пусть не проявится от тебя дурное!» — «О везирь, а что же сказал про меня этот скверный раб?» — спросил Камар-аз-Заман, и везирь отвечал: «Он рассказал нам, что твой разум пропал и что ты будто бы сказал ему, что подле тебя была прошлой ночью девушка, и ты заставлял его рассказать, куда она ушла, и мучил его, чтобы он это сделал».

И, услышав эти слова, Камар-аз-Заман разгневался сильным гневом и сказал везирю: «Мне стало ясно, что вы научили евнуха тем поступкам, которые он совершил...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто восемьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, услышав слова везиря, Камар-аз-Заман разгневался сильным гневом и сказал везирю: «Мне стало ясно, что вы научили евнуха тем поступкам, которые он совершил, и не позволили ему рассказать мне о девушке, что спала подле меня сегодня ночью. Но ты, о везирь, умнее евнуха,— расскажи же мне тотчас, куда пропала та девушка, которая спала этой ночью у меня в объятиях. Ведь это вы ее послали ко мне и велели ей спать в моих объятиях, и я проспал с нею до утра, а проснувшись, я не нашел ее. Где же она теперь?» — «О господин мой, Камар-аз-Заман, имя Аллаха да будет вокруг тебя! — воскликнул везирь.— Клянусь Аллахом, мы никого к тебе не посылали сегодня ночью, и ты спал один, и дверь была заперта, а евнух спал за дверью. К тебе не приходила ни девушка, ни кто-нибудь другой. Укрепи же свой ум и возвратись к разуму, о господин, и не занимай этим твоего сердца».

И Камар-аз-Заман, который рассердился на везиря, воскликнул: «О везирь, эта девушка — моя возлюбленная, и она красавица с черными глазами и румяными щеками, которую я обнимал всю сегодняшнюю ночь!» И везирь удивился словам Камар-аз-Замана и спросил: «Ты видел сегодня эту девушку глазом наяву или во сне?» — «О скверный старец,— воскликнул Камар-аз-Заман,— а ты думаешь, я видел ее ухом? Я видел ее своими глазами, наяву, и поворачивал ее рукою и провел с нею без сна половину всей ночи, смотря на ее красоту, прелесть, изящество и нежность. Но только вы научили ее и наставили, чтобы она не говорила со мной, и она притворилась спящей. И я проспал рядом с ней до утра, а когда проснулся, не нашел ее».

«О господин мой, Камар-аз-Заман,— сказал везирь,— может быть, это дело было во сне, и окажется, что это спутанные грезы или призраки, привидевшиеся от того, что ты поел разных кушаний, или наущения проклятых дьяволов».

«О скверный старец! — воскликнул Камар-аз-Заман.— Так ты тоже насмехаешься надо мной и говоришь мне: «Это, может быть, спутанные грезы», когда евнух уже признался и сказал мне: «Сейчас я вернусь и расскажу тебе всю историю этой девушки».

И Камар-аз-Заман в тот же час и минуту встал и, подойдя к везирю, захватил его бороду рукою (а борода у него была длинная), и схватил ее, и навернул на руку, и, потянув везиря за бороду, свалил его с ложа, и уронил на землю. И везирь почувствовал, что дух из него выходит, так сильно ему рвали бороду. А Камар-аз-Заман не переставал пихать его ногами и бить кулаками в грудь и в ребра, и колотить по затылку, и едва не погубил его.

И тогда везирь сказал про себя: «Если раб-евнух освободился от этого одержимого с помощью лжи, то я более достоин сделать это, чем он. Я тоже освобожусь от мальчика ложью: иначе он меня погубит. Вот я солгу ему и освобожусь: он бесноватый, нет сомнения в его бесноватости!» И он обратился к Камар-аз-Заману и сказал ему: «О господин, не взыщи с меня: твой отец велел мне скрывать от тебя историю этой девушки. Но сейчас я обессилел и утомился, и мне больно от побоев, так как я старый человек и нет у меня терпения и силы выносить удары. Дай мне срок, и я поведаю тебе историю девушки».

Услышав это от везиря, Камар-аз-Заман перестал бить его и спросил: «А почему ты расскажешь мне историю этой девушки только после унижения и побоев? Вставай, о скверный старец, и расскажи мне ее историю».— «Ты спрашиваешь о той девушке, обладательнице красивого лица и изящного стана?» — спросил его везирь. И Камар-аз-Заман ответил: «Да! Расскажи мне про нее, о везирь, кто привел ее ко мне и положил ее со мною рядом, и кто взял ее от меня ночью, и куда она ушла сейчас. Расскажи, чтобы я сам к ней отправился.

И если мой отец, царь Шахраман, совершил со мною такие поступки и испытал меня красотой этой девушки, чтобы я на ней женился, я согласен жениться на ней и избавить от этого свою душу. Он ведь сделал со мною все это только потому, что я отказывался жениться. Но вот я согласен жениться и еще раз согласен жениться. Уведомь же об этом моего отца, о везирь, и посоветуй ему женить меня на этой девушке — я не хочу никого другого, и мое сердце любит только ее. Вставай и поспеши к моему отцу, и посоветуй ему ускорить мою женитьбу, а потом сейчас же возвращайся ко мне с ответом».

И везирь сказал ему: «Хорошо!» — и не верил он, что вырвался из его рук, а потом он поднялся и вышел из башни,

спотыкаясь на ходу от сильного страха и испуга, и бежал до тех пор, пока не вошел к царю Шахрамаиу...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто восемьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь вышел из башни и бежал до тех пор, пока ие вошел к царю Шахраману. А когда он пришел к нему, царь спросил его: «О везирь, что тебя постигло и кто поразил тебя злом, и почему, я вижу, ты смущен и прибежал испуганный?» — «О царь,— отвечал везирь,— я пришел к тебе с новостью».— «Какою же?» — спросил царь, и везирь сказал: «Знай, что у твоего сына Камар-аз-Замана пропал разум и его постигло безумие».

И когда царь услышал слова везиря, свет стал мраком перед его лицом, и он воскликнул: «О везирь, разъясни мне, каково его безумие!» — «О господин, слушаю и повинуюсь!» — сказал везирь, и затем он осведомил царя о том, что Камар-аз-Заман совершил то-то и то-то, и рассказал ему, что у него с ним случилось.

«Радуйся, о везирь! За твою новость о том, что мой сын обезумел, я отсеку тебе голову и прекращу к тебе милости, о сквернейший из везирей и грязнейший из эмиров! Я знаю, что ты виноват в безумии моего сына, так как дал мне совет и указал способ, скверный и несчастный в начале и в конце. Клянусь Аллахом, если с моим сыном произойдет какая-нибудь беда или он станет безумным, я обязательно приколочу тебя гвоздями к куполу дворца и дам тебе вкусить превратности!»

Потом царь поднялся на ноги и пришел с везирем в башню. Он вошел к Камар-аз-Заману, и когда они оба пришли к нему, Камар-аз-Заман вскочил на ноги и поспешно спустился с ложа, на котором сидел, и поцеловал отцу руки, и потом он отошел назад и склонил голову к земле, заложив руки за спину, и остановился перед своим отцом, и простоял так некоторое время, а затем он поднял голову к отцу, и слезы побежали из его глаз и потекли по его щекам, и он произнес:

Коль свершил я прежде оплошность с вами когда-нибудь
Или сделал с вами я что-нибудь непохвальное,

То раскаялся я в грехе, и прощение
Ведь объемлет злого, когда приходит с повинной он.

И тогда царь встал и обнял своего сына Камар-аз-Замана, и, поцеловав его меж глаз, посадил его рядом с собою на ложе, и обернулся к везирю, и, взглянув на него глазом гнева, воскликнул: «О собака среди везирей, как ты говоришь на моего сына Камар-аз-Замана то-то и то-то и возбуждаешь против него мое сердце?» И царь обратился к своему сыну и спросил его: «О дитя мое, как называется сегодняшний день?» — «О батюшка, сегодня день субботы, а завтра воскресенье, а затем понедельник, а затем вторник, а затем среда, а затем четверг, а затем пятница»,— отвечал Камар-аз-Заман. И царь воскликнул: «О дитя мое, о Камар-аз-Заман, слава Аллаху, что твой ум невредим! А как называется по-арабски тот месяц, что теперь у нас?» — «Он называется Зу-ль-Када, а за ним следует Зу-ль-Хиджже, а после него — Мухаррам, а после — Сафар, а после — месяц Раби первый, а после—месяц Раби второй, а после — Джумада первая, а после — Джумада вторая, а после — Раджаб, а после — Шабан, а после — Рамадан, а после него — Шавваль»,— отвечал Камар-аз-Заман.

И царь обрадовался сильной радостью и плюнул в лицо везирю, и сказал ему: «О дурной старец, как ты утверждаешь, что мой сын сошел с ума, а оказывается, что сошел с ума один лишь ты!» И тут везирь покачал головой и хотел говорить, но потом ему пришло в голову подождать немного, чтобы посмотреть, что будет. А царь затем сказал своему сыну: «О дитя мое, что это за слова ты говорил евнуху и везирю, когда сказал им: «Я сегодня ночью спал с красивой девушкой?» Что это за девушка, про которую ты говорил?»

И Камар-аз-Заман засмеялся словам своего отца и сказал: «О батюшка, знай, что у меня не осталось сил переносить насмешки. Не прибавляйте же больше ничего, ни одного слова: моя душа стеснилась от того, что вы со мной делаете. И узнай, отец, и будь уверен, что я согласен жениться, но с условием, чтобы вы женили меня на той девушке, которая спала подле меня сегодня ночью. Я уверен, что это ты прислал ее ко мне и возбудил во мне страсть к ней, а потом послал за ней перед утром и взял ее от меня».— «Имя Аллаха да будет вокруг тебя, о дитя мое! Да сохранит он твой разум от безумия!» — воскликнул царь...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО СТА ДЕВЯНОСТА

Когда же настала ночь, дополняющая до ста девяноста, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман сказал своему сыну Камар-аз-Заману: «Имя Аллаха да будет вокруг тебя, о дитя мое! Да сохранит он твой разум от безумия! Что это за девушку, ты говоришь, я прислал к тебе сегодня ночью, а потом послал взять ее от тебя перед утром? Клянусь Аллахом, дитя мое, я не ведаю об этом деле! Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне: спутанные ли это грезы, или привиделось после кушаний? Ты провел сегодня ночь с умом, занятым мыслью о женитьбе и смущенный речами о ней,— прокляни Аллах женитьбу и час ее создания, и прокляни он того, кто ее посоветовал! Наверное и нет сомнения, что твое настроение было смущено из-за брака, и ты увидел во сне, что тебя обнимает красивая девушка, а теперь уверен в душе, что видел ее наяву. Все это, о дитя мое, спутанные грезы!»

«Брось эти речи и поклянись мне Аллахом, творцом всеведущим, сокрушающим притеснителей и погубившим Хосроев[1], что ты не знаешь девушки и ее местопребывания»,— сказал Камар-аз-Заман. И царь воскликнул: «Клянусь великим Аллахом, богом Мусы и Ибрахима[2], я этого не знаю, и нет у меня об этом сведений, и все это спутанные грезы, которые ты видел во сне!» — «Я приведу тебе сравнение, которое ясно покажет тебе, что это было наяву»,— сказал Камар-аз-Заман...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто девяносто первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман сказал своему отцу: «Я приведу тебе сравнение, которое ясно покажет тебе, что это было наяву. Я спрашиваю тебя: случалось ли кому-нибудь видеть во сне, что он сражается и ведет жесто-

---

[1] Хосрой — имя двух персидских царей из династии Сасанидов. Легенда приписывает им огромное богатство и могущество.

[2] Муса и Ибрахим — библейские Моисей и Авраам, о которых упоминается также и в коране.

кий бой, а потом пробудиться от сна и найти у себя в руке меч, вымазанный кровью?» — «Нет, клянусь Аллахом, о дитя мое, это не случалось»,— отвечал царь.

И тогда Камар-аз-Заман сказал своему отцу: «Я расскажу тебе, что произошло со мною.

Сегодня ночью мне привиделось, будто я пробудился от сна в полночь и нашел девушку, которая спала подле меня, и стан ее был, как мой стан, и вид ее был, как мой вид, и я обнял ее и повернул своей рукой, и взял ее перстень, и надел его себе на палец, а свой перстень я снял и надел ей на палец. И я заснул подле нее и воздержался от нее, стыдясь тебя и боясь, что это ты послал ее, чтобы испытать меня, и я подумал, что ты где-нибудь спрятался, чтобы посмотреть, что я с ней делаю. И поэтому я постыдился поцеловать ее в рот, от стыда перед тобою, и мне казалось, что ты соблазняешь меня жениться.

А потом я пробудился на рассвете от сна и не увидел и следа девушки, и не знал о ней ничего. И случилось у меня с евнухом и с везирем то, что случилось. Как же может быть это сном или ложью, когда дело с перстнем — истина? Если бы не перстень, я бы думал, что это сон, но вот ее перстень на маленьком пальце. Посмотри на перстень, о царь, сколько он стоит?»

И Камар-аз-Заман подал перстень своему отцу, и тот взял перстень и всмотрелся в него, и повертел его, а затем он обратился к своему сыну и сказал: «В этом перстне — великое уведомление и важная весть, и поистине, то, что случилось у тебя с девушкой сегодня ночью,— затруднительное дело. Не знаю, откуда пришло к нам это незваное, и виновник всей этой смуты один лишь везирь. Заклинаю тебя Аллахом, о дитя мое, подожди, пока Аллах облегчит тебе эту горесть и принесет тебе великое облегчение. Ведь кто-то из поэтов сказал:

Надеюсь, что, может быть, судьба повернет узду
И благо доставит мне,— изменчиво время!

И помощь в надеждах даст, и нужды свершит мои —
Ведь вечно случаются дела за делами.

О дитя мое, я убедился сейчас, что нет в тебе безумия, но дело твое диковинно, и освободит тебя от него лишь Аллах великий».

«Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка,— сказал Камар-аз-Заман,— сделай мне добро и разузнай для меня об этой де-

вушке. Поторопись привести ее, а не то я умру с тоски и никто не будет знать о моей смерти». Потом Камар-аз-Заманом овладела страсть, и, повернувшись к своему отцу, он произнес такое двустишие:

Когда обещание любви вашей ложно,
Влюбленного хоть во сне тогда посетите.

Сказали: «Как призраку глаза посетить его,
Когда запрещен им сон и к ним не допущен?»

А затем, произнеся эти стихи, Камар-аз-Заман обернулся к своему отцу, смиренно и огорченно, и пролил слезы, и произнес такие стихи...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто девяносто вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман, сказав своему отцу эти стихи, стал плакать, сетовать и вздыхать из глубины пораненного сердца, и произнес еще такие стихи:

Страшитесь очей ее — волшебна ведь сила их,
И тем не спастись уже, кто стрелами глаз сражен.

Не будьте обмануты речей ее нежностью:
Поистине, пылкость их умы опьяняет нам.

О нежная! Если бы щекой коснулася роз она,
Заплакала бы, и дождь лился бы из глаз ее.

И если бы ветерок во сне пролетел над ней,
Летя, он всегда бы нес ее благовония.

Скорбят ожерелия, что пояс звенит ее,
Когда онемел браслет на каждой из рук ее.

Захочет браслет ножной серьгу лобызать ее —
И все в ней сокрытое предстанет очам любви.

Меня за любовь хулят, не зная прощения,
Что пользы от глаз, когда они не прозорливы?

Хулитель позор тебе, ты несправедлив ко мне!
Все взоры склоняет вниз краса газелёночка.

А когда он кончил говорить стихи, везирь сказал царю: «О царь века и времени, до каких пор будешь ты сидеть подле

твоего сына, удалившись от войск? Быть может, нарушится порядок в твоем царстве, так как ты удалился от вельмож царства. Разумный, когда на его теле разнообразные раны, должен лечить опаснейшую из них, и, по моему мнению, тебе следует перевести твоего сына отсюда во дворец, выходящий на море, и ты будешь удаляться туда к своему сыну. А для дивана и для выезда ты назначишь во всякую неделю два дня — четверг и понедельник, и станут входить к тебе в эти дни эмиры, везири, придворные и вельможи царства, и остальные воины и подданные, чтобы изложить тебе свои дела, и ты будешь исполнять их нужды, судить их, брать и отдавать, и приказывать и запрещать. А остаток недели ты будешь подле твоего сына Камар-аз-Замана и останешься в этом положении, пока Аллах не пошлет тебе и ему облегчения. О царь, берегись превратностей времени и ударов случая, разумный всегда настороже. А как хороши слова поэта:

Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,
И зла не страшился ты, судьбой приносимого.

Ночами ты был храним и дал обмануть себя,
Но часто, хоть ночь ясна, случается смутное.

О люди, пусть будет тот, кому благосклонный рок
Лишь помощь оказывал, всегда осторожен!

Услышав от везиря эти слова, царь счел их правильным и полезным для себя советом, и они произвели на него впечатление. Он испугался, что нарушится порядок в его царстве, и в тот же час и минуту поднялся и приказал перевести своего сына из этого места во дворец, выходящий на море.

А этот дворец был посреди моря, и туда проходили по мосткам шириной в двадцать локтей. Вокруг дворца шли окна, выходившие на море, и пол в нем был выстлан разноцветным мрамором, а потолок был покрыт разными прекраснейшими маслами и разрисован золотом и лазурью.

И Камар-аз-Заману постлали во дворце роскошную шелковую подстилку и вышитые ковры, а стены в нем покрыли избранной парчой и опустили занавески, окаймленные жемчугами. И Камар-аз-Замана посадили там на ложе из можжевельника, украшенное жемчугами и драгоценностями, и Камар-аз-Заман сел на это ложе, но только от постоянных дум о девушке и любви к ней у него изменился цвет лица, и его тело

исхудало, и перестал он есть, пить и спать и сделался точно больной, который двадцать лет болен.

И его отец сидел у его изголовья и печалился о нем великой печалью, и каждый понедельник и четверг царь давал разрешения эмирам, придворным, наместникам, вельможам царства, воинам и подданным входить в этот дворец, и они входили и исполняли обязанности службы и оставались подле него до конца дня, а затем уходили своей дорогой. А царь приходил к своему сыну в тот покой и не расставался с ним ни ночью, ни днем и проводил таким образом дни и ночи.

Вот что было с Камар-аз-Заманом, сыном царя Шахрамана. Что же касается царевны Будур, дочери царя аль-Гайюра, владыки островов и семи дворцов, то когда джинны принесли ее и положили на ее постель, она продолжала спать, пока не взошла заря. И тогда она проснулась от сна и села прямо, и повернулась направо и налево, но не увидела юноши, который был в ее объятиях, и сердце ее взволновалось, и ум покинул ее.

И она закричала великим криком, и проснулись все ее невольницы, няньки и управительницы и вошли к ней, и старшая из них подошла к царевне и сказала: «О госпожа моя, что такое тебя постигло?» И Будур ответила ей: «О скверная старуха, где мой возлюбленный, прекрасный юноша, который спал сегодня ночью у меня в объятиях? Расскажи мне, куда он ушел».

И когда управительница услышала от нее эти слова, свет стал мраком перед лицом ее, и она испугалась гнева царевны великим страхом. «О госпожа моя Будур, что это за гадкие речи?» — спросила она. ИСитт Будур воскликнула: «О скверная старуха, где мой возлюбленный, красивый юноша, со светлым лицом, изящным станом, черными глазами и сходящимися бровями, который спал подле меня сегодня ночью, с вечера и пока не приблизился восход солнца?» — «Клянусь Аллахом,— ответила управительница,— я не видела ни юноши, ни кого другого. Ради Аллаха, о госпожа, не шути таких шуток, выходящих за предел,— не то погибнут наши души. Может быть, эта шутка дойдет до твоего отца, и кто тогда вызволит нас из его рук...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала сто девяносто третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что управительница сказала госпоже Будур: «Ради Аллаха, о госпожа, не шути таких шуток, выходящих за предел; может быть, эта шутка дойдет до твоего отца, и кто тогда вызволит нас из рук?» Но царевна Будур сказала ей: «Юноша ночевал подле меня сегодня ночью, и он лучше всех людей лицом», а управительница воскликнула: «Да сохранит Аллах твой разум! Никто не ночевал подле тебя сегодня ночью».

И тогда Будур взглянула на свою руку и нашла у себя на пальце перстень Камар-аз-Замана, а своего перстня не нашла. «Горе тебе, проклятая женщина,— сказала она управительнице,— ты лжешь мне и говоришь, что никто не ночевал у меня, и клянешься мне Аллахом впустую?». И управительница ответила: «Клянусь Аллахом, я тебе не лгала и не клялась впустую!» А Ситт Будур разгневалась на нее и, вынув меч, бывший подле, ударила им управительницу и убила ее. И тогда евнухи, невольницы и рабыни закричали на царевну и пошли к ее отцу, и осведомили его о том, что с ней.

И царь в тот же час и минуту пришел к своей дочери Ситт Будур и спросил ее: «О дочь моя, что с тобой случилось?» — а она отвечала: «О батюшка, где тот юноша, что спал со мною сегодня ночью?» И разум улетел у нее из головы, и она стала ворочать глазами направо и налево, а потом разорвала на себе одежду до подола. И когда ее отец увидал такие поступки, он велел девушкам схватить царевну. И ее схватили и заковали, и надели на шею железную цепь, и привязали ее у окна, и оставили ее.

Вот что было с царевной Будур. Что же касается ее отца, царя аль-Гайюра, то, когда он увидел, что случилось с его дочерью Ситт Будур, мир стал для него тесен, так как он любил ее, и стало на душе у него тяжело.

И тогда он позвал врачей и звездочетов, и обладателей перьев[1] и сказал им: «Кто исцелит мою дочь от того, что с нею, я женю того на ней и отдам ему половину моего царства, а тому, кто подойдет к ней и не исцелит ее, я отрублю голову и повешу ее на воротах дворца».

[1] То есть ученых, составляющих гороскопы и пишущих талисманы.

И всякому, кто входил к царевне и не исцелял ее, царь рубил голову и вешал ее на воротах дворца, пока не отрезали из-за нее головы сорока человекам из врачей и не распяли сорок человек звездочетов. И все люди отступились от нее, и все врачи оказались бессильными ее вылечить. И дело ее стало трудным для людей наук и обладателей перьев.

А затем Ситт Будур, когда увеличились ее волненье и страсть и измучили ее любовь и безумие, пролила слезы и сказала такие стихи:

Любовь к тебе, о месяц,— мой обидчик,
И мысль о тебе во мраке ночном — мучитель.

И ночью лежу, а в ребрах моих — как пламя,
Что жаром своим на адский огонь похоже.

Испытана я чрезмерных страстей гореньем,
И стало теперь мученье от них мне карой.

Потом вздохнула и произнесла еще:

Привет мой возлюбленным во всех обиталищах,
И подлинно, я стремлюсь в жилище любимых.

Привет мой вам — не привет того, кто прощается,
Шлю много приветов я — все больше и больше.

И правда, люблю я вас и вашу страну люблю,
Но я от того далек, чего я желаю.

А когда Ситт Будур кончила говорить эти стихи, она стала плакать, пока у нее не заболели глаза, и щеки ее не побледнели, и она провела в таком положении три года.

А у нее был молочный брат по имени Марзуван, который уехал в дальние страны и не был с нею все это время. И он любил ее любовью более сильной, чем братская любовь, и, приехав, вошел к своей матери и спросил про свою сестру Ситт Будур, и мать сказала ему: «О дитя мое, твою сестру постигло безумие, и прошло три года, как на шее у нее железная цепь, и все врачи и мудрецы бессильны излечить ее».

И, услышав это, Марзуван воскликнул: «Мне обязательно нужно пойти к ней: может быть, я узнаю, что с нею, и смогу ее вылечить!» И когда мать Марзувана услыхала его слова, она сказала: «Ты непременно должен к ней войти, но дай срок до завтра, и я как-нибудь ухитрюсь устроить твое дело».

Потом его мать пешком отправилась во дворец Ситт Будур и встретилась с евнухом, поставленным у ворот, и дала ему подарок, и сказала: «У меня есть дочь, которая воспиталась с госпожой Будур, и я выдала ее замуж, а когда с твоей госпожой случилось то, что случилось, сердце моей дочери привязалось к ней. И я хочу от твоей милости, чтобы моя дочка на минутку пришла к ней, посмотреть на нее, а потом она вернется туда, откуда пришла, и никто о ней не узнает». И евнух отвечал: «Это возможно не иначе, как ночью. После того, как султан придет посмотреть на свою дочь, приходи и ты с твоей дочкой».

И старуха поцеловала евнуху руку и ушла к себе домой, и подождала до вечера следующего дня. И когда время настало, она поднялась в тот же час и минуту и, взяв своего сына Марзувана, одела его в платье из женских одежд, а потом она вложила его руку в свою и повела его во дворец. И она до тех пор шла с ним, пока не привела его к евнуху, после ухода султана от его дочери. И когда евнух увидал старуху, он поднялся на ноги и сказал ей: «Входи и не сиди долго!»

И старуха вошла со своим сыном, и Марзуван увидал Ситт Будур в таком состоянии и поздоровался с нею, после того как мать сняла с него женские одежды. И Марзуван вынул книги, которые были с ним, зажег свечу и прочел несколько заклинаний.

И тогда Ситт Будур посмотрела на него и узнала его, и сказала: «О брат мой, ты уезжал и вести от тебя прекратились».— «Верно,— отвечал Марзуван,— но Аллах благополучно привел меня назад. И я хотел уехать второй раз, но удержали меня от этого лишь те вести, которые я про тебя услышал. Мое сердце сгорело из-за тебя, и я к тебе пришел в надежде, что, может быть, я тебя освобожу от того, что с тобою случилось».— «О брат мой,— сказала Будур,— ты думаешь, то, что меня постигло, безумие?» — «Да»,— отвечал Марзуван. И Будур сказала: «Нет, клянусь Аллахом! А дело таково, как сказал поэт:

Сказали: «Безумен ты от страсти к возлюбленным».
Сказал я: «Жить в радости дано лишь безумным».

Очнуться влюбленные не могут уж никогда.
К безумным же изредка приходит припадок.

Безумен я! Дайте мне того, кто мой отнял ум,
И если безумие пройдет, не корите.

И тут Марзуван понял, что она влюблена, и сказал ей: «Расскажи мне твою историю и то, что тебя постигло. Может быть, в моих силах сделать что-нибудь, в чем будет твое освобождение...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто девяносто четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Марзуван сказал госпоже Будур: «Расскажи мне твою историю и то, что с тобой случилось. Может быть, Аллах научит меня чему-нибудь, в чем будет твое освобождение».

И Ситт Будур отвечала: «О брат мой, слушай мою историю. Однажды ночью я пробудилась от сна, в последнюю треть ночи, и села прямо, и увидала рядом с собой юношу, прекраснейшего, какой есть среди юношей... Язык устанет его описывать. И подобен он ветви ивы или трости камыша... И я подумала, что мой отец дал ему приказ испытать меня, так как отец склонял меня выйти замуж, когда меня сватали у него цари, а я отказывалась. Вот это и помешало мне разбудить юношу: я боялась, что если я что-нибудь сделаю или обниму его, он, может быть, расскажет моему отцу об этом. А проснувшись, я увидала у себя на руке его перстень вместо моего перстня, который он у меня взял. Вот мой рассказ и причина моего безумия: мое сердце, о брат мой, привязалось к нему с тех пор, как я его увидела, и от великой любви и страсти я не вкушаю пищи сна, и нет у меня иного дела, как только лить слезы и плакать, и говорить стихи ночью и днем».

И она пролила слезы и произнесла такие стихи:

Приятны ль мне услады после страсти,
Когда в сердцах пастбище той газели?

Влюбленных кровь — ему пустяк пустейший,
Душа измученных по нем лишь тает.

Ко взорам его ревную своим и к мыслям,
И часть меня над частью соглядатай.

И веки у него бросают стрелы,
Разят они, в сердца к нам попадая.

До смерти я смогу ль увидеть.
Коль в здешней жизни мне найдется доля?

Храню я тайну, но слеза доносит,
Что чувствую, и знает соглядатай.

Он близок — близость с ним, увы, далеко,
Далек он — мысль о нем от меня близко.

Потом Ситт Будур сказала Марзувану: «Вот видишь, брат мой, что же ты со мною сделаешь, раз меня такое постигло?» И Марзуван опустил ненадолго голову к земле, дивясь и не зная, что делать, а потом он поднял голову и сказал: «Все, что с тобой случилось,— истина, и история с тем юношей сделала мой разум бессильным. Но я пойду по всем странам и буду искать, как тебя излечить. Быть может, Аллах сделает твое исцеление делом моих рук. Но только терпи и не горюй!» Затем Марзуван простился с Будур и пожелал ей твердости, и вышел от нее, а она говорила такие стихи:

Твой призрак по душе моей проходит,
Хоть путь далек, шагами посещенных.

Мечты тебя лишь к сердцу приближают,
Как молнию сравнить с очками зорких?

Не будь далек, ты — свет моего глаза:
Когда уйдешь, не будет ему света.

А Марзуван пошел в дом своей матери и проспал эту ночь, а утром он собрался в путешествие, и поехал, и, не переставая, ездил из города в город, и с острова на остров в течение целого месяца. И он вступил в город, называемый ат-Тайраб, и пошел, выведывая у людей новости в надежде, что найдет лекарство для царевны Будур. И всякий раз, как он входил в город или проходил по нему, он слушал, что царевну Будур, дочь царя аль-Гайюра, поразило безумие, но достигши города ат-Тайраба, он услышал весть о Камар-аз-Замане, сыне царя Шахрамана, что он болен и что его поразило расстройство и безумие.

И Марзуван, услышав это, спросил, как называется его город, и ему сказали: «Он находится на островах Халидан, и до них от нашего города целый месяц пути по морю, а сушею шесть месяцев». И Марзуван сел на корабль, направлявшийся

на острова Халидан, и ветер был для него хорош в течение месяца, и они подъехали к островам Халидан. Но когда они приблизились и им оставалось только пристать к берегу, вдруг налетел на них сильный ветер и сбросил мачты, и порвал ткань, так что паруса упали в море, и перевернулся корабль со всем тем, что в нем было...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ДЕВЯНОСТО ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто девяносто пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда корабль перевернулся со всем тем, что в нем было, каждый занялся самим собою, а что касается Марзувана, то волны бросали его, пока не принесли к подножию царского дворца, где был Камар-аз-Заман.

И по предопределенному велению случилось так, что это было в тот день, когда к царю Шахраману собирались вельможи его правления и господа его царства, чтобы служить ему. И царь Шахраман сидел, а голова его сына была у него на коленях, и евнух отгонял от него мух. А прошло уже два дня, как Камар-аз-Заман не разговаривал, не ел и не пил, и сделался он тоньше веретена.

И везирь стоял у его ног, возле окна, выходящего на море, и он поднял взор и увидел, что Марзуван близок к гибели из-за больших волн и находится при последнем вздохе. И сердце везиря сжалилось над ним, и он подошел к царю и, вытянув к нему шею, сказал: «Я прошу у тебя позволения, о царь, спуститься во двор и открыть ворота дворца, чтобы спасти человека, который потонет в море, и вывести его из затруднения к облегчению. Может быть, Аллах по причине этого освободит твоего сына от того, что с ним».— «О везирь,— отвечал ему царь,— довольно того, что случилось с моим сыном из-за тебя и по твоей вине. Может быть, ты вытащишь этого утопающего, и он узнает о наших обстоятельствах и увидит моего сына, когда он в таком положении, и станет злорадствовать надо мною. Но, клянусь Аллахом, если этот утопающий выйдет из воды и увидит моего сына, уйдет и станет говорить с кем-нибудь о наших тайнах, я обязательно отрублю тебе голову раньше, чем

ему, так как ты, о везирь, виновник того, что случилось с нами в начале и в конце. Делай же, как тебе вздумается».

И везирь поднялся и открыл потайную дверь дворца, ведшую к морю, и, пройдя по мосткам двадцать шагов, вышел к морю, и увидал, что Марзуван близок к смерти. И везирь протянул к нему руку и, схватив его за волосы на голове, потянул за них, и Марзуван вышел из моря в состоянии небытия, и живот его был полон воды, а глаза выкатились. И везирь подождал, пока дух вернулся к нему, а затем снял с него одежду и одел его в другую одежду, а на голову ему он повязал тюрбан из тюрбанов своих слуг, и потом он сказал ему: «Знай, что я был причиною того, что ты спасся и не утонул. Не будь же причиною моей смерти и твоей смерти...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ДЕВЯНОСТО ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто девяносто шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда везирь сделал с Марзуваном то, что сделал, он сказал ему: «Знай, что я был причиною того, что ты спасся, не будь же теперь причиною моей смерти и твоей смерти».— «А как так?» — спросил Марзуван. И везирь сказал: «Ты сейчас поднимешься и пройдешь между эмирами и везирями, и все они будут молчать, ничего не говоря из-за Камар-аз-Замана, сына султана».

И, услышав о Камар-аз-Замане, Марзуван все вспомнил, так как он слышал рассказы о нем в других странах и пришел сюда в поисках его, но он притворился незнающим и спросил везиря: «А кто такой Камар-аз-Заман?» — и везирь отвечал ему: «Это сын султана Шахрамана, и он болен и лежит в постели; ему нет покоя, и он не ест, не пьет и не спит ни ночью, ни днем. Он близок к смерти, и мы отчаялись, что он будет жить, и уверились в его близкой кончине. Берегись же долго глядеть на него и смотреть не на то место, куда ты ставишь ногу: иначе пропадет твоя и моя душа».

«Ради Аллаха, о везирь,— сказал Марзуван,— я надеюсь, что ты расскажешь мне об этом юноше, которого ты мне описал. В чем причина того, что с ним?» — «Я не знаю причины,— отвечал везирь,— но только его отец три года назад просил

его, чтобы он женился, а Камар-аз-Заман отказался, и отец разгневался на него и заточил его. А наутро юноша стал утверждать, что он спал и видел рядом с собою девушку выдающейся красоты, чью прелесть бессилен описать язык, и сказал нам, что снял с ее пальца перстень и сам надел его, а ей надел свой перстень. И мы не знаем того, что скрыто за этим делом. Заклинаю же тебя Аллахом, о дитя мое, когда поднимешься со мною во дворец, не смотри на царского сына и иди своей дорогой: сердце султана полно гнева на меня».

И Марзуван подумал: «Клянусь Аллахом, это и есть то, что я ищу! А потом Марзуван пошел сзади везиря и пришел во дворец, и везирь сел у ног Камар-аз-Замана, а Марзуван — у того не было другого дела, как идти, пока он не остановился перед Камар-аз-Заманом и не посмотрел на него. И везирь умер живьем от страха и стал смотреть на Марзувана, и подмигивать ему, чтобы он шел своей дорогой. Но Марзуван притворился, что не замечает его, и смотрел на Камар-аз-Замана. И он убедился и узнал, что это тот, кого он ищет...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто девяносто седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Марзуван посмотрел на Камар-аз-Замана и узнал, что это тот, кого он ищет, он воскликнул: «Слава Аллаху, который сделал его стан подобным ее стану и его щеку такой, как ее щека, и цвет его лица таким же, как у нее!»

А Камар-аз-Заман открыл глаза и стал прислушиваться к словам Марзувана, и, когда Марзуван увидел, что Камар-аз-Заман прислушивается к его словам, он проговорил такие стихи:

Я вижу, взволнован ты и стонешь в тоске своей.
И склонен устами ты красоты хвалить ее.

Любовью охвачен ты иль стрелами поражен?
Так держит себя лишь тот, кто был поражен стрелой.

Меня напои вином ты в чаше, и спой ты мне,
Сулейму и ар-Ребаб и Танум ты помяни.

О, солнце лозы младой — дно кружки звезда его,
Восток — рука кравчего, а запад — уста мои.

Ревную бока ее к одежде ее всегда,
Когда надевает их на тело столь нежное.

И чашам завидую, уста ей целующим,
Коль к месту лобзания она приближает их.

Не думайте, что убит я острым был лезвием,—
Нет, взгляды разящие метнули в меня стрелу.

Когда мы с ней встретились, я пальцы нашел ее
Окрашенными, на кровь дракона похожими,

И молвил: «Меня уж нет, а руки ты красила!
Так вот воздаяние безумным, влюбившимся!»

Сказала она и страсть влила в меня жгучую
Словами любви, уже теперь нескрываемой:

«Клянусь твоей жизнью я, не краской я красила,
Не думай же обвинять в обмане и лжи меня.

Когда я увидела, что ты удаляешься,—
А ты был рукой моей и кистью и пальцами,—

Заплакала кровью я, расставшись, и вытерла
Рукою ее, и кровь мне пальцы окрасила».

И если б заплакать мог я раньше ее, любя,
Душа исцелилась бы моя до раскаянья.

Но раньше заплакала она, и заплакал я
От слез ее и сказал: «Заслуга у первого!

Меня не браните вы за страсть к ней — поистине,
Любовью клянусь, по ней жестоко страдаю я.

Я плачу о той, чей лик красоты украсили,
Арабы и персы ей не знают подобия.

Умна как Лукман[1] она, лицо как у Юсуфа,
Поет как Давид она, как Марьям, воздержана.

А мне — горесть Якова, страданья Юнуса,
Несчастье Иова и беды Адамовы[2].

Не надо казнить ее! Коль я от любви умру,
Спросите ее: «Как кровь его ты пролить могла?»

---

[1] Лукман — легендарный мудрец, которому предание приписывает арабскую обработку басен Эзопа. Его именем названа одна из глав корана.

[2] Юсуф (Иосиф), Давид, Марьям (Мария), Яков (Иаков), Юнус (Иона), Иов, Адам — библейские персонажи, рассказы о которых перешли в коран и арабскую литературу.

И когда Марзуваи произиес эту касыду, он низвел иа сердце Камар-аз-Замана прохладу и мир, и тот вздохиул и повериул язык во рту, и сказал своему отцу: «О батюшка, позволь этому юноше подойти и сесть со мной рядом...»

И Шахразаду застигло утро, и оиа прекратила дозволеииые речи.

СТО ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же иастала сто девяиосто восьмая иочь, оиа сказала: «Дошло до меия о счастливый царь, что Камар-аз-Заман сказал своему отцу: «О батюшка, пусти этого юиошу подойти и сесть со мной рядом». И когда султан услышал от Камар-аз-Замана эти слова, он обрадовался великой радостью, а ведь раиьше его сердце встревожилось из-за Марзувана, и ои задумал в душе обязательио отрубить ему голову. И теперь он услышал, что его сын заговорил, и то, что с иим было, прошло, и он поднялся и привлек к себе юношу Марзувана, и посадил его рядом с Камар-аз-Замаиом.

И царь обратился к Марзувану и сказал ему: «Слава Аллаху за твое спасеиие!» А Марзуваи ответил: «Да сохранит тебе Аллах твоего сына!» — и пожелал царю добра. «Из какой ты страиы?» — спросил его царь, и он ответил: «С внутреииих островов, из земель царя аль-Гайюра, владыки островов, морей и семи дворцов». И царь Шахрамаи сказал ему: «Может быть, твой приход будет благословеиным для моего сына и Аллах спасет его от того, что с ним».— «Если пожелает Аллах великий, будет только одно добро»,— отвечал Марзуван.

А потом ои обратился к Камар-аз-Замаиу и сказал ему на ухо, иезаметио для царя и для вельмож правлеиия: «О господии мой, укрепи свою душу и сделай свое сердце сильным, и прохлади свои глаза. Той, из-за кого ты стал таким,— не спрашивай, каково ей из-за тебя. Но ты скрыл свою любовь и заболел, а что до иее, то оиа объявила о своей любви, и все сказали, что она бесиоватая. И теперь она в заточении, и иа шее у нее железиая цепь, и она в наихудшем состоянии, но если захочет Аллах великий, ваше излеченье будет делом моих рук».

И когда Камар-аз-Заман услышал эти слова, дух вернулся к иему, и его сердце окрепло, и ои оживился и сделал знак своему отцу, чтобы тот посадил его, и царь едва ие взлетел от

радости. Он подошел к сыну и посадил его, и Камар-аз-Заман сел, а царь махнул платком, так как боялся за своего сына, и все эмиры и везири ушли. И царь положил Камар-аз-Заману две подушки, и тот сел, облокотившись на них, а царь велел надушить дворец шафраном, а потом он приказал украсить город и сказал Марзувану: «Клянусь Аллахом, о дитя мое, твое появление счастливо и благословенно»,— и проявил к нему крайнее уважение.

Затем царь потребовал для Марзувана кушанья, и их подали, и Марзуван подошел и сказал Камар-аз-Заману: «Подойди поешь со мною»,— и Камар-аз-Заман послушался его и подошел, и стал есть с ним, и при всем этом царь благословлял Марзувана и говорил: «Как прекрасно, что ты пришел, о дитя мое!» А когда отец Камар-аз-Замана увидел, что его сын стал есть, его радость и веселье увеличились и он сейчас же вышел и рассказал об этом матери юноши и жителям дворца. И во дворце забили в барабаны при радостной вести о спасении Камар-аз-Замана. И царь велел кликнуть клич, чтобы город украсили, и город был украшен, и люди обрадовались, и был то великий день. А затем Марзуван провел эту ночь подле Камар-аз-Замана, и царь переночевал с ними, радостный, и ему было весело...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

СТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала сто девяносто девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман провел эту ночь с ними — так он был рад исцелению своего сына. А когда наступило утро, и царь Шахраман ушел, и Марзуван остался один с Камар-аз-Заманом, он рассказал ему всю историю, с начала до конца, и сказал: «Знай, что мне знакома та, с которой ты был вместе и зовут ее Ситт Будур, дочь царя аль-Гайюра».

А затем он рассказал ему с начала до конца о том, что произошло с госпожой Будур, и поведал о крайней ее любви к нему и сказал: «Все, что произошло у тебя с твоим отцом, случилось и у нее с ее отцом. Ты, без сомнения, ее возлюбленный, а она — твоя возлюбленная. Укрепи же твою волю и сде-

лай сильным твое сердце — я приведу тебя к ней и скоро сведу вас вместе. И я сделаю с вами так, как сказал поэт:

Когда друзья друг друга покинули
И долго уж их ссора продлилась,

Я скреплю меж вами вновь дружбы связь.
Как гвоздь скрепляет лезвия ножниц».

И Марзуван до тех пор убеждал Камар-аз-Замана быть сильным, и ободрял его, и утешал, и побуждал есть и пить, пока тот не поел кушаний и не выпил напитков, и дух его вернулся к нему, и возвратились его силы, и он спасся от того, что его постигло. И все это время Марзуван развлекал его стихами и рассказами, пока Камар-аз-Заман не поднялся на ноги и не пожелал пойти в баню. И Марзуван взял его за руку и свел в баню, и они вымыли себе тело и почистились...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ДВУХСОТ

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар-аз-Заман, сын царя Шахрамана, пошел в баню, его отец приказал выпустить заключенных, радуясь этому, и наградил роскошными одеждами вельмож своего царства и роздал бедным милостыню, и велел украсить город, и город был украшен семь дней.

А потом Марзуван сказал Камар-аз-Заману: «Знай, о господин мой, что я прибыл от Ситт Будур и цель моего путешествия в том, чтобы освободить ее от ее недуга. Нам остается лишь придумать хитрость, чтобы отправиться к ней, так как твой отец не может с тобой расстаться, и, по моему мнению, тебе следует попросить у отца разрешения поехать на охоту в пустыню. Захвати мешок, полный денег, сядь на коня и возьми с собою подставку, и я тоже, как и ты, сяду на коня. А своему отцу ты скажи: «Я хочу прогуляться в равнине и поохотиться, я посмотрю пустыню и проведу там одну ночь». И когда мы выедем, то отправимся своей дорогой, и не давай никому из слуг следовать за нами».

И Камар-аз-Заман воскликнул: «Прекрасен такой план»! — и обрадовался радостью, и его спина укрепилась. И он вошел

к своему отцу и рассказал ему все это, и царь позволил ему поехать на охоту и сказал: «О дитя мое, тысячу раз благословен тот день, который дал тебе силу. Я согласен на твою поездку, но только переночуй там одну лишь ночь, а завтра приезжай и явись ко мне: ты знаешь, что жизнь приятна мне лишь с тобою, и мне не верится, что ты поправился от болезни. Ты для меня таков, как сказал об этом поэт:

И если б иметь я мог на каждую ночь и день
Ковер Сулеймана[1] и Хосроев могучих власть,—

Все это не стоило б крыла комариного,
Когда бы не мог мой глаз всегда на тебя взираться».

Потом царь снарядил своего сына Камар-аз-Замана и снарядил вместе с ним Марзувана, и приказал, чтобы им приготовили четырех коней и двугорбого верблюда для поклажи, одногорбого, чтобы нести воду и пищу. И Камар-аз-Заман не позволил никому с ним выехать, чтобы служить ему. И отец простился с сыном и прижал его к груди, и поцеловал, и сказал: «Ради Аллаха, прошу тебя, не отлучайся больше чем на одну ночь: сон для меня в эту ночь будет запретен, ибо я чувствую так, как сказал поэт:

Сближенье с тобою — блаженство блаженств,
Мученье мучений — страдать без тебя.

Я жертва твоя! Если грех мой — любовь
К тебе, то проступок велик мой, велик.

Как я, ты горишь ли огнями любви?
Они меня жарят, как пытки в аду».

«О батюшка, если захочет Аллах, я проведу там только одну ночь»,— сказал Камар-аз-Заман, а затем он простился с отцом и уехал. И Камар-аз-Заман с Марзуваном выехали, сев на коней (а с ними был двугорбый верблюд, нагруженный

---

[1] Легенда приписывает Сулейману (Соломону) обладание чудесным ковром-самолетом, который был соткан джиннами из зеленого шелка и золота. «Этот ковер,— гласит предание,— носил, кроме самого Сулеймана, его войска, вьючных животных, коней, верблюдов и всех (!) людей, джиннов и диких зверей, а войска было у него тысяча тысяч и сопровождала его тысяча тысяч. И ковер летел между небом и землей и переносил Сулеймана, куда тот хотел, быстро или медленно, по его желанию».

поклажей, и одногорбый верблюд с водой и пищей), и направились в пустыню...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман с Марзуваном выехали в пустыню и ехали от начала дня до вечера, а потом остановились, поели, попили и накормили животных, и отдыхали некоторое время. А затем они сели на коней и поехали, и ехали, не останавливаясь, три дня, а на четвертый день появилась перед ними просторная местность, где были густые заросли, и они остановились там. И Марзуван зарезал верблюда и коня и разрубил их мясо на куски, и очистил кости от мяса, а потом он взял у Камар-аз-Замана его рубашку и одежду, порвал их на куски и вымазал в крови коня, и взял кафтан Камар-аз-Замана, тоже порвал его и вымазал в крови, и бросил у разветвления дороги.

А потом они попили, поели и двинулись дальше. И Камар-аз-Заман спросил Марзувана: «Что это ты сделал, о брат мой, а какая будет от этого польза?» — и Марзуван отвечал: «Знай, что когда нас не будет еще одну ночь после той ночи, на которую мы взяли позволение, и мы не явимся, твой отец, царь Шахраман, сядет на коня и поедет за нами следом. И когда он доедет до этой крови, которую я розлил, и увидит твою разорванную рубашку и одежду и на них кровь, он подумает, что тебя постигла беда от разбойников или зверей пустыни, и перестанет надеяться на твое возвращение, и вернется в город. А мы достигнем этой хитростью того, чего хотим». И Камар-аз-Заман сказал: «Клянусь Аллахом, это прекрасная хитрость! Ты хорошо сделал!»

И потом они ехали в течение дней и ночей, и все это время Камар-аз-Заман, оставаясь наедине с собою, жаловался и плакал, пока не возрадовался, узнав, что земля его возлюбленной близко. И он произнес такие стихи:

Сурова ли будешь с тем, не мог кто забыть тебя
    На час, и откажешь ли, когда я желал тебя?

Не знаю пусть радости, когда обману в любви,
И если я лягу, то пусть разлуку узнаю я!

Вины ведь за мною нет, чтоб ты холодна была,
А если вина и есть, пришел я с раскаяньем.

Одно из чудес судьбы — что ты от меня бежишь:
Ведь дни непрестанно нам приносят диковины.

Когда же Камар-аз-Заман кончил говорить стихи, Марзуван сказал ему: «Посмотри, вот показались острова царя аль-Гайюра», и Камар-аз-Заман обрадовался и поблагодарил его, поцеловал его и прижал к груди. Когда же они достигли островов и вступили в город, Марзуван поместил Камар-аз-Замана в хане, и они отдыхали после путешествия три дня, а затем Марзуван взял Камар-аз-Замана и свел его в баню, и одел его в одежду купцов. Он достал для него золотую дощечку, чтобы гадать на песке[1], и набор принадлежностей, и астролябию из серебра, покрытого золотом, и сказал: «Поднимайся, о господин мой! Встань под царским дворцом и кричи: «Я счетчик, я писец, я тот, кто знает искомое и ищущего, я мудрец испытанный, я звездочет превосходный! Где же охотники?» И когда царь услышит тебя, он пошлет за тобою и приведет тебя к своей дочери, царевне Будур, твоей возлюбленной, а ты, войдя к ней, скажи ему: «Дай мне три дня сроку, и если она поправится — жени меня на ней, а если не поправится — поступи со мной так же, как ты поступил с теми, кто был прежде меня». И царь согласится на это. Когда же ты окажешься у царевны, осведоми ее о себе, и она окрепнет, увидя тебя, и прекратится ее безумие, и она поправится в одну ночь. Накорми ее и напои, и отец ее возрадуется ее спасенью и женит тебя на ней, и разделит с тобою свое царство, так как он взял на себя такое условие. Вот и все!»

Услышав от него эти слова, Камар-аз-Заман воскликнул: «Да не лишусь я твоих милостей!» — И взял у него принадлежности и вышел из хана, одетый в ту одежду (а с ним были те принадлежности, о которых мы упоминали), и шел пока не остановился под дворцом царя аль-Гайюра.

И он закричал: «Я писец, и счетчик, я тот, кто знает искомое и ищущего, я тот, кто открывает книгу и подсчитывает

[1] **Гаданье на песке** — один из распространенных на среднем Востоке способов предсказания будущего.

счет, я толкую сны и вычерчиваю перьями клады. Где же охотники?»

И когда жители города услышали эти слова, они пришли к нему, так как уже долго не видели писцов и звездочетов, и встали вокруг него, и принялись его рассматривать. И они увидели, что он до крайности красив, нежен, изящен и совершенен, и стояли, дивясь его красоте и прелести, и стройности и соразмерности. И один из них подошел к нему и сказал: «Ради Аллаха, о прекрасный юноша с красноречивым языком, не подвергай себя опасности и не бросайся в гибельное дело, желая жениться на царевне Будур, дочери царя аль-Гайюра. Взгляни глазами на эти повешенные головы — их обладатели были все убиты из-за этого».

Но Камар-аз-Заман не обратил внимания на его слова и закричал во весь голос: «Я мудрец, писец, звездочет и счетчик!» — и все жители города стали удерживать его от такого дела, но Камар-аз-Заман вовсе не стал смотреть на них и подумал: «Лишь тот знает тоску, кто сам борется с нею!» И он принялся кричать во весь голос: «Я мудрец, я звездочет...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала двести третья ночь[1], она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман не обратил внимания на слова жителей города и стал кричать: «Я писец, я счетчик, я звездочет!» И все жители города рассердились на него и сказали: «Ты просто глупый юноша, гордец и дурак. Пожалей свою юность и молодые годы, и прелесть, и красоту!» Но Камар-аз-Заман продолжал кричать: «Я звездочет и счетчик — есть ли охотники?!»

И когда Камар-аз-Заман кричал, а люди его останавливали, царь аль-Гайюр услышал его голос и шум толпы, и сказал везирю: «Спустись, приведи к нам этого звездочета». И везирь поспешно спустился и, взяв Камар-аз-Замана из толпы людей,

---

[1] В оригинале за ночью 201-й непосредственно следует 203-я — характерная ошибка писца.

привел его к царю. И, оказавшись перед царем аль-Гайюром, Камар-аз-Замаи поцеловал землю и произнес:

Собрал ты в себе одном прославленных восемь свойств,—
Так пусть же тебе судьба всегда нх дает как слуг:

То слава, и истина, и щедрость, и набожность,
И слово, и мысль твоя, и знатность, и ряд побед.

И царь аль-Гайюр посмотрел иа иего и усадил его с собой рядом, и, обратившись к нему: сказал: «Ради Аллаха, о дитя мое, если ты звездочет, то ие подвергай себя опасиости и не входи сюда, приияв мое условие, ибо я обязался всякому, кто войдет к моей дочери и ие исцелит ее от иедуга, отрубить голову, а того, кто ее исцелит, я женю иа ней. Так пусть не обманывает тебя твоя красота и прелесть. Аллахом кляиусь, если ты ее не вылечишь, я иепремеино отрублю тебе голову!» — «Пусть так и будет! — отвечал Камар-аз-Замаи.— Я согласен и знал об этом раиьше, чем пришел к тебе».

И царь аль-Гайюр призвал судей засвидетельствовать это и отдал Камар-аз-Замаиа евиуху, и сказал ему: «Отведи его к Ситт Будур!» И евнух взял Камар-аз-Замаиа за руку и пошел с иим по проходу, и Камар-аз-Заман опередил его, и евнух побежал, говоря ему: «Горе тебе, ие ускоряй гибели своей души! Я ие видел звездочета, который бы ускорял свою гибель, кроме тебя, но ты не зиаешь, какие перед тобой иапасти». Но Камар-аз-Замаи отвернул лицо от евиуха...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволеиные речи.

ДВЕСТИ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же иастала двести четвертая иочь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что евнух говорил Камар-аз-Заману: «Потерпи и ие торопись!» — ио Камар-аз-Заман отвернул от иего лицо и произнес такие стихи:

Хоть я знающнй, но не знаю, как описать тебя,
И растерян я, и не ведаю, как сказать теперь.

Коль скажу я: «Солнце!»— заката нет красоте твоей
Для очей монх, но закатнтся солнце всякое.

Совершенна так красота твоя! Опнсать ее,
Кто речист, бесснлен,— смутит она говорящего.

Потом евнух поставил Камар-аз-Замана за занавеской, висевшей на двери, и Камар-аз-Заман спросил его: «Какой способ тебе приятнее, чтобы я вылечил и исцелил твою госпожу отсюда или чтобы я пошел к ней и вылечил ее по ту сторону занавески?» И евнух изумился его словам и сказал: «Если ты вылечишь ее отсюда, это увеличит твои достоинства».

Тогда Камар-аз-Заман сел за занавеской и, вынув чернильницу и калам, взял бумажку и написал на ней такие слова: «Это письмо от того, кого любовь истомила и страсть погубила, и печаль изнурила, кто на жизнь надежды лишился и в близкой кончине убедился. И нет для сердца его болезного помощника и друга любезного, и для ока, что ночью не спит, нет никого, кто заботу победит. И днями он в пламени сгорает, а ночами, как под пыткой, страдает, и тело его худоба изводит, но гонец любимого не приходит».

А потом он написал такие стихи:

Пишу, и душа моя тебя поминает лишь,
И веки сгоревшие не слезы, а кровь струят.

Печаль и страдания на тело надели мне
Рубаху томления, и в ней я влачу его.

Я сетовал на любовь, любовью терзаемый,
И нет для терпения местечка в душе моей.

К тебе обращаюсь я: «Будь щедрой и кроткою
И сжалься»,— душа моя в любви разрывается.

А под стихами он написал такие созвучия: «Сердец исцеленье — любимым единенье. Кого любимый терзает, того Аллах исцеляет. Кто из нас иль из вас обманщиком будет, тот желаемого не добудет. Нет лучше, чем любящий и верный любимому, что суров безмерно».

И он написал, подписываясь: «От безумно влюбленного, любящего, смущенного, любовью и страстью возбужденного, тоской и увлечением плененного Камар-аз-Замана, сына Шахрамана,— единственной во все времена, что среди прекрасных гурий избрана, госпоже Будур, чей отец — царь аль-Гайюр. Знай, что ночи провожу я в бденье, а дни свои влачу в смущенье, больной, истощенный, любящий, увлеченный, многие вздохи испускающий, обильные слезы проливающий, любовью плененный, тоской умерщвленный, с душою, разлукой прожженной, страсти заложник, недугов застольник. Я бодрствующий, чье око сном

не смежается, влюбленный, чьи слезы не прекращаются, и огня сердца моего не погасить, а пламени страсти не сокрыть».

А потом Камар-аз-Заман написал на полях письма вот какой превосходный стих:

Привет мой из сокровищ благ господних
Тому, кто держит и мой дух и сердце.

И еще он написал:

Хоть слово в подарок мне вы дайте и, может быть,
Меня пожалеете, и дух мой смирится.

И правда, от страсти к вам, влюбленный, считаю я
Пустым то, что пережил — мое униженье.

Аллах, сохрани же тех, к кому отдален мой путь!
Я скрыл свои чувства к ним в достойнейшем месте.

Но вот свои милости послала ко мне судьба,
И ныне закинут я к порогу любимой.

Я видел Будур со мной на ложе лежащею —
Светила луна моя в лучах ее солнца.

А потом Камар-аз-Заман, запечатав это письмо, написал на месте адреса такие стихи:

Письмо ты спроси о том, что пишет перо мое,—
Поведают письмена любовь и тоску мою.

Вот пишет рука моя, а слезы текут из глаз,
И жалуется любовь бумаге из-под пера.

Пусть вечно течет слеза из глаз на бумаги лист,
Коль слезы окончатся, польется за ними кровь.

А заканчивая письмо, он, наконец, написал еще:

Я перстень послал тебе, что в день единения
Я взял своему взамен,— пришли же мне перстень мой.

Потом Камар-аз-Заман положил перстень Ситт Будур в свернутую бумажку и отдал ее евнуху, а тот взял ее и пошел с нею к своей госпоже...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман положил перстень в бумажку и отдал ее евнуху, а тот взял ее и вошел к Ситт Будур. И царевна взяла бумажку из рук евнуха и, развернув ее, увидала, что в ней ее перстень,— он самый,— и прочитала бумажку, а когда она поняла ее смысл, то узнала, что письмо от ее возлюбленного и что это он стоит за занавеской. И ее ум улетел от счастья, и грудь ее расправилась и расширилась, и от избытка радости она произнесла такие стихи:

Горевала я, как пришлось с тобой разлучиться нам,
И пролили веки потоки слез в печали.

И поклялась я, что когда бы время свело нас вновь,
О разлуке бы поминать не стал язык мой.

Налетела радость, но бурно так, что казалось мне,
Что от силы счастья меня повергла в слезы.

О глаза мои, ныне слезы лить уж привычно вам,
И вы плачете и от радости, и с горя.

А когда Ситт Будур окончила свои стихи, она тотчас поднялась и, упершись ногами в стену, с силой налегла на железный ошейник и сорвала его с своей шеи, а потом она порвала цепи, и, выйдя из-за занавески, бросилась к Камар-аз-Заману и поцеловала его в рот, как клюются голуби, и, обняв его от сильной любви и страсти, воскликнула: «О господин мой, явь это или сон? Неужели Аллах послал нам близость после разлуки? Слава же Аллаху за то, что мы встретились после того, как потеряли надежду!»

И когда евнух увидал, что она в таком состоянии, он выбежал бегом и, придя к царю аль-Гайюру, поцеловал землю меж его рук, и сказал: «Знай, о мой владыка, что этот звездочет — шейх звездочетов и ученее их всех. Он вылечил твою дочку, стоя за занавеской и не входя к ней».— «Посмотри хорошенько, верная ли это весть!» — сказал царь. И евнух ответил: «О господин, встань и взгляни на нее, она нашла в себе столько сил, что порвала железные цепи и вышла к звездочету, и принялась его целовать и обнимать».

И тогда царь аль-Гайюр поднялся и вошел к своей дочери,

а та, увидав его, встала на ноги, закрыла себе голову и произнесла такие двустишия:

Не люблю зубочистку я, потому что,
Ее вспомнив, скажу всегда: «Без тебя я!»

А арак, тот любезен мне, потому что,
Его вспомнив, скажу всегда: «Тебя вижу!»[1]

И тогда отец ее до того обрадовался ее благополучию, что едва не улетел, и он поцеловал дочь меж глаз, так как любил ее великой любовью. И царь аль-Гайюр обратился к Камар-аз-Заману и спросил его, кто он, и сказал: «Из каких ты земель?» И Камар-аз-Заман рассказал царю о своем происхождении и сане и осведомил его о том, что его отец — царь Шахраман. А затем Камар-аз-Заман рассказал ему всю историю, с начала и до конца, и поведал ему обо всем, что приключилось у него с Ситт Будур и как он взял у нее с пальца ее перстень и надел ей свой перстень. И царь аль-Гайюр изумился и воскликнул: «Поистине, вашу историю надлежит записать в книгах, чтобы ее читали после вас поколения за поколениями!»

И потом царь аль-Гайюр призвал судей и свидетелей и написал брачную запись госпожи Будур с Камар-аз-Заманом, и велел украсить город на семь дней. А после этого разложили скатерти с кушаньями и устроили празднества, и украсили город, и все воины надели самые роскошные платья, и забили в литавры и застучали в барабаны, и Камар-аз-Заман вошел к Ситт Будур, и ее отец обрадовался ее исцелению и выходу ее замуж, и прославил Аллаха, пославшего ей любовь к красивому юноше из царских сыновей.

И царевну раскрывали перед Камар-аз-Заманом, и оба они были похожи друг на друга красотой, прелестью, изяществом и изнеженностью. И Камар-аз-Заман проспал подле нее ту ночь и достиг того, чего желал от нее, а она удовлетворила свое стремление к нему и насладилась его красотой и прелестью, и они обнимались до утра. А на другой день царь устроил званый пир и собрал на него всех жителей внутренних островов и внешних, и разостлал для них скатерти с роскошными кушаньями, и столы были расставлены в течение целого месяца.

---

[1] В подлиннике игра слов, основанная на созвучии: «сивак» — «зубочистка», и «сивака» — «другой», «не ты». Второе созвучие: «арак» — название растения и «арака» — «я тебя вижу».

А после того, как сердце Камар-аз-Замана успокоилось, и он достиг желаемого, и провел таким образом с Ситт Будур некоторое время, ему вспомнился его отец, царь Шахраман. И он увидел во сне, что отец говорит ему: «О дитя мое, так ли ты поступаешь со мною и делаешь такие дела?» И произносит ему, во сне такие двустишия:

Луна во мраке страшит меня отдалением,
Поручила векам стеречь она стадо звезд своих.

Дай срок, душа! Ведь, может быть, и придет она.
Потерпи же, сердце, когда прижгли, как клеймом, тебя.

И Камар-аз-Заман, увидав во сне своего отца, который упрекал его, был наутро озабочен и печален, и Ситт Будур спросила его, и он рассказал ей о том, что видел...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар-аз-Заман рассказал Ситт Будур о том, что видел во сне, она вошла с ним к своему отцу, и они рассказали ему об этом и попросили позволения уехать. И царь позволил Камар-аз-Заману уехать, но Ситт Будур сказала: «О батюшка, я не вытерплю разлуки с ним». И тогда ее отец отвечал: «Поезжай с ним!» — и позволил ей оставаться с Камар-аз-Заманом целый год, с тем чтобы после этого она приезжала навещать отца ежегодно.

И царевна поцеловала отцу руку, и Камар-аз-Заман также, а потом царь аль-Гайюр принялся снаряжать свою дочь и ее мужа, и приготовил им припасы и все нужное для путешествия, и вывел им меченных коней и одногорбых верблюдов, а для своей дочери он велел вынести носилки, и он нагрузил для них мулов и верблюдов и дал им для услуг черных рабов и людей, и извлек для них все то, что им было нужно в путешествии. А в день отъезда царь аль-Гайюр попрощался с Камар-аз-Заманом и одарил его десятью роскошными золотыми платьями, шитыми жемчугом, и предоставил ему десять коней и десять верблюдиц, и мешок денег, и поручил ему свою дочь Ситт Будур, и выехал проводить их до самого дальнего острова.

Потом он простился с Камар-аз-Заманом и вошел к своей дочери Ситт Будур, которая была на носилках, и прижал ее к груди, и поцеловал, плача и говоря:

К разлуке стремящийся, потише:
Услада влюбленного — объятья.

Потише: судьба всегда обманет,
И дружбы конец — всегда разлука.

А потом он вышел от своей дочери и пришел к ее мужу, Камар-аз-Замаиу, и стал с ним прощаться и целовать его, а затем он расстался с ним и возвратился с войском в свой город, после того как приказал им трогаться.

И Камар-аз-Заман со своей женой Ситт Будур и теми, кто с ними был из сопровождающих, ехали первый день, и второй, и третий, и четвертый, и двигались, не переставая, целый месяц. И остановились они как-то на лугу, обширно раскинувшемся, изобиловавшем травою, и разбили там палатки, и поели, и попили, и отдохнули. И Ситт Будур заснула, и Камар-аз-Заман вошел к ней и увидел, что она спит, а на теле ее шелковая рубашка абрикосового цвета, из-под которой все видно, а на голове у нее платок из золотой парчи, шитый жемчугом и драгоценными камнями. И ветер поднял ее рубашку, которая задралась выше пупка, и стали видны ее груди и показался живот, белее снега, и каждая впадина в его складках вмещала унцию орехового масла. И любовь и страсть Камар-аз-Замана увеличилась, и он произнес:

Когда бы сказали мне (а знойный бы ветер жег,
И в сердце и в теле всем огонь бы и жар пылал):

«Что хочешь и жаждешь ты: увидеть влюбленных
Иль выпить глоток воды?» — в ответ я сказал бы: «Их!»

И Камар-аз-Заман положил руку на перевязь одежды Будур и, потянув перевязь, развязал ее, так как сердце его пожелало царевну. И он увидел красный камень, как драконова кровь, привязанный к перевязи, и, отвязав камень, посмотрел на него и заметил на нем имена, вырезанные в две строчки письменами нечитаемыми. И Камар-аз-Заман удивился и сказал про себя: «Если бы камень не был для нее великою вещью, она бы не

привязала его таким образом на перевязи своей одежды и не сохранила бы его в самом дорогом для себя месте, чтобы не расставаться с ним. Посмотреть бы, что она с этим камнем делает и какова тайна, скрывающаяся в нем!»

Потом Камар-аз-Заман взял камень и вышел из шатра, чтобы посмотреть на него при свете...».

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман взял камень, чтобы посмотреть на него при свете, и стал его разглядывать, держа его в руке. И вдруг низринулась на Камар-аз-Замана откуда-то птица и выхватила камень у него из рук, и полетела, и опустилась с камнем на землю. И Камар-аз-Заман испугался за камень и побежал вслед за птицей, а птица побежала так же быстро, как бежал Камар-аз-Заман. И Камар-аз-Заман все время следовал за нею с одного места в другое, и с холма на холм, пока не пришла ночь, и в воздухе не стемнело. И птица заснула на высоком дереве, а Камар-аз-Заман остановился под ним и был в замешательстве. А душа его растаяла от голода и утомления, и он почувствовал, что погибает, и хотел вернуться, но не знал, где то место, откуда он пришел, и мрак налетел на него.

И Камар-аз-Заман воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» — а затем он лег и проспал до утра под деревом, на котором была птица. И пробудился он ото сна и увидел, что птица проснулась и улетела с дерева. И Камар-аз-Заман пошел за этой птицей, а она отлетала понемногу, вровень с шагами Камар-аз-Замана. И юноша улыбнулся и воскликнул: «О диво Аллаха! Эта птица вчера отлетела на столько, сколько я пробежал, а сегодня она поняла, что я утомился и не могу бежать, и стала лететь вровень с моими шагами! Клянусь Аллахом, это, поистине, удивительно, но я непременно последую за этой птицей! Она приведет меня либо к жизни, либо к смерти, и я последую за ней, куда бы она ни направилась, так как она во всяком случае остановится только в населенных местах.

И Камар-аз-Заман пошел за птицей (а птица каждую ночь ночевала на дереве) и следовал за нею в течение десяти дней, и питался он плодами земли, и пил из ручьев. А на десятый день он приблизился к населенному городу. И птица вдруг метнулась, быстро как взор, и влетела в этот город и скрылась из глаз Камар-аз-Замана, и тот не знал, что с нею, и не понимал, куда она пропала.

И Камар-аз-Заман удивился и воскликнул: «Хвала Аллаху, который охранил меня, и я достиг этого города!» Потом он сел возле канала и вымыл руки, ноги и лицо и немного отдохнул, и вспомнилось ему, в каком он был покое и блаженстве, вместе с любимой, и посмотрел он на то, как теперь утомлен и озабочен, и голоден, в отдалении и разлуке, и слезы его полились, и он произнес:

Хоть таил я то, что пришлось снести мне, но явно все,
И сон глаз моих заменила ныне бессонница.

И воскликнул я, когда дум череда утомила дух:
«О судьба моя, не щадишь меня и не милуешь,

И душа моя меж мучением и опасностью!

Если б царь любви справедливым был, относясь ко мне,
От очей моих навсегда мой сон не прогнал бы он.

Господа мои, пожалейте же изнуренного
И помилуйте прежде славного, что унизился

На путях любви, и богатого, ныне бедного!

Я хулителей, за тебя корившиих, не слушался,
И глухим я сделал мой слух совсем и закрыл его.

Они молвили: «Ты влюблен в красавца»,— а я в ответ:
«Я избрал его средь других людей и оставил их».

Перестаньте же! Коль судьба постигнет, не видит взор.

Потом Камар-аз-Заман, окончив говорить стихи и отдохнув, поднялся и шел понемногу, пока не вступил в город...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар-аз-Заман окончил говорить стихи и отдохнул, он вошел в городские ворота, не зная, куда направиться. Он прошел город насквозь с начала до конца (а вошел он в ворота, ведшие из пустыни), и шел до тех пор, пока не вышел из морских ворот, и никто его не встретил из жителей города (а город был на берегу моря). И Камар-аз-Заман вышел из морских ворот и все шел, пока не дошел до городских садов и рощ. Он вошел под деревья и пошел дальше, и, придя к одному саду, остановился у ворот.

И к нему вышел садовник и поздоровался с ним, и Камар-аз-Заман ответил на его приветствие, а садовник сказал ему: «Добро пожаловать! — и воскликнул: — Слава Аллаху за то, что ты пришел нетронутый жителями этого города! Войди же скорее в сад, пока тебя не увидал никто из его обитателей!»

И тогда Камар-аз-Заман вошел в этот сад, потеряв разум, и спросил садовника: «Что за история с жителями этого города и в чем дело?» И садовник ответил: «Знай, что здешние жители все маги[1]. Ради Аллаха, расскажи мне, как ты пришел в это место и какова причина твоего прихода в нашу страну».

И Камар-аз-Заман рассказал садовнику обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и садовник до крайности изумился и сказал: «Знай, о дитя мое, что страны ислама далеко отсюда, и от них до нас четыре месяца пути по морю, а по суше так целый год. У нас есть корабль, который снимается раз в год и уезжает с товарами к берегам земель ислама, и отсюда он едет в море Эбеновых островов, а оттуда к островам Халидан, где царствует царь Шахраман».

Тут Камар-аз-Заман немного подумал и понял, что самое подходящее для него жить в саду, у садовника, и работать у него в помощниках. «Возьмешь ли ты меня к себе помощником в этот сад?» — спросил он садовника, и тот сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И садовник научил его, как отводить воду к грядкам и к деревьям, и Камар-аз-Заман принялся отводить воду и обрезать траву косою. И садовник одел его в короткий голубой кафтан до колен, и Камар-аз-Заман остался у него, поливая

---

[1] Магами (маджус) мусульмане называют огнепоклонников, последователей древнеиранской религии зороастризма.

кусты и плача обильными слезами. И не имел он покоя ни ночью, ни днем, так как был на чужбине, и о возлюбленной своей говорил он стихотворения. И среди того, что он сказал, были такие стихи:

Обет вы давали нам — исполните ли его?
И слово сказали вы — поступите ли вы так?

Не спали мы — так велит нам страсть,— когда спали вы,
А спящие не равны с неспящими никогда.

Мы знали и раньше,— страсть свою вы таить могли,
Но сплетник вас подстрекнул, сказав, и сказали вы.

Возлюбленные души — и в гневе и в милости,
Что с вами бы ни было, вы цель моя, только вы!

Есть люди, кому вручил я дух мой измученный,
О, если бы сжалились я милость явили мне.

Не всякое око ведь, как око мое, горит,
И любит не всякая душа, как моя душа.

Жестоки вы были и сказали: «Любовь ведь зла!»
Вы правы, так сказано и было, да правы вы.

Спросите влюбленного — вовек не нарушит он
Обета, хотя б огонь в душе и пылал его.

И если противник мой в любви меня судит сам —
Кому я посетую, кому я пожалуюсь?

И если бы не был я любовию разорен,
То сердце мое в любви безумным бы не было.

Вот что было и случилось с Камар-аз-Заманом, сыном царя Шахрамана. Что же касается его жены Ситт Будур, дочери царя аль-Гайюра, то она, пробудившись от сна, стала искать своего мужа, Камар-аз-Замана, и не нашла его. И она увидела, что ее шальвары развязаны, и, посмотрев на узелок, к которому был прикреплен камень, увидела, что он развязан, а камень исчез. «О диво Аллаха,— подумала она,— где мой муж? Он, кажется, взял камень и ушел, не зная, какая в камне тайна. Узнать бы куда это он ушел! Но, наверное, случилось диковинное дело, которое заставило его уйти,— иначе он не мог бы расстаться со мною ни на минуту. Прокляни Аллах этот камень и прокляни час его создания!»

Потом Ситт Будур подумала и сказала про себя: «Если я

выйду к людям и осведомлю их об исчезновении моего мужа, они позарятся на меня. Здесь непременно нужна хитрость». И она поднялась и надела одежду своего мужа, Камар-аз-Замана, и надела такой же тюрбан, как его тюрбан, и обулась в сапоги, и накрыла лицо покрывалом, а потом она посадила в свои носилки невольницу и, выйдя из шатра, кликнула слуг. И ей подвели коня, и она села верхом и велела погрузить тяжести и, когда они были погружены, приказала трогаться, и они выступили. Так Будур скрыла это дело, и никто не усомнился, что это Камар-аз-Заман, так как она походила на него и станом и лицом.

И Будур со своими людьми ехала, не переставая, в течение дней и ночей, пока они не приблизились к городу, выходившему к соленому морю. И тогда она остановилась в окрестностях города и велела разбить палатки в этом месте, для отдыха, а затем расспросила об этом городе, и ей сказали: «Это Эбеновый город, владеет им царь Арманус, а у него есть дочь по имени Хаят-ан-Нуфус...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Ситт Будур остановилась в окрестностях Эбенового города, чтобы отдохнуть, царь Арманус послал от себя посланца, чтобы выяснить, что это за царь остановился за стенами его города. И когда посланец прибыл к путникам, он спросил их, и ему сказали, что это царский сын, который сбился с дороги, а направлялся он к островам Халидан, принадлежащим царю Шахраману.

И посланный вернулся к царю Арманусу и рассказал ему, в чем дело. И, услышав это, царь Арманус вышел с избранными своего царства навстречу прибывшему. А когда он подъехал к шатрам, Ситт Будур спешилась, и царь Арманус тоже спешился, и они приветствовали друг друга. И царь ввел Ситт Будур в свой город и поднялся с нею во дворец, и приказал разложить скатерти, и расставить столы с кушаньями и яствами, и велел перевести воинов Ситт Будур в Дом гостей, и они провели там три дня.

После этого царь вошел к Ситт Будур (а она в этот день сходила в баню и открыла лицо, подобное луне в полнолуние, так что люди впали из-за нее в соблазн и народ потерял стыд, увидав ее, и подошел к ней (а она была одета в шелковую одежду, вышитую золотом, унизанным драгоценными камнями) и сказал: «О дитя мое, знай, что я стал совсем дряхлым старцем, а мне в жизни не досталось ребенка, кроме дочери, которая походит на тебя прелестью и красотой. Я теперь не в силах управлять царством, и оно принадлежит тебе, о дитя мое, и если эта моя земля тебе нравится, и ты останешься здесь и будешь жить в моих землях, я женю тебя на моей дочери и отдам тебе мое царство, а сам отдохну».

И Ситт Будур опустила голову, и лоб ее вспотел от стыда, и она про себя сказала: «Как теперь поступить, раз я женщина? Если я не соглашусь и уеду от него, это не безопасно—он, может быть, пошлет за мною войско, которое убьет меня. А если я соглашусь, то, может быть, буду опозорена. К тому же я потеряла моего любимого, Камар-аз-Замана, и не знаю, что с ним. Одно мне спасение — промолчать и согласиться, и оставаться у него, пока Аллах не совершит дело, которое решено».

И после этого Ситт Будур подняла голову и выразила царю Армапусу внимание и повиновение. И царь обрадовался этому и велел глашатаю кричать по Эбеновым островам о торжестве и украшении, и собрал придворных, наместников, эмиров, везирей, вельмож своего царства и судей города, и отказался от власти, и сделал султаном Ситт Будур. Он одел ее в царскую одежду, и эмиры все вошли к Ситт Будур, не сомневаясь, что это юноша и мужчина, и каждый, кто смотрел на нее, замочил себе шальвары из-за ее чрезмерной красоты и прелести.

И когда Ситт Будур стала султаном, из-за нее пробили в литавры от радости, и она села на престол, царь Арманус принялся обряжать свою дочь Хаят-ан-Нуфус. А через немного дней Ситт Будур ввели к Хаят-ан-Нуфус, и они были точно две луны, изошедшие в одно время, или два встретившиеся солнца. И заперли двери и опустили занавески после того, как им зажгли свечи и постлали постель.

И тогда госпожа Будур села с госпожой Хаят-ан-Нуфус и вспомнила своего возлюбленного Камар-аз-Замана, и усилилась ее печаль. И она заплакала от разлуки с ним и его отсутствия и произнесла:

О вы, кто отсутствует, тревожна душа моя!
Ушли вы, и в теле нет дыхания, чтоб вздохнуть.

Ведь прежде зрачки мои томились бессонницей,
Разлились они в слезах — уж лучше бессонница!

Когда вы уехали, остался влюбленный в вас,
Спросите же вы о нем — в разлуке что вынес он?

Когда б не глаза мои (их слезы лились струей),
Равнины земли мой пыл зажег бы наверное.

Аллаху я жалуюсь на милых, утратив их,
И страсть и волненье в них не вызвали жалости.

Пред ними мой грех один — лишь то, что люблю я их:
В любви есть счастливые, но есть и несчастные.

А окончив говорить, Ситт Будур села рядом с госпожой Хаят-ан-Нуфус и поцеловала ее в уста, и затем, в тот же час и минуту, она поднялась, совершила омовение и до тех пор молилась, пока Ситт Хаят-ан-Нуфус не заснула, и тогда Ситт Будур легла в ее постель и повернула к ней спину, и лежала так до утра. Когда же настал день, царь и его жена вошли к своей дочери и спросили ее, каково ей, и она рассказала им о том, что видела и какие слышала стихи.

Вот что было с Хаят-ан-Нуфус и ее родителями. Что же касается царицы Будур, то она вышла и села на престол своего царства. И поднялись к ней эмиры и все предводители и вельможи царства, и поздравляли ее с воцарением, и поцеловали землю меж ее рук, и пожелали ей счастья. А Ситт Будур улыбнулась и проявила приветливость и наградила их, и оказала эмирам и вельможам царства уважение, увеличив их поместья-ми и свиту. Так все люди полюбили ее и пожелали ей вечной власти, и они думали, что она мужчина.

И стала она приказывать и запрещать, и творила суд, и выпустила тех, кто был в тюрьмах, и отменила пошлины, и она до тех пор сидела в месте суда, пока не настала ночь. И тогда она вошла в помещение, для нее приготовленное, и нашла Ситт Хаят-ан-Нуфус сидящей, и, сев рядом с нею, потрепала ее по спине, и приласкала, и поцеловала ее меж глаз, и произнесла такие стихи:

Мои слезы все ль объявили то, что таил я,—
Изнурением обессилена моя плоть в любви.

Я любовь скрывал, но в разлуки день говорит о ней
Всем доносчикам облик жалкий мой, и не скрыть ее.

О ушедшие, свой покинув стан, поклянусь я вам —
Тело все мое изнурили вы, и погиб мой дух.

Поселились вы в глубине души, и глаза мои
Слезы льют струей, и кровь каплет из очей моих.

Кого нет со мной, тех душой своей я купить готов,
Да, наверное, и любовь моя улетает к ним.

Вот глаза мои; из любви к любимым отверг зрачок
Сладкий отдых сна, и струит слезу непрерывно он.

Враги думали, что суров я буду в любви к нему,—
Не бывать тому, и ушами я не внимаю им!

Обманулись все в том, что думали, и с одним я лишь
Камар-аз-Заманом желанного достичь могу.

Он собрал в себе все достоинства; не собрал никто
Из царей минувших достоинств всех, ему свойственных.

Так он щедр и добр, что забыли все, каким щедрым был
Ман ибн Заида[1] и как кроток был сам Муавия[2].

Затянул я речь, и бессилен стих вашим прелестям
Описанье дать, а не то бы рифм не оставил я.

Затем царица Будур поднялась на ноги и, вытерев слезы, совершила омовение и стала молиться, и молилась до тех пор, пока Ситт Хаят-ан-Нуфус не одолел сон, и она не заснула. И тогда Ситт Будур подошла и легла рядом с нею и пролежала до утра, а потом она поднялась, совершила утреннюю молитву и, сев на престол своего царства, стала приказывать и запрещать, и творила справедливый суд.

Вот что было с нею. Что же касается до царя Армануса, то он вошел к своей дочери и спросил ее, каково ей, и она рассказала ему обо всем, что с нею случилось, и сказала те стихи, которые говорила царица Будур. «О батюшка,— сказала она,— я не видела никого умнее и стыдливее моего мужа, но только

---

[1] Ман ибн Заида — арабский государственный деятель и полководец, умерший во второй половине VIII века. В арабской литературе сохранилось много преданий о безграничной щедрости Мана.

[2] Муавия ибн абу-Суфьян — первый халиф из династии Омейядов (661—680).

он плачет и вздыхает».— «О дочь моя,— отвечал ей царь,— потерпи с иим — осталось только эта третья иочь, и, если он не познает тебя и не уничтожит твою девственность, у нас найдется для него план и способ, и я сниму с иего власть и изгоню его из нашей страны».

И он сговорился так со своей дочерью и задумал такой план...»

И Шахразаду застигло утро, и оиа прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ДВУХСОТ ДЕСЯТИ

Когда же настала иочь, дополняющая до двухсот десяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Арманус сговорился так со своей дочерью и задумал такой план. И подошла иочь, и царица Будур перешла с престола царства во дворец и вошла в то помещеиие, которое было ей приготовлеио, и увидала оиа, что свечи зажжеиы и что госпожа Хаят-аи-Нуфус сидит там. И ей вспомиился ее муж, и то, что с иим произошло со времеии их разлуки за этот небольшой срок, и она заплакала, испуская иепрерывиые вздохи, и произнесла такие стихи:

Я клянусь, что весть о беде моей наполняет мир,
Точно солнца луч, восходящего ночью мрачною.

Его знак вещает, но трудно нам понять его,
Потому тоска перестать не может расти моя.

Ненавижу я прелесть стойкости, полюбив его,
Но видал ли ты среди любящих ненавистников?

Взгляды томные поражают нас острием своим
(А сильнее всех поражают нас взгляды томные).

Распустил он кудри и снял покров, и увидел я
Красоту его и черною и белою.

И болезнь моя и леченье — все в руке его,
Ведь недуг любви только тот излечит, что хворь нагнал.

Поясок его полюбил за нежность бока его,
И из зависти бедра грузные отказались встать.

Его локоны на блестящем лбу уподобим мы
Ночи сумрачной, что задержана засиявшим днем.

А окончив говорить, она хотела встать на молитву, но вдруг Хаят-ан-Нуфус схватила её за подол и, уцепившись за нее, воскликнула: «О господин, не стыдно ли тебе перед моим отцом — он сделал тебе столько добра, а ты пренебрегаешь мною до этого времени».

И, услышав это, Ситт Будур села на своем месте прямо и сказала: «О моя любимая, что это ты говоришь?» — и Хаят-ан-Нуфус ответила: «Я говорю, что никогда не видела такого чванного, как ты. Разве все, кто красивы, так чванятся? Но я сказала это не для того, чтобы ты пожелал меня, а потому, что боюсь для тебя зла от царя Армануса: он задумал, если ты не познаешь меня сегодня ночью и не уничтожишь мою девственность, отнять у тебя утром власть и прогнать тебя из нашей страны. А может быть, его гнев увеличится, и он убьет тебя. И я, о господин мой, пожалела тебя и предупредила, а решение принадлежит тебе».

И, услышав от нее эти речи, царица Будур склонила голову к земле и не знала, что делать, а потом она подумала: «Если я не послушаюсь царя, то погибну, а если послушаюсь — опозорюсь. Но я сейчас царица всех Эбеновых островов, и они под моей властью, и мне не встретиться с Камар-аз-Заманом ни в каком другом месте, так как ему нет дороги в его страну иначе, как через Эбеновы острова. Я не знаю, что делать, и вручаю свою судьбу Аллаху (прекрасный он промыслитель!). Я же не мужчина, чтобы подняться и открыть ему невинную девушку!»

А затем царица Будур сказала Хаят-ан-Нуфус: «О любимая, все мое пренебрежение тобою и воздержание от тебя — против моей воли». И она рассказала ей обо всем, что с нею случилось, от начала до конца, и показалась ей, и молвила: «Ради Аллаха прошу тебя, защити меня ты и скрой мою тайну, пока Аллах не сведет меня с моим возлюбленным Камар-аз-Заманом, а после этого будет что будет...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ОДИННАДЦАТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что госпожа Будур осведомила Хаят-ан-Нуфус о своей истории и велела ей все скрыть,

и Хаят-ан-Нуфус выслушала ее слова и изумилась ее рассказу до крайних пределов. Она пожалела ее и пожелала ей встретиться с ее возлюбленным, Камар-аз-Заманом, и сказала ей: «О сестрица, не бойся и не мучайся! Терпи, пока Аллах не свершит свое дело, которое решено». А потом Хаят-ан-Нуфус произнесла:

Я тайну в груди храню, как в доме с запорами,
К которым потерян ключ, а дом — за печатью.

Лишь тот может тайну скрыть, кто верен останется,
И тайна сокрытою у лучших лишь будет.

А окончив стихи, она сказала: «О сестрица, грудь свободных — могила для тайн, и я не выдам твоей тайны».

Затем они стали играть, обниматься и целоваться и проспали почти до призыва на молитву. И тогда Хаят-ан-Нуфус поднялась и, взяв птенца голубя, зарезала его над своей рубашкой, и вымазалась его кровью, и, сняв шальвары, стала кричать. И ее родные вошли к ней, и невольницы заголосили от радости, и пришла ее мать и спросила, что с нею, и ходила вокруг нее, и оставалась у нее до вечера.

Что же касается царицы Будур, то она утром встала и пошла в баню, и вымылась, и совершила утреннюю молитву, а потом она отправилась в Дом суда и, сев на престол царства, стала творить суд между людьми. И когда царь Арманус услыхал радостные клики, он спросил, в чем дело, и ему рассказали, что его дочь лишена невинности, и обрадовался он этому, и его грудь расправилась и расширилась, и он сделал большой пир, и так они провели некоторое время. Вот то, что было с ними.

Что же касается царя Шахрамана, то когда его сын выехал на охоту и ловлю вместе с Марзуваном, как уже раньше рассказано, он стал ждать, но пришла ночь после их отъезда и его сын не приехал. И царь Шахраман не спал в эту ночь, и она показалась ему долгой, и встревожился он крайней тревогою, и волнение его увеличилось, и не верилось ему, что заря взойдет, а когда настало утро, он прождал своего сына до полудня, но тот не приехал. И почувствовал царь, что наступила разлука, и жалость к сыну вспыхнула в нем, и он воскликнул:

«Увы, мой сын!» — а потом так заплакал, что замочил слезами свою одежду, и произнес из глубины расколовшегося сердца:

Я с людьми любви постоянно спорил, пока я сам
Не почувствовал ее сладости с ее горечью.

И насильно выпить пришлось мне чашу разлуки с ним,
И унизился пред рабом любви и свободным я.

Поклялась судьба разлучить меня и возлюбленных,
И теперь исполнил суровый рок то, в чем клялся он.

А окончив эти стихи, царь Шахраман вытер слезы, и кликнул войскам клич, приказывая выезжать и спешить в долгий путь. И все воины сели на коней, и султан выступил, пылая по своему сыну, Камар-аз-Заману, и его сердце было полно печали. И они поскакали, и царь разделил войско на правое, левое, заднее и переднее и на шесть отрядов и сказал им: «Сбор завтра у перекрестка дороги!»

И тогда войска рассеялись и поехали, и ехали, не переставая, остаток этого дня, пока не спустилась ночь. И они ехали всю ночь, до следующего полдня, пока не достигли пересечения четырех дорог, и не знали они, по какой дороге поехал Камар-аз-Заман, а затем они увидели остатки разорванной материи и заметили растерзанное мясо, и увидели, что еще остались следы крови.

И, когда царь Шахраман увидал это, он издал великий крик из глубины сердца и воскликнул: «Увы, мой сын!» — и стал бить себя по лицу, и щипать себе бороду, и порвал на себе одежду. Он убедился в смерти своего сына, и усилились его стоны и плач, и войска заплакали из-за его плача и уверились, что Камар-аз-Заман погиб, и посыпали себе головы пылью.

И пришла ночь, а они все рыдали и плакали, так что едва не погибли. А сердце царя загорелось от пламени вздохов, и он произнес такие стихи:

Не корите вы огорченного за грусть его.
Уж достаточно взволнован он печалями.

И плачет он от крайней грусти и мук своих,
И страсть его говорит тебе, как пылает он.

О счастье! Кто за влюбленного, клятву давшего
Изнурению, что всегда слезу будет лить из глаз?

Он являет страсть, потеряв луну блестящую,
Что сиянием затмевает ближних всех своих.

Но теперь дала ему смерть испить чашу полную
В день, как выехал, и далек он стал от земли родной.

Бросил родину и уехал он на беду себе,
И прощания не узнал услады с друзьями он.

Поразил меня и отъездом он и жестокостью,
И разлукою, и мученьем, нас покинувши,

Он отправился и оставил нас, проститвшись лишь,
Когда дал ему приют Аллах в садах своих.

А окончив стихи, царь Шахраман вернулся с войсками в свой город...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман, окончив говорить стихи, вернулся с войсками в свой город. Он убедился в гибели своего сына и понял, что на него напал и растерзал его либо зверь, либо разбойники.

И он велел кликнуть клич по островам Халидан, чтобы надели черное, с горя по его сыне Камар-аз-Замане, и сделал для него помещение, которое он назвал Дом печалей, и каждый четверг и понедельник он творил суд над воинами и подданными, а на остальную неделю он входил в Дом печали и горевал по своем сыне, оплакивая его в стихах, и среди них были такие:

День счастья — тот день, когда вы снова близки ко мне,
А день моей гибели — когда отвернетесь вы.

И если угрозою испуган я гибели,
То слаще спокойствия мне близость с любимыми.

И также такие слова:

Я душой своей искуплю ушедших,— отъездом их
Они ранят сердце и порчею смущают.

Так пускай без мужа проводит радость весь должный срок [1] —
Со счастьем, раз их нет, развелся я трижды [2].

Вот что было с царем Шахрамапом. Что же касается царицы Будур, дочери царя аль-Гайюра, то она сделалась царицей Эбеновой земли, и люди стали показывать на нее пальцами и говорили: «Это зять царя Армануса». И каждую ночь она спала с Ситт Хаят-ан-Нуфус и жаловалась на тоску по своем муже Камар-аз-Замане и, плача, описывала Хаят-ан-Нуфус его красоту и прелесть и желала, хотя бы во сне, сойтись с ним, и говорила:

Аллаху известно, что когда разлучились мы,
Я плакал так, что слез пришлось занимать мне.

Сказали хулители: «Терпи, ты достигнешь их»,—
А я им: «Хулители, откуда терпенье?»

Вот что было с царицей Будур. Что же касается Камар-аз-Замана, то он оставался в саду у садовника некоторое время, плача ночью и днем и произнося стихи, и вздыхая о временах блаженства и ночах, исполненных желаний. А садовник говорил ему: «В конце года корабль отправится в земли мусульман».

И Камар-аз-Заман пребывал в таком положении, пока однажды не увидел, что люди собираются вместе. И он удивился этому, а садовник вошел к нему и сказал: «О дитя мое, прекрати на сегодня работу и не отводи воду к кустам: сегодня праздник, и люди посещают друг друга. Отдохни же и поглядывай только за садом. Я хочу присмотреть для тебя корабль: остается лишь немного времени до того, как я пошлю тебя в земли мусульман».

Потом садовник вышел из сада, и Камар-аз-Заман остался один, и стал он думать о своем положении, и сердце его разбилось, и слезы его потекли. И Камар-аз-Заман заплакал горьким плачем, так что лишился чувств, а очнувшись, он встал и пошел по саду, размышляя о том, что сделало с ним время, и о долгой разлуке и отдалении, и разум оставил его, и был он в смятении. И он споткнулся и упал, наткнулся лбом на корень

[1] Должный срок — четыре месяца и пять дней — тот промежуток времени, в течение которого разведенная или вдова согласно учению ислама не может снова выйти замуж.

[2] То есть навсегда: произнеся формулу развода трижды, муж теряет право снова взять к себе разведенную жену.

дерева и ударился, и из его лба потекла кровь и смешалась со слезами. И Камар-аз-Заман вытер кровь, осушил слезы и перевязал лоб тряпкой, и, поднявшись, стал ходить по саду, размышляя и потеряв разум.

А потом он взглянул на дерево, на котором ссорились две птицы. И одна из птиц поднялась и клюнула другую в шею, так что отделила ей голову от тела, и, взяв голову птицы, улетела с нею, а убитая птица упала на землю перед Камар-аз-Заманом. И пока все это было, вдруг две большие птицы опустились к убитой, и одна встала у ее головы, а другая около хвоста, и они опустили крылья и клювы, и, вытянув к ней шеи, стали плакать. И тут Камар-аз-Заман заплакал о разлуке со своей женой, и ему вспомнился его отец, когда он увидел тех двух птиц, которые плакали по своем товарище...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ТРИНАДЦАТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман заплакал от разлуки со своей женой и отцом, когда увидал двух птиц, которые плакали по своем товарище. А затем Камар-аз-Заман посмотрел на птиц и увидел, что они вырыли яму и закопали в ней убитую птицу, и после того взлетели на воздух, и скрылись на некоторое время, а потом вернулись, и с ними была птица-убийца. И они спустились с нею на могилу убитой и, насев на убийцу, убили ее, и, проткнув ей тело, вытянули ее кишки, и пролили ее кровь на могилу убитой птицы, и разбросали ее мясо, и разорвали ее кожу, а то, что было в ее внутренностях, они вытянули и раскидали по разным местам.

И все это происходило, а Камар-аз-Заман смотрел и дивился, и вдруг он бросил взгляд на то место, где убили птицу, и увидал там что-то блестящее. И он подошел ближе, и оказалось, что это зоб той птицы, и Камар-аз-Заман взял его и вскрыл, и нашел там камень, который был причиной его разлуки с женой. И когда Камар-аз-Заман увидел и узнал камень, он упал без чувств от радости, а очнувшись, он воскликнул: «Хвала Аллаху! Вот хороший признак и весть о встрече с моей возлюбленной»,

Он рассмотрел камень и провел им перед глазами, и привязал его к руке, радуясь доброй вести. А потом он поднялся и стал ходить, и ожидал садовника до ночи, но тот не пришел. И Камар-аз-Заман проспал на его месте до утра, а затем поднялся, чтобы работать, и, подпоясавшись веревкой из пальмовых волокон, взял топор и корзинку и прошел через сад. Он подошел к рожковому дереву и ударил его по корню топором, и от удара зазвенело. Тогда Камар-аз-Заман снял с корня землю и увидел опускную плиту...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Камар-аз-Заман поднял эту опускную плиту, он увидел под ней дверь и лестницу и, спустившись по ней, оказался в древнем помещении времен Ада и Самуда[1]. И помещение это было высечено из камня, а по стенам его шли скамейки небесного цвета, и оказалось, что оно наполнено ярко-рдеющим червонным золотом. И тогда Камар-аз-Заман сказал про себя: «Ушло утомление, и пришли веселье и радость!» А потом Камар-аз-Заман поднялся из этого помещения в сад, на поверхность земли, и опустил плиту обратно на место, как она была.

Он возвратился в сад и отводил воду к деревьям до конца дня, и тогда пришел к нему садовник и сказал: «О дитя мое, радуйся возвращению на родину! Купцы собрались в путешествие, и корабль через три дня отъезжает в Эбеновый город (а это первый город из городов мусульман). И когда ты достигнешь его, ты пройдешь сушею шесть месяцев и прибудешь к островам Халидан, на которых находится царь Шахраман.

И Камар-аз-Заман обрадовался и произнес:

Не бросайте тех, кто вдали от вас не привычен быть —
Вы пытаете, покидая их, безгрешного.

Другой, когда разлука длится, не помнит вас,
И менять готов свои чувства он, не то, что я.

---

[1] Ад и Самуд — названия древних мифических племен, упоминающихся в коране.

Потом Камар-аз-Заман поцеловал садовнику руку и сказал: «О батюшка, как ты обрадовал меня, так и я тоже тебя обрадую великою радостью». И он рассказал ему про комнату, которую видел, и садовник обрадовался и сказал: «О дитя мое, я в этом саду уже восемьдесят лет и ничего не заметил, а ты у меня меньше года и увидал это. Это твой клад. Он поможет тебе достигнуть твоих родных и соединиться с тем, кого ты любишь».— «Я непременно с тобою поделюсь»,— ответил Камар-аз-Заман.

А затем он взял садовника и, введя его в помещение, показал ему золото. А было оно в двадцати кувшинах. И Камар-аз-Заман взял десять, и садовник десять. «О дитя мое,— сказал ему садовник,— наложи себе несколько мер воробьиных маслин из тех, что в этом саду: их не найти в других землях, и купцы ввозят их во все страны. Положи золото в меры так, чтобы маслины были поверх золота, потом закрой меры и возьми их с собою на корабль».

И Камар-аз-Заман в тот же час и минуту поднялся, наложил пятьдесят мер маслин и положил туда золото, прикрыв его маслинами. А камень он положил, взяв его с собою, в одну из мер. И они потом с садовником сидели, разговаривая. И Камар-аз-Заман уверился в том, что встретится с любимыми и будет близок к родным, и сказал про себя: «Когда я достигну Эбенового острова, я поеду оттуда в землю моего отца и спрошу про мою возлюбленную Будур. Узнать бы, вернулась ли она в свою землю, или поехала в земли моего отца, или же с ней случилась какая-нибудь случайность в дороге!» А потом он произнес:

В душе любовь оставив, они скрылись,
И земли тех, кого люблю,— далеко.

Далек теперь и стан и обитатель,
Далеко цель пути — нет больше цели.

Ушли они — и с ними ушла стойкость,
Покой меня оставил и терпенье.

Уехали — и радость улетела,
Исчез покой — и нет уж мне покоя.

И слезы они пролили мои, расставшись,
И льется из глаз обильно слеза в разлуке.

И если когда захочется мне их видеть
И долго мне придется ждать в волненье,

То вызову вновь я в сердце своем их образ —
И будут думы, страсть, тоска и горе.

И потом Камар-аз-Заман сидел, ожидая, пока пройдут оставшиеся дни, и он рассказал садовнику историю с птицами и то, что с ними случилось, и садовник удивился. И они проспали до утра, а утром садовник заболел и проболел два дня, а на третий день его недуг увеличился, так что потеряли надежду на его жизнь, и Камар-аз-Заман сильно опечалился.

И пока это было так, вдруг пришел капитан и моряки, и они спросили про садовника. И когда Камар-аз-Заман рассказал им, что тот болен, они спросили: «Где юноша, который хочет с нами ехать на Эбеновые острова?» — «Это невольник, стоящий перед вами»,— отвечал Камар-аз-Заман. И он велел им перенести меры на корабль, и они перенесли их на корабль и сказали: «Поторопись — ветер хорош!» — а юноша отвечал им: «Слушаю и повинуюсь!»

Потом он перенес на корабль мешок с едой и пищей и вернулся к садовнику, чтобы проститься с ним, но нашел его борющимся со смертью. И Камар-аз-Заман сел у него в головах и закрыл ему глаза, и дух садовника расстался с его телом. Тогда Камар-аз-Заман обрядил его и похоронил во прахе, на милость Аллаха великого, а потом он пошел и отправился к кораблю, но увидел, что корабль распустил паруса и уехал, и он рассекал море, пока не скрылся из глаз. И Камар-аз-Заман был ошеломлен и стоял в замешательстве, не давая ответа и не обращаясь с речью, а потом он вернулся в сад и сел, озабоченный и огорченный, посыпая голову прахом и ударяя себя по лицу...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ПЯТНАДЦАТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман, когда корабль уехал, возвратился в тот сад и сел озабоченный и огорченный. Он нанял сад у его владельца и поставил себе под начало человека, который помогал ему поливать деревья, а сам отправился к опускной двери, спустился в помещение и сложил

оставшееся золото в пятьдесят посудин, а сверху набросал маслин.

Он спросил про корабль, и ему сказали, что он отправляется только раз в год, и волнение Камар-аз-Замана увеличилось. И он опечалился из-за того, что с ним случилось, в особенности же из-за потери камня, принадлежавшего Ситт Будур, и плакал ночью и днем, и говорил стихи.

Вот что было с Камар-аз-Заманом. Что же касается корабля, то ветер был для него хорош, и он достиг Эбенового острова. А по предопределенному велению случилось, что царица Будур сидела у окна, выходившего на море, и увидала корабль, когда он пристал к берегу. И сердце Будур затрепетало, и, сев верхом, вместе с эмирами и придворными, и наместниками, она проехала на берег и остановилась у корабля. А уже шла разгрузка и переноска товаров в кладовые.

И Будур призвала капитана и спросила, что он привез с собою, и капитан ответил: «О царь, у меня на корабле столько зелий, притираний, порошков, мазей, примочек, богатств, дорогих товаров, роскошных материй и йеменских ковров, что снести их не в силах верблюды и мулы. Там есть всякие благовония: и перец, и какуллийское алоэ, и тамаринды, и воробьиные маслины, которые редко встречаются в этих землях».

И когда царица Будур услыхала упоминание о воробьиных маслинах, ее сердце пожелало их, и она спросила владельца корабля: «Сколько с тобою маслин?» — «Со мною пятьдесят полных мер,— отвечал капитан,— но только их владелец не приехал с нами, и царь возьмет из них, сколько захочет».— «Вынесите их на сушу, чтобы я посмотрел на них»,— сказала Будур.

И капитан крикнул матросам, и они вынесли эти пятьдесят мер, и Будур открыла одну из них и увидела маслины, и сказала: «Я возьму эти пятьдесят мер и дам вам их цену, сколько бы ни было».— «Этому нет цены в наших землях,— отвечал капитан,— но тот, кто их собрал, отстал от нас, а он человек бедный».— «А какая им цена здесь?» — спросила Будур. И капитан отвечал: «Тысячу дирхемов»,— и тогда Будур сказала: «Я возьму их за тысячу дирхемов»,— и велела перенести маслины во дворец.

А когда пришла ночь, она приказала принести одну меру и открыла ее (а в помещении не было никого, кроме нее и Хаятан-Нуфус), а потом она поставила перед собою поднос и перевернула над ним меру, и в поднос высыпалась кучка червонно-

го золота. И Будур сказала госпоже Хаят-ан-Нуфус: «Это ие что иное, как золото!» — а потом оиа велела приивести все меры и посмотрела их, и оказалось, что все оии с золотом и что все маслииы ие наполият и одной меры.

И Будур поискала в золоте и иашла в нем камеиь, и взяла его, и осмотрела, и вдруг видит, что это тот камень, который был привязан к шиурку иа ее одежде и взят Камар-аз-Заманом. И когда Будур убедилась в этом, оиа закричала от радости и упала без чувств...»

И Шахразаду застигло утро, и оиа прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ШЕСТНАДЦАТАЯ НОЧЬ

Когда же иастала двести шестиадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меия, о счастливый царь, что когда царица Будур увидела этот камеиь, оиа закричала от радости и упала без чувств, а очиувшись, оиа сказала про себя: «Этот камеиь был причииой моей разлуки с моим возлюблениым Камар-аз-Замаиом, ио вот пришла благая весть!» И оиа сообщила Ситт Хаят-аи-Нуфус, что обиаружеииый камеиь иесет благую весть о встрече с любимым.

А когда иастало утро, Будур села иа престол царства и призвала капитаиа корабля, и тот, явившись, поцеловал землю меж ее рук, а она спросила его: «Где ты оставил владельца этих маслии?» — «О царь времеии,— отвечал капитаи,— мы оставили его в страие магов, и ои садовник в саду».— «Если ты ие привезешь его, то случатся с тобою и с твоим кораблем такие беды, которые сам ие зиаешь»,— сказала Будур.

И потом она велела запечатать кладовые купцов и сказала им: «Владелец этих маслии — мой должиик, и иа ием лежит долг мне, и если вы его ие приведете, я иепремеиио перебью вас всех и разорю вашу торговлю». И купцы обратились к капитану и обещали, что иаймут его корабль, когда ои еще раз вернется, и сказали ему: «Избавь иас от этого своеиравиого злодея!»

И капитаи взошел иа корабль и распустил паруса, и Аллах предиачертал ему благополучие, так что ночью он прибыл иа остров и отправился в сад. А что касается Камар-аз-Замаиа, то ночь показалась ему долгой, и ои вспомнил свою возлюблеиную

и сидел, и плакал о том, что с ним случилось. И он подумал о своей возлюбленной и произнес:

Вот ночь, когда звезды стоят неподвижно,
И нет у ней силы, чтобы двинуться с места.

И длятся часы, как весь день воскресенья,
Для тех, кто рассвета в ту ночь выжидает.

А капитан постучал в дверь к Камар-аз-Заману, и когда Камар-аз-Заман открыл дверь и вышел к нему, моряки взяли его и привели на корабль. И они распустили паруса и поехали и ехали непрерывно в течение дней и ночей, а Камар-аз-Заман не знал, какая тому причина. И он спросил о причине, и ему сказали: «Ты должник царя, правителя Эбеновых островов и зятя царя Армануса, и украл у него деньги, о злосчастный!» И Камар-аз-Заман воскликнул: «Клянусь Аллахом, я в жизни не вступал в эти страны и не знаю их!»

И с ним ехали, пока не приблизились к Эбеновым островам, и его привели к Ситт Будур, и та, увидя Камар-аз-Замана, узнала его и сказала: «Оставьте его со слугами, пусть его сведут в баню». И она сняла запрет с купцов и наградила капитана великолепной одеждой, стоившей десять тысяч динаров.

И в эту ночь она пришла к себе во дворец и рассказала обо всем Хаят-ан-Нуфус, и сказала ей: «Скрывай все это, пока я не достигну желаемого, и я сделаю дело, которое запишут и станут читать после нас царям и их подданным».

А когда она велела отвести Камар-аз-Замана в баню, его свели в баню и одели в царскую одежду. И Камар-аз-Заман, выйдя из бани, был подобен ветви ивы или звезде, смущающей своим появлением луну и солнце, и душа его вернулась к нему. А потом он отправился к Будур и вошел во дворец. И Будур, увидав его, приказала своему сердцу терпеть, пока не исполнится то, что она хотела. И она пожаловала Камар-аз-Заману невольников, евнухов, верблюдов и мулов и дала ему мешок денег, и все время возвышала Камар-аз-Замана со ступеньки на ступеньку, пока не сделала его казначеем.

Она вручила ему все деньги и была с ним приветлива и приблизила его к себе и сообщила эмирам о его сане, и они все полюбили его. И царица Будур стала каждый день увеличивать ему выдачи, и не знал Камар-аз-Заман, почему она его возвеличивала. И от такого множества денег он принялся дарить и про-

являть щедрость, и служил царю Арманусу так, что тот полюбил его. И полюбили его также эмиры и все люди — и знатные, и простые — и стали клясться его жизнью. И при этом Камар-аз-Заман дивился, что царица Будур так возвеличивает его, и говорил про себя: «Клянусь Аллахом, этой любви обязательно должна быть причина, и, может быть, этот царь оказывает мне такой великий почет ради дурной цели. Я непременно отпрошусь у него и уеду из его земли».

И он отправился к царице Будур и сказал: «О царь, ты оказал мне великое уважение, заверши же его и позволь мне уехать, и возьми от меня все то, что ты мне пожаловал». И царица Будур улыбнулась и спросила: «Что вызывает в тебе желание уехать и броситься в опасности, когда ты в величайшем почете и большой милости?» И Камар-аз-Заман отвечал ей: «О царь, этот почет, если ему нет причины,— дивное дело, особенно потому, что ты назначил мне чины, которые должны принадлежать старцам, а я — малый ребенок».— «Причина этого,— сказала царица Будур,— то, что я люблю тебя из-за твоей чрезмерной и превосходной красоты, редкостной и блестящей прелести. И если ты позволишь мне то, чего я от тебя желаю, я еще увеличу тебе почет, подарки и милости, и, хоть ты и молод годами, сделаю тебя везирем, как люди сделали меня над собою султаном, хотя мне всего столько лет. Не диво теперь, что главенствуют дети, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Как будто век наш из семейства Лота[1] —
Он молодых охотно выдвигает.

И когда Камар-аз-Заман услышал эти слова, он застыдился, и щеки его покраснели, как пламя, и он воскликнул: «Нет, мне нужды в таком почете, ведущем к совершению запретного! Нет, я буду жить бедным деньгами, но богатым благородством и совершенством!» Но царица Будур воскликнула: «Меня не обманет твоя совестливость, происходящая от высокомерия и кичливости, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Напомнил я единенья время, и молвил он:
«Доколе будешь речи длить жестокие?»

---

[1] Библейский Лот, племянник Авраама, упоминается в коране как пророк, посланный к своим соплеменникам, жителям города Содома. Одним из пороков, которым предавалось племя Лота, было и мужеложство.

Но я динар показал ему, и сказал он стих:
«Куда бежать от участи, решенной нам?»

И Камар-аз-Заман, услышав эти слова и поняв нанизанные стихи, воскликнул: «О царь, нет у меня привычки к подобным делам, и нет сил нести такое бремя! Его бессилен вынести и старший, чем я, так как же быть мне при моих юных годах?» Но царица Будур, услышав эти слова, улыбнулась и сказала: «Поистине, вот предивная вещь! Ты ошибаешься, хоть правильно рассуждаешь! Раз ты молоденький, почему же ты боишься запретного и опасаешься совершить грех, когда ты не достиг еще возраста ответственности, а за грех малолетнего нет ни взыскания, ни упрека? Ты сам хотел услышать это доказательство, желая спорить. И обязательна для тебя моя просьба о сближении. Не отказывайся и не проявляй теперь нежелания, ибо веление Аллаха — участь предопределенная. Я больше, чем ты, должен бояться впасть в заблуждение; и отличился тот, кто сказал:

Мой пыл велик, а малый говорит, прося:
«Вложи его во внутрь и будь ты храбрым!»

И ответил я: «Ведь так нельзя!» — и сказал он мне:
«По мне, так можно»,— и я познал, согласный.

И когда Камар-аз-Заман услышал эти слова, свет сменился мраком пред лицом его, и он воскликнул: «О царь, у тебя найдутся такие женщины и прекрасные девушки, подобных которым не найти в наше время. Не удовлетворишься ли ты ими вместо меня; обратись, к кому хочешь, и оставь меня».— «Твои слова правильны,— отвечала Будур,— но не утолить с женщинами боли мучения от любви к тебе. Испорченная натура повинуется недобрым советам. Оставь же препирательство и послушай слова сказавшего:

Не видишь: вот рынок и рядами плоды лежат,
И фиги берет один, другой — сикоморы.

А вот слова другого:

О ты, чей ножной браслет молчит и звенит кушак:
Доволен один, другой — о бедности сетует.

Ты ждешь, что утешусь я, глупец, красотой ее,
Но, быв прежде праведным, неверным не буду я.

Пушком и клянусь тебе, что кудри смутит ее,—
С невинной красавицей тебя не забуду и!

А вот слова другого:

О красавец, любовь к тебе — мои вера,
Из всех толков избрал ее и охотно.

Для тебя и покинул всех ныне женщин,
И монахом теперь меня все считают.

И слова другого:

Не равняй ты юнцов и жен и не слушай
Доносящих, что скажут всем: «Это мерзость!»

Меж женою, чьи ноги лик мой целуют,
И юнцом, что целует землю,— различье.

А вот слова другого:

Я жертва твоя! Тебя и избрал нарочно,—
Ведь кровь ты не льешь, яиц никогда не носишь,

А если бы мы желали любить красавиц,
Для наших детей стал тесен бы край обширный.

И слова другого:

Она говорила мне, жеманясь и гневаясь,
Когда позвала меня за тем, что не вышло:

«Когда не полюбишь ты, как должен жену любить,
Смотри, не брани меня, коль станешь рогатым»,

И слова другого:

Она молвила, когда я познать не хотел ее:
«О ты глупец, о глупый до предела,

Не согласен ты, чтоб перед мой был тебе кыблою [1],—
Повернусь к тебе другой кыблою, угодной».

И слова другого:

Она дала мне мягкий кусс.
Я молвил: «Не хочу любить!»

---

[1] Кыбла — направление, куда мусульманину надлежит обращать свое лицо во время молитвы.

И повернулась, говоря:
«Покинут тот, кто отвращен.

Ведь спереди любовь уже
Теперь оставлена, в наш век».

«Отлично, госпожа моя,
Отлично, не смути меня!

Вот лучшая из всех побед
Владыки нашего царя!»

А вот слова другого:

Мужи руками просят прощения,
А женщины ногами то делают.

Поистине, вот дело прекрасное!
Аллах его превознеси прямо вниз!

И когда Камар-аз-Заман услышал от нее эти стихи и понял, что бегство от ее желаний невозможно, он сказал: «О царь времени, если уже это неизбежно, обещай мне, что сделаешь это со мною не больше одного раза, хоть это и не исправит дурной природы. А потом не проси меня об этом никогда. Быть может, Аллах исправит во мне то, что испортилось».— «Я обещаю тебе это, в надежде, что Аллах нас простит и сотрет с нас своей милостью великие прегрешения,— сказала Будур.— Поистине, пояс небосвода прощения не тесен для того, чтобы охватить нас и покрыть великие наши злодейства, и вынести нас к свету прямого пути из мрака заблуждения. Прекрасно и отлично выразился сказавший:

Кой в чем заподозрили нас люди, упорствуя
В своем подозрении душою и сердцем.

Иди, подтвердим их мысль, чтоб снять с них тяжелый грех,
Один только раз — потом мы каяться будем».

И затем она дала ему заверения и обещания и поклялась ему необходимо-сущим, что такое дело случится у нее с ним один только раз во все время и что любовь к нему привела ее к смерти и потере. И Камар-аз-Заман пошел с нею с этим условием в уединенное место, чтобы погасить огни ее страсти, а сам говорил: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Это предопределено славным, премудрым!»

А затем он распустил шальвары в крайнем смущении, и глаза его текли от сильного волнения. А Будур улыбнулась и ввела его с собою на ложе, и сказала: «После сегодняшней ночи ты не увидишь порицаемого».

И она склонилась к нему, целуя и обнимая и сплетая ногу с ногою, и сказала: «Положи руку мне между бедрами к тому, что тебе известно». И Камар-аз-Заман заплакал и сказал: «Я не умею ничего такого!» — а Будур воскликнула: «Ради моей жизни, сделай то, что я тебе велела!»

И Камар-аз-Заман протянул руку (а душа его вздыхала) и увидел, что ее бедра мягче сливочного масла и нежнее шелка, и он ощутил наслаждение, касаясь их, и стал водить рукою во все стороны, пока не достиг купола, многоблагословенного и подвижного. И тогда он подумал: «Может быть, этот царь двуполый, и он не мужчина и не женщина?» — и сказал: «О царь, я не нахожу у тебя того, что есть у мужчины. Что же побудило тебя к таким поступкам?»

И царица Будур так засмеялась, что упала навзничь, и воскликнула: «О мой любимый, как ты скоро забыл ночи, которые мы провели вместе». И она дала ему узнать себя, и Камар-аз-Заман узнал, что это его жена, царевна Будур, дочь царя аль-Гайюра, владыки островов и морей. И он обнял ее, и она обняла его, и поцеловал ее, и она поцеловала его, и они легли на ложе сближения и говорили друг другу такие стихи:

И звала его я к сближению, шею гибкую
Изогнув к нему, чьи изгибы непрерывны.

И поила твердость души его ее мягкостью,
И он просьбе внял, хоть отказывал упорно.

Побоялся он, чтоб хулители его видели,
Когда явится он в кольчуге им блестящей.

Бока сетуют на бедро его, нагрузившее,
Когда ходит он, его ногу, как верблюда.

Повязался он мечом режущим очей своих,
И кольчугу он на себя надел из мрака.

Аромат его шлет благую весть, что явился он,
И бегу к нему, точно птица я из клетки.

И ланиты я подостлал в пути для подошв его,
И сурьмою праха он вылечит мне око.

Привязал я стяг обладания, обнимаясь с ним,
Непокорной я развязал узлы удачи.

И устроил праздник, и ответил мне на призыв мой
Лишь восторг один, от седых забот свободный.

И усеял месяц как звездами уста его —
Пузырьками вин, что на лике влаги пляшут.

И в михрабе[1] я наслаждения пребывал всегда
Подле той, чей дар вернет к истине ослушных.

Поклянусь чудом «Рассвета» я на лице ее:
Суру «Преданность»[2] не забуду я вовеки!

Потом царица Будур рассказала Камар-аз-Заману обо всем, что с нею случилось, от начала до конца, и он тоже рассказал ей обо всем, что с ним случилось. А после этого он перешел к упрекам и спросил ее: «Что побудило тебя к тому, что ты сделала со мной сегодня ночью?» — а она отвечала: «Не взыщи с меня: я хотела лишь пошутить и увеличить веселье и удовольствие».

Когда же настало утро и засияло светом, и заблистало, царица Будур послала к царю Арманусу, отцу царевны Хаят-ан-Нуфус, и рассказала ему об истине и о том, что она жена Камар-аз-Замана. Она рассказала ему свою историю и поведала о причине их разлуки, и сообщила царю, что его дочь Хаят-ан-Нуфус девственна, как была. И когда царь Арманус, владыка Эбеновых островов, услышал историю царевны Будур, дочери царя аль-Гайюра, он изумился до крайней степени и приказал записать ее золотыми чернилами. А затем он обратился к Камар-аз-Заману и спросил его: «О царевич, не хочешь ли ты стать моим зятем и жениться на моей дочери Хаят-ан-Нуфус?» И Камар-аз-Заман ответил: «Я посоветуюсь с царицей Будур: у нее надо мной неограниченное преимущество».

И когда он спросил у нее совета, Будур сказала: «Прекрасен этот план! Женись на ней, а я буду ее служанкой, так как она оказала мне услугу, благодеяние, добро и милость,— тем более что мы в ее жилище и нас засыпали милости ее отца».

И, увидав, что царица Будур склонна к этому и у нее нет ревности к Хаят-ан-Нуфус, Камар-аз-Заман уговорился с ней об этом деле...»

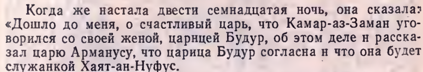
И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

---

[1] Михраб — ниша в стене мечети, указывающая, в каком направлении находится Мекка.

[2] «Рассвет» и «Преданность» — названия сур (глав) корана.

ДВЕСТИ СЕМНАДЦАТАЯ НОЧЬ



Когда же настала двести семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман уговорился со своей женой, царицей Будур, об этом деле и рассказал царю Арманусу, что царица Будур согласна и что она будет служанкой Хаят-ан-Нуфус.

И когда царь Арманус услышал от Камар-аз-Замана эти слова, он обрадовался сильной радостью. А потом он вышел и сел на престол своего царства, и, призвав всех везирей, эмиров, придворных и вельмож правления, рассказал им историю Камар-аз-Замана и его жены, царевны Будур, с начала до конца, и сказал, что он хочет выдать свою дочь, Хаят-ан-Нуфус, за Камар-аз-Замана и сделать его султаном над ними, вместо его жены, царицы Будур.

И все сказали: «Раз Камар-аз-Заман, оказывается, муж царицы Будур, которая была прежде него над нами султаном (а мы думали, что он зять нашего царя Армануса), тогда мы все согласны, чтобы он был над нами султаном, и мы будем его слугами и не выйдем из повиновения ему».

И царь Арманус обрадовался сильной радостью, а затем он призвал судей и свидетелей, и главарей царства и заключил брачный договор Камар-аз-Замана с его дочерью Хаят-ан-Нуфус. И после этого он устроил торжества и объявил роскошные пиры, и наградил дорогими одеждами всех эмиров и предводителей войск, и роздал милостыню беднякам и нищим, и выпустил всех заключенных. И люди обрадовались воцарению Камар-аз-Замана и стали молиться об его вечной славе, преуспеянии, счастии и величии.

А Камар-аз-Заман, сделавшись над ними султаном, отменил пошлины [1] и выпустил тех, кто оставался в тюрьмах, и поступал с народом достохвальным образом, и пребывал он со своими женами в блаженстве, радости, довольстве и веселье, проводя у каждой жены одну ночь. И так он прожил некоторое время, и рассеялись его заботы и печали, и забыл он своего отца, царя Шахрамана, и то величие и власть, которые знавал с ним.

---

[1] Многочисленные налоги и пошлины были в средние века бичом для населения Египта. Поэтому первым актом нового султана почти всегда являлась отмена некоторых пошлин, взамен которых, однако, тотчас же вводились новые.

РАССКАЗ ОБ АЛЬ-АМДЖАДЕ И АЛЬ-АСАДЕ

И Аллах великий наделил Камар-аз-Замана от обеих его жен двумя детьми мужского пола, подобными двум светящим луиам. Старший из них был от царицы Будур, и звали его царь аль-Амджад, и младший — от царицы Хаят-ан-Нуфус, и звали его царь аль-Асад[1], и аль-Асад был красивей своего брата аль-Амджада.

И они воспитывались в величии и изнеженности и, будучи образованны, научились чистописанию, наукам, искусству управления и верховой езде, так что дошли до высшего совершенства и до пределов красоты и прелести, и женщины и мужчины прельщались ими.

И стало им около семнадцати лет, и они не покидали друг друга; вместе ели и вместе спали, не расставаясь ни в какой час и ни в какое время, и все люди из-за этого им завидовали. И, когда достигли они возраста мужей и украсились совершенством, их отец, уезжая, стал сажать их поочередно в помещении суда, и каждый из них судил людей один день.

И случилось, по неизбежному велению и заранее назначенному приговору, что любовь к аль-Асаду, сыну Хаят-ан-Нуфус, запала в сердце царицы Будур, жены его отца, а любовь к аль-Амджаду, сыну царицы Будур, запала в сердце Хаят-ан-Ну-

---

[1] Аль-Амджад — значит славнейший; аль-Асад — счастливейший.

фус, жены его отца. И каждая из женщин стала заигрывать с сыном другой жены и целовать его, и прижимать к груди, и когда мать мальчика видела это, она думала, что это происходит от нежности и любви к детям. И страсть овладела сердцами женщин, и они прельстились мальчиками, и каждая, когда к ней входил сын другой жены, прижимала его к груди, и ей хотелось, чтобы он с ней не расставался.

И когда эта страсть продлилась над ними, и они не находили пути к сближению, обе женщины отказались от питья и пищи и расстались со сладостью сна.

Вот однажды царь отправился на охоту и ловлю и приказал своим детям сесть на его место, чтобы судить, каждому по дню, как обычно...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ВОСЕМНАДЦАТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь выехал на охоту и ловлю и приказал своим детям сесть на его место, чтобы судить, каждому по дню, как обычно. И в первый день сел, чтобы судить, аль-Амджад, сын царицы Будур, и стал приказывать, запрещать и назначать, и отставлять, и давать, и не давать.

И царица Хаят-ан-Нуфус, мать аль-Асада, написала ему письмо, в котором старалась смягчить и показать ему, что она привязана и влюблена в него, и поднимала завесу и осведомляла, что хочет его близости.

И взяв бумагу, она написала такие созвучия: «От несчастной влюбленной, печальной, разлученной, чья юность из-за тебя скрылась и чье мученье продлилось. Если бы я горе свое описала и ту печаль, что я испытала, и некую страсть переживала, и как плачу я и стенаю, себе сердце печальное разрывая, и как заботы мои сменяются и горести не прерываются, и как я от разлуки страдаю, с тоски и горя сгорая — право, было бы долго в письме все это писать, и бессильны счетчики это сосчитать. Земля с небом для меня тесна стала, и на других я надеяться и рассчитывать перестала, и к смерти близка теперь я стала, и ужасы кончины испытала, и велико во мне пыланье и боль от разлуки и расставанья, и если б тоску свою я описала, на это

бумаги бы недостало, и от великих бед и изнуренья я скажу такое стихотворенье:

> Коль стану описывать, какой я терплю огонь,
> Недуг и любовь мою, тревогу, бессонницу,
>
> Не хватит на всей земле ни свитков, ни перьев мне,
> Чернил не останется, бумага исчезнет вся».

Потом царица Хаят-ан-Нуфус, завернула эту бумагу в кусок дорогого шелка, пропитанного мускусом и шафраном, и положила с нею ленты из своих волос, которые ценностью были выше денег, а затем она завернула все это в платок и отдала это евнуху и велела ему доставить платок царю аль-Амджаду...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица отдала платок с письмом евнуху и велела ему доставить его царю аль-Амджаду. И этот евнух вошел, не зная, что скрыто для него в неведомом, а знающий скрытое управляет делами, как хочет.

И евнух, войдя к царю аль-Амджаду, поцеловал перед ним землю и подал ему письмо, передав ему поручение, и царь аль-Амджад взял платок и развернул его, и увидел бумажку, которую раскрыл и прочитал, а поняв ее смысл, он узнал, что у жены его отца перед глазами измена, и она обманула его отца, царя Камар-аз-Замана.

И царевич разгневался великим гневом и стал порицать женщин за их дела, и воскликнул: «Да проклянет Аллах женщин-обманщиц, которым недостает ума и веры!» — а затем он обнажил меч и сказал евнуху: «О злой раб, и ты носишь письма, заключающие измену жены твоего господина! Клянусь Аллахом, нет в тебе добра, о черный по цвету и по странице твоих грехов[1], о гадкий по внешности и по гнусной природе!»

---

[1] Имеется в виду страница «предвечной книги», посвященная записи грехов этого евнуха. По мусульманскому поверию, у Аллаха имеется особая книга для записи поступков людей, где каждому созданию посвящена осо-

И он ударил его мечом по шее и отделил ему голову от тела. И платок с тем, что в нем было, он положил за пазуху. А потом он вошел к своей матери и сообщил ей о том, что произошло. И стал ругать и бранить ее, и сказал: «Все вы одна сквернее другой! Клянусь великим Аллахом, если бы я не боялся нарушить пристойность по отношению к моему отцу, Камар-аз-Заману, и брату, царю аль-Асаду, я бы наверное вошел к ней и отрубил ей голову, как я отрубил голову ее евнуху». И он вышел от своей матери, царицы Будур, в крайнем гневе.

А когда до царицы Хаят-ан-Нуфус дошел слух о том, что сделал царевич с ее евнухом, она стала ругать его и проклинать, и задумала против него козни. А царевич аль-Амджад провел эту ночь больной от гнева, огорченья и раздумья, и не были ему сладки ни еда, ни питье, ни сон.

Когда же настало утро, его брат, царь аль-Асад, вышел и сел на престол своего отца, царя Камар-аз-Замана, чтобы судить людей (а его мать Хаят-ан-Нуфус, сделалась больной, услышав, что царь аль-Амджад убил евнуха). И царь аль-Асад, воссев в этот день для суда, судил и был справедлив, и назначал, и отставлял, и приказывал, и запрещал, и жаловал, и оделял, и просидел он в помещении суда почти до захода солнца.

А царица Будур, мать царя аль-Амджада, послала за одной старухой из злокозненных старух и высказала ей то, что таилось в ее сердце. И она взяла листочек, чтобы написать послание царю аль-Асаду, сыну ее мужа, и посетовать на силу своей любви к нему и страсти, и написала такие созвучия: «От той, кто любовью и страстью убит, тому, чей лучше всех нрав и вид, в красоте своей превозносящемуся, изнеженностью кичащемуся, отвернувшемуся от ищущих сближения, не желающему близости тех, кто покорен в унижении, тому, кто суров и кому наскучил влюбленный, которого он измучил,— царю аль-Асаду, чья превосходная красота и прелесть безукоризненно чиста, чье лицо, как луна, сияет, чей лоб ярко блестит и чей свет сверкает. Вот письмо мое к тому, кто от страсти мое тело размягчил и кожу с костями разлучил. Знай, что терпенье мое ослабело, и не знаю я, что мне делать; страсть и бессонница меня волнуют, и терпенье и покой со мной враждуют. Печаль и бессонница меня не покидают, и страсть и любовь меня терзают, а изнурение и хворь

бая страница. На основании этой записи будет сведен с человеком счет в день страшного суда.

не оставляют. Пусть душа моя тебя избавит, если убить влюбленного тебя позабавит, и пусть Аллах тебя навек сохранит и от всякого зла оградит».

И после этих строк она написала такие стихи:

Рассудило время, чтоб быть в тебя мне влюбленному,
О ты, чья прелесть, как лик луны, воссияла нам!

Красноречье ты и все прелести собрал в себе,
И в тебе одном, средь творений всех, светит блеск красот.

И согласна я, чтобы стал моим ты мучителем,—
Может, взгляд один подарить ты мне не откажешься.

Кто умрет, любовью к тебе, убитый, лишь тот блажен:
Нету блага в том, кто любви и страсти не ведает!

И еще написала такие стихи:

О Асад, тебе, в любви сгорая, я сетую,
О, сжалься над любящей, тоскою сжигаемой.

Доколе рука любви так будет играть со мной?
Доколе бессонница и думы, и страсть, и хворь?

То в море я, то стону от пламени, жгучего
В душе, о мечта моя,— вот диво поистине!

Хулитель, оставь укоры! В бегстве ищи себе
От страсти спасения, из глаз проливай слезу.

Как часто в разлуке я кричал от любви: «О смерть!»
Но вопли и выкрики меня не избавили.

Хвораю в разлуке я — ее мне не вынести —
Ты врач, помоги же мне в болезни чем следует.

Упреки, хулители, оставьте и бойтесь вы,
Что может любви болезнь и вам принести конец.

Потом царица Будур пропитала листок с посланием благоухающим мускусом и завернула его в ленты из своих волос — ленты из иракского шелка с кисточками из зерен зеленого изумруда, вышитые жемчугом и драгоценными камнями. И она вручила бумажку старухе и приказала ей отдать ее царю аль-Асаду, сыну ее мужа, царя Камар-аз-Замана, и старуха отправилась, чтобы ей угодить, и вошла к царю аль-Асаду в тот же час и минуту. А когда старуха вошла, он был в одиночестве и

взял от нее бумажку с тем, что в ней было, а старуха простояла некоторое время, ожидая ответа. И тогда царь аль-Асад прочитал бумажку и понял, что в ней заключается, а после он завернул бумажку в ленты и положил ее за пазуху. И он разгневался сильным гневом, больше которого не бывает, и стал проклинать обманщиц женщин. А потом он поднялся и, вынув меч из ножен, ударил старуху по шее, и отделил ей голову от тела.

И затем он встал и пошел, и, войдя к своей матери, Хаят-ан-Нуфус, увидел, что она лежит на постели, больная после того, что с ней случилось из-за царя аль-Амджада. И царь аль-Асад выбранил ее и проклял, и вышел, и встретился со своим братом царем аль-Амджадом, и рассказал ему обо всем, что у него было с его матерью, царицей Будур. Он сказал, что убил старуху, которая принесла ему послание, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о брат мой, если бы я не стыдился тебя, я бы обязательно сию же минуту вошел к ней и срубил бы ей голову с плеч».

И брат его, царь аль-Амджад, сказал ему: «Клянусь Аллахом, о брат мой, что со мной случилось вчера, когда я сел на престол царства, то же, что случилось с тобой сегодня: твоя мать послала мне письмо, содержавшее такие же речи». И он рассказал ему обо всем, что у него случилось с матерью царя аль-Асада, царицей Хаят-ан-Нуфус, и сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, если бы я не стыдился тебя, я бы обязательно вошел к ней и поступил бы с ней так же, как поступил с евнухом».

И они провели остаток этой ночи, разговаривая и проклиная женщин обманщиц, и посоветовали друг другу скрывать это дело, чтобы о нем не услышал их отец Камар-аз-Заман, и не убил бы обеих женщин. И всю эту ночь до утра они были озабочены.

И когда настало утро, со своим войском прибыл царь с охоты и посидел немного на престоле царства, а потом он отправился в свой дворец и отпустил эмиров идти своей дорогой. И он вошел в свои покои и увидел, что обе его жены лежат на постели, крайне ослабевшие (а они учинили против своих сыновей хитрость и сговорились погубить их души, так как они опозорились и боялись оказаться во власти своей оплошности). И когда царь увидал их в таком положении, он спросил: «Что с вами?» — и женщины поднялись и поцеловали ему руку, и рассказали ему все дело наоборот, сказавши: «Знай, о царь,

что твои сыновья, которые воспитались в твоей милости, обманули тебя с твоими женами и заставили тебя испытать унижение».

И когда Камар-аз-Заман услышал от своих женщин эти слова, свет стал мраком перед лицом его, и он очень разгневался, и от сильного гнева ум его улетел, и он сказал женам: «Разъясните мне, как это было!»

И царица Будур сказала: «Знай, о царь времени, что твой сын аль-Асад, сын Хаят-ан-Нуфус, уже несколько дней посылал ко мне и писал мне, и соблазнял меня на разврат, и я удерживала его от этого, но он не переставал. И когда ты уехал, он налетел на меня, пьяный, с обнаженным мечом в руках, и ударил моего слугу, и убил его, и сел мне на грудь, держа меч в руках, и я побоялась, что он убьет меня, если я стану ему противиться, как убил моего слугу, и он удовлетворил со мною свое желание насильно. И если ты не воздашь ему за меня должное, о царь, я убью себя своей рукой: нет мне нужды жить в этом мире после такого мерзкого дела!»

А Хаят-ан-Нуфус, плача и рыдая, также рассказала царю подобное тому, что рассказала его другая жена, Будур...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ДВУХСОТ ДВАДЦАТИ

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот двадцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица Хаят-ан-Нуфус рассказала своему мужу, царю Камар-аз-Заману, то же самое, что рассказала ему царица Будур, и сказала: «У меня тоже случилось с твоим сыном аль-Амджадом такое же»,— а потом она принялась плакать и рыдать, и воскликнула: «Если ты не воздашь ему за меня должное, я осведомлю об этом моего отца, царя Армануса!»

И обе женщины заплакали перед своим мужем, царем Камар-аз-Заманом, сильным плачем, и когда царь увидел, что его жены обе плачут, и услышал их речи, он уверился, что это правда, и разгневался сильным гневом, больше которого не бывает. И, поднявшись, хотел броситься на своих сыновей, чтобы убить их.

И ему повстречался его тесть, царь Арманус, который в эту

минуту входил, чтобы приветствовать его, узнав, что он вернулся с охоты. И, увидев, что у Камар-аз-Замана в руке обнаженный меч и кровь капает из его ноздрей от сильного гнева, он спросил, что с ним. И Камар-аз-Заман рассказал ему все, что случилось из-за его сыновей аль-Амджада и аль-Асада, и воскликнул: «Вот я иду к ним, чтобы их убить наихудшим образом и изуродовать их самым худшим способом!»

И царь Арманус, его тесть, сказал, тоже разгневавшись на юношей: «Прекрасно будет то, что ты сделаешь, о дитя мое! Да не благословит Аллах их и всех детей, которые совершают такие поступки со своими отцами. Но только, дитя мое, говорит сказавший поговорку: «Кто не думает о последствиях, тому судьба не друг». Они при всех обстоятельствах твои дети, и не должно тебе убивать их своей рукой и выпить горечь убийства, и раскаиваться в их смерти, когда бесполезно будет раскаяние. Пошли одного из невольников: пусть он их убьет в пустыне, когда их не будет у тебя перед глазами. Ведь говорится в поговорке: «Быть вдали от любимого лучше мне и прекраснее — не видит глаз, не печалится сердце».

И, услышав от своего тестя, царя Армануса, такие речи, царь Камар-аз-Заман счел их правильными. Он вложил меч в ножны и, вернувшись, сел на престол царства, и позвал своего казначея (а это был дряхлый старец, сведущий в делах и превратностях судеб), и сказал ему: «Пойди к моим сыновьям, аль-Амджаду и аль-Асаду, скрути их хорошенько, положи их в сундук и взвали на мула, а сам садись верхом, выезжай с ними на середину пустыни и зарежь их, и наполни мне два кувшина их кровью, и скорее принеси мне». И казначей отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

В тот же час и минуту казначей поднялся и отправился к аль-Амджаду и аль-Асаду. И он встретил их по дороге, когда они выходили через дворцовый проход, одетые в лучшие платья и одежду, чтобы отправиться к своему отцу, царю Камар-аз-Заману, и приветствовать его, и поздравить с благополучным возвращением после поездки на охоту. И, увидев юношей, казначей схватил их и воскликнул: «О дети мои, знайте, что я подневольный раб и что ваш отец отдал мне приказание. Послушны ли вы приказанию его?» И они ответили: «Да!» — и тогда казначей подошел к ним и скрутил их, и положил в сундуки, и, взвалив их на спину мула, выехал с ними из города.

И он до тех пор ехал с ними в пустыне, пока не приблизил-

ся полдень, и тогда он остановился в глухом пустынном месте. Сойдя с коня, он снял сундуки со спины мула и открыл их, и вынул оттуда аль-Амджада и аль-Асада. И, увидев их, казначей горько заплакал из-за их красоты и прелести, а потом он обнажил меч и сказал им: «Клянусь Аллахом, о господа мои, тяжело мне совершить с вами скверный поступок, но эти дела мне простительны, так как я подневольный раб, и ваш отец, царь Камар-аз-Заман, велел мне отрубить вам головы». И юноши сказали ему: «О эмир, делай так, как приказал тебе царь: мы вытерпим то, что судил нам Аллах, великий, славный, и ты не ответствен за нашу кровь».

Затем братья обнялись и простились друг с другом, и аль-Асад сказал казначею: «Ради Аллаха, о дядюшка, не заставляй меня проглотить горесть по моем брате и испить печаль о нем, но убей меня раньше него; и будет мне легче». И аль-Амджад сказал казначею то же, что сказал его брат, и стал его упрашивать, чтобы он убил его раньше брата: «Он моложе меня, не заставляй же меня вкусить печаль о нем».

И потом они оба заплакали сильным плачем, сильнее которого не бывает. И казначей тоже заплакал, глядя на их слезы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что казначей заплакал из-за их плача, а потом братья обнялись и простились друг с другом, и один из них сказал другому: «Все это козни обманщиц — твоей матери и моей матери,— и вот воздаяние за то, что я поступил с твоей матерью и как ты поступил с моей матерью. Но нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!»

Аль-Асад обнял своего брата и произнес, испуская вздохи, такие стихи:

О ты, к кому я, в страхе сетуя, стремлюсь,
Лишь ты для всех случайностей прибежище.

Одна мне хитрость — постучаться в дверь к тебе,
А отвергнут буду — в какую дверь стучаться мне?

О ты, чьих благ сокровища в словечке «будь»,
Пошли — ведь благо у тебя все собрано.

И когда аль-Амджад услышал плач своего брата, он заплакал и прижал его к груди, и произнес такие двустишия:

О ты, чья рука со мной всегда не одна была,
О ты, чьих подарков ряд превыше счисления,

Всегда, коль постигнут был я рока превратностью,
Я видел, что за руку ты тотчас меня берешь.

А после этого аль-Амджад сказал казначею: «Прошу тебя ради единого покоряющего, царя покрывающего, убей меня раньше моего брата аль-Асада: может быть, мой огонь погаснет, не дай же ему разгореться». Но аль-Асад заплакал и воскликнул: «Раньше убит буду только я!» — и аль-Амджад сказал: «Лучше всего будет, если ты обнимешь меня, а я обниму тебя, чтобы меч, опустившись на нас, убил нас разом».

А когда они обнялись, повернувшись лицом к лицу, и прижались друг к другу, казначей связал их и привязал веревками, плача, а затем он обнажил меч и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о господа мои, мне тяжело убивать вас! Нет ли у вас пожелания, которое бы я исполнил, или завещания, которое я бы выполнил, или же послания, которое я бы доставил?» — «Нет у нас ничего,— сказал аль-Амджад,— а что касается завещания,— я завещаю тебе положить моего брата аль-Асада снизу, а меня сверху, чтобы удар пал на меня сначала. А когда ты кончишь нас и прибудешь к царю и он тебя спросит: «Что ты слышал от них перед смертью?» — скажи ему: «Твои сыновья передают тебе привет и говорят, что ты не знаешь, невинны они или грешны. Ты убил их, не удостоверившись в их проступке и не рассмотрев их дела». А потом скажи ему такие два стиха:

Знай, женщины — дьяволы, для нас сотворенные,—
Аллах, защити меня от козней шайтанов! —

Причина всех бед они, возникших среди людей,
И в жизни людей земной и в области веры.

Мы хотим от тебя лишь того, чтобы ты передал отцу эти два стиха, которые ты услышал,— сказал аль-Амджад...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Амджад сказал казначею: «Мы хотим от тебя лишь того, чтобы ты передал отцу эти два стиха, которые ты слышал, и прошу тебя, ради Аллаха, потерпи с нами, пока я скажу брату еще вот эти два стиха».

И потом он горько заплакал и стал говорить:

Цари, ушедшие от нас
В минувшем, служат назиданьем, —

Ведь сколько этою стезей
Больших и малых проходило!

Услышав от аль-Амджада эти слова, казначей так сильно заплакал, что увлажнил себе бороду, а что до аль-Асада, то его глаза залились слезами, и он произнес такие стихи:

Судьба после самых дел следами их нас сразит —
Чего же оплакивать тела нам и образы?

Чем ночь отличается — оплошность, Аллах, прости!
От ночи, обманутой рукою превратностей?

Зажгла против Ибн Зубейра козни свои судьба,
Хоть в храме у камня он защиты искал себе.

О, если бы, Амра жизнь избавив за Хариджу,
Алия избавила судьба за чью хочет жизнь! [1]

А затем он окрасил щеку ливнем слез и произнес такие стихи:

Поистине, ночь и день природой так созданы,
Обманы присущи им, и козни, и хитрости.

[1] Это стихотворение изобилует намеками на события первых времен ислама.

Ибн Зубейр (Абд-Аллах ибн аз-Зубейр) — внук халифа Абу-Бекра, оспаривал власть у первых халифов династии Омейядов. После смерти в 680 году халифа Муавии I Ибн Зубейр объявил себя халифом, но вынужден был бежать от сына Муавии, Язида, в Мекку, отсюда получил прозвище «ищущий защиты у камня («священного камня», находящегося в Мекке)»

Хариджа — египетский судья, убит по ошибке в 661 году фанатиком, принявшим его за завоевателя Египта Амра ибн аль-Аса.

Халиф Алий (Али) и его будущий преемник, Муавия, также подверглись нападению; Али был тяжело ранен и умер, Муавия остался жив.

Обманное марево — для них только блеск зубов,
И мрак устрашающий для них лишь сурьма для глаз.

Проступок пред ночью мой (противен мне нрав ее!) —
Проступок меча, когда храбрец отступает вдруг.

А потом он стал испускать вздохи и произнес стихи:

О стремящийся к жизни низменной, поистине,
Она смерти сеть и вместилище смущений.

Вот дом — когда смешит тебя сегодня он,
Ты плачешь завтра,— гибель тому дому!

Набегам рока нет конца, плененных им
Не выкупить отвагой благородной.

Сколь многие, обманчивость презрев судьбы,
Враждебны стали ей, превысив силы,

Но, щит к ним тылом повернув, она
В отместку нож их кровью напоила.

И знай, судьбы удары нас разят,
Хоть долог срок и лёт судьбы не спешен.

Смотри ж, чтоб жизнь твоя напрасно не прошла
Неосторожно, по пренебреженью.

Порви ж любви и желаний узы — найдешь тогда
Ты верный путь и блаженство тайн высоких.

И когда аль-Асад окончил эти стихи, он обнял своего брата аль-Амджада так, что они сделались как бы одним существом, а казначей обнажил меч и хотел ударить, но вдруг его конь умчался в пустыню (а он стоил тысячу динаров, и на нем было великолепное седло, стоящее больших денег). И казначей выронил из рук меч и побежал за своим конем...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала двести двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что казначей побежал вслед за конем (а душа его пылала) и до тех пор бежал за ним,

чтобы схватить его, пока конь не вошел в заросль, и казначей вошел в эту заросль вслед за ним. И конь прошел на середину заросли и ударил ногою об землю, и поднялась пыль, и взвилась, и взлетела вверх, а конь стал храпеть, сопеть и ржать, и распаляться.

А в этой заросли был лев, очень страшный, безобразный видом, и у него глаза метали искры, а морда была мрачная, и вид его ужасал души. И казначей обернулся и увидел, что этот лев направляется к нему. И не знал казначей, куда бежать из его лап, и не было у него меча. И казначей воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Эта беда случилась со мной лишь из-за аль-Амджада и аль-Асада, и эта поездка была злосчастной с самого начала!»

А аль-Амджада и аль-Асада палил зной, и они чувствовали сильную жажду, так что даже высунули языки. И они стали звать на помощь, но никто не помог им. И тогда они воскликнули: «О, если бы нас убили, мы избавились бы от этого! Но мы не знаем, куда умчался конь, и казначей побежал за ним и оставил нас связанными. Если бы он пришел и убил нас, это было легче, чем выносить такую муку!»

«О брат мой,— сказал аль-Асад,— потерпи; скоро придет к нам облегченье от Аллаха, великого, славного, ведь конь умчался не иначе как по милости Аллаха, а мучит нас только жажда».

И он встряхнулся и задвигался направо и налево, и его узы развязались, и тогда он поднялся и развязал узы своего брата, а затем взял меч эмира и сказал своему брату: «Клянусь Аллахом, мы не уйдем отсюда, пока не выясним и не узнаем, что с ним случилось!»

И они пошли по следам везиря, а следы привели их к заросли, и братья сказали один другому: «Поистине, конь и казначей не прошли дальше этой заросли».— «Постой здесь,— сказал аль-Асад своему брату,— а я пойду в заросль и посмотрю эмира. Но аль-Амджад воскликнул: «Я не дам тебе войти в нее одному, и мы войдем только оба! Если мы спасемся, то спасемся вместе, а если погибнем, то погибнем вместе».

И оба вошли и увидели, что лев уже бросился на казначея, и тот под ним словно воробей, но только он молил Аллаха и показывал рукою на небо. И когда аль-Амджад увидел это, он схватил меч и, бросившись на льва, ударил его мечом между глаз, и лев упал и растянулся на земле.

Эмир поднялся, дивясь этому делу, и увидел аль-Амджада и аль-Асада, сыновей своего господина, которые стояли перед ним. И он кинулся им в ноги и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о господа мои, не годится, чтобы я допустил с вами крайность, убивши вас! Да не будет того, кто вас убьет! Я выкуплю вас своей душой...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести двадцать четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что казначей сказал аль-Амджаду и аль-Асаду: «Я выкуплю вас своей душой!» — а затем он поднялся в тот же час и минуту и обнял их, и спросил, каким образом они развязали на себе узы и явились. И братья рассказали ему, что они почувствовали жажду, и узы развязались на одном из них, и тот развязал другого благодаря чистоте их намерений, а потом они пошли по следу и пришли к нему.

И казначей, услышав эти слова, поблагодарил братьев за их поступок и вышел с ними из заросли и, оказавшись вне заросли, они сказали ему: «О дядюшка, сделай так, как тебе велел наш отец», но казначей воскликнул: «Не допусти Аллах, чтобы я приблизился к вам со злом! Знайте, что я хочу снять с вас одежду и одеть вас в свою одежду, а потом я наполню две бутылки кровью льва и пойду к царю, и скажу ему: «Я убил их». А вы идите странствовать по городам: земли Аллаха просторны, и знайте, о господа мои, что разлука с вами мне тяжела».

И потом все заплакали, — и казначей, и оба юноши, — и они сняли с себя одежды, и казначей одел их в свое платье. И он отправился к царю, захватив с собою их платье, и завязал платье каждого в узел, и наполнил бутылки львиной кровью, и узлы он положил перед собою, на спину коня.

И казначей, простившись с братьями, поехал, направляясь в город, и ехал до тех пор, пока не вошел к царю. Он поцеловал перед ним землю, и царь увидел, что лицо у него изменилось (а было это из-за того, что случилось у него со львом), и подумал, что это потому, что он убил его сыновей. И царь обрадовался и спросил его: «Сделал ли ты то дело?» И казначей

ответил: «Да, о владыка наш!» — и протянул ему узлы, в которых была одежда, и бутылки, наполненные кровью.

«Как они себя показали и поручили ли они тебе что-нибудь?» — спросил царь. И казначей ответил: «Я нашел их терпеливыми, отдавшимися тому, что их постигло, и они сказали мне: «Нашему отцу простительно. Передай ему от нас привет и скажи ему: «Ты не ответственен за то, что убил нас и за нашу кровь. И мы поручаем тебе передать ему такие два стиха». Вот они:

Знай, женщины — дьяволы, для нас сотворенные,—
Спаси же, Аллах, меня от козней шайтанов!

Причина всех бед они, возникших среди людей,
И в жизни людей земной и в области веры.

И, услыхав от казначея эти слова, царь надолго опустил голову к земле, и понял он, что эти слова его детей указывают, что они были убиты несправедливо. И он подумал о кознях женщин и их хитростях и, взяв узлы, развязал их, и принялся рассматривать одежду своих сыновей и плакать...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Камар-аз-Заман развязал узлы и стал рассматривать одежду своих сыновей и плакать. И он развернул одежду своего сына аль-Асада и нашел у него в кармане бумажку, написанную почерком своей жены Будур, и в ней были ленты из ее волос. И царь развернул бумажку и прочитал ее, и, поняв ее смысл, узнал, что с сыном аль-Асадом поступлено несправедливо. Потом он обыскал сверток одежды аль-Амджада и нашел у него в кармане бумажку, написанную рукою своей жены Хаят-ан-Нуфус, и в бумажке были ленты из ее волос. И он развернул бумажку и, прочитав ее, понял, что с его сыном поступили несправедливо.

Тогда он ударил рукою об руку и воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Я убил своих обоих детей безвинно». И он принялся бить себя по щекам, восклицая: «Увы, мои дети! Увы, долгая печаль моя!» — и ве-

лел построить две гробницы в одной комнате и назвал ее Домом печалей. И он написал на гробницах имена своих детей и, бросившись на могилу аль-Амджада, заплакал, и застонал, и зажаловался, и произнес такие стихи:

О месяц мой! Под прахом сокрылся он,
О нем рыдают звезды блестящие.

О ветвь моя! Не может, как нет ее,
Изгиб коснуться взора смотрящего.

Очам не дам ревниво я зреть тебя,
Пока миров не стану других жильцом.

И утонул в слезах я бессонницы,
И потому в аду себя чувствую.

Потом он бросился на могилу аль-Асада и стал плакать, и стонать, и жаловаться, и пролил слезы, и произнес такие стихи:

Хотел бы я разделить с тобою смерть твою,
Но Аллах хотел не того, чего хотел я.

Зачернил я все меж просторным миром и взглядом глаз,
А все черное, что в глазах моих, то стерлось.

До конца излить не могу я слезы, коль плачу я,—
Ведь душа моя пошлет им подкрепленье.

О, смилуйся и дай увидеть ты там себя,
Где сходны все — и господа и слуги.

И после этого царь принялся еще сильнее стонать и плакать, а окончив плакать и говорить стихи, он оставил любимых и друзей и уединился в доме, который назвал Домом печалей, и стал там оплакивать своих детей, расставшись с женами, друзьями и приятелями.

Вот что было с ним.

Что же касается аль-Амджада и аль-Асада, то они, не переставая, шли в пустыне и питались злаками земли, и пили остатки дождей в течение целого месяца, пока их путь не привел их к горе из черного кремня, неведомо где кончавшейся. А дорога у этой горы разветвлялась: одна дорога рассекала гору посредине, а другая шла на вершину ее. И братья пошли по дороге, которая вела наверх, и шли по ней пять дней, но не ви-

дели ей конца, их охватила слабость от утомления, так как они не были приучены ходить по горам или в другом месте.

И когда они потеряли надежду достичь конца этой горы, братья вернулись и пошли по дороге, которая проходила посреди горы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня о счастливый царь, что когда аль-Амджад и аль-Асад, дети Камар-аз-Замана, вернулись с дороги, шедшей по горе вверх, на ту дорогу, что проходила посреди горы, они шли по ней весь этот день до ночи. И аль-Асад устал от долгой ходьбы и сказал своему брату: «О брат мой, я не могу больше идти, так как очень слаб»,— и аль-Амджад ответил: «О брат мой, укрепи свою душу: быть может, Аллах нам облегчит».

И они прошли некоторое время ночью, и мрак сгустился над ними, и аль-Асад почувствовал сильную усталость, сильнее которой не бывает, и сказал: «О брат мой я устал и утомился от ходьбы»,— и он бросился на землю и заплакал. И брат его аль-Амджад понес его и то шел, неся своего брата, то садился отдыхать, пока не наступило утро.

И тогда он поднялся с ним на гору, и они увидели там ручей текущей воды, а подле него гранатовое дерево и михраб, и не верилось им, что они это видят.

А потом они сели у этого ручья, напились из него воды и поели гранатов с того дерева и спали в этом месте, пока не взошло солнце.

Тогда они сели и умылись в ручье и поели тех гранатов, что росли на дереве, и проспали до вечера, и хотели идти, но аль-Асад не мог идти, и у него распухли ноги. И братья пробыли в этом месте три дня, пока не отдохнули, а затем они шли по горе в течение дней и ночей, идя по вершине горы, и погибали, томясь жаждой.

Но, наконец, показался вдали город, и они обрадовались и продолжали идти, пока не достигли города, а приблизившись к нему, они возблагодарили Аллаха великого, и аль-Амджад сказал аль-Асаду: «О брат мой, сядь здесь, а я пойду и отправ-

люсь в город и посмотрю, что это за город и кому он принадлежит, и где мы находимся на обширной земле Аллаха. Мы узнаем, через какие мы прошли страны, пересекая эту гору: ведь если бы мы шли вокруг ее подножия, мы бы не достигли этого города в целый год. Хвала же Аллаху за благополучие».— «О брат мой,— сказал аль-Асад,— никто не спустится и не войдет в этот город, кроме меня. Я выкуп за тебя, и, если ты меня оставишь и сейчас спустишься, и скроешься от меня, я буду делать тысячу предположений, и меня затопят мысли о тебе. Я не могу вынести, чтобы ты от меня удалился». И аль-Амджад сказал ему: «Иди и не задерживайся!»

И аль-Асад спустился с горы, взяв с собой денег, и оставил брата ожидать его. И он пошел и шел под горой, не переставая, пока не вошел в город и не прошел по его переулкам. И по дороге его встретил один человек — глубокий старец, далеко зашедший в годах, и борода спускалась ему на грудь и была разделена на две части, а в руках у старика был посох, и одет был старик в роскошную одежду, а на голове у него был большой красный тюрбан. И, увидев этого старика, аль-Асад подивился его одеянию и облику и, подойдя к нему, приветствовал его, и спросил: «Где дорога на рынок, о господин мой?» — и когда старик услыхал его слова, он улыбнулся ему в лицо и сказал: «О дитя мое, ты как будто чужеземец?» — «Да, я чужеземец»,— ответил ему аль-Асад...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старик, встретивший аль-Асада, улыбнулся ему в лицо и сказал: «О дитя мое, ты как будто чужеземец?» — и аль-Асад отвечал ему: «Да, я чужеземец».— «О дитя мое,— сказал старик,— ты возвеселил наши земли и заставил тосковать земли твоих родных. Чего же ты хочешь на рынке?» — «О дядюшка,— ответил аль-Асад,— у меня есть брат, которого я оставил на горе. Мы идем из далеких стран, и путешествию нашему уже три месяца, и когда мы подошли к этому городу, я оставил моего старшего

брата на горе и пришел сюда купить еды и еще кой-чего, и вернуться к брату, чтобы мы могли этим питаться».

И старик сказал ему: «О дитя мое, радуйся полному благополучию и узнай, что я устроил пир, и у меня много гостей, и я собрал для пира самые лучшие и прекрасные кушанья, которых желают души. Не хочешь ли ты отправиться со мною в мое жилище? Я дам тебе то, что ты хочешь, и не возьму от тебя ничего и никакой платы, и расскажу тебе о положении в этом городе. Хвала Аллаху, о дитя мое, что я нашел тебя и никто тебя не нашел, кроме меня».— «Совершай то, чего ты достоин, и поспеши, так как мой брат меня ожидает и его ум целиком со мной»,— ответил аль-Асад.

И старик взял его за руку и повернул с ним в узкий переулок. И он стал улыбаться в лицо аль-Асаду и говорил ему: «Слава Аллаху, который спас тебя от жителей этого города!» — и до тех пор шел с ним, пока не вошел в просторный дом, где был зал.

И вдруг посреди него оказалось сорок стариков, далеко зашедших в годах, которые сидели все вместе, усевшись кружком, и посреди горел огонь, и старики сидели вокруг огня и поклонялись ему, прославляя его.

И когда аль-Асад увидел это, он оторопел и волосы на его теле поднялись, и не знал он, каково их дело, а старик закричал этим людям: «О старцы огня, сколь благословен этот день!» Потом он крикнул: «Эй, Гадбан!» — и к нему вышел черный раб высокого роста, ужасный видом, с хмурым лицом и плоским носом. И старик сделал рабу знак, и тот повернул аль-Асада к себе спиною и крепко связал его, а после этого старик сказал рабу: «Спустись с ним в ту комнату, которая под землей, и оставь его там, и скажи такой-то невольнице, чтобы она его мучила и ночью и днем».

И раб взял аль-Асада и, отведя его в ту комнату, отдал его невольнице, и та стала его мучить и давала ему есть одну лепешку рано утром и одну лепешку вечером, а пить — кувшин соленой воды в обед и такой же вечером. А старики сказали друг другу: «Когда придет время праздника огня, мы зарежем его на горе и принесем его в жертву огню».

Однажды, невольница спустилась к нему и стала его больно бить, пока кровь не потекла из его боков, и он не потерял сознанье, а потом она поставила у него в головах лепешку и кувшин соленой воды и ушла, и оставила его. И аль-Асад оч-

нулся в полночь и нашел себя связанным и побитым, и побои причиняли ему боль. И он горько заплакал и вспомнил свое прежнее величие, и счастье, и власть, и господство, и разлуку с отцом и со своей былой властью...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Асад увидел себя связанным и побитым, и побои причиняли ему боль. И он вспомнил свое прежнее величие, и счастье, и славу, и господство и заплакал и произнес, испуская вздохи, такие стихи:

Постой у следов жилья и там расспроси о нас —
Не думай, что мы в жилье, как прежде, находимся.

Теперь разлучитель-рок заставил расстаться нас,
И души завистников о нас не злорадствуют.

Теперь меня мучает бичами презренная,
Что сердце свое ко мне враждою наполнила.

Но может быть, нас Аллах с тобою сведет опять
И карой примерною врагов оттолкнет от нас.

И окончив свои стихи, аль-Асад протянул руку и нашел у себя в головах лепешку и кувшин соленой воды. Он поел немного, чтобы заполнить пустоту и удержать в себе дух, и выпил немного воды и до самого утра бодрствовал из-за множества клопов и вшей.

А когда наступило утро, невольница спустилась к нему и переменила на нем одежду, которая была залита кровью и прилипла к его коже, так что кожа его слезла вместе с рубахой. И аль-Асад закричал и заохал, и воскликнул: «О владыка, если это угодно тебе, то прибавь мне еще! О господи, ты не пренебрежешь тем, кто жесток со мной,— возьми же с него за меня должное». И затем он испустил вздох и произнес такие стихи:

К твоему суду терпелив я буду, о бог и рок,
Буду стоек я, коль угодно это, господь, тебе,

Я вытерплю, владыка мой, что суждено,
Я вытерплю, хоть ввергнут буду в огонь гада́,

И враждебны были жестокие и злы ко мне,
Но, быть может, я получу взамен блага многие.

Не можешь ты, о владыка мой, пренебречь дурным,
У тебя ищу я прибежища, о господь судьбы!

И слова другого:

К делам ты всем повернись спиной,
И дела свои ты вручи судьбе.

Как много дел, гневящих нас,
Приятны нам впоследствии.

Часто тесное расширяется.
А просторный мир утесняется.

Что хочет, то и творит Аллах,
Не будь же ты ослушником.

Будь благу рад ты скорому —
Забудешь все минувшее.

А когда он окончил свои стихи, невольница стала бить его, пока он не потерял сознания, и бросила ему лепешку, и оставила кувшин соленой воды, и ушла от него. И остался он одиноким, покинутым и печальным, и кровь текла из его боков, и он был закован в железо и далек от любимых.

И, заплакав, он вспомнил своего брата и прежнее величие...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Асад вспомнил своего брата и прежнее свое величие и принялся стонать и жаловаться, и охать и плакать, и, проливая слезы, произнес такие стихи:

Дай срок, судьба! Надолго ль зла и враждебна ты
И доколе близких приводишь ты и уводишь вновь?

Не пришла ль пора тебе сжалиться над разлученным
И смягчиться, рок, хоть душа, как камень, крепка твоя?

Огорчила ты мной любимого, тем обрадовав
Всех врагов моих, когда беды мне причинила ты.

И душа врагов исцелилася, как увидели,
Что в чужой стране я охвачен страстью, один совсем.

И мало им постигших меня горестей,
Отдаления от возлюбленных и очей больных,

Сверх того постигла тюрьма меня, где так тесно мне,
Где нет друга мне, кроме тех, кто в руки впивается,

И слез моих, что текут, как дождь из облака,
И любовной жажды, огнем горящей, негаснущим.

И тоски, и страсти, и мыслей вечных о прошлых днях,
И стенания, и печальных вздохов и горестных.

Я борюсь с тоской и печалями изводящими
И терзаюсь страстью, сажающей, поднимающей.

Не встретил я милосердого и мягкого,
Кто бы сжалился и привел ко мне непослушного.

Найдется ли друг мне верный, меня любящий,
Чтоб недугами и бессонницей был бы тронут он?

Я бы сетовал на страдания и печаль ему,
А глаза мои вечно бодрствуют и не знают сна.

И продлилась ночь с ее пытками, и, поистине,
На огне заботы я жарюсь ведь пламенеющей.

Клопы и блохи кровь мою всю выпили,
Как пьют вино из рук гибкого, чьи ярки уста.

А плоть моя, что покрыта вшами, напомнит вам
Деньги сироты в руках судей неправедных.

И в могиле я, шириной в три локтя, живу теперь,
То мне кровь пускают, то цепью тяжкой закован я.

И вино мне — слезы, а цепь моя мне музыка,
На закуску — мысли, а ложе мне — огорчения.

А окончив своё стихотворение, нанизанное и рассыпанное, он стал стонать и сетовать, и вспомнил, каково было то, что было с ним.

Что же касается его брата аль-Амджада, то он прождал своего брата аль-Асада до полудня, но тот не вернулся к нему, и тогда сердце аль-Амджада затрепетало, и усилилась у него боль от разлуки, и он пролил обильные слезы...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ДВУХСОТ ТРИДЦАТИ

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Амджад прождал своего брата аль-Асада до полудня, но тот не вернулся к нему, и сердце аль-Амджада затрепетало, и усилилась боль от разлуки, и он пролил обильные слезы и стал плакать и кричать: «Увы, мой братец, увы, мой товарищ! О горе мне! Как я страшился разлуки!»

Потом он спустился с горы (а слезы текли у него по щекам) и вошел в город, и шел по городу, пока не достиг рынка. И он спросил людей, как называется этот город и кто его обитатели, и ему сказали: «Этот город называется Город магов, и жители его поклоняются огню вместо всесильного владыки». А потом аль-Амджад спросил про Эбеновый город и ему сказали: «От него до нас расстояние по суше — год, а по морю — шесть месяцев, и царя его зовут Армаиус, и теперь он сделался тестем одного султана и поставил его на свое место, а того царя зовут Камар-аз-Заман, и он справедлив, милостив и щедр, и честен».

Когда аль-Амджад услышал упоминание о своем отце, он стал плакать, стонать и жаловаться и не знал, куда ему направиться. Он купил себе кое-чего поесть и зашел в одно место, чтобы там укрыться, а затем сел и хотел поесть, но, вспомнив своего брата, заплакал и поел через силу, лишь столько, чтобы удержать в теле дух.

Затем он пошел бродить по городу, чтобы узнать, что случилось с его братом, и увидел одного человека, мусульманина, портного в лавке. И он сел возле портного и рассказал ему свою историю, и портной сказал: «Если он попал в руки кому-нибудь из магов, ты его вряд ли увидишь. Может быть, Аллах сведет тебя с ним. Не хочешь ли, о брат мой, поселиться у меня?» — спросил он его потом. И аль-Амджад сказал: «Хорошо!» — и

портной обрадовался этому. И аль-Амджад провел у портного несколько дней, и тот развлекал его и призывал к стойкости, и учил его шить, пока юноша не сделался искусным.

Однажды аль-Амджад вышел на берег моря и вымыл свою одежду и, сходив в баню, надел чистое платье, а потом он вышел из бани и пошел гулять по городу. И он встретил по дороге женщину, красивую и прелестную, стройную и соразмерную, на редкость прекрасную, которой нет подобия по красоте. И, увидав аль-Амджада, женщина подняла с лица покрывало и сделала ему знак бровями и глазами, бросая на него влюбленные взоры, и произнесла такие стихи:

Потупил я взор, увидев, что ты подходишь,
Как будто бы ты глаз солнца с небес, о стройный!

Поистине, ты прекраснее всех представших,
Вчера был хорош, сегодня еще ты лучше.

И если б красу на пять разделить, то взял бы
Иосиф себе лишь часть, да и ту не полной.

И когда аль-Амджад услышал речи женщины, его сердце возвеселилось из-за нее, и члены его устремились к ней, и руки страстей стали играть с ним, и он произнес, указывая на нее, такие стихи:

Перед розой щек, в защиту ей, терновый шип,
Так кто ж душе внушит своей сорвать его?

Не протягивай к ней руки своей,— надолго ведь
Разгорятся войны за то, что оком взглянули мы.

Скажи же той, кто, обидя нас, соблазняла нас:
«Будь ты праведной, ты б сильней еще соблазнила нас».

Закрывая лик, ты сбиваешь нас лишь сильней с пути,
И считаю я, что с красой такой лучше лик открыть.

Ее лик, как солнце, не даст тебе на себя взирать;
Лишь одетое тонким облаком, оно явится.

Исхудавшие охраняются худобой своей,
Так спросите же охранявших стан, чего ищем мы.

Коль хотят они истребить меня, перестанут пусть
Быть врагами нам и оставят нас с этой женщиной.

Не сразить им нас, если выступят против нас они,
Как разят глаза девы с родинкой, коль пойдут на нас.

Услышав от аль-Амджада это стихотворение, женщина испустила глубокие вздохи и произнесла, указывая на него, такие стихи:

Стезею расставанья ты пошел, а не я пошла:
Любовь подари ты мне — пришла пора верности.

О ты, что жемчужиной чела как заря блестишь
И ночь посылаешь нам с кудрей на висках твоих!

Ты образу идола заставил молиться нас,
Смутив им: уже давно ты смуту зажег во мне.

Не диво, что жар любви сжег сердце мое теперь —
Огня лишь достоин тот, кто идолам молится,

Без денег подобных мне и даром ты продаешь,
Уж если продашь меня, так цену мою возьми.

И когда аль-Амджад услышал от нее такие слова, он спросил ее: «Ты ли придешь ко мне, или я приду к тебе?» — и женщина склонила от стыда голову к земле и прочитала слова его: «Велик он! Мужчины да содержат женщин [1] на то, в чем Аллах дал им преимущество друг перед другом». И аль-Амджад понял ее намек...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Амджад понял намек женщины и узнал, что она хочет пойти с ним туда, куда он пойдет, и решил подыскать для женщины место, но ему было стыдно идти с ней к портному, своему хозяину.

И он пошел впереди, а она — сзади, и он ходил с нею из переулка в переулок и из одного места в другое, пока женщина не устала и не спросила: «О господин, где твой дом?» — «Впереди,— отвечал аль-Амджад,— до него осталось немного». Он свернул с нею в красивый переулок и прошел (а женщина позади него) до конца переулка, и оказалось, что он не сквоз-

[1] Цитата из корана (глава IV, стих 38).

иой. «Нет мощн н снлы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» — воскликнул аль-Амджад, а затем он повел глазами вокруг себя и увидел в конце переулка большие ворота с двумя скамьями, но только ворота были заперты.

И аль-Амджад сел на одну из скамей, н женщина села на другую н спросила: «О господин мой, чего ты дожидаешься?» — н аль-Амджад надолго склонил голову к земле, а затем поднял голову и сказал: «Я жду моего невольника: ключ у него, н я сказал ему: «Приготовь нам еду н питье, и цветов к вину, когда я выйду из бани». И он подумал про себя: «Может быть, ей не захочется долго ждать, и она уйдет своей дорогой н оставит меня в этом месте, н я тоже уйду своей дорогой».

А когда время показалось женщине долгим, она сказала: «О господин, твой невольник заставил нас ждать, сидя в переулке»,— и подошла к дверному засову с камнем. «Не торопись, подожди, пока придет невольник!» — сказал ей аль-Амджад, но она не стала слушать его слов и, ударив камнем по засову, разбила его пополам — и ворота распахнулись. «И как это пришло тебе в голову это сделать?» — спросил ее аль-Амджад, а она воскликнула: «Ой, ой, господин мой, а что же случилось? Не твой ли это дом, н не твое ли жилище?» — «Да,— отвечал аль-Амджад,— но не нужно было ломать засов».

И потом женщина вошла в дом, а аль-Амджад остался, растерянный, так как он боялся хозяев дома, и не знал, что делать. «Почему ты не входишь, о свет моего глаза и последний вздох моего сердца?» — спросила его женщина, и аль-Амджад ответил: «Слушаю и повинуюсь, но только невольник задержался, н я не знаю, сделал ли он что-нибудь из того, что я ему приказал, или нет».

И он вошел с женщиной в дом, в величайшем страхе перед хозяевами жилища. А войдя в дом, он увидел прекрасную комнату с четырьмя портиками, расположенными друг против друга. И в комнате были чуланчики н скамейки, устланные коврами из шелка и парчи, а посреди нее был драгоценный водоем, по краям которого были расставлены подносы, украшенные камнями н драгоценностями н наполненные плодами н цветами, а рядом с подносами были сосуды для питья, н, кроме того, там был подсвечник со вставленной в него свечой. И все помещение было полно дорогими материями и там были сундуки н кресла, и на каждом кресле был узел, а на узле мешок полный дирхе-

мов, золота и динаров, и дом свидетельствовал о благосостоянии его владельца, так как пол в нем был выстлан мрамором.

И когда аль-Амджад увидел это, он пришел в замешательство и воскликнул про себя: «Пропала моя душа! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» А что до женщины, то, увидев это помещение, она обрадовалась сильной радостью, больше которой не бывает, и сказала: «Клянусь Аллахом, о господин мой, твой невольник ничего не упустил: он вымел комнату, сварил кушанье и приготовил плоды, и я пришла в самое лучшее время». Но аль-Амджад не обратил на нее внимания, так как его сердце было отвлечено страхом перед хозяевами дома. И женщина сказала ему: «Ой, господин мой, сердце мое, чего ты так стонешь?» — а затем она испустила крик и дала аль-Амджаду поцелуй, щелкнувший, как разбиваемый орех, и сказала: «О господин мой, если ты условился с другой, то я выпрямлю спину и буду ей служить».

И аль-Амджад засмеялся, хотя сердце его было полно гнева, а затем он вошел и сел, отдуваясь и думая про себя: «О злое убийство, что ждет меня, когда придет хозяин дома!» И женщина села с ним рядом и стала играть и смеяться, и аль-Амджад был озабочен и нахмурен, и строил насчет себя тысячу расчетов, думая: «Хозяин дома обязательно придет, и что я ему скажу? Он обязательно убьет меня, без сомнения, и моя душа пропадет».

А женщина поднялась и, засучив рукава, взяла столик и накрыла его скатертью, и уставила кушаньями, и стала есть, и сказала аль-Амджаду: «Ешь, о господин мой!» И аль-Амджад подошел, чтобы поесть, но еда не была ему приятна, и он поглядывал в сторону двери, пока женщина не поела досыта. И она убрала столик и, подав блюдо с плодами, принялась закусывать, а затем подала напиток и, открыв кувшин, наполнила кубок, и протянула его аль-Амджаду. И аль-Амджад взял кубок, говоря про себя: «Увы, увы мне, когда хозяин этого дома придет и увидит меня!»

И глаза его были устремлены в сторону входа, и кубок был у него в руке, и когда он так сидел, вдруг пришел хозяин дома. А это был мамлюк [1], один из вельмож в городе,— он был коню-

[1] Мамлюк — буквально «находящийся во владении». Так арабы называли белокожих невольников, которых во множестве покупали в мусульманском Египте султаны и их приближенные. Иноземцы-мамлюки, которых

шим у царя,— и эта комната была приготовлена им для удовольствия, чтобы его грудь там расправлялась, и он мог бы уединяться в ней с кем хотел. А в этот день он послал к одному из своих возлюбленных, чтобы тот пришел к нему, и приготовил для него это помещение. И звали этого мамлюка Бахадур, и был он щедр на руку, раздавал милостыню и оказывал благодеяния. И когда он подошел близко...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Бахадур, хозяин дома, конюший, подошел к воротам дома и увидел, что ворота открыты, он стал входить понемногу-понемногу и, вытянув голову, посмотрел, и увидел аль-Амджада и женщину, и перед ними блюдо с плодами и кувшины, и аль-Амджад в ту минуту держал кубок, а глаза его были направлены к двери. И когда глаза аль-Амджада встретились с глазами хозяина дома, его лицо пожелтело, и у него задрожали поджилки, а Бахадур, увидев, что он пожелтел и изменился в лице, сделал ему знак, приложив ко рту палец, что значило: «Молчи и подойди ко мне!»

И аль-Амджад выпустил из руки кубок и поднялся, а женщина спросила его: «Куда?» — и он покачал головой и сделал ей знак, что идет отлить воду, а потом он вышел в проход, босой, и, увидав Бахадура, понял, что это хозяин дома. И он поспешил к нему и поцеловал ему руки, и воскликнул: «Ради Аллаха, господин мой, прежде чем причинить мне вред, послушай, что я скажу». И затем он рассказал ему свою историю, с начала до конца, и сообщил, почему он покинул свою землю и царство, и сказал, что он вошел в дом не по своей воле, но что эта женщина сломала засов и открыла ворота, и совершила все эти поступки.

И когда Бахадур услышал слова аль-Амджада и узнал о том, что с ним случилось и что он царский сын, он почувствовал к нему влечение и пожалел его, и сказал: «Выслушай, о

тысячами доставляли в столицу Египта, быстро обособились в замкнутую военную касту и постепенно сделались подлинными хозяевами страны фараонов.

Амджад, мои слова и повинуйся мне, и тогда я ручаюсь за твою безопасность от того, чего ты боишься, а если ты меня не послушаешься, я убью тебя».— «Приказывай мне, что хочешь, и я не ослушаюсь тебя никогда, так как я отпущенник твоего великодушия»,— ответил ему аль-Амджад. И Бахадур сказал: «Войди сейчас в дом и садись на то место, где ты был, и успокойся, а я войду к тебе (а зовут меня Бахадур), и когда я войду к тебе, начни меня ругать и кричать на меня, и скажи: «Почему ты задержался до этого времени?» — и не принимай от меня оправданий, но побей меня, а если ты меня пожалеешь, я лишу тебя жизни. Входи же и веселись, и все, что ты ни потребуешь, ты тотчас же найдешь перед собой готовым. Проведи эту ночь, как ты любишь, а завтра отправляйся своей дорогой; все это я делаю из уважения к тому, что ты на чужбине, ибо я люблю чужеземцев и обязан оказывать им почет».

И аль-Амджад поцеловал Бахадуру руки и вошел, и лицо его облачилось в румянец и белизну, и, едва войдя, он сказал женщине: «О госпожа моя, ты развеселила мое обиталище, и это благословенная ночь». А женщина ответила: «Поистине, удивительно, что ты теперь проявил ко мне дружбу!» — «Клянусь Аллахом, о госпожа,— сказал аль-Амджад,— я думал, что мой невольник Бахадур взял у меня драгоценные ожерелья, каждое ожерелье ценою в десять тысяч динаров, а сейчас я вышел, раздумывая об этом, и стал искать, и нашел их на месте. Я не знаю, почему мой невольник задержался до сего времени, и обязательно нужно будет его наказать».

И женщина успокоилась после слов аль-Амджада, и они стали играть, пить и веселиться, и наслаждались, пока не приблизился закат солнца. И тогда к ним вошел Бахадур (а он переменил на себе одежду и подпоясался, и надел на ноги туфли, как обычно для невольников) и, поздоровавшись, поцеловал землю и заложил руки за спину, понурив голову, как тот, кто признает свою вину. И аль-Амджад взглянул на него гневным взором и сказал: «О сквернейший из невольников, почему ты опоздал?» — а Бахадур ответил: «О господин мой, я был занят стиркой платья и не знал, что ты здесь, так как мы сговорились с тобою встретиться вечером, а не днем». И аль-Амджад закричал на него и сказал: «Ты лжешь, о сквернейший из невольников, клянусь Аллахом, я обязательно тебя побью!»

И он поднялся и, разложив Бахадура на полу, взял палку и стал осторожно бить его, но тут женщина встала, вырвала

палку из его рук и принялась жестоко бить Бахадура, так, что тому стало больно от побоев, и у него потекли слезы. И он начал звать на помощь, скрипя зубами, а аль-Амджад кричал женщине: «Не надо!» — но та говорила: «Дай мне утолить мой гнев на него!» Потом аль-Амджад выхватил палку из рук женщины и оттолкнул ее, а Бахадур поднялся, утер с лица слезы и почтительно простоял некоторое время перед ними обоими, а затем он вытер в комнате пол и зажег свечи.

И всякий раз, как Бахадур входил или выходил, женщина принималась ругать и проклинать его, а аль-Амджад сердился на нее и говорил: «Заклинаю тебя Аллахом великим, оставь моего невольника — он к этому не приучен». И они все время пили и ели, а Бахадур им прислуживал до полуночи, пока не устал от службы и побоев.

И он заснул посреди комнаты и стал храпеть и хрипеть, а женщина напилась пьяная и сказала аль-Амджаду: «Встань, возьми этот меч, что висит там, и отруби голову твоему невольнику, а если ты этого не сделаешь, я устрою так, что погибнет твоя душа».— «И что это тебе вздумалось убивать моего невольника?» — спросил аль-Амджад, и женщина воскликнула. «Удовольствие не будет полным, если я не убью его, и если ты не встанешь, встану я и убью его».— «Заклинаю тебя Аллахом, не делай этого»,— сказал аль-Амджад, но женщина воскликнула: «Этого не миновать!»

И, взяв меч, она обнажила его и собралась было убить Бахадура. И аль-Амджад сказал про себя: «Этот человек сделал нам добро и защитил нас, и был с нами милостив, и сделал себя моим невольником; как же мы воздадим ему убийством? Не бывать этому никогда!» — «Если ты считаешь, что смерть моего невольника неизбежна, то я имею больше права убить его, чем ты»,— сказал он женщине, а затем он взял меч у нее из рук, и, подняв меч, ударил женщину по шее и отмахнул ей голову от тела.

И голова ее упала на хозяина дома, и тот проснулся и сел, и открыл глаза, и увидел, что аль-Амджад стоит и меч в его руке окрашен кровью. Потом он взглянул на девушку и, увидев, убийства, и вот воздаяние ей». И Бахадур поднялся и поцеловал ему ее историю и сказал: «Она отвергла все, кроме твоего убийства, и вот воздаяние ей», И Бахадур поднялся и поцеловал аль-Амджада в голову, и сказал: «О господин мой, что, если

бы ты простил ее! Теперь остается только одио: сейчас же вынести ее, пока не пришло утро».

И Бахадур подпоясался и, взяв труп женщины, завернул в халат, положил в корзнну и понес. «Ты чужеземец н никого не знаешь,— сказал ои аль-Амджаду,— сиди же на месте и жди до зари. Если я вернусь, то непременно сделаю тебе много добра н постараюсь выяснить, что случилось с твоим братом, а еслн солнце взойдет н я не вернусь к тебе, то знай, что со мною коичено. Мир тебе, и этот дом твой, и тебе принадлежит все, какое есть в нем имущество и матерни».

Потом Бахадур понес корзину н вышел из дома. Он прошел с корзнной по рыикам и направился с нею по дороге к соленому морю, чтобы бросить ее туда, н, подойдя уже близко к морю, он обериулся н увидел, что валн[1] и стражинки окружилн его. И узнав Бахадура, онн удивнлись, а открыв корзиину, увидели в ней убитую, и тогда они схватилн Бахадура и всю ночь продержалн его в железных цепях до утра.

А потом онн отвелн его к царю, вместе с корзниой, которая была все в том же виде, и осведомнлн его, в чем дело, и, увндев это, царь очень рассердился н воскликиул: «Горе тебе, ты постояиио так делаешь,— убнваешь людей н кндаешь их в море, и забираешь все их нмущество! Сколько ты уже совершил убнйств раньше этого!» И Бахадур опустнл голову...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволеиные речи.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала двестн трндцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня о счастлнвый царь, что Бахадур опустнл голову перед царем, и царь закрнчал на него и спросил: «Горе тебе, кто убил эту жеищнну?» — «О господин мой,— отвечал Бахадур,— я убил ее, и нет мощи и снлы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И царь рассерднлся на него и велел его повеснть, н палач увел его, так как царь приказал ему это, и вали пошел вместе с глашатаем, который кричал в переулках города, чтобы выходнли смотреть на Бахадура, царского конюшего, и его воднли по переулкам и рыикам.

Вот что было с Бахадуром. Что же касается аль-Амджада,

[1] Вали — начальник городской полиции.

то, когда наступил день и поднялось солнце, а Бахадур не вернулся к нему, он воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Посмотреть бы, что с ним сделалось и что случилось!» И когда он так размышлял, вдруг закричал глашатай, чтобы выходили смотреть на Бахадура (а его вешали среди дня), и, услышав это, аль-Амджад заплакал и воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Он захотел погубить себя без вины из-за меня, а ведь это я убил ее. Клянусь Аллахом, не бывать этому никогда!»

И он вышел из дома и запер его, и шел по городу, пока не пришел к Бахадуру. И тогда он остановился перед вали и сказал ему: «О господин, не убивай Бахадура,— он невиновен. Клянусь Аллахом, никто не убивал ее, кроме меня!» И, услышав его слова, вали взял его вместе с Бахадуром и отвел обоих к царю, и осведомил его о том, что он услышал от Аль-Амджада. Царь посмотрел на аль-Амджада и спросил его: «Это ты убил женщину?» И аль-Амджад ответил: «Да!» — а царь сказал ему: «Расскажи мне, по какой причине ты убил ее, и говори правду».— «О царь,— сказал аль-Амджад,— со мной случилась удивительная история и диковинное дело, и будь оно написано иглами в уголках глаз, оно было бы назиданием для поучающихся».

А затем он рассказал царю свою историю и поведал ему, что случилось с ним и с его братом, от начала до конца. И царь пришел от этого в крайнее изумление и сказал ему: «Знай, я понял, что тебя можно простить. Не хочешь ли ты, о юноша, быть у меня везирем?» И аль-Амджад отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» — и царь наградил его дорогими одеждами и подарил ему красивый дом и слуг, и челядь, и пожаловал ему все, в чем он нуждался, и назначил ему выдачи и жалованье, и велел ему расследовать, что с его братом аль-Асадом.

И аль-Амджад сел на место везиря и творил справедливый суд, и назначал, и отставлял, и давал, и отбирал, и он послал по улицам города глашатая, чтобы тот кричал о его брате аль-Асаде, и глашатай несколько дней кричал на площадях и рынках, но не услышал вести об аль-Асаде и не напал на его след.

Вот что было с аль-Амджадом.

Что же касается аль-Асада, то маги все время пытали его, ночью и днем, вечером и утром, в течение целого года, пока не приблизился праздник магов. И тогда маг Бахрам собрался в путешествие и снарядил корабль...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести тридцать четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда маг Бахрам снарядил корабль для путешествия, он взял аль-Асада, положил его в сундук и запер его в нем, и понес его на корабль. А в ту минуту, когда Бахрам переносил сундук, в котором был аль-Асад, аль-Амджад, по предопределенной судьбе, стоял и смотрел на море. И он увидел вещи, которые переносили на корабль, и душа его затрепетала, и он велел своим слугам подать ему коня и выехал с толпою своих людей, и отправился к морю. И он остановился перед кораблем мага и велел тем, кто был с ним, зайти на корабль и обыскать его, и его люди зашли на корабль и обыскали его целиком, но ничего не нашли на нем. И они пришли и осведомили об этом аль-Амджада, и тот сел на коня и повернул назад, направляясь домой, и когда он прибыл в свое жилище и вошел во дворец, его сердце сжалось. И он окинул дом глазами и увидел там две строки, написанные на стене, и это были такие двустишия:

Любимые, коль скрылись вы из глаз моих,
То из сердца вы и души моей не скроетесь.

Но оставили за собой меня вы измученным,
И, у глаз моих отнявши сон, заснули вы.

И прочитав эти стихи, аль-Амджад вспомнил своего брата и заплакал, и вот что было с ним.

Что же касается Бахрама-мага, то, зайдя на корабль, он заорал и закричал на матросов, чтобы поскорее распускали паруса. И они распустили паруса и поехали, и ехали непрерывно в течение дней и ночей. А через каждые два дня Бахрам вынимал из сундука аль-Асада и давал ему поесть немного пищи и выпить немного воды. И они приблизились к Горе огня, и тут на них подул ветер, и море взволновалось, и корабль сбил-

ся с пути, и они пошли не по своей дороге и переехали в другое море. Так они достигли города, построенного на берегу моря, и там была крепость с окнами, выходившими на море, а управляла этим городом женщина, которую звали царица Марджана. И капитан сказал Бахраму: «О господин, мы сбились с дороги и нам обязательно нужно пристать к этому городу, чтобы отдохнуть, а после этого Аллах сделает, что хочет». И Бахрам отвечал: «Прекрасно то, что ты решил, и как ты решишь, так и сделай».— «Когда царица пришлет спросить о нас, каков будет наш ответ?» — спросил капитан. И Бахрам ответил: «У меня этот мусульманин, который с нами; мы оденем его в одежду невольников и выведем его вместе с нами, и когда царица увидит его, она подумает и спросит: «Это невольник?» — и я скажу ей: «Я продавец невольников и торгую ими. У меня было много невольников, я продал их, и остался только этот невольник».— «Это прекрасные речи»,— ответил капитан.

И потом они поплыли к городу, спустили паруса и укрепили якоря, и корабль остановился, и вдруг царица Марджана выехала к ним со своим войском и остановилась подле корабля, и крикнула капитану. И капитан поднялся к ней и поцеловал землю меж ее рук, а царица спросила его: «Что у тебя на этом корабле, и кто есть с тобой?» — «О царица времени,— отвечал капитан,— со мною один торговец, который продает невольников»,— и царица крикнула: «Ко мне его!»

И вот Бахрам вышел к ней, а аль-Асад был с ним и шел сзади, в обличье невольника, и подойдя к царице, Бахрам поцеловал землю и остановился перед ней. «Каково твое дело?» — спросила его царица, и он ответил: «Я торговец рабами». И царица взглянула на аль-Асада и подумала, что это невольник, «Как твое имя?» — спросила она его. И аль-Асада задушил плач, и он ответил: «Мое имя аль-Асад».

И сердце царицы устремилось к юноше, и она спросила: «Умеешь ли ты писать?» — И аль-Асад ответил: «Да!» И тогда царица подала ему чернильницу, калам и бумагу и сказала: «Напиши что-нибудь, а я посмотрю»,— и аль-Асад написал такие два стиха:

Что может придумать муж, раз вечно течет судьба
Враждебно к нему во всем? — скажи, о смотрящий.

Бросает она его в пучину, связав его,
И молвит: «Смотри, смотри, в воде не промокни».

. И когда царица прочитала бумажку, она пожалела аль-Асада и сказала Бахраму: «Продай мне этого невольника», но тот отвечал: «О госпожа, мне невозможно его продать, так как я продал всех моих невольников и у меня остался только этот». Тогда царица Марджана воскликнула: «Его непременно надо у тебя взять, либо купить, либо отобрать, как подарок!» — «Я его не продам и не подарю!» — сказал Бахрам. Но царица взяла аль-Асада за руку и увела его, и поднялась с ним в крепость, и послала сказать Бахраму: «Если ты не отчалишь сегодня ночью от нашего города, я возьму все твое достояние и разобью твой корабль».

И когда это послание прибыло к Бахраму, он очень огорчился и воскликнул: «Поистине, это нехорошее путешествие!» Потом он поднялся и снарядился, и взял всего, что ему нужно, и стал ожидать, когда придет ночь, чтобы уехать, и сказал матросам: «Приготовьтесь и наполните бурдюки водой, и в конце ночи мы двинемся».

И матросы стали делать свои дела, ожидая ночи, и ночь пришла, и вот что было с матросами.

Что же касается царицы Марджаны, то она взяла аль-Асада и, приведя его в крепость, отворила окна, выходившие на море, и велела невольницам принести кушанья. И они принесли им кушанье, и оба поели, а затем царица велела подать вино...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царица Марджана велела невольницам подать вино, и они его подали, и царица стала пить вместе с аль-Асадом. И Аллах — велик он и славен! — закинул ей в сердце любовь к аль-Асаду, и она принялась наполнять кубки и поить его, пока не исчез его разум. И аль-Асад поднялся, желая исполнить нужду, и вышел из комнаты, и, увидев открытую дверь, прошел в нее, и пошел дальше, и путь привел его к большому саду, где были всякие плоды и цветы. И аль-Асад сел под дерево и исполнил свою нужду, а потом подошел к водоему, бывшему в саду, и опрокинулся навзничь (а одежда на нем была развязана), и его ударило воздухом, и он заснул, и пришла к нему ночь.

Вот что было с аль-Асадом. Что же касается Бахрама, то, когда наступила ночь, он крикнул матросам на корабле: «Распускайте паруса и поедем!» — а матросы ответили: «Слушаем и повинуемся, но только подожди, пока мы наполним наши бурдюки, и тогда мы отчалим».

И затем матросы вышли с бурдюками, чтобы их наполнить, и обошли вокруг крепости, но увидели только стены, окружающие сад. И они взобрались на стены и спустились в сад, и пошли по следам чьих-то ног, ведшим к водоему, и, придя сюда, они увидали аль-Асада, опрокинувшегося навзничь. И матросы узнали его и обрадовались, и взяли юношу, наполнив сначала свои бурдюки, и соскочили со стены, поспешно принесли его к Бахраму и сказали: «Радуйся достижению желаемого и исцелению души. Твой барабан застучал, и твоя флейта засвистела:[1] пленника, которого царица Марджана насильно отняла у тебя, мы нашли и принесли с собой».

И потом они бросили аль-Асада перед Бахрамом, и, когда Бахрам увидал юношу, его сердце улетело от радости, и его грудь расширилась и расправилась. И он наградил матросов и велел им поскорее распускать паруса, и они распустили паруса и поехали, направляясь к Горе огня, и ехали непрерывно до утра.

Вот что было с ними. Что же касается царицы Марджаны, то, когда аль-Асад ушел от нее, она прождала его некоторое время, но он не возвращался. И она стала его искать, но не нашла и следа его. И тогда царица зажгла свечи и велела невольницам искать юношу, а потом она сама вышла и, увидев, что сад открыт, поняла, что аль-Асад вышел туда. И она пошла в сад и нашла возле водоема сандалию аль-Асада. После этого она обошла весь сад, разыскивая юношу, но ничего о нем не узнала. И царица искала его во всех углах сада до утра, а потом она спросила про корабль, и ей сказали, что он ушел в первую треть ночи. И царица поняла, что моряки взяли аль-Асада с собою, и разгневалась, и ей стало тяжело.

И она велела тотчас же снарядить десять больших кораблей и приготовилась к войне, и взошла на один из десяти ко-

[1] Намек на одну из привилегий, которыми пользовались высшие чины при мамлюкском дворе. Некоторым эмирам разрешалось иметь оркестр, обычно состоявший из барабана, флейты и дудок.

раблей, и с нею вместе сели на корабли невольники и невольницы, и воины были снаряжены и надели прекрасное оружие и военные доспехи. И распустили паруса, и царица сказала капитанам: «Если вы нагоните корабль того мага, у меня будут для вас почетные одежды и деньги, а если не нагоните, я перебью вас до последнего».

И моряков охватил страх и великая надежда. И они проплыли на кораблях этот день, и эту ночь, и второй день, и третий день, а на четвертый день они завидели корабль Бахрама-мага, и день еще не закончился, как корабли окружили и обступили корабль мага.

А Бахрам в это время вывел аль-Асада и принялся его бить и пытать, а аль-Асад призывал на помощь и в защиту, но не нашел среди людей ни помощника, ни защитника, и сильные побои причиняли ему боль. И когда маг пытал его, он вдруг бросил взгляд и увидел, что корабли обступили его корабль и окружили его, как белое в глазу окружает черное, и понял он, что несомненно погибнет. И Бахрам вздохнул и воскликнул: «Горе тебе, о Асад,— все это из-за твоей головы!» — а затем он взял его за руку и велел своим людям бросить его в море, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я непременно убью тебя раньше, чем умру!»

И тогда аль-Асада подняли за ноги и за руки и бросили посреди моря. Но Аллах — велик он и славен! — пожелал его спасти и не дал окончиться его сроку, и допустил он, чтоб аль-Асад нырнул и вынырнул, и юноша до тех пор бил руками и ногами, пока Аллах не облегчил его участь и не пришел к нему на помощь. И аль-Асада ударила волна и унесла его далеко от корабля мага, и прибила к берегу, и юноша вышел, не веря в свое спасение, а оказавшись на берегу, он снял с себя одежду и выжал ее, и разостлал, и сел голый, плача о том, что с ним сталось, и о случившихся с ним бедствиях: побоях, пленении и изгнании. И он произнес такие двустишия:

О боже, стойкость кончилась и хитрость:
Стеснилась стойкость, и порвалась веревка!

Кому же бедным жаловаться, кроме
Владыки, о властителей властитель?

А окончив стихи, он поднялся и надел свою одежду, не зная, куда идти и куда направиться. И стал он питаться злаками

земли и плодами деревьев, а пил воду из ручьев, и он шел ночью и днем, пока не приблизился к какому-то городу. И аль-Асад обрадовался и ускорил шаг, и когда он подошел к городу, его застиг вечер...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести тридцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Асад подошел к городу, его застиг вечер, и ворота города были уже заперты. И по воле судьбы рока случилось так, что это был тот город, где аль-Асад был в плену, а брат его аль-Амджад был там везирем у царя этого города. И, увидав, что город заперт, аль-Асад пошел по направлению к кладбищу, в сторону гробниц. Дойдя до кладбища, он увидел гробницу без дверей и вошел в нее, и лег там, закрыв лицо полой.

А Бахрам-маг, когда царица Марджана подплыла к нему на кораблях, разбил их своим коварством и колдовством и благополучно повернул к своему городу, и в тот же час и минуту поплыл, радостный. И, плывя мимо кладбища, он сошел с корабля, по воле судьбы и рока, и прошелся среди могил, и увидел, что гробница, в которой лежал аль-Асад, открыта. И он удивился и воскликнул: «Обязательно загляну в эту гробницу!» — и заглянул туда, и увидал рядом с гробницей аль-Асада, который спал, закрыв голову полой.

И Бахрам посмотрел ему в лицо и узнал его, и воскликнул: «Разве ты до сих пор жив?» И затем он взял его и унес к себе домой, а у него в доме был под землей подвал, приготовленный для того, чтобы пытать мусульман. И была у него дочка по имени Бустан. И Бахрам наложил аль-Асаду на ноги тяжелые оковы и посадил его в этот подвал, поручив своей дочери пытать его ночью и днем, пока он не умрет, а затем он больно побил юношу и запер его в подвале, и отдал ключи своей дочери.

И дочь его, Бустан, отперла подвал и спустилась туда, чтобы побить аль-Асада, и увидела она, что это юноша с изящными чертами, сладостный видом, с бровями, как лук, и черными зрачками, и любовь к нему запала ей в сердце, и она

спросила юношу: «Как твое имя?» — «Мое имя аль-Асад».— ответил он, и Бустан воскликнула: «Да будешь ты счастлив, и да будут счастливы твои дети! Ты не заслуживаешь пыток и побоев, и я знаю, что ты обижен».

И она принялась развлекать его словами и расковала его цепи, а затем она стала расспрашивать его о вере ислама, и аль-Асад рассказал ей, что это вера истинная и прямая и что господин наш Мухаммед,— творец блестящих чудес [1] и явных знамений, а что огонь приносит вред, но не пользу. И он принялся рассказывать ей об исламе и его основах, и девушка подчинилась ему, и любовь к вере вошла ей в сердце. И Аллах великий пропитал ее душу любовью к аль-Асаду.

И девушка произнесла оба исповедания и была причислена к людям счастья, и стала она кормить аль-Асада и поить его, и разговаривала с ним, и они молились вместе. И девушка готовила ему отвары из куриц, пока он не окреп, и не прошли его болезни, и он не стал снова таким же здоровым, как был, и вот что случилось у него с дочерью Бахрама-мага.

Однажды дочь Бахрама вышла от аль-Асада и встала у ворот, и вдруг слышит, глашатай кричит: «Всякий, у кого находится красивый юноша такого-то вида и кто объявит о нем, получит все деньги, какие потребует, а всякий, кто держит его у себя и отречется от этого, будет повешен на воротах своего дома, и его имущество будет разграблено, и кровь его прольется безнаказанно».

А раньше аль-Асад рассказал Бустан, дочери Бахрама, обо всем, что с ним случилось, и, услышав слова глашатая, Бустан поняла, что аль-Асад и есть тот, кого ищут. И она вошла к нему и рассказала ему, в чем дело, и аль-Асад вышел и направился к дому везиря, и, увидев везиря, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, этот везирь — мой брат аль-Амджад!»

И затем он вошел, и женщина вошла за ним во дворец, и, увидев своего брата аль-Амджада, аль-Асад бросился к нему, и тут аль-Амджад узнал своего брата и тоже бросился к нему, и они обнялись, и мамлюки окружили их, сойдя со своих коней, и аль-Асад с аль-Амджадом обеспамятели на некоторое время. А когда они очнулись от обморока, аль-Амджад взял

[1] Несмотря на то, что сам пророк Мухаммед называл себя не чудотворцем, а только увещевателем, легенды приписывают ему целый ряд чудес, большею частью аналогичных с чудесами, якобы совершенными Христом.

аль-Асада и поднялся с ним к султану, и рассказал ему историю своего брата, и султан велел разграбить дом Бахрама...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести тридцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что султан приказал аль-Амджаду разграбить дом Бахрама и повесить его семью, и везирь послал для этого людей, которые отправились к дому Бахрама и разграбили его. И они привели его дочь к везирю, и тот проявил к ней уважение. И аль-Асад поведал своему брату обо всех пытках, которые ему пришлось вынести, и о том, какие милости оказала ему дочь Бахрама, и аль-Амджад проявил к ней еще большее уважение. Затем аль-Амджад рассказал аль-Асаду обо всем, что произошло у него с той женщиной и как он избавился от повешения и стал везирем, а после этого каждый из них принялся жаловаться другому на то, что испытал, расставшись с братом.

И затем султан велел привести мага и приказал отрубить ему голову, и Бахрам спросил: «О величайший царь, твердо ли ты решил убить меня?» — «Да»,— отвечал царь. И Бахрам сказал: «Подожди со мною немного, о царь!» — и после этого он склонил голову к земле, а затем поднял ее и произнес исповедание веры, и принял ислам при содействии султана, и все обрадовались, что он принял ислам.

Потом аль-Амджад и аль-Асад рассказали Бахраму обо всем, что с ними случилось, и тот изумился и воскликнул: «О господа мои, собирайтесь в путешествие, и я поеду с вами». И братья обрадовались этому и тому, что Бахрам принял ислам, и заплакали сильным плачем. «О господа мои,— сказал им Бахрам,— не плачьте: в конце концов вы нашли друг друга и соединились, как соединились Нима и Нум».— «А что случилось с Нимой и Нум?» — спросили Бахрама.

ПОВЕСТЬ О НИМЕ И НУМ

Говорят, а Аллах лучше знает,— сказал Бахрам,— что был в городе Куфе[1] один человек, из знатных его обитателей, которого звали ар-Раби ибн Хатим, и обладал он большими деньгами и жил привольно. И достался ему ребенок, которого он назвал Нимат-Аллах[2].

И вот в некий день был он на площадке работорговцев и вдруг увидел невольницу, выставленную для продажи, и на руках у нее была маленькая рабыня редкой красоты и прелести. И ар-Раби сделал знак работорговцу и спросил его: «За сколько идут эта невольница и ее дочь?» — и работорговец ответил: «За пятьдесят динаров!» — «Напиши условие, возьми деньги и отдай их ее владельцу»,— сказал ар-Раби. И потом он отдал работорговцу цену девушки и дал ему плату за посредничество, и, взяв невольницу и ее дочь, отправился с ними домой.

И когда его жена, дочь его дяди, увидела невольницу, она спросила: «О сын дяди, что это за невольница?» — и ар-Раби ответил: «Я купил ее, желая иметь эту маленькую, что у нее на руках. Знай, когда она вырастет, не будет в землях арабов и неарабов ей подобной, и никого лучше ее».

[1] Куфа — знаменитый в истории ислама город, расположенный в Ираке — нижней Месопотамии — к югу от развалин древнего Вавилона.

[2] Нимат-Аллах — означает: милость Аллаха.

И дочь его дяди сказала: «Прекрасно то, что ты решил!» — а затем она спросила невольницу: «Как твое имя?» — «О госпожа, мое имя Тауфик»,— отвечала невольница. «А как имя твоей дочери?» — спросила жена ар-Раби, и невольница отвечала: «Сад». И жена ар-Раби воскликнула: «Ты сказала правду! Ты счастлива, и счастлив тот, кто тебя купил!»

«О сын моего дяди, как ты ее назовешь?» — спросила она потом. И ар-Раби ответил: «Как ты выберешь»,— и тогда она сказала: «Назовем ее Нум» [1],— и ар-Раби воскликнул: «Прекрасно то, что ты придумала!»

И маленькая Нум воспитывалась с Нимой, сыном ар-Раби, в одной колыбели, пока они не достигли возраста десяти лет. И каждый из них был красивее другого, и мальчик стал называть ее: сестрица, а она называла его: братец.

А потом ар-Раби обратился к своему сыну Ниме, когда тот достиг этого возраста, и сказал ему: «О дитя мое, Нум тебе не сестра, наоборот, она твоя невольница, и я купил ее на твое имя, когда ты был в колыбели. Не зови же ее с этого дня своей сестрой». И Нима сказал своему отцу: «Если так, я женюсь на ней»,— и затем он вышел к своей матери и осведомил ее об этом, и та сказала: «О дитя мое, она твоя невольница». И Нима ибн ар-Раби вошел к этой невольнице и полюбил ее, и над ними прошло несколько лет, и пребывали они в таком положении. И не было в Куфе девушки красивее Нум и приятнее и изящнее ее. Она выросла и читала коран, изучила науки и узнала способы игры на инструментах, и сделалась искусной в пении и владении увеселяющими инструментами, так что превзошла всех людей своего века.

И в один день из дней она сидела со своим мужем Нимой, сыном ар-Раби, в покоях, и, взяв лютню, натянула ее струны и развеселилась, и, заведя напев, произнесла такие двустишия:

Когда ты — владыка мой, чьей милостью я живу,
И меч мой, срубающий превратностей голову,—

Не нужно ни Зейда, мне, ни Амра [2] в защитники —
Тебя лишь, когда тесны вдруг станут пути мои.

[1] Нум — значит: счастье, благоденствие.
[2] Зейд и Амр — имена, употребляемые арабами для обозначения неопределенных лиц (неизменно фигурируют в примерах, иллюстрирующих грамматические правила).

И Нима пришел в великий восторг и сказал ей: «Ради моей жизни, о Нум, спой нам под бубен и музыкальные инструменты!» И она затянула напев и пропела такие стихи:

Покляну́сь я тем, у кого в руках узда моя —
Не послушаюсь я в любви к нему хулящих.

И хулителей рассержу я всех, повинуясь вам,
И расстанусь я с наслажденьями покоя.

И вырою для страсти к вам посреди души
Могилу я, и знать не будет сердце.

И юноша воскликнул: «От Аллаха твой дар, о Нум!»

И пока они пребывали в приятнейшей жизни, вдруг сказал аль-Хаджжадж[1] во дворце наместничества: «Я обязательно должен ухитриться захватить эту невольницу, которую зовут Нум, и отослать ее к повелителю правоверных, Абд-аль-Мелику ибн Мервану, так как в его дворце не найдется никого, кто бы был ей подобен и пел лучше ее».

И он позвал старуху надсмотрщицу и сказал ей: «Пойди в дом ар-Раби и повидайся с невольницей Нум и найди способ захватить ее, так как на лице земли не найдется ей подобной». И старуха вняла тому, что сказал аль-Хаджжадж, и когда наступило утро, она надела свою шерстяную одежду и повесила себе на шею четки, где число зерен было тысячи, и взяла в руки посох и йеменский бурдюк...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести тридцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха вняла тому, что сказал аль-Хаджжадж, и когда наступило утро, она надела свою шерстяную одежду и повесила себе на шею четки, где число зерен было тысячи, и, взяв в руки посох и йеменский бурдюк, пошла восклицая: «Слава Аллаху, и хвала Аллаху!

[1] Аль-Хаджжадж ибн Юсуф — арабский полководец и государственный деятель эпохи Омейядов (VIII век), правитель нижней Месопотамии.

Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик! Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

И она все время славила Аллаха и молилась (а сердце ее было полно козней и хитростей, пока не достигла дома Нимы ибн ар-Раби ко времени полуденной молитвы. И она постучала в дверь, и привратник открыл ей и спросил ее: «Чего ты хочешь?» — и старуха ответила: «Я нищенка богомолица, и меня настигла полуденная молитва, и я хочу помолиться в этом благодеиственном месте».— «О старуха,— ответил привратник,— это дом Нимы ибн ар-Раби, а не собор и не мечеть». И старуха молвила: «Я знаю, что нет собора или мечети, подобного дому Нимы ибн ар-Раби; я надсмотрщица из дворца повелителя правоверных и ушла, чтобы молиться и странствовать».— «Я не дам тебе войти»,— сказал привратник. Разговоры между ними умножились, и старуха вцепилась в привратника и воскликнула: «Помешают ли подобной мне войти в дом Нимы ибн-Раби, когда я захожу в дома эмиров и вельмож?»

И вдруг вышел Нима и, услыхав их разговор, засмеялся и велел старухе войти за ним, и он вошел, а старуха вошла сзади, и Нима привел ее к Нум. И старуха приветствовала ее наилучшими приветствиями, а увидя Нум, она оторопела и изумилась ее чрезмерной красоте, и сказала ей: «О госпожа, призываю на тебя защиту Аллаха, который сравнял тебя с твоим господином в отношении красоты и прелести».

И затем старуха встала в михрабе и принялась кланяться, падать ниц и молиться, и прошел день, и пришла ночь с ее мраком, и тогда девушка сказала: «О матушка, дай отдых твоим ногам на часок»,— а старуха ответила: «О госпожа, кто ищет жизни будущей, тот утомляет себя в здешней жизни, а кто не утомляет себя в здешней жизни, тому не достичь обиталища чистых в жизни будущей».

Потом Нум подала старухе еду и сказала ей: «Поешь моего кушанья и помолись за меня о прощении и милости», а старуха сказала ей: «О госпожа, я пощусь, а что до тебя, то ты женщина, которой подобает есть, пить и радоваться, и Аллах простит тебя. Ведь сказал Аллах великий: «Кроме тех, кто раскается и совершит дело праведное» [1].

И девушка просидела со старухой, разговаривая, некоторое время, а потом Нум сказала Ниме: «О господин, упроси эту

[1] Цитата из корана (гл. XXV, стих 70).

старуху на время остаться с нами. У нее на лице следы благочестия».— «Очисти ей место, куда бы она могла уходить для молитвы, и не давай никому входить к ней,— отвечал Нима.— Может быть, Аллах, славный и великий, поможет нам через ее благословение и не разлучит нас».

И после этого старуха провела ночь, молясь и читая коран до утра, а когда Аллах засветил утро, она пришла к Ниме и Нум и пожелала им доброго утра, и сказала: «Поручаю вас Аллаху».— «Куда ты идешь, о матушка? — спросила ее Нум.—Мой господин приказал мне освободить для тебя помещение, где бы ты всегда могла поклоняться богу и молиться».— «Да сохранит его Аллах, и да продлит он свое благоволение к вам! — отвечала старуха.— Я хочу, чтобы вы наказали привратнику не мешать мне входить к вам; если захочет Аллах великий, я пойду странствовать по чистым местам и стану за вас молиться, после поклонения богу и молитвы, каждый день и каждый вечер».

И потом старуха вышла из дома, а девушка Нум плакала о разлуке с нею, и не знала, по какой причине она к ней пришла. И старуха отправилась к аль-Хаджжаджу и пришла к нему, и тот спросил: «Что идет за тобою?» — а старуха сказала: «Я посмотрела на эту невольницу и увидела, что женщины не рожали в ее время никого лучше ее». И аль-Хаджжадж воскликнул: «Если ты сделаешь то, что я тебе приказал, тебе достанется от меня обильное благо».— «Я хочу от тебя полный месяц сроку»,— сказала старуха, и аль-Хаджжадж отвечал: «Я даю тебе сроку месяц». Тогда старуха стала заходить в дом Нимы и его невольницы Нум...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести тридцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха стала заходить в дом Нимы и Нум, и они оказывали ей все большее уважение. И старуха непрестанно, и вечером и утром, была у них, и все в доме говорили ей: «Добро пожаловать!».

И наконец, в один из дней, старуха осталась с девушкой наедине и сказала ей: «О госпожа моя, клянусь Аллахом, когда я прибуду в пречистые места, я буду за тебя молиться, и мне хо-

телось бы, чтобы ты была со мной и повидала старцев, достигших единения с Аллахом, и они помолились бы за тебя о том, чего ты хочешь». И невольница Нум сказала ей: «Ради Аллаха, о матушка, возьми меня с собой»,— тогда старуха ответила: «Попросись у твоей свекрови, матери Нимы». И девушка сказала своей свекрови: «О госпожа, попроси у моего господина, чтобы он пустил нас с тобою выйти в какой-нибудь день, вместе с моей матушкой-старушкой, чтобы помолиться и призвать Аллаха вместе с факирами[1] в почитаемых местах». А когда пришел Нима и сел, старуха подошла к нему и стала целовать ему руки, и просить его, но он не позволял ей этого и не дал своего согласия. И старуха благословила его и вышла из дома.

Когда же настал следующий день, старуха пришла (а Нимы не было в доме) и, обратившись к невольнице Нум, сказала ей: «Мы молились за тебя вчера; поднимайся сейчас же — ты прогуляешься и вернешься прежде, чем придет твой господин». И девушка сказала своей свекрови: «Прошу тебя ради Аллаха, позволь мне выйти с этой праведной женщиной, я посмотрю на друзей Аллаха в почитаемых местах и скоро вернусь, прежде чем придет мой господин».— «Я боюсь, что узнает твой господин,— сказала мать Нимы, но старуха воскликнула: «Клянусь Аллахом, я не дам ей присесть на землю! Она будет смотреть, стоя на ногах, и не замешкается».

И старуха увела девушку хитростью и привела ее во дворец аль-Хаджжаджа, и осведомила его о приходе девушки, поместив ее сначала в комнату. И аль-Хаджжадж пришел и посмотрел на нее, и увидал, чот она прекраснее всех людей своего времени и что он не видывал ей подобной. И Нум, увидав аль-Хаджжаджа, закрыла от него лицо, а аль-Хаджжадж, не оставив ее, сейчас же позвал царедворца и, отрядив с ним пятьдесят всадников, велел ему взять девушку, посадить ее на быстрого верблюда, отправиться с ней в Дамаск и вручить ее повелителю правоверных Абд-аль-Мелику ибн Мервану. И он написал халифу письмо и сказал царедворцу: «Отдай ему это письмо, возьми ответ и поторопись вернуться ко мне».

И царедворец поспешно взял девушку, посадил ее на верблюда и выехал, и отправился с нею, и девушка плакала от разлуки со своим господином. И они прибыли в Дамаск, и ца-

[1] Факир — странствующий монах.

редворец попросил разрешения войти к повелителю правоверных, и когда тот разрешил, царедворец вошел к нему и рассказал историю с невольницей, и халиф отвел ей комнату. А потом халиф вошел в свой харим, увидал свою жену и сказал ей: «Аль-Хаджжадж купил мне невольницу из дочерей вельмож Куфы за десять тысяч динаров и прислал мне это письмо, а вместе с письмом прибыла невольница». И жена халифа сказала ему...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ДВУХСОТ СОРОКА

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот сорока, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда царь рассказал своей жене историю невольницы, его жена сказала ему: «Да увеличит Аллах к тебе свою милость».

А потом сестра халифа Абд-аль-Мелика вошла к невольнице, и, увидав ее, воскликнула: «Клянусь Аллахом, не будет обманут тот, в чьем жилище ты находишься, хотя бы цена за тебя была сто тысяч динаров!» И невольница Нум спросила ее: «О светлоликая, какого царя этот дворец и какой это город?» — и сестра халифа ответила: «Это город Дамаск, а этот дворец — дворец моего брата, повелителя правоверных, Абд-аль-Мелика ибн Мервана».

«Ты как будто не знаешь этого?» — спросила она потом, и девушка ответила: «Клянусь Аллахом, госпожа, это было мне неведомо».— «А тот, кто продал тебя и получил за тебя деньги, не осведомил тебя о том, что тебя купил халиф?» — воскликнула сестра халифа, и девушка, услышав эти слова, стала лить слезы и заплакала, и сказала про себя: «Удалась хитрость против меня!» И потом она подумала: «Если я стану говорить, никто мне не поверит. Лучше я буду молчать и потерплю, зная, что помощь Аллаха близка». И она поникла головой от стыда, и щеки у нее покраснели от следов путешествия и солнца.

И сестра халифа оставила ее на этот день, а на другой день она пришла с материей и ожерельями из драгоценных камней и одела девушку. И тогда повелитель правоверных вошел и сел с нею рядом, и сестра его сказала ему: «Посмотри на эту девушку, которой Аллах даровал совершенную красоту и пре-

лесть».— «Сними с лица покрывало»,— приказал халиф Нум, но она не сняла покрывала с лица, и халиф не увидал ее лица, а увидал только ее руки, и любовь к ней запала в его сердце: «Я войду к ней только через три дня, когда она с тобой подружится,— сказал он своей сестре и, поднявшись, вышел от девушки, и девушка принялась раздумывать о своем деле и вздыхать от разлуки со своим господином Нимой.

А когда пришла ночь, девушка заболела горячкой и не стала ни есть, ни пить, и ее лицо и прелести изменились. И халифа осведомили об этом, и ему стало тяжко из-за девушки, и он направил к ней врачей и людей проницательных, но никто не знал, как ее лечить.

Вот что было с нею. Что же касается ее господина, Нимы, то он пришел домой и сел на постель, и позвал: «Нум!» — но она ему не ответила. И он поспешно поднялся и позвал, но никто не вошел к нему, и все невольницы в доме попрятались, боясь ее господина. И Нима вышел к своей матери и увидал, что она сидит, положив щеку на руку, и спросил ее: «О матушка, где Нум?» — и мать его сказала: «О дитя мое, она с той, кому ее можно скорее доверить, чем мне: с той старушкой праведницей. Она вышла с нею, чтобы посетить факиров, и вернется».— «И когда это был у нее такой обычай? — сказала Нима.— В какое время она ушла?» — «Она ушла утром»,— отвечала мать Нимы. И Нима воскликнул: «Как ты ей это позволила?» — «Это старуха мне посоветовала»,— сказала ему мать.

И Нима вскричал: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И потом он вышел из дома,— а мир исчез для него,— и пришел к начальнику стражи, и сказал ему: «Ты хитришь со мною и похищаешь мою невольницу из моего дома! Я непременно пожалуюсь на тебя повелителю правоверных».— «А кто ее увел?» — спросил начальник стражи. И Ним ответил: «Старуха такого-то и такого-то вида, и на ней шерстяная одежда, а в руках у нее четки, где число зерен тысячи».— «Укажи мне эту старуху, и я освобожу твою невольницу»,— сказал начальник стражи. И Нима воскликнул: «Но кто же знает эту старуху?» — «Никто не знает скрытого, кроме Аллаха, велик он и славен»,— отвечал начальник стражи, и он понял, что это хитрая старуха от аль-Хаджжаджа. «Я требую мою невольницу только от тебя, и между мною и тобою будет аль-Хаджжадж»,—

сказал ему Нима, а начальник стражи ответил: «Иди к кому хочешь!»

И Нима пошел во дворец аль-Хаджжаджа (а отец его был из числа вельмож Куфы), и когда он достиг его дома, привратник аль-Хаджжаджа вошел к аль-Хаджжаджу и осведомил его об этом деле. И когда Нима встал пред ним, аль-Хаджжадж спросил его: «Что с тобой?» — «Со мною было такое-то и такое-то дело»,— отвечал Нима. А аль-Хаджжадж сказал: «Подайте сюда начальника охраны, и мы прикажем ему поискать старуху».

Когда же начальник охраны явился пред лицо аль-Хаджжаджа (а тот знал, что начальник охраны знает старуху), аль-Хаджжадж сказал ему: «Я хочу, чтобы ты поискал невольницу Нимы ибн ар-Раби». И начальник стражи ответил: «Не знает сокрытого никто, кроме великого Аллаха!» — «Ты непременно должен отрядить конных и поискать эту невольницу на дорогах и поглядеть в городах»,— сказал аль-Хаджжадж...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СОРОК ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести сорок первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что аль-Хаджжадж сказал начальнику охраны: «Ты непременно должен отрядить конных и посмотреть в городах, и высмотреть девушку на дорогах, и поискать эту девушку»,— а потом он обратился к Ниме и сказал: «Если твоя невольница не воротится, я дам тебе десять невольниц из моего дома и десять невольниц из дома начальника охраны. Иди искать невольницу»,— сказал он начальнику охраны.

И начальник охраны вышел, а Нима был озабочен и отчаялся в жизни. А он достиг возраста четырнадцати лет, и на щеках его не было растительности. И стал он плакать и рыдать и держался вдали от своего дома, и они с матерью не переставали плакать до самого утра. И отец Нимы обратился к нему и сказал: «О дитя мое, поистине аль-Хаджжадж устроил против девушки хитрость и захватил ее, но от одного часа до другого Аллах доставляет помощь». И заботы Нимы увеличились, и не знал он, что говорил; и не понимал, кто к нему входит; и оста-

вался он больным три месяца, и его состояние изменилось, и отец его отчаялся в нем, а врачи пришли к Ниме и сказали: «Нет для него другого лекарства, кроме невольницы».

И вот в один из дней его отец сидел, и услышал он про одного умелого врача, персиянина, которому люди приписывали большое искусство лечить и читать по звездам, и гадать на песке. И ар-Раби призвал этого врача, а когда он явился, посадил его с собою рядом и оказал ему уважение, и сказал: «Посмотри, в каком состоянии мой сын».— «Дай руку»,— сказал врач Ниме. И тот подал руку, и врач пощупал ему пульс и посмотрел ему в лицо, и засмеялся, и, обратившись к его отцу, сказал: «У твоего сына нет ничего, кроме недуга в сердце».

«Ты прав, о врач,— ответил ар-Раби.— Посоветуйся о деле моего сына с твоим искусством, и расскажи мне все об его состоянии, ничего от меня не скрывая». И персиянин ответил: «Он привязался к одной девушке, а эта девушка в Басре или в Дамаске, и лекарство для твоего сына лишь в том, чтобы с нею встретиться».— «Если ты сведешь их, у меня будет чем тебя обрадовать, и ты проживешь всю жизнь с деньгами и в благоденствии»,— сказал ар-Раби. И персиянин молвил: «Поистине, это дело близкое и нетрудное».

А потом он обернулся к Ниме и сказал: «С тобою не будет беды, укрепи же свое сердце, успокой душу и прохлади глаза! Выложи из твоих денег четыре тысячи динаров»,— сказал он ар-Раби. И тот вынул деньги и вручил их персиянину, а персиянин сказал ему: «Я хочу, чтобы твой сын поехал со мною в Дамаск, и если захочет Аллах великий, я не вернусь иначе как с девушкой». А затем персиянин обернулся к юноше и спросил его: «Как тебя зовут?» — и юноша ответил: «Нима»,— и тогда персиянин сказал: «О Нима, сядь и пребывай под охраной Аллаха великого: Аллах соединит тебя с твоей возлюбленной».

И Нима сел прямо, а персиянин сказал ему: «Укрепи свое сердце. Мы выедем в этот же день. Ешь, пей и развлекайся, чтобы стать сильным для путешествия». А после этого персиянин стал справлять свои дела и забрал все, что ему было нужно из редкостей, и он взял у отца Нимы десять тысяч динаров и взял у него коней и верблюдов и все прочее, что нужно для перевозки тяжестей в пути.

А потом Нима простился со своим отцом и матерью и отправился с врачом в Халеб, но не напал там на след девушки. За-

тем оии достнглн Дамаска н прожнли там три дня, после чего персиянин наиял лавку и уставнл в ней полки тоиким фарфором и крышками, и украсил полкн золотом и кусками дорогих материй. Он поставил перед собою сосуды и бутылки, в которых были разные масла н всякне лекарства, и вокруг бутылок он поставил кубки нз хрусталя, а перед собою ои положил доску и астролябию. И ои оделся в платье врачей и лекарей и, поставив перед собою Ниму, одел его в рубаху и шелковый плащ, и обвязал ему стан шелковым полотеицем, вышнтым золотом.

И потом перснянин сказал Ниме: «О Ннма, ты с сегодняшиего дня мой сын; ие называй же меня иначе как отцом, а я буду иазывать тебя только сыном»,— и Ннма отвечал: «Слушаю и повнуюсь!»

И жителн Дамаска стали собираться перед лавкой персиянина, глядя иа красоту Нимы и на красоту лавки, и тех товаров, что были в ней. И перснянин разговаривал с Нимой по-персидски, а Нима тоже разговарнвал с ннм на этом языке, ибо ои знал его, как обычно для детей вельмож. И этот перснянин сделался известен среди жителей Дамаска, и они стали опнсывать ему свои недугн, а он давал им лекарства. И ему прнносили банки, наполненные мочой больных, и персиянин смотрел иа нее и говорнл: «Тот, кто налил мочу, которая в этой банке, болен такой-то и такой-то болезнью»,— а больной говорнл: «Поистине, этот врач прав!» Так персияиин стал лечить людям их болезни, и жнтели Дамаска собирались у него, и весть о ием распространилась в городе и в домах вельмож.

И вот в один из дней ои сиднт, и вдруг прнблнжается к нему старуха верхом иа осле, чепрак на котором был из парчн, украшеиной драгоценными камнями. И старуха остановилась возле лавки персиянина, и, привязав осла за уздечку, сделала персияиину знак, и сказала: «Возьми меня за руку»,— и персиянин взял старуху за руку, и оиа слезла с осла и спросила: «Это ты — персидский врач, прибывший из Ирака?» — «Да»,— отвечал врач. И старуха сказала: «Знай, у меня есть дочь, и она больна». И старуха вынула банку и когда перснянин взглянул на то, что было в банке, он спросил: «О госпожа, скажи, как зовут эту девушку, чтобы я мог вычнслить ее звезду и узнать, в какое время ей подойдет пить лекарство». И старуха сказала: «О брат персов, ее зовут Нум...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволеиные речи.

ДВЕСТИ СОРОК ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести сорок вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин, услышав имя Нум, начал считать и писать на руках, и сказал: «О госпожа, я не пропишу ей лекарства, пока не узнаю, из какой она земли, из-за различия в воздухе. Осведомь же меня, в какой земле она воспиталась и сколько прошло лет ее жизни».— «Ее жизни четырнадцать лет, а воспиталась она на земле Куфы, что в Ираке»,— отвечала старуха. И персиянин спросил: «А сколько месяцев она в этих краях?» — и старуха ответила: «Она прожила в этих краях немного месяцев».

И когда Нима услышал слова старухи и узнал имя своей пленницы, его сердце затрепетало, и он потерял сознание. А персиянин сказал старухе: «Ей подойдут такие-то и такие-то лекарства», а старуха молвила: «Смешай, что хочешь, и дай мне то, что ты писал, с благословения Аллаха великого»,— и бросила ему на прилавок десять динаров. И врач посмотрел на Ниму и велел ему приготовить для старухи лекарственные зелья, а старуха смотрела на него и говорила: «Защити тебя Аллах, о дитя мое,— твой вид подобен ее виду».

А потом старуха спросила персиянина: «О брат персов, это твой невольник или твой сын?» И персидский врач отвечал ей: «Это мой сын». А Нима собрал нужные зелья и положил их в коробочку, и, взяв бумажку, написал на ней такие двустишия:

И если пожалует один только взгляд мне Нум,—
Пусть счастья не знает Суд, не будет прекрасной Джумль[1].

Сказали: «Забудь ее и двадцать возьмешь таких»,—
Но нет ей подобия, ее не забуду я.

Потом он засунул бумажку в коробочку и написал на крышке коробочки куфическим почерком[2]: «Я Нима ибн ар-Раби-куфиец», и поставил коробочку перед старухой. Та взяла ее и простилась с ними, и поехала обратно, направляясь во дворец халифа.

---

[1] Игра слов, основанная на нарицательном значении имен: Суд — значит «счастье», Джумль — «красота».

[2] Куфический почерк — твердый, угловатый шрифт, которым написано большинство дошедших до нас древних списков корана и сохранившихся надписей на камнях.

И когда старуха поднялась с зельями к девушке, она поставила перед ней коробочку с лекарствами и сказала: «О госпожа, знай, что в наш город пришел врач персиянин, и я не видела никого прозорливее и осведомленнее в делах болезней, чем он. Я назвала твое имя, после того как он увидел банку, и он узнал, какая у тебя болезнь, и прописал тебе лекарство, а потом он отдал приказание своему сыну, и тот составил для тебя вот это лекарство. И в Дамаске нет никого красивее и изящнее, чем его сын, и ни у кого не найдется лавки такой, как у него».

И Нум взяла коробочку и увидела, что на ее крышке написано имя ее господина и имя его отца, и, когда она увидела это, у нее изменился цвет лица, и она про себя воскликнула: «Нет сомнения, что владелец этой лавки пришел из-за меня!» — «Опиши мне этого юношу»,— сказала она старухе, и та ответила: «Его зовут Нима, и над правой бровью у него пятнышко, и одет он в роскошные одежды и обладает совершенной красотой».— «Подай мне лекарство, с благословения Аллаха великого и с его помощью»,— сказала девушка и взяла лекарство и выпила его, смеясь, и сказала старухе: «Поистине, это благословенное лекарство!»

Потом она осмотрела коробочку и, увидев бумажку, повернула ее и прочитала, а поняв ее смысл, она уверилась, что тот юноша — ее господин, и успокоилась душою, и обрадовалась. И, увидев, что девушка засмеялась, старуха воскликнула: «Поистине, этот день — день благословенный!» — а Нум промолвила: «О надсмотрщица, я хочу чего-нибудь поесть и выпить». И старуха сказала невольницам: «Подайте вашей госпоже столы с роскошными кушаньями!» — и Нум подали столы, и она села есть.

Вдруг вошел к ним Абд-аль-Мелик ибн Мерван, и, увидев, что девушка сидит и ест кушанья, он обрадовался, а надсмотрщица сказала ему: «О повелитель правоверных, поздравляем тебя с выздоровлением твоей невольницы Нум. В этот город прибыл один врач (я не видала никого осведомленнее в болезнях и лекарствах), и я принесла ей от него лекарство, которое она приняла один раз, и выздоровление пришло к ней, о повелитель правоверных».— «Возьми тысячу динаров и позаботься о лекарствах, чтобы ее вылечить совсем»,— сказал повелитель правоверных и вышел радостный.

А старуха пошла в лавку персиянина и отдала ему тысячу динаров, осведомив его о том, что та девушка — невольница ха-

лифа. И она передала ему бумажку, которую иаписала Нум, а персиянин взял ее и передал Ниме, а тот, увидев ее, узнал почерк и упал без чувств. А придя в себя, он развериул бумажку и вдруг видит, в ней написано: «От девушки, чье счастье похищено, чей разум обманут, от расставшейся с любимым сердца». А после того: «Ваше письмо пришло ко мие, и расправилась грудь, и возрадовался разум, и было так, как сказал поэт:

Письмо прибыло! — Пусть бы пальцев я не лишилася,
То письмо.писавших,— их дух оно впитало.

И как будто Мусу вернули вновь его матери
Иль плащ Юсуфа принесли назад к Якубу[1]».

И когда Нима прочитал эти стихи, его глаза наполиились слезами, и надсмотрщица спросила его: «О чем ты плачешь, о дитя мое? Да не заставит Аллах твои глаза плакать!» — «О госпожа,— сказал ей персияиин,— как моему сыну ие плакать, когда эта девушка — его невольница, а он — ее господин, Нима ибн ар-Раби из Куфы? Выздоровление этой иевольницы зависит от того, чтобы его увидеть, и иет у нее другой болезии, кроме любви к нему...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СОРОК ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала двести сорок третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что персиянин сказал старухе: «Как моему сыну не плакать, когда эта девушка — его невольница, а он — ее господин, Нима ибн ар-Раби из Куфы? Выздоровление этой невольницы зависит от того, чтобы его увидеть, и нет у нее другой болезии, кроме любви к нему. Возьми же себе, о госпожа, эту тысячу динаров (а у меня будет для тебя еще больше) и посмотри на нас глазами милости. Мы не

---

[1] Муса — арабская форма имени Моисей. В библии говорится, что Моисей после своего появления на свет был положен матерью в корзину, которую пустили плыть по Нилу. Корзина была выловлена дочерью фараона, которая решила воспитать мальчика и пригласила в кормилицы его собственную мать

Якуб и Юсуф — арабская форма имен Иакова и Иосифа.

знаем, как исправить это дело, если не через тебя». И старуха спросила Ниму: «Ты ее господин?» И Нима ответил: «Да»,— и старуха сказала: «Ты говоришь правду — она непрестанно поминает тебя».

И Нима рассказал старухе о том, что с ним случилось, с начала до конца, и старуха сказала: «О юноша, ты найдешь встречу с нею только через меня»,— а затем она села верхом, и в тот же час и минуту вернулась, и, войдя к девушке, посмотрела ей в лицо, и засмеялась, и сказала: «О дочь моя, ты имеешь право плакать и хворать из-за разлуки с твоим господином Нимой ибн ар-Раби-куфийцем».— «Покров перед тобой поднят, и явилась тебе истина»,— воскликнула Нум, а старуха сказала ей: «Успокой свою душу и расправь грудь! Клянусь Аллахом, я соединю вас, даже если из-за этого пропадет моя душа!»

И потом она вернулась к Ниме и сказала ему: «Я воротилась к твоей невольнице и встретилась с нею, и нашла, что она тоскует по тебе больше, чем ты по ней, и повелитель правоверных хочет сойтись с нею, а она сопротивляется. Если у тебя тверд дух и ты силен сердцем, то я сведу вас и подвергну себя опасности, и придумаю уловку, и устрою хитрость, чтобы ты мог войти во дворец повелителя правоверных и встретиться с девушкой, ведь она не может выходить».— «Да воздаст тебе Аллах благом!» — воскликнул Нима.

И потом старуха простилась с ним, и, придя к девушке, сказала ей: «Душа твоего господина пропала из-за любви к тебе, и он хочет с тобою встретиться и достигнуть тебя. Что ты скажешь об этом?» — «У меня тоже пропала душа, и я хочу с ним встретиться»,— ответила Нум. И тогда старуха взяла узел, в котором были украшения и драгоценности, и платье из женских платьев, и пришла к Ниме, и сказала: «Пойдем в уединенное место».

Когда Нима вошел с нею в комнату позади лавки, она расписала его и разукрасила ему кисти рук и вплела ему в волосы вышитые ленты, а потом она одела его в женскую одежду и разукрасила его самым лучшим из того, чем украшаются невольницы. И стал Нима подобен одной из райских гурий, и, когда надсмотрщица увидала его в таком обличье, она воскликнула: «Благослови Аллах, лучший из творцов! Клянусь Аллахом, ты, право, прекраснее той девушки!» Потом она сказала: «Походи, выставляя левую ногу и отставляя правую, и тряси бедрами». И Нима стал ходить перед нею, как она ему велела.

И, когда, старуха увидела, что он знает женскую походку, она сказала: «Подожди, пока я приду к тебе завтра вечером, если захочет Аллах великий, и возьму тебя и приведу во дворец, и когда ты увидишь привратника и евнухов, укрепи свою решимость, опусти голову и не говори ни с кем: я переговорю с ними вместо тебя, и найду у Аллаха поддержку».

Когда наступило утро, на следующий день, надсмотрщица пришла к Ниме и, взяв его, пришла с ним во дворец, и старуха вошла впереди, а Нима сзади, следом за нею. И привратник хотел помешать ему войти, но старуха сказала ему: «О скверненший из рабов, это невольница Нум, любимица повелителя правоверных. Как же ты не даешь ей войти?» И она молвила: «Входи, девушка!» — и Нима вошел со старухой, и они все время шли, до тех дверей, через которые можно было попасть во двор перед дворцом.

«О Нима,— сказала тогда старуха,— укрепи свою душу и сделай сильным твое сердце. Войди во дворец, возьми налево, отсчитай пять дверей и войди в шестую — это дверь в помещение, приготовленное для тебя. Не бойся и, если кто-нибудь с тобою заговорит, не разговаривай с ним и не останавливайся». И потом старуха пошла с ним и достигла дверей, и ее встретил привратник, поставленный у этих дверей, и спросил: «Что это за девушка?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести сорок четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что привратник встретил старуху и спросил ее: «Что это за девушка?» — и старуха ответила ему: «Твоя госпожа хочет ее купить».— «Никто не войдет иначе, как с позволения повелителя правоверных,— сказал евнух.— Возвращайся с ней назад, я не дам ей войти, потому что мне так приказано».— «О великий привратник,— отвечала старуха,— вложи разум себе в голову! Нум, невольница халифа, сердце которого привязано к ней, идет к выздоровлению, и халиф не верит, что она поправилась. Она хочет купить эту невольницу, не мешай же ей войти, чтобы до Нум не дошло, что

ты ей помешал: тогда она на тебя разгневается, и болезнь снова вернется к ней. А если она на тебя разгневается, то найдет причину, чтобы тебе отрубили голову». Потом она сказала: «Входи, девушка, не слушай его слов и не говори царице, что привратник не позволял тебе войти».

И Нима опустил голову и вошел во дворец. И он хотел пойти влево, но ошибся и пошел вправо и, желая отсчитать пять дверей и войти в шестую, отсчитал шесть дверей и вошел в седьмую. И, войдя в эту дверь, он увидел помещение, устланное парчой, а на стенах его были шелковые занавески, вышитые золотом, и там стояли курильницы с алоэ, амброй и благоухающим мускусом. А на возвышении Нима увидел ложе, устланное парчой, и сел на это ложе и увидал великую пышность, и не знал он, что написано для него в неведомом.

И пока он сидел и думал о своей судьбе, вдруг вошла сестра повелителя правоверных, и с нею была ее невольница. И, увидав сидящего юношу, сестра халифа подумала, что это девушка и, подойдя к Ниме, спросила его: «Кто ты будешь, о девушка, в чем твое дело и кто привел тебя в это место?» — и Нима ничего не сказал и не дал ей ответа. «О девушка,— сказала тогда сестра халифа,— если ты из любимиц моего брата и он разгневался на тебя, я за тебя попрошу и постараюсь смягчить его к тебе»,— но Нима не дал ей ответа. И она сказала своей невольнице: «Постой у дверей комнаты и не давай никому войти»,— а потом подошла к Ниме и взглянула на него, и оторопела при виде его красоты.

«О девушка,— сказала она,— дай мне узнать, кто ты и как тебя зовут, и почему ты вошла сюда: я не видала тебя в нашем дворце»,— но Нима ничего не ответил. И тут сестра царя рассердилась и положила руку на грудь Нимы, и не нашла у него грудей. И она хотела раскрыть одежду Нимы, чтобы узнать, в чем дело, и тогда Нима сказал ей: «О госпожа, я твой невольник! Купи же меня, я становлюсь под твою защиту: защити же меня».— «С тобой не будет беды,— отвечала сестра халифа.— Кто же ты и кто привел тебя сюда, в мою комнату?» — «О царица,— отвечал Нима,— я зовусь Нимой, сыном ар-Раби из Куфы, и я подверг свою душу опасности из-за моей невольницы Нум, с которой аль-Хаджжадж схитрил и взял ее, и послал сюда».— «С тобой не будет беды»,— сказала сестра халифа. А потом она кликнула свою невольницу и сказала: «Пойди в комнату Нум!»

Тем временем надсмотрщица пришла в комнату Нум и спросила ее: «Приходил ли к тебе твой господин?» — «Нет, клянусь Аллахом!» — отвечала Нум. И старуха надсмотрщица сказала: «Может быть, он ошибся и вошел в другую комнату, и сбился с дороги к твоему помещению», и тогда Нум воскликнула: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Кончился срок для нас всех и мы погибли!»

Они сидели, размышляя, и, пока это было так, вдруг вошла к ним невольница сестры халифа и приветствовала Нум, и сказала: «Моя госпожа зовет тебя к себе в гости»,— и Нум отвечала ей: «Слушаю и повинуюсь!» — «Может быть, твой господин у сестры халифа и покров снят»,— сказала подсмотрщица. И Нум в тот же час и минуту встала и пошла к сестре халифа, и та сказала ей: «Вот твой господин сидит у меня, он как будто ошибся помещением. Но ни для тебя, ни для него не будет страха, если захочет Аллах великий». И, когда Нум услышала эти слова от сестры царя, ее душа успокоилась, и она подошла к своему господину Ниме, а тот, увидав ее, поднялся ей навстречу, и они обнялись...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СОРОК ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести сорок пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Нима, увидав невольницу Нум, поднялся ей навстречу, и они прижали друг друга к груди, а затем оба упали на землю без сознания. А когда они очнулись, сестра халифа сказала им: «Сядьте, и подумаем, как избавиться от той беды, в которую мы попали».— «О госпожа, от нас — внимание и повиновение, а от тебя — приказ»,— отвечали они. И сестра халифа воскликнула: «Клянусь Аллахом, вас не постигнет от нас никакое зло!»

Затем она сказала своей невольнице: «Принеси кушанья и напитки»,— и невольница принесла это. И тогда они сели и поели достаточно, чтобы насытиться, и затем сели пить. И заходили между ними чаши, и прекратились их печали, и Нима воскликнул: «О, если бы я знал, что будет потом»,— а сестра халифа спросила: «О Нима, любишь ли ты Нум, свою невольницу?» — и он отвечал: «О госпожа, любовь к ней заставила

меня сделать все это и подвергнуть себя опасности». А затем она спросила Нум: «О Нум, любишь ли ты своего господина Ниму?» — и Нум ответила: «О госпожа, от любви к нему растаяло мое тело и изменился мой вид».— «Клянусь Аллахом, вы любите друг друга, и пусть не будет того, кто разлучит вас! Успокойте же ваши души и прохладите глаза!» — воскликнула сестра халифа, и они обрадовались.

И Нум потребовала лютню, и ей принесли ее, и, взяв лютню, она настроила ее и ударила по ней один раз, и, затянув напев, произнесла такие стихи:

Когда разлучить враги хотели упорно нас,
Хоть мстить ни тебе, ни мне н не за что было им.

Набегами всякими терзали они наш слух,
И мало защитников нашлось и помощников.

Со стрелами глаз твоих тогда я напал на них,
А сам захватил я меч, огонь и поток воды.

А потом Нум дала лютню своему господину Ниме и сказала ему: «Скажи нам стихотворение»,— и Нима взял лютню, и настроил ее, и, затянув напев, произнес такие стихи:

Подобен бы месяц был тебе, но заходит он,
Лик солнца бы был, как ты, но только он с пятнами.

Дивлюсь я,— а сколько есть в любви всегда дивного.
Заботы не мало в ней, в ней страсть и страдание.

Дорога мне кажется столь близкой, когда иду
К любимой, но путь далек, когда я иду назад.

А когда он кончил говорить стихи, Нум наполнила кубок и подала ему, и Нима взял кубок и выпил, а затем Нум наполнила другой кубок и подала его сестре халифа, и та выпила его, и взяла лютню, и настроив ее, натянула струны, и произнесла такие стихи:

Печаль и грусть в душе моей поселились,
И внутри меня страсть великая так упорна.

Худ я телом так, что явно это стало всем,
Ведь любовью тело давно мое хворает

И потом она наполнила кубок и подала его Ниме, а тот выпил и, взяв лютню, настроил на ней струны, и произнес такие стихи:

О тот, кому дух я дал, а он стал терзать его!
Я вырвать его хотел,— но сил не нашел в себе.

Подай же влюбленному спасенье от гибели,
Пока не настала смерть,— и вот мой последний вздох.

И они, не переставая, говорили стихи под звуки струн и проводили время в наслаждении, блаженстве, радости и веселье, и пока это было так, вдруг вошел к ним повелитель правоверных. И, увидав его, они встали и поцеловали землю меж его рук, и халиф, увидев Нум с лютней, воскликнул: «О Нум, слава Аллаху, который удалил от тебя бедствие и боль!» Потом он обернулся к Ниме, который был все в том же виде, и спросил: «Сестрица, кто эта девушка, которая рядом с Нум?» — «О повелитель правоверных,— отвечала ему сестра,— у тебя есть невольница, среди твоих любимиц, добрая нравом, и Нум не ест и не пьет иначе, как с нею». И она произнесла слова поэта:

Они разные, и сошлись они по различию —
Красота несходных всегда видна по несходству их.

«Клянусь Аллахом великим,— воскликнул халиф,— она так же красива, как Нум, и завтра я прикажу отвести ей комнату рядом с комнатой Нум и выдам ей ковры и циновки, и доставлю все, что ей подходит, из уважения к Нум».

И сестра халифа приказала подать кушанья и предложила их своему брату, и тот поел и сидел с ними за этим пиром и трапезой. И он наполнил кубок и сделал Нум знак, чтобы она сказала ему какие-нибудь стихи. И Нум взяла лютню, выпив сначала два кубка, и ударила по струнам, затянула напев и произнесла такие два стиха:

Когда сотрапезник даст мне выпить и выпить вновь
Три кубка, наполненных бродящею влагой,

Я стану влачить подол кичливо, как будто я
Эмир правоверных всех, эмир над тобою.

И повелитель правоверных пришел в восторг и наполнил еще кубок, и, подав его Нум, приказал ей спеть, и она, выпив сначала кубок, попробовала струны и произнесла такие стихи:

Вот лучший среди людей в дни наши, и нет ему
Подобного, чтобы мог тем делом прославиться.

Единственный в высоте, и славен престол его,
О царь и владыка наш, повсюду прославленный!

Владыка царей земных и всех без изъятия,
Обильно ты жалуешь без скуки и устали.

Господь сохрани тебя, назло и к тоске врагов,
Успех и победа пусть украсят звезду твою!

И когда халиф услышал от Нум эти стихи, он воскликнул: «Клянусь Аллахом, хорошо! Клянусь Аллахом, прекрасно! От Аллаха твой дар, о Нум! Как красноречив твой язык и как ясна твоя речь» И они пребывали в веселье и радости до полуночи, а затем сестра халифа сказала: «Послушай, о повелитель правоверных: я видала в какой-то книге рассказ про одного знатного вельможу».— «А что это за рассказ?» — спросил халиф.

И сестра его сказала: «Послушай, о повелитель правоверных. Был в городе Куфе юноша, по имени Нима ибн ар-Раби, и была у него невольница, и он любил ее, и она любила его (а она воспиталась с ним на одной постели). И когда они достигли зрелости, и ими овладела любовь друг к другу, судьба поразила их своей превратностью, и время подавило их своими несчастьями, и судило оно им расстаться. И доносчики схитрили с девушкой, и она вышла из дома своего господина, и ее взяли и украли из его жилища, а потом укравший девушку продал ее одному из царей за десять тысяч динаров. А девушка так же любила своего господина, как и он любил ее, и ее господин оставил свою семью и свое богатство, и дом свой, и отправился искать девушку, и нашел способ с нею встретиться, и ее увидеть, и он подвергал себя опасности...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СОРОК ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести сорок шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, как сестра повелителя правоверных говорила: «Нима пребывал в разлуке со своей семьей и родиной и нашел способ встретиться со своей невольницей, и он подвергал себя опасности и не жалел своей души, пока не сумел встретиться с невольницей, а звали ее Нум. И когда он встретился с нею, они не успели усесться, как вошел к ним царь, купивший ее у человека, который ее украл, и он был поспешен с ними и велел их убить, не оказав им справедливости и не отсрочив над ними свой суд...» Что ты скажешь,

о повелитель правоверных, о столь малой справедливости этого царя?» — «Поистине, это предивная вещь, и этому царю надлежало простить их, при своей мощи! — воскликнул повелитель правоверных.— Ему следовало помнить относительно них три вещи: во-первых, они любили друг друга, во-вторых, они находились в его жилище и в его руках, и, в-третьих, царю надлежит быть медлительным, творя суд над людьми. Так как же ему не медлить в деле, которое с ним связано? Этот царь совершил дело, не похожее на дела царей».— «О брат мой,— сказала сестра халифа,— ради царя небес и земли, прикажи Нум петь и послушай то, что она споет».— «О Нум, спой мне!» — воскликнул халиф. И Нум затянула напев и произнесла такие стихи:

Обмануло время — всегда оно обманет,
Разит сердца и рождает думы время.

Разлучит оно после жизни вместе возлюбленных,
И увидишь ты на ланитах слез потоки.

Я жила и жили; и жизнь моя светла была,
Когда судьба свела нас, и обильна.

И я буду плакать и кровь и слезы струею лить,
По тебе печалясь и днями и ночами.

И, когда повелитель правоверных услышал эти стихи, он пришел в великий восторг, и сестра его сказала ему: «О брат мой, кто сам присудил себя к чему-нибудь, должен придерживаться этого и поступать по своему слову. И ты сам совершил над собою такой суд.— Потом она сказала: — О Нима, встань на ноги, и ты тоже встань, о Нум». И когда они встали, сестра халифа сказала: «О повелитель правоверных, та, что встала,— это украденная Нум, которую похитил аль-Хаджжадж ибн Юсуф ас-Сакафи и прислал тебе, и солгал он, утверждая в своем письме, что купил девушку за десять тысяч динаров. А этот, что встал,— Нима ибн ар-Раби, ее господин. И я прошу тебя — из уважения к твоим пречистым предкам и ради Хамзы, Акиля и аль-Аббаса [1] прости их и отпусти им их преступления. Подари их друг другу, чтобы получить за них награду и воздаяние. Они находятся в твоей руке и поели твоей пищи, и выпили твоего питья, и я ходатайствую за них и прошу подарить мне их кровь».

---

[1] Хамза ибн Абд-аль-Мутталиб — дядя пророка Мухаммеда и один из первых его последователей.

Акиль ибн Абу-Талиб — брат халифа Али.

Аль-Аббас ибн Абд-аль-Мутталиб — дядя пророка Мухаммеда, родоначальник династии Аббасидов.

«Ты права,— воскликнул халиф,— я так решил и не буду решать и потом брать назад!» — «О Нум,— спросил он затем,— это твой господин?» — и Нум ответила: «Да, о повелитель правоверных»,— и тогда халиф молвил: «С вами не будет беды,— я подарил вас друг другу!» — «О Нима, как ты узнал о ее местопребывании и кто описал тебе это место?» — спросил халиф. И Нима сказал: «О повелитель правоверных, выслушай мою повесть и прислушайся к моему рассказу, и клянусь твоими отцами и пречистыми дедами, я ничего от тебя не скрою».

И затем он рассказал халифу обо всех бывших с ним делах и о том, что сделал персидский врач и что сделала надсмотрщица, как она ввела его во дворец, а он ошибся дверями...

И халиф до крайности удивился этому. «Ко мне персиянина!» — сказал он потом, и персиянина привели к халифу, и тот назначил его в число своих приближенных и наградил его одеждами, и приказал выдать ему прекрасную награду, и молвил: «Тому, кто это придумал, надлежит быть в числе наших приближенных».

А после этого халиф облагодетельствовал Ниму и Нум и оказал им милость и облагодетельствовал надсмотрщицу, и они прожили у него семь дней в радости, удовольствиях и приятнейшей жизни, и затем Нима попросил у халифа разрешения уехать, вместе со своей невольницей, и халиф разрешил им уехать в Куфу.

И они уехали, и Нима повидался со своим отцом и своей матерью, и жили они наилучшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний».

РАССКАЗ ОБ АЛЬ-АМДЖАДЕ И АЛЬ-АСАДЕ

(Продолжение)

И когда аль-Амджад и аль-Асад услышали от Бахрама этот рассказ, они до крайности удивились и сказали: «Поистине, этот рассказ удивителен...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СОРОК СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести сорок седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Амджад и аль-Асад услышали от Бахрама-мага, который принял ислам, эту историю, они до крайности ей удивились. И они проспали эту ночь, а когда наступило утро, аль-Амджад и аль-Асад сели на коней и отправились во дворец султана, чтобы рассказать ему о путешествии, и явились, и пожелали войти к царю. И они попросили разрешения войти, и царь разрешил им, и когда они вошли, он оказал им почет, и они сели беседовать.

И пока это было так, вдруг жители города начали кричать и вопить, и звать на помощь, и царедворец вошел к царю и осведомил его о том, что некий царь из царей расположился вокруг города со своими войсками. «И они обнажили оружие, и не знаем мы, каковы их намерения и желания».

И царь рассказал своему везирю аль-Амджаду и его брату аль-Асаду о том, что он услышал от царедворца, и аль-Амджад сказал: «Я выеду к нему и выясню, в чем с ним дело».

И аль-Амджад выехал в окрестности города и увидал царя, с которым было большое войско и конные мамлюки, и, увидев аль-Амджада, все поняли, что это посланный от царя города, и его взяли и привели пред лицо султана. И когда аль-Амджад оказался перед царем, он поцеловал землю меж его рук, и вдруг видит — этот царь — женщина, прикрывавшая себе лицо покрывалом.

«Знай,— сказала она,— что нет у меня желания взять у вас этот город. И пришла я к вам лишь потому, что ищу одного безбородого невольника. И если я его найду у вас, с вами не будет беды, а если не найду, у меня с вами будет сильный бой».— «О царица, каков облик этого невольника, что с ним случилось и как его зовут?» — спросил аль-Амджад. И царица сказала: «Его зовут аль-Асад, а меня зовут Марджана. И этот невольник прибыл ко мне вместе с магом Бахрамом, и тот не согласился продать его, и я взяла его у него силой. И Бахрам напал на него и тайком взял его у меня ночью, что же касается его примет, то они такие-то и такие-то».

И когда аль-Амджад услышал это, он понял, что этот невольник — его брат, и сказал царице: «О царица, хвала Аллаху, который послал нам помощь! Этот невольник — мой брат!» И затем он рассказал ей свою историю и то, что случилось с

ними в чужой стране, и поведал ей о причине ухода с Эбеновых островов, и царица Марджана удивилась этому и обрадовалась встрече с аль-Асадом, и наградила его брата аль-Амджада, и потом аль-Амджад возвратился к царю и осведомил его о случившемся, и все обрадовались.

И царь с аль-Асадом выехали, желая встретиться с царицей, и, войдя к ней, сели беседовать, и пока это было так, вдруг поднялась пыль и затянула края неба, а через минуту эта пыль рассеялась, обнаружив влачащееся войско, подобное взбаламученному морю, и воины были одеты в кольчуги и оружие. И они направились к городу и окружили его, как кольцо окружает мизинец, и обнажили мечи. И аль-Асад с аль-Амджадом воскликнули: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Что это за большое войско? Нет сомнения, это враги, и, если мы не сговоримся с царицей Марджаной, чтобы совместно вступить с ними в бой, они возьмут у нас город и убьют нас, и нет другой хитрости, как выйти к ним и разъяснить, в чем их дело».

И аль-Амджад выехал из городских ворот и проехал мимо войск царицы Марджаны, а достигнув второго войска, он увидел, что это войско его деда, царя аль-Гайюра, отца его матери, царицы Будур...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СОРОК ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести сорок восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда аль-Амджад достиг второго войска, он увидал, что это войско его деда, царя аль-Гайюра, владыки островов и морей и семи дворцов.

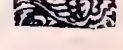
И, оказавшись перед ним, аль-Амджад поцеловал землю меж его рук и передал ему послание, а царь сказал: «Мое имя царь аль-Гайюр, и пришел я, странствуя по дорогам, так как время поразило меня и разлучило с моей дочерью Будур. Она рассталась со мной и уехала вместе с мужем своим, Камар-ар-Заманом, и с тех пор ко мне не вернулась, и я не слышал вестей ни о ней, ни о муже ее, Камар-аз-Замане. Есть ли у вас сведения о них?»

И, услышав это, аль-Амджад склонил на некоторое время голову к земле, размышляя, и убедился он в том, что этот царь — его дед, отец его матери. И он поднял голову и поцеловал землю меж рук царя и рассказал ему, что он сын его дочери Будур. И, услышав, что он сын его дочери Будур, царь бросился к нему, и они стали плакать, а затем, царь аль-Гайюр воскликнул: «О дитя мое, хвала Аллаху за благополучие, раз я встретился с тобой».

И аль-Амджад рассказал ему, что его дочь Будур в добром здоровье, и Камар-аз-Заман, отец его также, и сообщил ему, что они в городе, который называется Эбеновый остров: и поведал царю о том, что его отец разгневался на него и на его брата и велел их убить, но что казначей пожалел их и оставил их, не убив. И царь сказал ему: «Я вернусь с тобою и твоим братом к твоему отцу и помирю вас, и останусь с вами»,— и тогда аль-Амджад поцеловал землю меж его рук и обрадовался.

И после этого царь аль-Гайюр наградил своего внука аль-Амджада, и тот, улыбаясь, вернулся к царю и поведал ему историю царя аль-Гайюра, и царь до крайности удивился этому. И потом он послал царю аль-Гайюру все нужное для приема гостя: баранов, коней, верблюдов и корм, и другое. И он выставил царице Марджане столько же, и ее осведомили о случившемся, и она сказала: «Я с моим войском отправлюсь с вами и буду стараться вас помирить».

ПОВЕСТЬ О КАМАР-АЗ-ЗАМАНЕ И ЦАРЕВНЕ БУДУР



(Продолжение)

И пока это было так, вдруг поднялась пыль, которая затянула края неба, так что день почернел от нее, и услышали за этой пылью крики и вопли, и ржание коней, и увидали блистающие мечи и выставленные зубцы копий. И когда новые войска приблизились к городу и увидели оба другие войска, они забили в барабаны, и при виде этого царь воскликнул: «Сегодняшний день, поистине, день благословенный! Хвала Аллаху, который помирил нас с этими двумя войсками. И если Аллах захочет, он помирит нас с этим войском также!» — «О Амджад и

Асад,— сказал он потом,— выезжайте и разъясните нам дело с этими войсками. Поистине, это войско многочисленное, больше которого я не видал».

И оба, аль-Амджад и его брат аль-Асад, выехали, после того как царь запер ворота города, боясь войск, окруживших его, и открыли ворота и ехали, пока не прибыли к подошедшему войску и вдруг видят — это войско царя Эбенового острова, и в войске их отец Камар-аз-Заман, и, увидав его, оба брата поцеловали перед ним землю и заплакали. А Камар-аз-Заман, увидев юношей, бросился к ним и разразился сильным плачем. Он попросил у них прощения и некоторое время прижимал их к груди, а потом он рассказал им, какую он испытал после них сильную тоску, расставшись с ними.

И затем аль-Амджад и аль-Асад рассказали Камар-аз-Заману, что царь аль-Гайюр прибыл к ним, и Камар-аз-Заман сел верхом, во главе своих приближенных, взяв с собою своих сыновей, аль-Амджада и аль-Асада, и они ехали, пока не подъехали близко к войску царя аль-Гайюра. И один из них выехал вперед к царю аль-Гайюру и рассказал ему, что Камар-аз-Заман прибыл.

И царь выехал ему навстречу, и они встретились друг с другом и подивились всем этим делам и тому, как они встретились в этом месте. И жители города устроили пиры и приготовили разные кушанья и сладости, и предоставили коней, и верблюдов, и угощение, и корм, и все, в чем нуждались войска.

И пока это было так, вдруг поднялась пыль, которая застлала края неба, и земля задрожала под конями, и барабаны гудели, как порывистый ветер, и войско целиком было вооружено и в кольчугах, и все воины были одеты в черное, и среди них был глубокий старец, борода которого достигала до груди, и на нем были черные одежды. И когда жители города увидели это большое войско, правитель города сказал царям: «Хвала Аллаху, что вы собрались по изволению Аллаха великого в один день и оказались все знакомыми. Что же это за влачащееся войско, которое заполнило землю со всех сторон?» — «Не бойся,— сказали ему цари,— нас трое царей, и у каждого царя многочисленное войско, если это враги, мы с ними сразимся, хотя бы к ним прибавилось еще трижды столько».

И пока это было так, вдруг подъехал посланец от этих войск, направляясь к городу, и его поставили перед Камар-аз-Заманом, царем аль-Гайюром, царицей Марджаной и тем царем,

правителем города, и посланный поцеловал землю и сказал: «Это царь из земель персов, и он потерял много лет назад своего сына, и ходил, разыскивая его, по разным странам; если он найдет его у вас, с вами не будет беды, если же он его не найдет, у него с вами будет война, и он разрушит ваш город».— «До этого не дойдет,— сказал Камар-аз-Заман,— но как зовут этого царя в землях персов?» — «Его зовут царь Шахраман, властитель островов Халидан,— отвечал посланный.— Он набрал эти войска в тех странах, через которые проходил, разыскивая в них своего сына».

И когда Камар-аз-Заман услышал слова посланного, он испустил громкий крик и упал без чувств и пробыл в обмороке некоторое время, а очнувшись, он заплакал сильным плачем и сказал аль-Амджаду и аль-Асаду, и их приближенным: «Ступайте, о дети мои, с послом и приветствуйте вашего деда, царя Шахрамана, и порадуйте его вестью обо мне — он печалится, потеряв меня, и до сего времени носит из-за меня черные одежды». И он рассказал присутствующим царям обо всем, что с ним случилось в дни его юности, и все цари удивились этому. А затем они с Камар-аз-Заманом спешились и пришли к его отцу. И Камар-аз-Заман приветствовал своего отца, и они обняли друг друга и некоторое время лежали без чувств от сильной радости. А когда они очнулись, Камар-аз-Заман рассказал своему отцу обо, всем что с ним произошло. И когда Камар-аз-Заман поведал ему обо всем, что случилось с ним и произошло с женой его, царевной Будур, и сыновьями его, аль-Амджадом и аль-Асадом, они вышли ко всем присутствующим, и остальные цари приветствовали царя Шахрамана.

И Марджану воротили в ее страну, выдав ее сначала замуж за аль-Асада. Ей приказали не прерывать обмена посланиями, и она уехала. А потом аль-Амджада женили на Бустан, дочери Бахрама, и все отправились в Эбеновый город. И Камар-аз-Заман вошел к своему тестю и осведомил его обо всем случившемся и о том, как он встретился со своими детьми, и царь обрадовался и поздравил его с благополучием.

А затем царь аль-Гайюр, отец царицы Будур, вошел к своей дочери и приветствовал ее, и утолил свою тоску по ней. И они прожили в Эбеновом городе целый месяц, и после этого царь аль-Гайюр с дочерью отправился в свою страну...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ СОРОК ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести сорок девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь аль-Гайюр отправился с дочерью и людьми в свою страну и взял с собою аль-Амджада, и они двинулись в свои земли. И, расположившись в своем царстве, царь аль-Гайюр посадил аль-Амджада править страной вместо себя. И аль-Амджад правил страной деда и стал царем островов и морей и семи дворцов.

Что касается Камар-аз-Замана, то он посадил своего сына аль-Асада править вместо себя в городе его деда, царя Армануса, владыки Эбеновых островов, и дед согласился на это.

Потом Камар-аз-Заман собрался и поехал со своим отцом царем Шахраманом, и они достигли островов Халидан. И город для них украсили и не переставали бить в литавры целый месяц.

И Камар-аз-Заман сидел и управлял вместо своего отца, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, а Аллах лучше знает».

И царь сказал Шахразаде: «Поистине, этот рассказ очень удивителен!» — а Шахразада ответила: «О царь, этот рассказ не удивительнее, чем рассказ об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате». «А каков рассказ об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате?» — спросил царь.

РАССКАЗ ОБ АЛА-АД-ДИНЕ АБУ-Ш-ШАМАТЕ

«Дошло до меня, о счастливый царь,— сказала Шахразада,— что был в древние времена и минувшие века и годы один человек, купец в Каире, которого звали Шамс-ад-дин. И был он из лучших купцов и самых правдивых в речах, и имел слуг и челядь, и рабов, и невольников, и большие деньги, и состоял старшиной купцов в Каире.

И была у него жена, и он любил ее, и она его любила; но только он прожил с ней сорок лет, и не досталось ему от нее ни дочери, ни сына. И вот в один из дней он сидел в своей лавке, и увидел он, что у каждого из купцов был сын, или двое сыновей, или больше, и они сидели в лавках, как их отцы. А в тот день была пятница, и этот купец пошел в баню и вымылся, как моются в пятницу, а выйдя, он взял зеркало цирюльника и посмотрел в него на свое лицо, и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед — посланник Аллаха!» — а потом взглянул на свою бороду и увидел, что белое в ней покрыло черное; и вспомнил он, что седина — посланец смерти.

А его жена знала время его возвращения и мылась, и приводила себя для него в порядок; и когда купец вошел к ней, она сказала ему: «Добрый вечер!» Но он отвечал ей: «Я не видел добра!»

А жена купца сказала невольнице: «Подай столик с ужином!» И невольница принесла еду, и жена купца сказала: «Поужинай, господин мой»; а купец отвечал: «Я не стану ничего есть!» — и пихнул столик ногой, и отвернул лицо от жены.

«Почему это и что тебя опечалило?» — спросила его жена; и купец сказал: «Ты причина моей печали...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ДВУХСОТ ПЯТИДЕСЯТИ

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот пятидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Шамсад-дин сказал своей жене: «Ты причина моей печали!» — «Почему?» — спросила его жена. «Потому,— отвечал купец,— что, когда я сегодня открыл лавку, я увидел у каждого из купцов сына, или двух сыновей, или больше, и они сидели в лавках, как их отцы, и я сказал себе: «Поистине, тот, кто взял твоего отца, тебя не оставит!» А в ту ночь, когда я вошел к тебе, ты взяла с меня клятву, что я не женюсь ни на ком, кроме тебя, и не возьму себе в наложницы ни абиссинскую, ни румскую, ни какую-нибудь другую невольницу и не проведу ночи вдали от тебя,— но дело в том, что ты бесплодная и жить с тобой — все равно что с камнем».— «Имя Аллаха да будет надо мною! — воскликнула жена купца.— Поистине, задержка от тебя, а не от меня, потому что твое семя прозрачное».— «А что с тем, у кого семя прозрачное?» — спросил купец; и его жена отвечала: «Он не делает женщин беременными и не приносит детей».— «А где то, чем замутить семя? Я куплю это,— может быть, оно замутит мне семя?» — спросил купец; и жена его сказала: «Поищи у москательщиков».

И купец проспал ночь, и утром он раскаялся, что упрекал жену, а она раскаялась, что упрекала его. И он отправился на рынок и нашел одного москательщика, и сказал ему: «Мир с вами!» И москательщик ответил на его привет, и купец спросил его: — «Найдется у тебя чем замутить мне семя?» — «У меня это было, да вышло, но спроси у соседа»,— ответил москательщик; и купец ходил и спрашивал, пока не спросил всех (а они над ним смеялись), и потом он вернулся к себе в лавку и сидел огорченный.

А на рынке был один человек, гашишеед, начальник маклеров, который принимал опиум и барш[1], и употреблял зеленый гашиш, и звали этого начальника шейх Мухаммед Симсим, и жил он в бедности. И всякий день он обычно приходил утром к этому купцу. И вот он пришел, как обычно, и сказал ему: «Мир с вами!» И купец ответил на его приветствие сердито. «О господин, почему ты сердит?» — спросил Мухаммед; и купец рассказал ему обо всем, что случилось у него с женой, и сказал: «Я сорок лет женат, и моя жена не забеременела от меня ни сыном, ни дочерью, и мне сказали: «Она не беременеет потому, что у тебя семя прозрачное». И я стал искать чего-нибудь, чтобы замутить себе семя, и не нашел».

«О господин,— сказал Мухаммед,— у меня есть чем замутить семя. Что ты скажешь о том, кто сделает твою жену беременной от тебя после этих сорока лет, что минули?» — «Если ты это сделаешь, я окажу тебе милость и облагодетельствую тебя!» — отвечал купец. И Мухаммед сказал: «Дай мне динар!» — «Возьми эти два динара!» — воскликнул купец; и Мухаммед взял их и сказал ему: «Подай мне эту фарфоровую миску». И купец дал ему миску, и Мухаммед отправился к торговцу травами и взял у него унции две румского мукаркара и немного китайской кубебы, и корицы, и гвоздики, и кардамона, и имбиря, и белого перцу, и горную ящерицу и истолок все это, и вскипятил в хорошем растительном масле. И еще он взял три унции крупинок ладана и с чашку чернушки, и размочил, и сделал из всего этого тесто с румским пчелиным медом, и положил его в миску, вернулся к купцу, и отдал ему миску.

«Вот чем можно замутить семя,— сказал он ему.— Тебе следует, после того как ты поешь мяса барашка и домашнего голубя, положив туда много горячительных приправ и пряностей, съесть этого теста на конце лопаточки, а потом поужинать и запить чистым разведенным сахаром».

И купец велел принести все это и отослал своей жене вместе с барашком и голубем, и сказал: «Приготовь это хорошенько и возьми замутитель семени, и храни его у себя, пока он мне не понадобится и я его у тебя не потребую».

И жена купца сделала так, как он приказал ей, и поставила ему еду, и купец поел, а потом он потребовал ту миску и поел

[1] **Барш** — наркотическое средство.

из нее, и ему понравилось и он съел остаток, а затем он познал свою жену, и она зачала от него в ту ночь.

И над ней прошел первый месяц, и второй, и третий, и крови прекратились и перестали идти, и жена купца узнала, что она понесла, и дни ее прошли до конца, и ее схватили потуги, и поднялись крики, и повитухе пришлось потрудиться при родах.

И повитуха охраняла новорожденного именами Мухаммеда и Али и сказала: «Аллах велик!» — и пропела ему в уши азан[1], а потом она завернула младенца и передала его матери. И та дала ему грудь и стала его кормить, и младенец попил и насытился, и заснул. И повитуха оставалась у них три дня, пока не сделали мамунию[2] и халву, и ее раздали на седьмой день. А потом рассыпали соль, и купец пришел и поздравил свою жену с благополучием, и спросил ее: «Где залог Аллаху?» И она подала ему новорожденного редкой красоты — творение промыслителя вечносущего, и было ему семь дней, но тот, кто видел его, говорил, что ему год.

И купец посмотрел младенцу в лицо и увидел сияющий месяц (а у него были родинки на обеих щеках), и спросил свою жену: «Как ты его назвала?» А она ответила: «Будь это девочка, ее назвала бы я, но это сын, и никто не назовет его, кроме тебя». А люди в те времена давали своим детям имя по предзнаменованию.

И вот, когда они советовались об имени, кто-то сказал своему товарищу: «О господин мой, Ала-ад-дин». И купец сказал жене: «Назовем его Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат»[3]. И он назначил младенцу кормилиц и нянек, и младенец пил молоко два года, а потом его отняли от груди, и он стал расти и крепнуть, и начал ходить по земле. А когда мальчик достиг семилетнего возраста, его отвели в подвал, боясь для него дурного глаза; и купец сказал: «Он не выйдет из подвала, пока у него не вырастет борода», и он назначил ему невольницу и раба, и невольница готовила ему стол, а раб носил ему пищу.

А потом купец справил обрезание мальчика и сделал великий пир, и после этого он позвал учителя, чтобы учить его, и тот учил мальчика письму и чтению корана, и наукам, пока он не стал искусным и сведущим.

---

[1] Азан — призыв к молитве у мусульман.
[2] Мамуния — пирог из сладкого теста.
[3] Абу-ш-Шамат — дословно: обладатель родинок.

И случилось, что раб принес Ала-ад-дину в какой-то день скатерть с кушаньем и оставил подвал открытым, и тогда Ала-ад-дин вышел из подвала и вошел к своей матери (а у нее было собрание знатных женщин). И когда женщины разговаривали с его матерью, вдруг вошел к ним этот ребенок, подобный пьяному мамлюку из-за своей чрезмерной красоты. И, увидя его, женщины закрыли себе лица и сказали его матери: «Аллах да воздаст тебе, о такая-то! Как же ты приводишь к нам этого постороннего мамлюка? Разве ты не знаешь, что стыд — проявление веры?» — «Побойтесь Аллаха! — воскликнула мать мальчика.— Поистине, это мой ребенок и плод моей души. Это сын старшины купцов, Шамс-ад-дина, дитя кормилицы, украшенное ожерельем, вскормленное корочками и мякишем».— «Мы в жизни не видели у тебя ребенка»,— сказали женщины. И мать Ала-ад-дина молвила: «Его отец побоялся для него дурного глаза и велел воспитывать своего сына в подвале, под землей...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятьдесят первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что мать Ала-ад-дина сказала женщинам: «Его отец побоялся для него дурного глаза и велел воспитывать его в подвале под землей. Может быть, евнух оставил подвал открытым, и он вышел оттуда,— мы не хотели, чтобы он выходил из подвала, пока у него не вырастет борода».

И женщины поздравили мать Ала-ад-дина, а мальчик ушел от женщин во двор при доме, а потом поднялся в беседку и сел там.

И когда он сидел, вдруг пришли рабы с мулом его отца, и Ала-ад-дин спросил их: «Где был этот мул?» И рабы сказали: «Мы доставили на нем товары в лавку твоего отца (а он ехал верхом) и привели его».— «Каково ремесло моего отца»! — спросил Ала-ад-дин. «Твой отец — старшина купцов в земле египетской и султан оседлых арабов»,— сказали ему.

И Ала-ад-дин вошел к своей матери и спросил ее: «О матушка, каково ремесло моего отца?» — «О дитя мое,— отвечала

ему мать,— твой отец — купец, и он старшина купцов в земле египетской и султан оседлых арабов, и его невольники советуются с ним, когда продают, только о тех товарах, которые стоят самое меньшее тысячу динаров, а товары, которые стоят девятьсот динаров или меньше,— о них они с ним не советуются и продают их сами. И не приходит из чужих земель товаров, мало или много, которые не попадали бы в руки твоему отцу, и он распоряжается ими, как хочет; и не увязывают товаров, уходящих в чужие земли, которые не прошли бы через руки твоего отца. И Аллах великий дал твоему отцу, о дитя мое, большие деньги, которых не счесть».— «О матушка,— сказал Ала-ад-дин,— хвала Аллаху, что я сын султана оседлых арабов и что мой отец — старшина купцов! Но почему, о матушка, вы сажаете меня в подвал и оставляете там запертым?»—«О дитя мое, мы посадили тебя в подвал только из боязни людских глаз; ведь сглаз — это истина, и большинство жителей могил умерли от дурного глаза»,— ответила ему мать.

И Ала-ад-дин сказал: «О матушка, а куда бежать от судьбы? Осторожность не помешает предопределенному, и от того, что написано, нет убежища. Тот, кто взял моего деда, не оставит и меня и моего отца: если он живет сегодня, то не будет жить завтра; и когда мой отец умрет, и я приду и скажу: «Я — Ала-ад-дин, сын купца Шамс-ад-дина»,— мне не поверит никто среди людей, и старики скажут: «Мы в жизни не видели у Шамс-ад-дина ни сына, ни дочери». И придут из казны и возьмут деньги отца. Да помилует Аллах того, кто сказал: «Умрет муж, и уйдут его деньги, и презреннейший из людей возьмет его женщин». А ты, о матушка, поговори с отцом, чтобы он взял меня с собой на рынок и открыл мне лавку: я буду сидеть там с товаром, и он научит меня продавать и покупать, брать и отдавать». И мать Ала-ад-дина сказала: «О дитя мое, когда твой отец приедет, я расскажу ему об этом».

И когда купец вернулся домой, он увидел, что его сын, Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, сидит подле своей матери, и спросил ее: «Почему ты вывела его из подвала?» И она сказала ему: «О сын моего дяди, я его не выводила, но слуги забыли запереть подвал и оставили его открытым. И я сидела (а у меня собрались знатные женщины), и вдруг он вошел к нам». И она рассказала мужу, что говорил его сын. И Шамс-ад-дин сказал ему: «О дитя мое, завтра, если захочет Аллах великий, я возьму тебя на рынок; но только, дитя мое, чтобы сидеть на рынках

и в лавках, нужна пристойность и совершенство при всех обстоятельствах».

И Ала-ад-дин провел ночь, радуясь словам своего отца; а когда настало утро, Шамс-ад-дин сводил своего сына в баню и одел его в платье, стоящее больших денег, и после того как они позавтракали и выпили питье, он сел на своего мула и посадил сына на мула позади себя, и отправился на рынок.

И люди на рынке увидели, что едет старшина купцов, а позади него ребенок мужского пола, подобный луне в четырнадцатую ночь, и кто-то сказал своему товарищу: «Посмотри на этого мальчика, который позади старшины купцов. Мы думали о нем благое, а он точно порей — сам седой, а сердце у него зеленое».

И шейх Мухаммед Симсим, начальник, прежде упомянутый, сказал купцам: «О купцы, мы больше не согласны, чтобы он был над нами старшим. Никогда!»

А обычно, когда старшина купцов приезжал из дому и садился в лавке, приходил начальник рынка и читал купцам фатиху[1], и они поднимались и шли к старшине купцов, и читали фатиху, и желали ему доброго утра, и затем каждый из них уходил к себе в лавку. Но в этот день, когда старшина купцов сел, как всегда, в своей лавке, купцы не пришли к нему согласно обычаю.

И он крикнул начальника и спросил его: «Отчего купцы не собираются, как обычно?» И начальник ответил: «Я не люблю доносить о смутах, но купцы сговорились отстранить тебя от должности старшины и не читать тебе фатиху».— «А какая тому причина?» — спросил Шамс-ад-дин. И начальник сказал: «Что это за мальчик сидит рядом с тобою, когда ты старик и глава купцов? Что этот ребенок — твой невольник или он в родстве с твоей женой? Я думаю, что ты его любишь и имеешь склонность к мальчику».

И Шамс-ад-дин закричал на него и сказал: «Молчи, да обезобразит Аллах тебя самого и твои свойства! Это мой сын».— «Мы в жизни не видели у тебя сына!» — воскликнул Мухаммед Симсим. И купец сказал: «Когда ты принес мне замутнитель семени, моя жена понесла и родила этого мальчика, но из боязни дурного глаза я воспитывал его в подвале, под землей, и мне

[1] Фатиха — («открывающая») — название первой главы из корана, которую мусульмане читают перед началом всякого важного дела.

хотелось, чтобы он не выходил из подвала, пока не сможет схватить рукою свою бороду. Но его мать не согласилась, и он потребовал, чтобы я открыл ему лавку и положил там товары, и научил его покупать и продавать».

И начальник пошел к купцам и осведомил их об истине в этом деле, и они все поднялись и вместе с начальником отправились к старшине купцов, и, став перед ним, прочитали фатиху, и поздравили его с этим мальчиком.

«Господь наш да сохранит корень и ветку,— сказали они,— но когда бедняку среди нас достается сын или дочка, он обязательно готовит для своих друзей блюдо каши и приглашает знакомых и родственников, а ты этого не сделал».— «Это вам с меня причитается, и встреча наша будет в саду»,— отвечал купец...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятьдесят вторая ночь, ее сестра Дуньязада сказала ей: «О сестрица, докончи нам твой рассказ, если ты бодрствуешь, а не спишь». И Шахразада ответила: «С любовью и охотой! Дошло до меня, о счастливый царь, что старшина купцов обещал купцам трапезу и сказал им: «Наша встреча будет в саду».

И когда наступило утро, он послал слугу в беседку и в дом, которые были в саду, и велел постлать там ковры, и отправил припасы для стряпни: баранов, масла и прочее, что было нужно по обстоятельствам, и сделал два стола: стол в доме и стол в беседке.

И приготовился купец Шамс-ад-дин, и приготовился его сын Ала-ад-дин, и отец сказал ему: «О дитя мое, когда войдет человек седой, я его встречу и посажу его за стол, который в доме, а ты, дитя мое, когда увидишь, что входит безбородый мальчик, возьми его и приведи в беседку, и посади за стол».— «Почему, о батюшка? — спросил Ала-ад-дин.— Отчего ты готовишь два стола: один для мужчин, а другой для мальчиков?» — «О дитя мое, безбородый стыдится есть около мужей»,— ответил Шамс-ад-дин. И его сын одобрил это.

И когда купцы стали приходить, Шамс-ад-дин встречал муж-

чин и усаживал их в доме, а его сын Ала-ад-дин встречал мальчиков и усаживал их в беседке. А потом поставили кушанья и стали есть и пить, наслаждаться и радоваться, и пили напитки, и зажигали куренья, и старики сидели и беседовали о науках и преданиях.

И был между ними один купец, по имени Махмуд аль-Бальхи,— мусульманин по внешности, маг втайне, который стремился к скверному и любил мальчиков. Он посмотрел в лицо Ала-ад-дину взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и сатана украсил в его глазах лицо мальчугана жемчужиной, и купца охватила страсть, волненье и увлеченье, и любовь привязалась к его сердцу. (А этот купец, которого звали Махмуд аль-Бальхи, забирал ткани и товар у отца Ала-ад-дина).

И Махмуд аль-Бальхи встал пройтись и свернул к мальчикам, и те поднялись ему навстречу. А Ала-ад-дину не терпелось отлить воду, и он поднялся, чтобы исполнить нужду, и тогда купец Махмуд обернулся к мальчикам и сказал им: «Если вы уговорите Ала-ад-дина поехать со мной путешествовать, я дам каждому из вас платье, стоящее больших денег»,— и потом он ушел от них в помещение мужчин. И пока мальчики сидели, вдруг вошел к ним Ала-ад-дин. И они поднялись ему навстречу и посадили между собою, на возвышенье, и один из мальчиков сказал своему товарищу: «О Сиди Хасан, расскажи мне, откуда пришли к тебе твои деньги, на которые ты торгуешь?»

И Хасан отвечал: «Когда я вырос и стал взрослым, и достиг возраста мужей, я сказал своему отцу: «О батюшка, приготовь мне товаров»; и он ответил: «О дитя мое, у меня ничего нет, но пойди возьми денег у кого-нибудь из купцов и торгуй на них, и учись продавать и покупать, брать и давать».

И я отправился к одному из купцов и занял у него тысячу динаров, и купил на них тканей, и отправился с ними в Дамаск. И я нажил в два раза больше и забрал в Дамаске товаров, и поехал с ними в Халеб, и продал их и получил свои деньги вдвойне, а потом я забрал товаров в Халебе и поехал в Багдад, и продал их и нажил вдвое больше, и до тех пор торговал, пока у меня не стало около десяти тысяч динаров денег».

И каждый из мальчиков говорил своему товарищу то же самое, пока не настала очередь и не пришлось говорить Ала-ад-дину Абу-ш-Шамату. И ему сказали: «А ты о Сиди Ала-ад-дин?» И он ответил: «Меня воспитывали в подвале, под землей, и я вышел оттуда в эту пятницу, и я хожу в лавку и возвра-

щаюсь домой».— «Ты привык сидеть дома и не знаешь сладости путешествия, и путешествовать надлежит лишь мужам»,— сказали ему. И он ответил: «Мне не нужно путешествовать, и нет для меня цены в удовольствиях». И кто-то сказал своему товарищу: «Он точно рыба: когда расстанется с водой, то умирает».

«О Ала-ад-дин,— сказали ему,— гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы». И Ала-ад-дина охватил из-за этого гнев, и он ушел от мальчиков с плачущими глазами и опечаленной душой, и, сев на своего мула, отправился домой.

И его мать увидела, что он в великом гневе, с плачущими глазами, и спросила: «Что ты плачешь, о дитя мое?» И Ала-ад-дин отвечал: «Все дети купцов поносили меня и говорили мне: «Гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы денег...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин сказал своей матери: «Все дети купцов поносили меня и говорили мне: «Гордость детей купцов лишь в том, чтобы путешествовать ради наживы».— «О дитя мое,— спросила его мать,— разве ты хочешь путешествовать?» И Ала-ад-дин отвечал: «Да!» И тогда она сказала: «А в какой город ты отправишься?» — «В город Багдад,— отвечал Ала-ад-дин.— Человек наживает там на том, что у него есть, вдвое больше»..

И мать Ала-ад-дина сказала: «О дитя мое, у твоего отца денег много, а если он не соберет тебе товаров из своих денег, тогда я соберу тебе товары от себя».— «Лучшее благо — благо немедленное, и если будет ваша милость, то теперь для нее время»,— сказал Ала-ад-дин. И его мать призвала рабов и послала их к тем, кто увязывает ткани, и их увязали для Ала-ад-дина в десять тюков.

Вот что было с его матерью. Что же касается до его отца, то он огляделся и не нашел своего сына Ала-ад-дина в саду,

и спросил про него, и ему сказали, что Ала-ад-дин сел на мула и уехал домой.

И тогда купец сел и отправился за ним, а войдя в свое жилище, он увидел связанные тюки и спросил о них; и жена рассказала ему, что произошло у детей купцов с ее сыном Ала-ад-дином. «О дитя мое,— сказал купец,— да обманет Аллах пребывающего на чужбине! Сказал ведь посланник Аллаха,— да благословит его Аллах и да приветствует: «Счастье мужа в том, чтобы ему достался надел в его земле»; а древние говорили: «Оставь путешествие, будь оно даже на милю». Ты твердо решил путешествовать и не отступишься от этого?» — спросил он потом своего сына. И его сын ответил ему: «Я обязательно поеду в Багдад с товарами, а иначе я сниму с себя одежду и надену одежду дервишей, и уйду странствовать по землям».— «Я не нуждаюсь и не терплю лишений,— наоборот, у меня много денег,— сказал его отец и показал ему все бывшее у него имущество, товары и ткани.— У меня есть для всякого города подходящие ткани и товары,— сказал он потом, и, между прочим, он показал ему сорок связанных тюков, и на каждом тюке было написано: «Цена этому тысяча динаров».— О дитя мое,— сказал он,— возьми эти сорок тюков и те десять, которые у твоей матери, и отправляйся, хранимый Аллахом великим; но только, дитя мое, я боюсь для тебя одной чащи на твоем пути, которая называется Чаща Львов, и одной долины также, называемой Долина Собак,— души погибают там без снисхождения».— «А почему, о батюшка?» — спросил Ала-ад-дин; и его отец ответил: «Из-за бедуина, преграждающего дороги, которого зовут Аджлан».— «Мой удел — от Аллаха, и если есть у него для меня доля, меня не постигнет беда»,— ответил Ала-ад-дин.

А затем Ала-ад-дин с отцом сели и поехали на рынок вьючных животных; и вдруг один верблюжатник сошел со своего мула и поцеловал руку старшине купцов, говоря: «Клянусь Аллахом, давно, о господин мой, ты не нанимал нас для торговых дел». «Для всякого времени своя власть и свои люди,— отвечал Шамс-ад-дин,— и Аллах да помилует того, кто сказал:

Вот старец на земле повсюду бродит,
  И вплоть до колен его борода доходит.

Спросил я его: «Зачем ты так согнулся?»
  И молвил он, ко мне направив руки:

«Я юность потерял свою во прахе
  И вот согнулся, и ищу я юность».

А окончив эти стихи, он сказал: «О начальник, никто не хочет этого путешествия, кроме моего сына»; и верблюжатник ответил: «Аллах да сохранит его для тебя!»

А затем старшина купцов заключил союз между верблюжатником и своим сыном и сделал верблюжатника как бы отцом мальчика, и поручил ему заботиться о нем, и сказал: «Возьми эти сто динаров для твоих слуг».

И старшина купцов купил шестьдесят мулов, и светильник, и покрывало для Абд-аль-Кадира Гилянского[1] и сказал Ала-ад-дину: «О сын мой, в мое отсутствие этот человек будет тебе отцом вместо меня, и во всем, что он тебе скажет, повинуйся ему».

И в этот вечер устроил чтение корана и праздник в честь шейха Абд-аль-Кадира Гилянского, а когда настало утро, старшина купцов дал своему сыну десять тысяч динаров и сказал ему: «Когда ты вступишь в Багдад и увидишь, что дела с тканями идут ходко, продавай их; если же увидишь, что дела с ними стоят на месте, расходуй эти деньги».

И потом нагрузили мулов, и распрощались друг с другом, и отправились в путь, и выехали из города.

А Махмуд аль-Бальхи тоже собрался ехать в сторону Багдада и вывез свои тюки, и поставил шатры за городом, и сказал себе: «Ты насладишься этим мальчиком только в уединении, так как там ни доносчик, ни соглядатай не смутят тебя».

А отцу мальчика причиталась с Махмуда аль-Бальхи тысяча динаров — остаток одной сделки, и Шамс-ад-дин отправился к нему и простился с ним, и сказал: «Отдай эту тысячу динаров моему сыну Ала-ад-дину». И он поручил Махмуду о нем заботиться и молвил: «Он будет тебе как сын».

И Ала-ад-дин встретился с Махмудом аль-Бальхи...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятьдесят четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин встретился с Махмудом аль-Бальхи, и Махмуд аль-Бальхи под-

[1] Абд-аль-Кадир Гилянский — средневековый проповедник и мистик. Покрывало предназначалось для возложения на его могилу в Багдаде.

нялся и велел повару Ала-ад-дина ничего не стряпать, и стал предлагать Ала-ад-дину и его людям кушанья и напитки, а потом они отправились в путь.

А у купца Махмуда аль-Бальхи было четыре дома: один в Каире, один в Дамаске, один в Халебе и один в Багдаде; и путники ехали по степям и пустыням, пока не приблизились к Дамаску.

И когда Махмуд аль-Бальхи послал к Ала-ад-дину своего раба и тот увидел, что юноша сидит и читает, подошел и поцеловал ему руки. «Чего ты просишь?» — спросил Ала-ад-дин; и раб ответил: «Мой господин тебя приветствует и требует тебя на пир к себе в дом».— «Я посоветуюсь с моим отцом, начальником Кемаль-ад-дином, верблюжатником»,— сказал Ала-ад-дин; и когда он посоветовался с ним идти ли ему, верблюжатник сказал: «Не ходи!»

А потом они уехали из Дамаска и вступили в Халеб, и Махмуд аль-Бальхи устроил пир и послал просить Ала-ад-дина, но юноша посоветовался с начальником, и тот опять запретил ему.

И они выступили из Халеба и ехали, пока до Багдада не остался всего один переход, и Махмуд аль-Бальхи устроил пир и прислал просить Ала-ад-дина.

И юноша посоветовался с начальником, и тот снова запретил ему, но Ала-ад-дин воскликнул: «Я обязательно пойду!»

И он поднялся и, подвязав под платьем меч, пошел, и пришел к Махмуду аль-Бальхи, и тот поднялся ему навстречу и приветствовал его.

И он велел подать великолепную скатерть, уставленную кушаньями, и они поели и попили, и вымыли руки. И Махмуд аль-Бальхи склонился к Ала-ад-дину, чтобы взять у него поцелуй, но Ала-ад-дин поймал поцелуй в руку и спросил: «Что ты хочешь делать?» — «Я тебя позвал,— ответил Махмуд,— и хочу сделать себе с тобой удовольствие в этом месте, и мы будем толковать слова сказавшего:

Возможно ль, чтоб к нам пришел ты на миг столь краткий,
Что сжарить яйцо иль выдоить коз лишь хватит,

И с нами бы съел ты сколько найдется хлебца,
И взял бы себе ты денежек, сколько сможешь?

Тебе унести, что хочешь, с собой нетрудно,—
Ладонь, или горсть, иль полную даже руку.

И затем Махмуд аль-Бальхи хотел снасильничать над Ала-ад-дином, и Ала-ад-дин поднялся и обнажил меч, и воскликнул: «Горе твоим сединам! Ты не боишься Аллаха, хоть и жестоко его наказанье! Да помилует Аллах того, кто сказал:

Храни седины твои от скверны, грязнящей их:
Поистине, белое легко принимает грязь».

А произнеся этот стих, Ала-ад-дин сказал Махмуду аль-Бальхи: «Поистине, этот товар поручен Аллаху, и он не продается, и если бы я продавал этот товар другому за золото, я бы продал его тебе за серебро. Но, клянусь Аллахом, о скверный, я никогда больше не буду тебе товарищем!» Потом Ала-ад-дин вернулся к начальнику Кемаль-ад-дину и сказал ему: «Поистине, этот человек развратник, и я никогда больше не буду ему товарищем и не пойду с ним по одной дороге».— «О дитя мое,— отвечал Кемаль-ад-дин,— не говорил ли я тебе: не ходи к нему. Однако, дитя мое, если мы с ним расстанемся, нам грозит гибель; позволь же нам остаться в одном караване».— «Мне никак невозможно быть ему спутником в дороге»,— сказал Ала-ад-дин, а затем он погрузил свои тюки и отправился дальше вместе с теми, кто был с ним.

И они ехали до тех пор, пока не спустились в долину; и Ала-ад-дин хотел там остановиться, но верблюжатник сказал: «Не останавливайтесь здесь! Продолжайте ехать и ускорьте ход: может быть, мы достигнем Багдада раньше, чем там запрут ворота. Ворота в Багдаде отпирают и запирают всегда по солнцу,— из боязни, что городом овладеют рафидиты [1] и побросают богословские книги в Тигр».— «О батюшка,— ответил Ала-ад-дин,— я выехал и отправился с товаром в этот город не для торговли, а чтобы посмотреть чужие страны».— «О дитя мое, мы боимся для тебя и для твоих денег беды от кочевников»,— сказал верблюжатник; и Ала-ад-дин воскликнул: «О человек, ты слуга или тебе служат? Я не войду в Багдад иначе как утром, чтобы багдадские юноши увидели мои товары и узнали меня».— «Делай, как хочешь, я тебя предупредил, и ты сам знаешь, в чем твое избавленье»,— сказал начальник. И Ала-ад-

[1] Рафидиты — одна из мусульманских сект, объединенных общим названием шиитов и враждебных представителям другого направления в исламе — суннитам. В средние века распри между шиитами и суннитами нередко доходили до вооруженных столкновений.

дни велел складывать тюки с мулов, и тюки сложили, и поставили шатер, и все оставались на месте до полуночи.

И Ала-ад-дин вышел исполнить нужду и увидел, как что-то блестит вдали, и спросил верблюжатника: «О начальник, что это такое блестит?»

И начальник сел прямо и взглянул, и, всмотревшись как следует, увидел, что блестят зубцы копий и железо оружия, и бедуинские мечи; и вдруг оказалось, что это арабы [1] и начальника арабов зовут шейх Аджлан Абу-Наиб. И когда арабы приблизились к ним и увидели их тюки, они сказали друг другу: «Вот ночь добычи!»

И услышав, что они говорят это, начальник Кемаль-ад-дин, верблюжатник, воскликнул: «Прочь, о ничтожнейший из арабов!» Но Абу-Наиб ударил его копьем в грудь, и оно вышло, блистая, из его спины.

И Кемаль-ад-дин упал у входа в палатку убитый; и тогда водонос воскликнул: «Прочь, о презреннейший из арабов!», но его ударили по руке мечом, который прошел, блистая, через его сухожилия, и водонос упал мертвый. И пока все это происходило, Ала-ад-дин стоял и смотрел.

А потом арабы повернулись и бросились на караван, и перебили людей, не пощадив никого из отряда Ала-ад-дина, и взвалили тюки на спину мулов, и уехали.

И Ала-ад-дин сказал себе: «Тебя убьет только твой мул и вот эта одежда»,— и стал снимать с себя одежду, и бросил ее на спину мула, пока на нем не осталась рубаха и подштанники, и только.

И он повернулся ко входу в палатку и увидел перед собой пруд из крови, в котором струилась кровь убитых, и начал валяться в ней в рубахе и подштанинках, так что стал точно убитый, утопающий в крови.

Вот что было с Ала-ад-дином. Что же касается шейха арабов Аджлана, то он спросил у своих людей: «О арабы, этот караван идет из Каира или выходит из Багдада?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

---

[1] Здесь и в дальнейшем под названием «арабы» подразумеваются бедуины-кочевники.

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что бедуин спросил у своих людей: «О арабы, этот караван идет из Каира или выходит из Багдада?» И ему ответили: «Он идет из Каира в Багдад».— «Вернитесь к убитым, я думаю, что владелец каравана не умер»,— сказал он; и арабы вернулись к убитым и снова стали бить мертвых мечами и копьями, и дошли до Ала-ад-дина, который бросился на землю среди убитых. И дойдя до него, они сказали: «Ты притворился мертвым, но мы убьем тебя до конца»,— и бедуин вынул копье и хотел вонзить его в грудь Ала-ад-дина. И тогда Ала-ад-дин воскликнул про себя: «Благослови, о Абд-аль-Кадир, о гилянец!» — и увидел руку, которая отвела копье от его груди к груди начальника Кемаль-ад-дина, верблюжатника, и бедуин ударил его копьем и не прикоснулся к Ала-ад-дину.

И потом они взвалили тюки на спину мулов и ушли, и Ала-ад-дин посмотрел и увидел, что птицы улетели со своей добычей. И он сел прямо и поднялся, и побежал; и вдруг бедуин Абу-Наиб сказал своим товарищам: «О арабы, я вижу что-то вдали»; и один из бедуинов поднялся и увидел Ала-ад-дина, который убегал. «Тебе не поможет бегство, раз мы сзади тебя!» — воскликнул Аджлан и, ударив своего коня пяткой, поспешил за Ала-ад-дином.

А Ала-ад-дин увидал перед собой пруд с водой и рядом с ним водохранилище, и влез на решетку водохранилища, и растянулся, и притворился спящим, говоря про себя: «О благой покровитель, опусти твой покров, который не совлекается».

И бедуин остановился перед водохранилищем и, поднявшись на стременах, протянул руку, чтобы схватить Ала-ад-дина. И Ала-ад-дин воскликнул: «Благослови, о госпожа моя Нафиса[1], вот время оказать помощь!» И вдруг бедуина ужалил в руку скорпион, и он закричал и воскликнул: «Ах, подойдите ко мне, о арабы, я ужален».

И бедуин сошел со спины коня, и его товарищи пришли к нему и опять посадили его на коня, и спросили: «Что с тобой случилось?» И он отвечал: «Меня ужалил детеныш скорпиона»; и арабы увели караван и ушли.

---

[1] **Нафиса** — знаменитая мусульманская святая.

Вот что было с ними. Что же касается Ала-ад-дина, то он продолжал лежать на решетке водохранилища, а что до купца Махмуда аль-Бальхи — то он велел грузить тюки и поехал, и ехал до тех пор, пока не достиг Чащи Львов. И он нашел всех слуг Ала-ад-дина убитыми и обрадовался этому, и, спешившись, дошел до водохранилища и пруда. А мулу Махмуда аль-Бальхи хотелось пить, и он нагнулся, чтобы напиться из пруда, и увидел отражение Ала-ад-дина и шарахнулся от него. И Махмуд аль-Бальхи поднял глаза и увидел, что Ала-ад-дин лежит голый, в одной только рубашке и подштанниках. «Кто сделал с тобою такое дело и оставил тебя в наихудшем положении?» — спросил Махмуд. И Ала-ад-дин отвечал: «Кочевники».— «О дитя мое,— сказал Махмуд,— ты откупился мулами и имуществом. Утешься словами того, кто сказал:

Когда голова мужей спасется от гибели,
То все их имущество — обрезок ногтей для них.

Но спустись, о дитя мое, не бойся беды».

И Ала-ад-дин спустился с решетки водохранилища, и Махмуд посадил его на мула, и они ехали, пока не прибыли в город Багдад, в дом Махмуда аль-Бальхи. И Махмуд велел свести Ала-ад-дина в баню и сказал ему: «Деньги и тюки — выкуп за тебя, о дитя мое; и если ты будешь меня слушаться, я верну тебе твои деньги и тюки вдвойне».

А когда Ала-ад-дин вышел из бани, Махмуд отвел его в комнату, украшенную золотом, где было четыре портика, и велел принести скатерть, на которой стояли всякие кушанья. И они стали есть и пить, и Махмуд склонился к Ала-ад-дину, чтобы взять у него поцелуй, но Ала-ад-дин поймал поцелуй рукой и воскликнул: «Ты до сих пор следуешь насчет меня твоему заблуждению! Разве я не сказал тебе, что если бы я продавал этот товар другому за золото, я бы, наверное, продал его тебе за серебро?» — «Я даю тебе и товары, и мула, и одежду только ради такого случая,— отвечал Махмуд.— От страсти к тебе я в расстройстве, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Сказал со слов кого-то из старцев нам
Абу-Билляль, наставник,
что Шарик сказал:

«Влюбленные не могут любовь свою
Лобзаньями насытить без близости».

«Это вещь невозможная,— сказал Ала-ад-дин.— Возьми твое платье и твоего мула и открой мне дверь, чтобы я мог уйти».

И Махмуд открыл ему двери, и Ала-ад-дин вышел, и собаки лаяли ему вслед. И он пошел и шел в темноте, и вдруг увидел ворота мечети, и вошел в проход, ведший в мечеть, и укрылся там,— и вдруг видит: к нему приближается свет. И он всмотрелся и увидел два фонаря в руках рабов, предшествовавших двум купцам, один из которых был старик с красивым лицом, а другой — юноша. И Ала-ад-дин услышал, как юноша говорил старику: «Ради Аллаха, о дядюшка, возврати мне дочь моего дяди»; а старик отвечал ему: «Разве я тебя не удерживал много раз, а ты сделал развод своей священной книгой» [1].

И старик взглянул направо и увидел юношу, подобного обрезку луны, и сказал ему: «Мир с тобою!» И Ала-ад-дин ответил на его приветствие, а старик спросил: «О мальчик, кто ты?» — «Я Ала-ад-дин, сын Шамс-ад-дина, старшины купцов в Каире,— отвечал юноша.— Я попросил у отца товаров, и он собрал мне пятьдесят тюков товаров и материй...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин сказал: «Мой отец собрал мне пятьдесят тюков товаров и тканей и дал мне десять тысяч динаров, и я отправился и ехал, пока не достиг Чащи Львов. И на меня напали кочевники и забрали мои деньги и тюки; и я вошел в этот город, не зная, где переночевать, и увидал это место, и укрылся здесь».— «О дитя мое,— молвил старик,— что ты скажешь, если я дам тебе тысячу динаров и платье в тысячу динаров, и мула в тысячу динаров».— «За что ты дашь мне это, о дядюшка?» — спросил Ала-ад-дин. И старик сказал: «Этот мальчик, который со мною, сын моего брата, и у его отца никого нет кроме него, а у меня есть дочь, кроме которой у меня никого не было, и зовут ее Зубейда-лютнистка, и она красива и прелестна. Я выдал ее замуж

[1] То есть: «Ты так же часто говоришь о разводе, как читаешь священную книгу» (коран).

за этого юношу, и он ее любит, но она ненавидит его, и однажды он не сдержал клятву, трижды поклявшись тройным разводом: и едва только его жена уверилась в этом, она покинула его. И он согнал ко мне всех людей, чтобы я вернул ему жену, и я сказал ему: «Это удастся только через заместителя»[1]. И мы сговорились, что сделаем заместителем какого-нибудь чужеземца, чтобы никто не корил моего зятя этим делом, и раз ты чужеземец — ступай с нами. Мы напишем тебе договор с моей дочерью, и ты проведешь с ней сегодняшнюю ночь, а наутро разведешься с ней, и я дам тебе то, о чем говорил».

И Ала-ад-дин сказал про тебя: «Клянусь Аллахом, провести ночь с невестой, , в доме и на постели, мне лучше, чем ночевать в переулках и проходах!» — и отправился с ними к кади. И когда кади взглянул на Ала-ад-дина, любовь к нему запала ему в сердце, и он спросил отца девушки: «Что вы хотите?» — «Мы хотим сделать его заместителем этого юноши для моей дочери,— отвечал отец девушки,— и напишем на него обязательство дать в приданое десять тысяч динаров. И если он переночует с нею, а наутро разведется, мы дадим ему одежду в тысячу динаров, а если не разведется, пусть выкладывает десять тысяч динаров».

И они написали договор с таким условием, и отец девушки получил в этом расписку, а затем он взял Ала-ад-дина с собою и одел его в ту одежду, и они пошли с ним и пришли к дому девушки. И отец ее оставил Ала-ад-дина стоять у ворот дома и, войдя к своей дочери, сказал ей: «Возьми обязательство о твоем приданом — я написал тебе договор с красивым юношей по имени Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат; заботься о нем наилучшим образом». И потом купец отдал ей расписку и ушел к себе домой.

Что же касается двоюродного брата девушки, то у него была управительница, которая заходила к Зубейде-лютнистке, дочери его дяди, и юноша оказывал ей милости.

«О матушка,— сказал он ей,— когда Зубейда, дочь моего дяди, увидит этого красивого юношу, она после уже не примет меня. Прошу тебя, сделай хитрость и удержи от него девуш-

[1] Согласно мусульманскому праву, муж, который трижды произнес узаконенную формулу развода, может снова жениться на своей разведенной жене только в том случае, если она выйдет замуж за другого и вновь разведется, хотя бы на следующий день. Такой временный супруг называется «заместителем», он может не согласиться на развод.

ку».— «Клянусь твоей юностью, я не дам ему приблизиться к ней»,— отвечала управительница, а затем она пришла к Ала-ад-дину и сказала ему: «О дитя мое, я тебе кое-что посоветую ради Аллаха великого; прими же мой совет. Я боюсь для тебя беды от этой девушки; оставь ее спать одну, не прикасайся к ней и не подходи к ней близко».— «А почему?» — спросил Ала-ад-дин. И управительница сказала: «У нее на всем теле проказа, и я боюсь, что она заразит твою прекрасную юность».— «Нет мне до нее нужды»,— сказал Ала-ад-дин. А управительница отправилась к девушке и сказала ей то же самое, что сказала Ала-ад-дину. И девушка молвила: «Нет мне до него нужды! Я оставлю его спать одного, а наутро он уйдет своей дорогой».

Потом она позвала невольницу и сказала ей: «Возьми столик с кушаньем и подай его ему, пусть ужинает»; и невольница снесла Ала-ад-дину столик с кушаньем и поставила его перед ним, и Ала-ад-дин ел, пока не насытился, а потом он сел и, затянув красивый напев, начал читать суру Я-Син [1]. И девушка прислушалась и нашла, что его напев похож на псалмы Давида, и сказала про себя: «Аллах огорчил эту старуху, которая сказала, что юноша болен проказой! У того, кто в таком положении, голос не такой. Эти слова — ложь на него».

И потом она взяла в руки лютню, сделанную в землях индийских, и, настроив струны, запела под нее прекрасным голосом, останавливающим птиц в глубине неба, и проговорила такие стихи:

> Люблю газеленка я, чей темен и черен глаз;
> Когда он появится, ветвь ивы завидует.
>
> Меня отвергает он, другая с ним счастлива,—
> То милость господняя: дает, кому хочет, он.

И Ала-ад-дин, услышав, что она проговорила такие слова, запел сам, когда закончил суру, и произнес такой стих:

> Приветствую ту, чей стан одеждою служит ей,
> И розы, в садах ланит привольно цветущие.

И девушка встала (а любовь ее к юноше сделалась сильнее) и подняла занавеску; и, увидев ее, Ала-ад-дин произнес такие двустишия:

[1] Я-Син — название одной из глав корана.

Являет луну и гнется она, как ива,
Газелью глядит, а дышит как будто амброй.

И мнится: горе любит мое сердце
И в час разлуки с ним соединится.

И потом она прошлась, тряся бедрами и изгибая бока — творенье того, чьи милости скрыты, и оба они посмотрели друг на друга взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов; и когда стрела ее взора утвердилась у него в сердце, он произнес такие стихи:

Увидев на небе луну, я вспомнил
Ту ночь, когда мы близки с нею были.

Мы оба видели луну, но глазом
Она моим, а я — ее глазами.

А когда она подошла к нему и между ними осталось лишь два шага, он произнес такие стихи:

Распустила три она локона из волос своих
Ночью темною — и четыре ночи явила нам.

И к луне на небе лицом она обратилася —
И явила мне две луны она одновременно.

И девушка приблизилась к Ала-ад-дину, и он сказал: «Отдались от меня, чтобы меня не заразить!» И тогда она открыла кисть своей руки, и кисть ее разделялась надвое и белела, как белое серебро. «Отойди от меня, чтобы меня не заразить, ты болен проказой»,— сказала она. И Ала-ад-дин спросил ее: «Кто тебе рассказал, что у меня проказа?» — «Старуха мне рассказала»,— ответила девушка. И Ала-ад-дин воскликнул: «И мне тоже старуха рассказала, что ты поражена проказой!»

И они обнажили руки, и девушка увидела, что его тело — чистое серебро, и сжала его в объятиях, и он тоже прижал ее к груди, и они обняли друг друга. А потом девушка взяла Ала-ад-дина и легла на спину, и развязала рубашку, и у Ала-ад-дина зашевелилось то, что оставил ему отец, и он воскликнул: «На помощь, о шейх Закария, о отец жил!»

И он положил руки ей на бок и ввел жилу сладости в ворота разрыва, и толкнул, и достиг врат завесы (а он вошел через ворота победы), а потом он пошел на рынок второго дня и недели, и третьего дня, и четвертого, и пятого дня, и увидел, что

ковер пришелся как раз по портику, и ларец искал себе крышку, пока не нашел ее.

А когда настало утро, Ала-ад-дин сказал своей жене: «О радость незавершенная! Ворон схватил ее и улетел».— «Что значат эти слова?» — спросила она. И Ала-ад-дин сказал: «Госпожа, мне осталось сидеть с тобою только этот час».— «Кто это говорит?» — спросила она; и Ала-ад-дин ответил: «Твой отец взял с меня расписку на приданое за тебя, на десять тысяч динаров, и если я не верну их в сегодняшний день, меня запрут в доме кади, а у меня сейчас коротки руки даже для одной серебряной полушки из этих десяти тысяч динаров».— «О господин мой, власть мужа у тебя в руках или у них в руках?» — спросила Зубейда. «Она в моих руках, но у меня ничего нет»,— отвечал Ала-ад-дин. И Зубейда сказала: «Это дело легкое, и не бойся ничего, а теперь возьми эти сто динаров; и если бы у меня было еще, я бы, право, дала тебе то, что ты хочешь, но мой отец из любви к своему племяннику перенес все свои деньги от меня в его дом, даже мои украшения он все забрал. А когда он пришлет к тебе завтра посланного от властей...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина говорила Ала-ад-дину: «А когда он пришлет к тебе завтра посланного от властей, и кади и мой отец скажут тебе: «Разводись!», спроси их: «Какое вероучение позволяет, чтобы я женился вечером и развелся утром?» А потом ты поцелуешь кади руку и дашь ему подарок, и каждому свидетелю ты также поцелуешь руку и дашь десять динаров,— и все они станут говорить за тебя. И когда тебя спросят: «Почему ты не разводишься и не берешь тысячу динаров, мула и одежду, как следует по условию, которое мы с тобою заключили?», ты скажи им: «Для меня каждый ее волосок стоит тысячи динаров, и я никогда не разведусь с нею и не возьму одежды и ничего другого». А если кади скажет тебе: «Давай приданое!», ты ответь: «Я сейчас в затруднении»; и тогда кади со свидетелями пожалеют тебя и дадут тебе на время отсрочку».

И пока оии разговаривали, вдруг посланиый от кади постучал в дверь, и Ала-ад-дин вышел к нему, и послаиный сказал: «Поговори с эфенди;[1] твой тесть тебя требует».

И Ала-ад-дии дал ему пять диииаров и сказал: «О пристав, какой закон позволяет, чтобы я жеиился вечером и развелся утром?» — «По-нашему, это ииках не допускается,— ответил пристав,— и если ты не знаешь закоиа, то я буду твоим поверенным». И они отправились в суд, и кади спросил Ала-ад-диа: «Почему ты не разводишься и ие берешь того, что установлено по условию?» И Ала-ад-дии подошел к кади и поцеловал ему руку, и, вложив в нее пятьдесят динаров, сказал: «О владыка иаш, кади, какое учеиие позволяет, чтобы я жеиился вечером и развелся утром, против моей воли?» — «Развод по принуждеиию ие допускается ни одиим толком из толков мусульмаи»,— отвечал кади. А отец жеищииы сказал: «Если ты не разведешься, давай приданое — пятьдесят тысяч диииаров».— «Дайте мне отсрочку на три дня»,— сказал Ала-ад-дин; а кади воскликнул: «Срока в три дня недостаточио! Он отсрочит тебе иа десять дней!»

И оии согласились на этом и обязали Ала-ад-диа через десять дней либо отдать придаиое, либо развестись.

И он ушел от них с таким условием и взял мяса и рису, и топлеиого масла, и всего, что требовалось из съестного, и отправился домой, и, войдя к жеищине, рассказал ей обо всем, что с ним случилось. «От вечера до дня случаются чудеса,— сказала ему женщина,— и от Аллаха дар того, кто сказал:

Будь же кротким, когда испытан ты гиевом,
Терпеливым,— когда постигнет иесчастье.

В наше время беремеины ночи жизии
Тяжкой иошей,— они ведь рождают диво».

А потом оиа поднялась и приготовила еду и принесла скатерть, и оии стали есть и пить, и иаслаждаться, и веселиться; а после этого Ала-ад-дин попросил ее сыграть какую-нибудь музыку, и оиа взяла лютню и сыграла музыку, от которой развеселится каменная скала, и струны взывали в помещении: «О любимый», и жеищина пела и заливалась.

И так они наслаждались, шутили и веселились, и радовались,— и вдруг постучали в ворота.

[1] Эфенди — господин; в даином случае — титул главиого судьи.

И женщина сказала Ала-ад-дину: «Встань посмотри, кто у ворот», и он пошел и открыл ворота и увидел, что перед ним стоят четыре дервиша. «Чего вы хотите?» — спросил он их; и дервиши сказали: «О господин, мы дервиши из чужих земель, и пища нашей души — музыка и нежные стихи. Мы хотим отдохнуть у тебя сегодня ночью, до утра, а потом пойдем своей дорогой, а тебе будет награда от Аллаха великого. Мы любим музыку, и среди нас нет никого, кто бы не знал наизусть касыд, стихов и строф».— «Я посоветуюсь»,— сказал им Ала-ад-дин и вошел, и осведомил женщину, и она сказала: «Открой им ворота!»

И Ала-ад-дин открыл дервишам ворота и привел их, и посадил, и сказал им: «Добро пожаловать!», а затем он принес еду; но они не стали есть и сказали: «О господин, наша пища — поминание Аллаха в сердцах и слушание певиц ушами, и от Аллаха дар того, кто сказал:

Желаем мы одного: чтоб встретились мы с тобой,
А есть — то особенность, животным присущая.

Мы слышали у тебя нежную музыку, а когда мы вошли, музыка прекратилась. О, если бы увидеть, кто та, что играла музыку: белая или черная невольница или же дочь родовитых?» — «Это моя жена,— ответил Ала-ад-дин и рассказал им обо всем, что с ним случилось, и сказал: — Мой тесть наложил на меня десять тысяч динаров ей в приданое, и мне дали десять дней отсрочки».— «Не печалься,— сказал один из дервишей,— и держи в мыслях только хорошее. Я шейх дервишской обители, и мне подчинены сорок дервишей, над которыми я властвую. Я соберу тебе от них десять тысяч динаров, и ты сполна выплатишь приданое, которое причитается с тебя твоему тестю. Но прикажи жене сыграть нам музыку, чтобы мы насладились и почувствовали бодрость, музыка для некоторых людей — пища, для некоторых — лекарство, а для некоторых — опахало».

А эти четыре дервиша были халиф Харун ар-Рашид, везирь Джафар аль-Бармак, Абу-Новас (аль-Хасан ибн Хани) [1] и Масрур — палач мести; и проходили они мимо этого дома потому, что халиф почувствовал стеснение в груди и сказал своему везирю: «О везирь, мы хотим выйти и пройтись по городу, так как я чувствую стеснение в груди». И они надели одежду дервишей

[1] Абу-Новас — знаменитый арабский поэт, умерший в начале IX века.

и вышли в город, и проходили мимо этого дома, и, услышав музыку, захотели узнать истину об этом деле.

И гости Ала-ад-дина проводили ночь в радости и согласии, обмениваясь словами, пока не настало утро, и когда халиф положил сто динаров под молитвенный коврик, и они попрощались с Ала-ад-дином и ушли своею дорогою.

И женщина подняла коврик и увидела под ним сто динаров и сказала своему мужу: «Возьми эти сто динаров, которые я нашла под ковриком, дервиши положили их, прежде чем уйти, и мы не знали об этом».

И Ала-ад-дин взял деньги и пошел на рынок, и купил на них мяса и рису, и топленого масла, и всего, что было нужно.

А на другой день он зажег свечи и сказал своей жене: «Дервиши-то не принесли десяти тысячи динаров, которые они мне обещали. Это просто нищие».

И пока они разговаривали, дервиши вдруг постучали в ворота. И жена Ала-ад-дина сказала «Выйди, открой им»,— и Ала-ад-дин открыл ворота и, когда они вошли, спросил: «Вы принесли десять тысяч динаров, которые вы мне обещали?» — «О, ничего из них не удалось достать,— отвечали дервиши,— но не бойся дурного: если захочет Аллах великий, мы сварим тебе завтра химический состав [1]. Прикажи твоей жене дать нам послушать музыку, от которой ободрились бы наши сердца, так как мы любим музыку».

И Зубейда сыграла им на лютне музыку, от которой заплясала бы каменная скала, и они провели время в наслаждении, радости и веселье, рассказывая друг другу разные истории; и когда взошло утро и засияло светом, и заблистало, халиф положил под коврик сто динаров, а потом они простились с Ала-ад-дином и ушли своей дорогой.

И они продолжали ходить к нему таким образом в течение девяти вечеров, и каждый вечер халиф клал под коврик сто динаров. А когда подошел десятый вечер, они не пришли, и причиною их отсутствия было то, что халиф послал за одним большим купцом и сказал ему: «Приготовь мне пятьдесят тюков тканей, которые привозят из Каира...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

---

[1] Химический состав — то же, что у европейских алхимиков «философский камень».

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных сказал тому купцу: «Приготовь мне пятьдесят тюков материй, которые приходят из Каира, и пусть цена каждого тюка будет тысяча динаров. Напиши на каждом тюке, сколько он стоит, и пришли мне абиссинского раба».

И купец доставил все, что халиф приказал ему, и потом халиф дал рабу таз и кувшин из золота, и путевые припасы, и пятьдесят тюков, и написал письмо от имени Шамс-ад-дина, старшины купцов в Каире, отца Ала-ад-дина, и сказал рабу: «Возьми эти тюки и то, что есть с ними, ступай в такой-то квартал, где дом старшины купцов, и спроси, где господин Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат; люди укажут тебе и квартал и его дом».

И раб взял тюки и то, что было с ними, как велел ему халиф, и отправился.

Вот что было с ним. Что же касается двоюродного брата женщины, то он отправился к ее отцу и сказал ему: «Идем сходим к Ала-ад-дину, чтобы развести с ним дочь моего дяди»; и они вышли и пошли с ним и отправились к Ала-ад-дину.

А достигнув его дома, они увидели пятьдесят мулов и на них пятьдесят тюков тканей и раба, сидевшего на муле, и спросили его: «Чьи это тюки?» — «Моего господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата,— ответил раб.— Его отец собрал для него товары и отправил его в город Багдад, и на него напали арабы и взяли его деньги и тюки, и весть об этом дошла до его отца, и он послал меня к нему с другими тюками вместо тех, и прислал ему со мною мула, на которого нагружены пятьдесят тысяч динаров, и узел с платьем, стоящим больших денег и, соболью шубу, и золотой таз и кувшин».— «Это мой зять, и я проведу тебя к его дому»,— сказал отец девушки.

А Ала-ад-дин сидел в своем доме сильно озабоченный, и вдруг постучали в ворота. «О Зубейда,— сказал Ала-ад-дин,— Аллах лучше знает! Поистине, твой отец прислал ко мне посланца от кади или от вали».— «Выйди и посмотри, в чем дело»,— сказала Зубейда. И Ала-ад-дин спустился и открыл ворота, и увидел своего тестя — старшину купцов, отца Зубейды, и абиссинского раба с коричневым лицом, приятного видом, который сидел на муле.

И раб спешился и поцеловал ему руки, и Ала-ад-дин спросил

его: «Что ты хочешь?» И раб сказал: «Я раб господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, сына Шамс-ад-дина, старшины купцов в земле египетской, и его отец послал меня к нему с этим поручением»,— и он подал ему письмо; и Ала-ад-дин взял его и развернул, и увидел, что в нем написано:

О посланье, когда увидишь любимых,
Поцелуй ты сапог и пол перед ними.

Дай отсрочку, не будь ты с ними поспешен,—
Ведь и дух мой у них в руках и мой отдых.

После совершенного приветствия и привета и уважения от Шамс-ад-дина его сыну Абу-ш-Шамату. Знай, о дитя мое, что до меня дошла весть об убиении твоих людей и ограблении твоего имущества и поклажи, и я послал тебе вместо нее эти пятьдесят тюков египетских тканей, и одежду, и соболью шубу, и таз и кувшин из золота. Не бойся же беды! Деньги — выкуп за тебя, о дитя мое, и да не постигнет тебя печаль никогда. Твоей матери и родным живется хорошо, они здоровы и благополучны и приветствуют тебя многими приветами. И дошло до меня, о дитя мое, что тебя сделали заместителем у девушки Зубейды-лютнистки и наложили на тебя ей в приданое пятьдесят тысяч динаров. Эти деньги едут к тебе вместе с тюками и твоим рабом Селимом».

Окончив читать письмо, Ала-ад-дин принял тюки, и, обратившись к своему тестю, сказал ему: «О мой тесть, возьми пятьдесят тысяч динаров — приданое за твою дочь Зубейду, и возьми также тюки и распоряжайся ими: прибыль будет твоя, а основные деньги верни мне».— «Нет, клянусь Аллахом, я ничего не возьму, а что до приданого твоей жены, то о нем сговорись с ней»,— отвечал купец; и Ала-ад-дин поднялся, и они с тестем вошли в дом, после того как туда внесли поклажу.

И Зубейда спросила своего отца: «О батюшка, чьи это тюки?» И он отвечал ей: «Это тюки Ала-ад-дина, твоего мужа, их прислал ему его отец вместо тех тюков, которые забрали арабы, и он прислал ему пятьдесят тысяч динаров, и узел с платьем, и соболью шубу, и мула, и таз и кувшин из золота, а что касается приданого, то решать о нем предстоит тебе».

И Ала-ад-дин, поднялся и, открыв сундук, дал Зубейде ее приданое; и тогда юноша, ее двоюродный брат, сказал: «О дядюшка, пусть Ала-ад-дин разведется с моей женой»; но ее отец

ответил: «Это уже больше никак не удастся, раз власть мужа в его руках».

И юноша ушел огорченный и озабоченный, и слег у себя дома, больной, и было в этом исполнение его судьбы, и он умер.

Что же касается Ала-ад-дина, то, приняв тюки, он пошел на рынок и взял всего, что ему было нужно; кушаний, напитков и топленого масла, и устроил пир, как и всякий вечер, и сказал Зубейде: «Посмотри на этих лгунов дервишей: они обещали нам и нарушили обещание».— «Ты сын старшины купцов, и у тебя были коротки руки для серебряной полушки, так как же быть бедным дервишам?» — сказала Зубейда; и Ала-ад-дин воскликнул: «Аллах великий избавил нас от нужды в них, но я больше не открою им ворот, когда они придут к нам!» — «Почему? — сказала Зубейда.— Ведь благо пришло к нам после их прихода, и всякую ночь они клали нам под коврик сто динаров. Мы обязательно откроем им ворота, когда они придут».

И когда свет дня угас и пришла ночь, зажгли свечи, и Ала-ад-дин сказал: «О Зубейда, начни, сыграй нам музыку». И вдруг постучали в ворота. «Встань посмотри, кто у ворот»,— сказала Зубейда; и Ала-ад-дин вышел и открыл ворота, и увидел дервишей. «А, добро пожаловать, лжецы, входите!» — воскликнул он; и дервиши вошли с ним, и он посадил их и принес им скатерть с кушаньем, и они стали есть и пить, радоваться и веселиться.

А после этого они сказали ему: «О господин наш, наши сердца заняты тобою: что у тебя произошло с твоим тестем?» — «Аллах возместил нам превыше желания»,— ответил Ала-ад-дин; и дервиши сказали: «Клянемся Аллахом, мы за тебя боялись».

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести пятьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что дервиши сказали Ала-ад-дину: «Клянемся Аллахом, мы за тебя боялись, и нас удерживало лишь то, что у нас в руках не было денег».— «Ко мне пришла помощь от моего господа, и мой отец прислал мне пятьдесят тысяч динаров и пятьдесят тюков тканей, ценою

каждый в тысячу динаров, и платье, и соболью шубу, и мула, и раба, и таз, и кувшин из золота, и между мной и моим тестем наступил мир, и жена моя мне принадлежит по праву, и хвала Аллаху за все это»,— ответил Ала-ад-дин.

А затем халиф поднялся, чтобы исполнить нужду, и везирь Джафар наклонился к Ала-ад-дину и сказал ему: «Соблюдай пристойность: ты находишься в присутствии повелителя правоверных».— «Что я сделал непристойного в присутствии повелителя правоверных и кто из вас повелитель правоверных?» — спросил Ала-ад-дин; и Джафар сказал: «Тот, кто разговаривал с тобой и поднялся, чтобы исполнить нужду,— повелитель правоверных, халиф Харун ар-Рашид, а я — везирь Джафар, а это — Масрур, палач мести, а это Абу-Новас аль-Хасан ибн Хани. Обдумай разумом, о Ала-ад-дин, и посмотри: на расстоянии скольких дней пути Каир от Багдада?» — «Сорока пяти дней»,— ответил Ала-ад-дин; и Джафар сказал: «Твои тюки отняли у тебя только десять дней назад, так как же весть об этом достигла до твоего отца и он собрал тебе тюки, которые покрыли расстояние сорока пяти дней в эти десять дней?» — «О господин мой, откуда же это пришло ко мне?» — спросил Ала-ад-дин. «От халифа, повелителя правоверных, по причине его крайней любви к тебе»,— ответил Джафар.

И пока они разговаривали, халиф вдруг вошел к ним. И Ала-ад-дин поднялся и поцеловал перед ним землю, и сказал: «Аллах да сохранит тебя, о повелитель правоверных; и да сделает вечной твою жизнь, и да не лишит людей твоих милостей и благодеяний!» — «О Ала-ад-дин,— молвил халиф,— пусть Зубейда сыграет нам музыку ради сладости твоего благополучия». И Зубейда играла им на лютне музыку, чудеснейшую среди всего существующего, пока не возликовали каменные стены и не воззвали струны в комнате: «О любимый!»

И они провели ночь до утра в самом радостном состоянии, а когда наступило утро, халиф сказал Ала-ад-дину: «Завтра приходи в диван»[1], и Ала-ад-дин ответил: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных, если захочет Аллах великий и ты будешь в добром здоровье!» Ала-ад-дин взял десять блюд, и, положив на них великолепный подарок, пошел с ними на дру-

[1] Слово «диван» — здесь употреблено в значении «собрание» (царедворцев султана); иногда этим словом обозначается место, где происходят подобные собрания.

гой день в диван; и когда халиф сидел на престоле в диване, вдруг вошел в двери дивана Ала-ад-дин, говоря такие стихи:

Приветствует пусть удача тебя в день всякий
С почетом, хоть завистник недоволен.

И будут дни твои всегда пусть белы,
А дни врагов твоих да будут черны.

«Добро пожаловать, о Ала-ад-дин»,— сказал халиф; и Ала-ад-дин ответил: «О повелитель правоверных, пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — принимал подарки, и эти десять блюд с тем, что есть на них,— подарок тебе от меня». И халиф принял от него это и велел дать ему почетную одежду, и сделал его старшиной купцов, и посадил его в диване, и когда он там сидел, вдруг вошел его тесть, отец Зубейды.

И, увидев, что Ала-ад-дин сидит на его месте и на нем почетная одежда, он сказал повелителю правоверных: «О царь времени, почему этот молодец сидит на моем месте?» — «Я назначил его старшиной купцов,— сказал халиф.— Должности жалуются на срок, а не навеки, и ты отстранен».— «От нас и к нам идет благо! — воскликнул отец Зубейды.— Прекрасно то, что ты сделал, о повелитель правоверных, и да поставит Аллах лучших из нас властителем наших дел. Сколько малых стало великими!» Потом халиф написал Ала-ад-дину грамоту и дал ее вали, и вали отдал грамоту факелоносцу, и тот возгласил в диване: «Нет старшины купцов, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата! Его слова должно слушать и хранить к нему почет, и ему подобает уважение и почтение, и высокое место!»

А когда диван разошелся, вали пошел с глашатаем перед Ала-ад-дином, и глашатай кричал: «Нет старшины купцов, кроме господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата!» И они ходили с ним кругом по площадям Багдада, и глашатай кричал и говорил: «Нет старшины купцов, кроме господина Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата!»

А когда наступило утро, Ала-ад-дин открыл для раба лавку и посадил его в ней продавать и покупать, а что касается самого Ала-ад-дина, то он каждый день садился на коня и отправлялся в должность, в диван халифа...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ДВУХСОТ ШЕСТИДЕСЯТИ

Когда же иастала ночь, дополняющая до двухсот шестидесятн, она сказала: «Дошло до меня, о счастлнвый царь, что Ала-ад-дин саднлся верхом н отправлялся в должность, в днван халнфа.

И случнлось однажды, что он сидел, как всегда, на своем месте, и когда он сидел, вдруг кто-то сказал халифу: «О повелитель правоверных, да жнвет твоя голова после такого-то твоего сотрапезника,— он преставился к милости Аллаха велнкого, а твоя жнзнь да будет вечна».— «Где Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат?» — спроснл халиф; и Ала-ад-дин предстал перед ним, и халнф, увидев Ала-ад-днна, наградил его великолепной одеждой, сделал его своим сотрапезником и предписал выдавать ему содержание в тысячу днваров каждый месяц, и Ала-ад-дни жил у халифа, разделяя его трапезы.

И случилось так, что в одии из дией ои сидел, как всегда, на своем месте, служа халифу, и вдруг вошел в диваи эмир с мечом н щитом и сказал: «О повелнтель правовериых, да жнвет твоя голова после главы шестидесяти[1],— он умер в сегодняшннй день». И халиф велел дать Ала-ад-дину почетную одежду н назначнл его главой шестидесяти, на место умершего.

А у главы шестндесятн не было нн жены, ии сына, нн дочери, и Ала-ад-дни пошел и иаложил руку иа его имущество; и халиф сказал Ала-ад-дину: «Похорони его в земле и возьми все, что он оставил из денег, рабов, невольниц и слуг».

А затем халнф взмахнул платком, и диван разошелся, и Ала-ад-днн вышел, н у его стремеии был иачальннк Ахмед-ад-Данаф — иачальник правой стороны у халифа, со своими сорока прнспешннкамн, а слева от Ала-ад-днна был Хасаи Шумаи, начальник левой стороны у халнфа, со своими сорока приспешнnкaми.

И Ала-ад-дин обериулся к Хасану Шуману и его людям и сказал: «Будьте ходатаями перед иачальником Ахмедом-ад-Данафом,— может быть, он прнмет меня в сыиовья по обету Аллаху». И начальник прниял его и сказал: «Я и мои сорок приспешников будем ходнть перед тобою в днван каждый день».

И Ала-ад-дин оставался на службе у халнфа в теченне не-

---

[1] «Глава шестидесяти» — военачальник, имевший свиту в шестьдесят всадников.

скольких дней, и в какой-то день случилось, что Ала-ад-дин вышел из дивана и пошел к себе домой, отпустив Ахмеда-ад-Данафа и тех, кто был с ними, идти своей дорогой. И он сел со своей женой Зубейдой-лютнисткой и зажег свечи, и после этого она поднялась, чтобы исполнить нужду, а Ала-ад-дин сидел на месте. И вдруг он услышал великий крик, и поспешно поднялся, чтобы посмотреть, кто это кричал, и увидел, что кричала его жена Зубейда-лютнистка и что она лежит на земле. И Ала-ад-дин положил руку ей на грудь, и оказалось, что она мертва.

А дом ее отца был перед домом Ала-ад-дина, и отец услышал ее крики и спросил: «В чем дело, господин мой Ала-ад-дин?» — «Да живет твоя голова, о батюшка, после твоей дочери Зубейды,— ответил Ала-ад-дин,— но уважение к мертвому, о батюшка, состоит в том, чтобы зарыть его».

И когда настало утро, Зубейду схоронили в земле, и Ала-ад-дин стал утешать ее отца, а отец утешал Ала-ад-дина.

Вот что было с Зубейдой-лютнисткой. Что же касается Ала-ад-дина, то он надел одежды печали и удалился из дивана, и глаза его стали плачущими, а сердце печальным.

И халиф спросил: «О везирь, по какой причине Ала-ад-дин удалился из дивана?» И везирь ответил: «О повелитель правоверных, он горюет по своей жене Зубейде и занят, принимая соболезнования».— «Нам следует выказать ему соболезнование»,— сказал халиф везирю; и везирь ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И халиф с везирем и несколькими слугами вышли и сели верхом, и отправились к дому Ала-ад-дина.

И Ала-ад-дин сидел и вдруг видит — халиф и везирь и те, кто был с ними, приближаются к нему. И он встал им навстречу и поцеловал землю перед халифом, и халиф сказал ему: «Да возместит тебе Аллах благом!» А Ала-ад-дин отвечал: «Да продлит Аллах для нас твою жизнь, о повелитель правоверных».— «О Ала-ад-дин,— спросил халиф,— почему ты удалился из дивана?» — «Из-за печали по моей жене Зубейде, о повелитель правоверных»,— ответил Ала-ад-дин; и халиф сказал: «Прогони от души заботу. Твоя жена умерла по милости великого Аллаха, и печаль тебе ничем не поможет».— «О повелитель правоверных, я оставлю печаль по ней только тогда, когда умру и меня зароют возле нее»,— сказал Ала-ад-дин; и халиф молвил: «Поистине, в Аллахе замена всему минувшему, и не освободят от смерти ни ухищрения, ни деньги! От Аллаха дар того, кто сказал:

Ведь всех, кто женой рожден, хоть длительно счастье их,
Когда-нибудь понесут на ложе горбатом,

И как веселиться тем и жить в наслаждении,
Кому на ланиты прах и землю насыплют?»

И халиф, кончив утешать Ала-ад-дина, наказал ему не удаляться из дивана и отправился в свое жилище, а Ала-ад-дин проспал ночь, а когда наступило утро, сел на коня и поехал в диван. И он вошел к халифу и поцеловал перед ним землю, и халиф пошевелился ради Ала-ад-дина на престоле и сказал ему: «Добро пожаловать! — и приветствовал его и посадил его на место, и молвил:— О Ала-ад-дин, ты мой гость сегодня вечером».

И потом он пошел с ним к себе во дворец, и, призвав одну ...ольницу по имени Кут-аль-Кулуб, сказал ей: «У Ала-ад-дина ...ла жена по имени Зубейда, которая развлекала его в горе и ...оте. Она умерла по милости великого Аллаха, и я хочу, что...ы ты сыграла ему музыку на лютне...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволен...е речи.

ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести шестьдесят вторая ночь[1], она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф сказал невольнице Кут-аль-Кулуб: «Я хочу, чтобы ты сыграла ему музыку на лютне, чудеснейшую среди всего существующего, и он бы утешился в заботе и печали».

И невольница начала и сыграла диковинную музыку; и халиф молвил: «Что скажешь, Ала-ад-дин, о голосе этой невольницы?» — «У Зубейды голос лучше, чем у нее, но она искусница в игре на лютне, так что из-за нее ликуют каменные скалы»,— ответил Ала-ад-дин. И халиф спросил: «Она тебе нравится?»— «Нравится, о повелитель правоверных»,— ответил Ала-ад-дин; и халиф воскликнул: «Клянусь жизнью моей головы и могилой моих дедов, она подарок тебе от меня — и она и ее невольницы».

И Ала-ад-дин подумал, что халиф шутит с ним, а наутро халиф вошел к своей невольнице Кут-аль-Кулуб и сказал ей:

[1] В оригинале за ночью 260-й следует 262-я.

«Я подарил тебя Ала-ад-дину»; и она обрадовалась этому, так как видела Ала-ад-дина и полюбила его.

Потом халиф перешел из дворцового помещения в диван, и, призвав носильщиков, сказал им: «Перенесите пожитки Кут-аль-Кулуб в дом Ала-ад-дина и посадите ее в носилки вместе с ее невольницами»; и они перевезли ее с невольницами и пожитками в дом Ала-ад-дина и привели ее во дворец, а халиф просидел в помещении суда до конца дня, и затем диван разошелся, и он ушел к себе во дворец.

Вот что было с халифом; что же касается Кут-аль-Кулуб, то, войдя во дворец Ала-ад-дина со своими невольницами (а их было сорок невольниц, кроме евнухов), она сказала двум евнухам: «Один из вас сядет на скамеечку справа от ворот, а другой сядет на камеечку слева, и когда придет Ала-ад-дин, поцелуйте ему руки и скажите ему: «Наша госпожа, Кут-аль-Кулуб, просит тебя во дворец. Халиф подарил ее тебе вместе с ее невольницами».

И евнухи ответили: «Слушаем и повинуемся!»— и сделали так, как она им велела. И когда Ала-ад-дин пришел, он увидел двух евнухов халифа, которые сидели у ворот.

И он нашел это диковинным и сказал про себя: «Может быть, это не мой дом? А иначе в чем же дело?» И евнухи, увидав его, поднялись и поцеловали ему руки и сказали: «Мы, люди халифа, невольники Кут-аль-Кулуб. Она приветствует тебя и говорит тебе, что халиф подарил ее тебе вместе с ее невольницами. И она просит тебя к себе».— «Скажите ей: «Добро пожаловать тебе, но только, пока ты у него, он не войдет во дворец, в котором ты находишься, так как то, что принадлежит господину, не годится для слуг»,— отвечал Ала-ад-дин,— и спросите ее: «Как велики были твои расходы у халифа каждый день».

И евнухи пошли к ней и спросили ее об этом, и она сказала: «Каждый день сто динаров». И Ала-ад-дин подумал про себя: «Не было мне нужды, чтобы халиф дарил мне Кут-аль-Кулуб и я тратил бы на нее такие деньги, но, однако, тут не ухитришься». И Кут-аль-Кулуб провела у него несколько дней, и он выдавал ей каждый день сто динаров. И в один из дней Ала-ад-дин не явился в диван, и халиф сказал: «О везирь Джафар, я подарил Кут-аль-Кулуб Ала-ад-дину лишь для того, чтобы она его утешала в потере жены; почему же он удалился от нас?»— «О повелитель правоверных,— отвечал везирь,— правду сказал

сказавший: кто встретит любимых, забудет друзей». И халиф молвил: «Может быть, его отсутствию есть оправдание. Мы навестим его».

А за несколько дней до этого Ала-ад-дин сказал везирю: «Я пожаловался халифу, что чувствую печаль по моей жене Зубейде-лютнистке, и он подарил мне Кут-аль-Кулуб».— «Если бы халиф не любил тебя, он бы тебе ее не подарил,— сказал везирь.— А ты уже входил к ней, о Ала-ад-дин?»— «Нет, клянусь Аллахом, я еще не входил к ней»,— ответил Ала-ад-дин; и везирь спросил: «Почему это?» А Ала-ад-дин молвил: «То, что годится господину, не годится для слуг».

Потом халиф и Джафар перерядились и пошли навестить Ала-ад-дина, и шли до тех пор, пока не пришли к нему.

И Ала-ад-дин узнал их и, поднявшись, поцеловал халифу руки; халиф, увидя его, обнаружил в нем признаки печали и сказал: «О Ала-ад-дин, какова причина печали, что охватила тебя? Разве ты еще не входил к Кут-аль-Кулуб?»— О повелитель правоверных,— ответил Ала-ад-дин,— что годится господину, не годится для слуг, и я до сих пор не входил к ней и не отличаю в ней длины от ширины. Избавь меня от нее!»— «Я желаю с ней повидаться и спросить ее о ее положении»,— сказал халиф. И Ала-ад-дин ответил: «Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!» И халиф вошел к Кут-аль-Кулуб...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Когда же настала двести шестьдесят третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф вошел к Кут-аль-Кулуб, и, увидав его, она поднялась и поцеловала перед ним землю. «Входил к тебе Ала-ад-дин?» — спросил ее халиф; и она ответила: «Нет, о повелитель правоверных. Я послала просить его, чтобы он вошел, но он не согласился».

И халиф велел ей возвратиться во дворец и сказал Ала-ад-дину: «Не удаляйся от нас!»

И потом халиф отправился к себе домой, а Ала-ад-дин проспал ту ночь, а утром он сел на коня и отправился в диван, и занял место главы шестидесяти.

А халиф велел своему казначею выдать везирю Джафару

десять тысяч динаров; и казначей дал ему это количество денег, и халиф сказал Джафару: «Поручаю тебе сходить на рынок невольниц и купить Ала-ад-дину невольницу на эти десять тысяч динаров». И Джафар последовал приказу халифа и вышел и, взяв с собою Ала-ад-дина, пошел с ним на рынок невольниц.

И случилось, что в этот день вали Багдада, назначенный халифом (а звали его эмир Халид), пошел на рынок, чтобы купить невольницу для своего сына, и причиной этого было вот что. У вали была жена по имени Хатун, и ему достался от нее сын, безобразный видом, которого звали Хабазлам Баззаза. И он достиг возраста двадцати лет и еще не умел ездить на коне, а его отец был смельчак, неприступный владыка, и ездил на конях, и погружался в море ночного боя.

И однажды ночью Хабазлам Баззаза спал и осквернился, и он рассказал об этом своей матери; и та обрадовалась и сообщила об этом его отцу, и сказала: «Я хочу, чтобы мы его женили: он стал годен для брака».— «Он безобразен видом, дурно пахнет, грязен и дик, и его не примет ни одна женщина»,— ответил отец Хабазлама; и мать его сказала: «Мы купим ему невольницу».

И по велению, предопределенному Аллахом великим, в тот день, когда пошли на рынок везирь и Ала-ад-дин, туда пошел и эмир Халид, вали, со своим сыном Хабазламом Баззазой; и когда они были на рынке, вдруг появилась с одним из посредников невольница — красивая, прелестная, стройная и соразмерная, и везирь сказал: «О посредник, предложи за нее тысячу динаров!»

И посредник прошел с нею мимо вали, и Хабазлам Баззаза посмотрел на нее взглядом, оставившим после себя тысячу вздохов, и любовь к ней овладела им. «О батюшка,— сказал он,— купи мне эту невольницу». И посредник стал зазывать, а вали спросил, как зовут девушку; и она отвечала: «Мое имя Ясмин».— «О дитя мое,— сказал ему отец,— если она тебе нравится, набавляй цену».— «О посредник, какова твоя цена?»— спросил он.—«Тысяча динаров»,— отвечал посредник. «С меня тысяча динаров и динар»,— сказал юноша. А когда очередь дошла до Ала-ад-дина, тот предложил за девушку две тысячи, и всякий раз, как юноша, сын вали, набавлял цену на динар, Ала-ад-дин прибавлял тысячу динаров.

И сын вали рассердился и спросил: «О посредник, кто набавляет против меня цену за эту девушку?» И посредник отве-

тил: «Везирь Джафар хочет купить ее для Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата».

И Ала-ад-дин предложил за невольницу десять тысяч динаров, и хозяин уступил ему девушку и получил за нее деньги; и Ала-ад-дин взял невольницу и сказал ей: «Я освобождаю тебя ради лика Аллаха великого»,— и затем он написал свой брачный договор с нею и отправился домой.

И посредник вернулся с платой за посредничество, и сын вали позвал его и спросил: «Где невольница?»— «Ее купил Ала-ад-дин за десять тысяч динаров, и он освободил ее и написал свой договор с нею»,— отвечал посредник. И юноша огорчился, и печаль его увеличилась, и он вернулся домой больным от любви к ней, и бросился на постель, и расстался с пищей, и его любовь и страсть усилились.

И, увидев, что он заболел, мать его спросила: «Сохрани тебя Аллах, о дитя мое, какова причина твоей болезни?»—«Купи мне Ясмин, о матушка»,— ответил он; и его мать сказала: «Когда пройдет человек с цветами, я куплю тебе корзинку жасмину».— «Это не тот жасмин, который нюхают, это невольница по имени Ясмин, которую мне не купил отец!»— воскликнул юноша. И его мать спросила мужа: «Почему ты не купил ему эту невольницу?»— «Что годится господину, не годится для слуг. И у меня нет власти взять ее: ее купил не кто иной, как Ала-ад-дин, глава шестидесяти».— ответил вали.

И болезнь юноши усилилась, так что он перестал спать и расстался с пищей. И его мать повязалась повязками печали.

И когда она сидела в своем доме, горюя из-за сына, вдруг вошла к ней одна старуха, которую звали «мать Ахмед Камакима-вора». А этот вор просверлил средние стены, и карабкался на верхние стены, и похищал сурьму с глаз, и эти мерзкие качества были у него с самого начала; а потом его сделали начальником стражи, и он украл вещь и попался, с нею, и вали напал на него и захватил его, и доставил к халифу.

И халиф велел убить его на поляне крови, но Ахмед прибегнул к защите везиря (а ходатайство везиря перед халифом не отвергалось), и везирь заступился за него. И халиф спросил: «Как ты заступаешься за бедствие, которое вредит людям?»— «О повелитель правоверных,— сказал везирь,— заключи его в тюрьму. Тот, кто построил тюрьму, был мудрец, так как тюрьма — могила для живых и радость для врагов».

И халиф велел наложить на Ахмеда цепи и написать на его цепях: «Навеки, до смерти, и он будет раскован лишь на скамье обмывальщика»[1]; и Ахмеда посадили, закованного, в тюрьму.

А его мать была вхожа в дом эмира Халида, вали, и заходила к своему сыну в тюрьму, и говорила ему: «Не говорила ли я тебе: «Отступись от запретного!» А он отвечал ей: «Это предопределил мне Аллах, но когда ты, о матушка, пойдешь к жене вали, пусть она заступится за меня перед ним».

И когда старуха вошла к жене вали, она увидела, что та повязана повязками печали, и спросила: «О чем ты печалишься?» — «О гибели моего сына Хабазлама Баззазы», — ответила жена вали. «Сохрани Аллах твоего сына! А что с ним случилось?» — спросила старуха, и жена вали рассказала ей всю историю, и старуха спросила: «Что ты скажешь о том, кто сыграет шутку, в которой будет спасение твоего сына?» — «А что ты сделаешь?» — спросила жена вали; и старуха сказала «У меня есть сын по имени Ахмед Камаким-вор, и он сидит закованный в тюрьме, и на цепях у него написано: «Навеки, до смерти». Встань и надень лучшее, что у тебя есть, и украсься самыми лучшими украшениями, и встреть своего мужа весело и приветливо, а когда он потребует от тебя того, что требуют мужчины от женщин, откажи ему и не давай этого сделать, и скажи: «О диво Аллаха! Когда мужчине есть нужда до жены, он пристает к ней, пока не удовлетворит нужду с нею, а когда жене что-нибудь нужно от мужа, он не исполняет этого». И муж спросит тебя: «А что тебе нужно?» И ты скажи: «Сначала поклянись мне»; и когда он тебе поклянется жизнью своей головы и Аллахом, скажи ему: «Поклянись разводом со мною», — и не соглашайся, пока он не поклянется тебе разводом; а когда он поклянется тебе разводом, скажи ему: «У тебя в тюрьме заключен один начальник по имени Ахмед Камаким, и у него есть бедная мать, и она упала передо мной ниц и направила меня к тебе, и сказала: «Пусть вали заступится за него перед халифом, чтобы халиф простил его, и ему бы досталась награда».

И мать Хабазлама ответила ей: «Слушаю и повинуюсь!» И когда вали вошел к своей жене...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

[1] То есть скамье, на которой обмывают тела казненных.

ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести шестьдесят четвертая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда вали вошел к своей жене, она сказала ему все это, и он поклялся ей разводом, и тогда она позволила ему, и он провел подле нее ночь, а когда наступило утро, вали омылся и, совершив утреннюю молитву, пришел в тюрьму, и сказал «О Ахмед Камаким, о вор, раскаиваешься ли ты в том, что сделал?»— «Я раскаялся перед Аллахом и отступился, и прошу сердцем и языком прощения у Аллаха»,— ответил Ахмед. И вали выпустил его из тюрьмы и взял его с собой в диван, закованного в цепи.

И он подошел к халифу, и поцеловал перед ним землю и, халиф спросил: «О эмир Халид, чего ты просишь?» И вали поставил Ахмеда Камакима, который шел в цепях, перед халифом, и халиф спросил: «О Камаким, ты до сих пор жив?»— «О повелитель правоверных,— ответил Ахмед,— жизнь несчастного медлительна»; и халиф молвил: «О эмир Халид, зачем ты его привел сюда?»—«У него бедная, одинокая мать, у которой никого нет, кроме него,— ответил эмир,— и она пала ниц перед твоим рабом, чтобы он походатайствовал у тебя, о повелитель правоверных, и ты бы освободил от цепей ее сына. Он раскается в том, что было, и ты сделаешь его начальником стражи, как прежде».— «Ты раскаялся в том, что было?»— спросил халиф Ахмеда Камакима; и тот ответил: «Я раскаялся перед Аллахом, о повелитель правоверных»; и тогда халиф велел привести кузнеца и расковать цепи Ахмеда на скамье обмывальщика.

Он сделал Ахмеда начальником стражи и наказал ему хорошо вести себя и поступать прямо, и Ахмед поцеловал халифу руки и вышел с одеждой начальника стражи, и про него прокричали о том, что он начальник. И он пробыл некоторое время в своей должности, а потом его мать пришла к жене вали, и та сказала ей: «Слава Аллаху, который освободил твоего сына из тюрьмы здоровым и благополучным! Почему же ты не говоришь ему, чтобы он что-нибудь устроил и привел бы невольницу Ясмин к моему сыну Хабазламу Баззазе?»—«Я скажу ему»,— ответила старуха и, уйдя от нее, пришла к своему сыну. И она нашла его пьяным и сказала: «О дитя моя, причина того, что ты освободился из тюрьмы, только в жене вали, и она хочет от тебя, чтобы ты что-нибудь для нее устроил и убил бы Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, и привел бы невольницу Ясмин

к ее сыну Хабазламу Баззазе».—«Это легче всего, что бывает,— ответил Ахмед.— Я обязательно устрою что-нибудь сегодня ночью».

А эта ночь была первой ночью месяца, и у халифа был обычай проводить ее подле госпожи Зубейды[1] по случаю освобождения невольницы, или невольника, или чего-нибудь подобного этому, и еще у халифа был обычай снимать царское платье и оставлять четки и кортик, и перстень власти, и класть все это на престол в приемной комнате.

А у халифа был золотой светильник с тремя драгоценными камнями, нанизанными на золотую цепочку, и этот светильник был халифу дорог. И халиф поставил евнухов сторожить одежду и светильник, и остальные вещи и вошел в комнату госпожи Зубейды.

А Ахмед Қамаким-вор выждал, пока пришла полночь, и засияла звезда Қанопус, и твари заснули, и творец опустил на них покрывало, а затем он обнажил меч и взял его в правую руку, а в левую взял крюк, и, подойдя к приемной комнате халифа, взял веревочную лестницу, закинул крюк на стену приемной комнаты, взобрался по лестнице на крышу и поднял подъемную доску над комнатой, и спустился туда.

И он нашел евнухов спящими и, одурманив их, взял одежду халифа, четки, кортик, платок, перстень и светильник, на котором были камни, и вышел через то место, откуда вошел, и отправился к дому Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата. А Ала-ад-дин в эту ночь был занят свадьбою с девушкой, и он вошел к ней, и она ушла от него беременной.

И Ахмед Қамаким-вор спустился в комнату Ала-ад-дина и, выломав мраморную доску в нижней части комнаты, выкопал под ней яму и положил туда часть вещей, а часть оставил у себя. Потом он заделал мраморную доску, как было, и вышел через то место, откуда вошел, говоря про себя: «Я сяду и напьюсь, и поставлю светильник перед собой, и буду пить чашу при его свете».

И потом Ахмад Қамаким-вор отправился домой, когда наступило утро, халиф вошел в приемную и увидел, что евнухи одурманены, и разбудил их, и протянул руку, но не нашел ни одежды, ни перстня, ни четок, ни кортика, ни платка, ни светильника.

---

[1] **Зубейда** — одна из жен Харуна ар-Рашида.

И халиф разгневался из-за этого великим гневом и надел одежду ярости (а это была красная одежда), и сел в диване; и везирь подошел и поцеловал перед ним землю, и сказал: «Да избавит Аллах от зла повелителя правоверных!» И халиф воскликнул: «О везирь, зло велико». — «Что произошло?» — спросил везирь; и халиф рассказал ему обо всем, что случилось. И вдруг подъехал вали, и у его стремени был Ахмед Камаким-вор.

И вали нашел халифа в великом гневе, а халиф, увидев вали, спросил его: «О эмир Халид, как дела в Багдаде?» — «Все благополучно и безопасно»,— отвечал вали. «Ты лжешь»,— сказал халиф; и вали спросил: «Почему, о повелитель правоверных?» И халиф рассказал ему, что случилось, и молвил: «Ты обязан принести мне все это!»— «О повелитель правоверных,— сказал вали,— червяки в уксусе оттуда происходят и там остаются[1], и чужой никак не может забраться в это место».— «Если ты не принесешь мне эти вещи, я убью тебя»,— сказал халиф; и вали молвил: «Прежде чем убивать меня, убей Ахмеда Камаким-вора, так как никто не знает воров и обманщиков, кроме начальника стражи».

И Ахмед Камаким поднялся и сказал халифу: «Заступись за меня перед вали, и я отвечаю тебе за того, кто украл, и буду выискивать его след, пока не узнаю, кто он. Но только дай мне двух судей и двух свидетелей: тот, кто сделал это дело, не боится ни тебя, ни вали, ни кого-нибудь другого». «Тебе будет то, что ты просишь,— сказал халиф,— но только первый обыск будет в моем дворце, а потом во дворце везиря и во дворце главы шестидесяти».— «Ты прав, о повелитель правоверных, может быть, окажется, что тот, кто сотворил эту проделку, воспитался во дворце повелителя правоверных или во дворце кого-нибудь из его приближенных»,— сказал Ахмед Камаким. И халиф воскликнул: «Клянусь жизнью моей головы, всякий, у кого объявятся эти вещи, будет обязательно убит, хотя бы это был мой сын!»

И затем Ахмед Камаким взял то, что он хотел, и получил грамоту на право врываться в дома и обыскивать их.

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

[1] Смысл этой поговорки: «За домашним вором не углядишь».

ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести шестьдесят пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ахмед Камаким взял то, что он хотел, и получил фирман на право врываться в дома и обыскивать их. И он, пошел, держа в руках трость, треть которой была из бронзы, треть из меди и треть из железа, и обыскал дворец халифа и дворец везиря Джафара, и обходил дома царедворцев и привратников, пока не прошел мимо дома Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата.

И, услышав шум перед домом, Ала-ад-дин поднялся от Ясмин, своей жены, и вышел, и, открыв ворота, увидел вали в большом смущении. «В чем дело, о эмир Халид?» — спросил он; вали рассказал ему все дело, и Ала-ад-дин сказал: «Входите в дом и обыщите его». Но вали воскликнул: «Прости, господин! Ты верный, и не бывать тому, чтобы верный оказался обманщиком».— «Обыскать мой дом необходимо»,— сказал Ала-ад-дин. И вали вошел с судьями и свидетелями, и тогда Ахмед Камаким пошел в нижнюю часть комнаты и, подойдя к мраморной плите, под которой он зарыл вещи, нарочно опустил на плиту трость. И плита разбилась, и вдруг увидели, что под нею что-то светится, и начальник воскликнул: «Во имя Аллаха! Как захочет Аллах! По благословению нашего прихода, нам открылось сокровище. Вот я спущусь к этому кладу и посмотрю, что там есть».

И судья со свидетелями посмотрели в это место и нашли все вещи полностью и написали бумажку, в которой стояло, что они нашли вещи в доме Ала-ад-дина, и приложили к этой бумажке свою печать.

И Ала-ад-дина приказали схватить, и сняли у него с головы тюрбан, и все его имущество и достояние записали в опись, и Ахмед Камаким схватил невольницу Ясмин (а она была беременна от Ала-ад-дина) и отдал ее своей матери, и сказал: «Передай ее Хатун, жене вали».

И старуха взяла Ясмин и привела ее к жене вали. И когда Хабазлам Баззаза увидел ее, к нему снова пришло здоровье, и он в тот же час и минуту встал и сильно обрадовался.

И он приблизился к девушке, но она вытащила из-за пояса кинжал и сказала: «Отдались от меня, или я тебя убью и убью себя!»

И мать его Хатун воскликнула: «О распутница, дай моему

сыну достигнуть с тобою желаемого!» А Ясмин сказала: «О сука, какое вероучение позволяет женщине выйти замуж за двоих и кто допустит собак войти в жилище львов?»

И страсть юноши еще увеличилась, и он так ослаб от любви и волнения, что расстался с едой и слег на подушки; и тогда жена вали сказала Ясмин: «О распутница, как это ты заставляешь меня печалиться о моем сыне? Тебе непременно надо помучить, а что до Ала-ад-дина, то его обязательно повесят».— «Я умру и буду любить его!»— воскликнула невольница. И тогда жена вали сняла с нее бывшие на ней драгоценности и шелковые одежды и одела ее в парусиновые штаны и волосяную рубашку и поселила на кухне, сделав ее одной из девушек-прислужниц.

«В наказанье ты будешь колоть дрова, чистить овощи и подкладывать огонь под горшки»,— сказала она; и Ясмин ответила: «Я согласна на всякую пытку и работу, но не согласна видеть твоего сына». И Аллах смягчил к ней сердца невольниц, и они стали исполнять за нее работу на кухне.

Вот что было с Ясмин. Что же касается Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, то его взяли с вещами халифа и повели, и вели до тех пор, пока не дошли с ним до дивана.

И халиф сидел на престоле и вдруг видит, что они ведут Ала-ад-дина, и с ним те вещи. «Где вы их нашли?»— спросил халиф; и ему сказали: «Посреди дома Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата».

И халиф пропитался гневом и взял вещи, но не нашел среди них светильника. И он спросил: «О Ала-ад-дин, где светильник?» И Ала-ад-дин отвечал: «Я не крал, и не знаю, и не видел, и нет у меня об этом сведений». И халиф воскликнул: «Как, обманщик, я приближаю тебя к себе, а ты меня от себя отдаляешь, и я тебе доверяю, а ты меня обманываешь?» И затем он велел его повесить.

И вали вышел, а глашатай кричал об Ала-ад-дине: «Вот возмездие, и наименьшее возмездие, тем, кто обманывает прямодушных халифов!» И люди собрались около виселицы.

Вот что было с Ала-ад-дином. Что же касается Ахмеда-ад-Данафа, старшего над Ала-ад-дином, то он сидел со своими приспешниками в саду; и пока они сидели, наслаждаясь и радуясь, вдруг вошел к ним один человек — водонос из водоносов, которые в диване, и поцеловал Ахмеду-ад-Данафу руку, и сказал: «О начальник Ахмед-ад-Данаф, ты сидишь и веселишься, а беда

у тебя под ногами, но ты не знаешь, что произошло».— «В чем дело?»— спросил Ахмед-ад-Данаф; и водонос сказал: «Твоего сына по обету Аллаху, Ала-ад-дина, повели на виселицу».— «Какая будет у тебя хитрость, о Хасан Шуман?»— спросил Ахмед-ад-Данаф; и Хасан сказал: «Ала-ад-дин невиновен в этом деле, и это проделки какого-нибудь врага». — «Что, по-твоему, делать?»— спросил Ахмед-ад-Данаф. «Спасение его лежит на нас, если захочет владыка»,—ответил Хасан; а затем Хасан Шуман пошел в тюрьму и сказал тюремщику: «Выдай нам кого-нибудь, кто заслуживает смерти». И тюремщик выдал ему одного человека, более всех тварей похожего на Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, и Хасан закрыл ему голову, и Ахмед-ад-Данаф повел его между собою и Али-Зейбаком, каирцем.

А Ала-ад-дина повели, чтобы повесить; и тут Ахмед-ад-Данаф подошел к палачу и наступил ногою ему на ногу, и палач сказал ему: «Дай мне место, чтобы я мог сделать свое дело!»; а Ахмед-ад-Данаф молвил: «О проклятый, возьми этого человека и повесь его вместо Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата: он несправедливо обижен, и мы выкупим Исмаила барашком»[1].

И палач взял того человека и повесил его вместо Ала-ад-дина, а потом Ахмед-ад-Данаф и Али-Зейбак, каирец, взяли Ала-ад-дина и отвели в комнату Ахмеда-ад-Данафа.

И когда они вошли, Ала-ад-дин сказал: «Да воздаст тебе Аллах благом, о старший!» И Ахмед спросил его: «О Ала-ад-дин, что это за дело ты сделал?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести шестьдесят шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ахмед-ад-Данаф спросил Ала-ад-дина: «Что это за дело ты сделал? Аллах да помилует сказавшего: того, кто тебе доверился, не обманывай, даже если ты обманщик. Халиф дал тебе у себя власть и назвал

[1] Намек на библейский рассказ о принесении в жертву Авраамом своего сына Исаака. Этот рассказ имеется и в коране, но, по-мусульманскому, толкованию, в жертву был принесен не Исаак, а Исмаил, другой сын Авраама, которого отец «выкупил», зарезав барашка.

тебя верным и надежным, почему же ты поступаешь с ним так и берешь его вещи?» — «Клянусь величайшим именем Аллаха, о старший,— воскликнул Ала-ад-дин,— это не моя проделка, и я в ней неповинен и не знаю, кто это сделал!» — «Это дело сделал не кто иной, как явный враг,— сказал Ахмед-ад-Данаф,— и кто это сделал, тому воздастся за это. Но тебе, Ала-ад-дин, нельзя больше пребывать в Багдаде: с царями не враждуют, о дитя мое; и кого ищут цари — о, как долги для того тягостны!» — «Куда я пойду, о старший?» — спросил Ала-ад-дин; и Ахмед-ад-Данаф молвил: «Я доставлю тебе в аль-Искандарию [1] — это город благословенный, и подступы к нему зеленые, и жизнь там приятная». И Ала-ад-дин отвечал: «Слушаю и повинуюсь, о старший!» И тогда Ахмед-ад-Данаф сказал Хасану Шуману: «Будь настороже, и когда халиф спросит обо мне, скажи ему: он уехал объезжать земли».

После этого Ахмед взял Ала-ад-дина и вышел из Багдада, и они шли до тех пор, пока не достигли виноградников и садов. И они увидели двух евреев из откупщиков халифа, которые ехали верхом на мулах, и Ахмед-ад-Данаф сказал евреям: «Давайте плату за охрану».— «За что мы будем давать тебе плату?» — спросили евреи; и Ахмед сказал: «Я сторож в этой долине». И каждый из евреев дал ему сто динаров, а после этого Ахмед-ад-Данаф убил их и, взяв мулов, сел на одного, и Ала-ад-дин тоже сел на мула.

И они поехали в город Айяс [2] и отвели мулов в хан и проспали там ночь, а когда настало утро, Ала-ад-дин продал своего мула и поручил мула Ахмада-ад-Данафа привратнику; и они взошли на корабль в гавани Айяса и достигли аль-Искандарии.

И Ахмед-ад-Данаф с Ала-ад-дином вышли и пошли по рынку — и вдруг слышат: посредник предлагает лавку с комнатой внутри за девятьсот пятьдесят динаров.

«Даю тысячу»,— сказал тогда Ала-ад-дин, и продавец уступил ему (а лавка принадлежала казне); и Ала-ад-дин получил ключи, и отпер лавку, и отпер комнату, и оказалось, что она устлана коврами и подушками, и он увидел там кладовую, где были паруса, мачты, канаты, сундуки и мешки, наполненные скорлупами и раковинами, стремена, топоры, дубины, ножи,

---

[1] Аль-Искандария — арабское название города Александрии в Египте.

[2] Айяс — в средние века город и порт Киликии, на берегу Александретского залива.

ножиицы и другие вещи, так как владелец лавки был старьевщиком.

И Ала-ад-дии Абу-ш-Шамат сел в лавке, и Ахмед-ад-Даиаф сказал ему: «О дитя мое, лавка и комиата и то, что в ией есть, стали твоим достоянием. Сиди же в ней, покупай и продавай— и ие сомиевайся, ибо Аллах великий благословил торговлю».

И Ахмед-ад-Данаф оставался у Ала-ад-дина три дня, а иа четвертый деиь он простился с иим и сказал: «Живи здесь, пока я съезжу и вериусь к тебе с вестью от халифа о пощаде и высмотрю, кто проделал с тобою такую штуку».

И потом Ахмед-ад-Даиаф отправился в путь и, достигнув Айяса, взял своего мула из хаиа и поехал в Багдад. И он встретился там с Хасаном Шумаиом и его приспешниками и сказал: «О Хасан, халиф спрашивал обо мне?» И Хасаи отвечал: «Нет, и мысль о тебе ие приходила ему на ум». И Ахмед-ад-Данаф остался служить халифу и стал разведывать иовости. И он увидел, что халиф обратился в один из дней к везирю Джафару и сказал ему: «Посмотри, о везирь, какое дело сделал со мной Ала-ад-дии». И везирь ответил ему: «О повелитель правоверных, ты воздал ему за это повешеиием, и возмездие ему то, что его постигло».—«О везирь, я хочу выйти и посмотреть иа него, повешеиного»,— сказал халиф; и везирь молвил: «Делай, что хочешь, о повелитель правовериых». И тогда халиф и с ним везирь Джафар пошли в сторону виселицы.

И халйф подиял глаза и увидел, что повешен не Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, вериый, иадежный.

«О везирь, это не Ала-ад-дии»,— сказал он; и везирь спросил: «Как ты узнал, что это ие он?» А халиф ответил: «Ала-ад-дин был короткий, а этот длинный»,— «Повешенный удлиняется»,— отвечал везирь; и халиф сказал: «Ала-ад-дии был белый, а у этого лицо черное».— «Разве ие зиаешь ты, о повелитель правоверных, что смерти присуща чериота?»— молвил везирь; и халиф приказал спустить повешенного с виселицы, и когда его спустили, оказалось, что у иего иа обеих пятках написаны имена двух старцев[1]. «О везирь,— сказал халиф,—

[1] То есть первых халифов — Абу-Бекра и Омара. Шииты, к которым принадлежал повешенный, считают их, а также третьего халифа, Османа, узурпаторами и поэтому часто пишут эти имена на пятках или подошве обуви, чтобы попирать их ногами. Сунниты, наоборот, признают первых трех халифов законными правителями.

Ала-ад-дин был суннит, а этот рафидит». И везирь воскликнул: «Слава Аллаху, знающему сокровенное! Мы не знаем, Ала-ад-дин ли это, или кто другой». И халиф приказал зарыть повешенного, и его зарыли, а Ала-ад-дин стал забытым и забвенным. И вот то, что было с ним.

Что же касается Хабазлама Баззазы, сына вали, то его любовь и страсть продлились, и он умер, и его закопали и схоронили в земле. А что до невольницы Ясмин—то ее беременность пришла к концу, и ее схватили потуги, и она родила дитя мужского пола, подобное месяцу.

«Как ты его назовешь?»— спросили ее невольницы. И она отвечала: «Будь с его отцом все благополучно, он бы дал ему имя, а я назову его Асланом» [1]

И потом она вскармливала его молоком два года подряд и отлучила его от груди, и мальчик стал ползать и ходить. И случилось так, что в один из дней его мать занялась работой на кухне, и мальчик пошел и увидел лестницу в комнату, и поднялся по ней.

А эмир Халид сидел там, и он взял мальчика, и посадил его на колени, и прославил своего владыку за то, что он сотворил и создал в его образе, и он всмотрелся мальчику в лицо и увидел, что он больше всех тварей похож на Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата.

А потом мать мальчика, Ясмин, стала искать его, и она поднялась в комнату и увидела, что эмир Халид сидит там, а ребенок играет у него на коленях (а Аллах закинул любовь к мальчику в сердце эмира). И мальчик увидел свою мать и бросился к ней, но эмир Халид удержал его на коленях и сказал Ясмин: «Подойди, девушка!» И когда она подошла, спросил ее: «Этот мальчик чей сын?» И она ответила: «Это мой сын, плод моего сердца».— «А кто его отец?»— спросил вали. «Его отец— Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, а теперь он стал твоим сыном»,— ответила Ясмин. «Ала-ад-дин был обманщик»,— сказал вали, и Ясмин воскликнула: «Да сохранит его Аллах от обмана! Невозможно и не бывать тому, чтобы верный был обманщиком».— «Когда этот ребенок станет взрослым и вырастет, и спросит тебя: «Кто мой отец?»— скажи ему: «Ты сын эмира Халида, вали, начальника стражи»,— молвил эмир и Ясмин ответила: «Слушаю и повинуюсь!»

[1] Аслан — по-турецки «лев».

А потом эмир Халид, вали, справил обрезание мальчика, и стал его воспитывать, и хорошо воспитал его. И он привел ему учителя чистописца, и тот научил его чистописанию и чтению, и мальчик прочитал коран в первый и второй раз и прочитал его полностью; и он называл эмира Халида: «батюшка».

И вали начал устраивать ристалища и собирал всадников и выезжал, чтобы учить мальчика способам боя, и показывал ему, в какие места бить копьем и мечом, пока Аслан не изучил до конца искусства ездить верхом и не обучился доблести, и не достиг возраста четырнадцати лет, и не дошел до степени эмира.

И случилось, что Аслан встретился в какой-то день с Ахмедом Камаким-вором, и они стали друзьями, и мальчик проводил его в кабак; и вдруг Ахмед Камаким-вор вынул светильник с драгоценностями, который он взял из вещей халифа, и, поставив его перед собой, стал пить чашу при свете его, и напился. «О начальник, дай мне этот светильник»,— сказал ему Аслан. «Я не могу тебе его дать»,— ответил Ахмед. И Аслан спросил: «Почему?» И Ахмед молвил: «Из-за него пропадали души».— «Чья душа из-за него пропала?»— спросил Аслан; и Ахмед сказал: «Был тут один, он приехал к нам сюда и сделался главой шестидесяти, и звали его Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, и он умер из-за этого светильника».— «А какова его история и по какой причине он умер?»— спросил Аслан, и Ахмед сказал: «У тебя был брат, по имени Хабазлам Баззаза, и он достиг шестнадцати лет, и стал годен для женитьбы, и потребовал от отца, чтобы тот купил ему невольницу...»

И Ахмед рассказал Аслану всю историю с начала до конца и осведомил его о болезни Хабазлама Баззазы и о том, что, по несправедливости, случилось с Ала-ад-дином. И Аслан сказал про себя: «Может быть, эта девушка Ясмин—моя мать; а отец мой не кто иной, как Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат?»

И мальчик Аслан ушел от Ахмеда печальный и встретил начальника Ахмеда-ад-Данафа; и, увидав его, Ахмед-ад-Данаф воскликнул: «Слава тому, на кого нет похожего».— «О старший, чему ты удивляешься?»— спросил его Хасан Шуман; и Ахмед-ад-Данаф ответил: «Наружности этого мальчика Аслана. Он больше всех тварей похож на Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата».

И Ахмед-ад-Данаф позвал: «Эй, Аслан!» И когда тот отозвался, спросил его: «Как зовут твою мать?»— «Ее зовут невольница Ясмин»,— отвечал мальчик. И Ахмед-ад-Данаф воск-

ликнул: «О Аслан, успокой твою душу и прохлади глаза! Никто тебе не отец, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата. Но пойди к твоей матери и спроси у нее про твоего отца».— «Слушаю и повинуюсь!» — ответил Аслан и пошел к своей матери, и спросил ее; и она сказала: «Твой отец — эмир Халид»; а юноша воскликнул: «Никто мне не отец, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата!»

И мать Аслана заплакала и спросила: «Кто тебе рассказал об этом, дитя мое?» И Аслан отвечал: «Мне рассказал об этом начальник Ахмед-ад-Данаф». И тогда Ясмин поведала ему обо всем, что случилось, и сказала: «О дитя мое, истинное стало явным, и скрылось ложное. Знай, что твой отец — Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, но только воспитал тебя один лишь эмир Халид, и он сделал тебя своим сыном. О дитя мое, если ты встретишься с начальником Ахмедом-ад-Данафом, скажи ему: «О старший, прошу тебя ради Аллаха, отомсти вместо меня убийце моего отца Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата». И Аслан вышел от своей матери и пошел...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести шестьдесят седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Аслан вышел от своей матери и пошел, и, войдя к начальнику Ахмеду-ад-Данафу, поцеловал ему руку.

«Что тебе, о Аслан?»— спросил Ахмед-ад-Данаф. И Аслан сказал: «Я узнал и убедился, что мой отец — Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, и хочу, чтобы ты отомстил вместо меня его убийце».— «Кто убил твоего отца?»— спросил Ахмед-ад-Данаф. «Ахмед-Камаким-вор»,— ответил Аслан. «А кто тебя осведомил об этом деле?»— спросил Ахмед; и Аслан сказал: «Я увидел у него светильник с драгоценностями, который пропал в числе вещей халифа, и сказал ему: «Дай мне этот светильник»; но он не согласился и сказал: «Из-за этого светильника пропадали души»,— и рассказал, что это он спустился и украл вещи и положил их в доме моего отца».

«Когда ты увидишь, что эмир Халид, вали, надевает одежду войны,— сказал Ахмед-ад-Данаф, скажи ему: «Одень меня

так же». И когда ты выедешь вместе с ним и покажешь перед повелителем правоверных какой-нибудь диковинный способ боя и халиф скажет тебе: «Пожелай от меня чего-нибудь, о Аслан»,— а ты скажи ему: «Я желаю, чтобы ты отомстил вместо меня за моего отца его убийце». И халиф тебе скажет: «Твой отец жив—это эмир Халид»; а ты скажи: «Мой отец Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, а эмиру Халиду я обязан только воспитанием». Расскажи ему все, что произошло у тебя с Ахмедом Камаким-вором, и скажи: «О повелитель правоверных, вели его обыскать»,— и я выну светильник у него из-за пазухи».

И Аслан сказал Ахмеду-ад-Данафу: «Слушаю и повинуюсь!»— и затем он ушел и увидел, что эмир Халид собирается выехать в диван халифа.

«Я хочу, чтобы ты одел меня в одежды воины, такие же, как у тебя, и взял меня с собой, в диван халифа»,— сказал он. И эмир одел его и взял с собою в диван.

И халиф выехал с войсками за город и расставил шатры и палатки, и ряды выстроились, и выехали всадники с шаром и молотком, и когда какой-нибудь всадник ударял по шару молотком, другой всадник возвращал его к нему.

А среди войска был один лазутчик, которого подговорили убить халифа, и он взял шар и ударил по нему молотком, направив его в лицо халифу. И вдруг Аслан поймал шар вместо халифа и ударил им того, кто его бросил, и шар попал ему между плеч, и он упал на землю. И халиф воскликнул: «Да благословит тебя Аллах, о Аслан!»

А потом они сошли со спин коней и сели на седалища, и халиф велел привести того, кто ударил по шару, и, когда тот человек предстал перед ним, спросил его: «Кто подговорил тебя на это дело? Ты враг или любящий?» — «Я враг и задумал убить тебя»,— ответил лазутчик; и халиф сказал «Какова причина этого? Разве ты не мусульманин?»— «Нет, я рафидит»,— ответил лазутчик. И халиф велел его убить и сказал Аслану: «Пожелай от меня чего-нибудь!» А Аслан сказал: «Я желаю, чтобы ты отомстил вместо меня убийце моего отца».— «Твой отец жив, и он стоит на ногах»,— сказал халиф; и Аслан спросил: «Кто мой отец?»— «Эмир Халид, вали»,— ответил халиф; и Аслан воскликнул: «О повелитель правоверных, он мой отец только по воспитанию, и никто мне не родитель, кроме Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата».— «Твой отец был обманщик»,— сказал

халиф. «О повелитель правоверных,— ответил Аслан,— не бывать тому, чтобы верный стал обманщиком. И в чем он тебя обманул?» — «Он украл мою одежду и то, что при ней было».— сказал халиф; и Аслан спросил; «О господин, когда ты лишился своей одежды и она вернулась к тебе, видел ли ты, что и светильник тоже к тебе возвратился?»—«Мы его не нашли»,— ответил халиф; и Аслан молвил: «Я увидал светильник у Ахмеда Камакима-вора и попросил его у него, но он мне не дал и сказал: «Из-за него пропадали души». И он поведал мне про болезнь Хабазлама Баззазы, сына эмира Халида, и про любовь к невольнице Ясмин, и про то, как он сам был освобожден от цепей, и рассказал мне, что это он украл одежду и светильник. И ты, о повелитель правоверных, отомсти вместо меня убийце моего отца».— «Схватите Ахмеда Камакима!» — сказал халиф. И когда его схватили, халиф спросил: «Где начальник Ахмед-ад-Данаф?» И тот явился, и халиф сказал ему: «Обыщи Камакима!» И Ахмед-ад-Данаф положил руку ему за пазуху и вынул оттуда светильник с драгоценностями.

И халиф воскликнул: «Подойди, обманщик! Откуда у тебя этот светильник?»— «Я купил его, о повелитель правоверных»,— ответил Ахмед Камаким; и халиф спросил: «Где ты его купил и кто мог обладать подобным ему, чтобы продать его тебе?»

И Ахмеда Камакима побили, и он сознался, что это он украл одежду и светильник, и халиф воскликнул: «Зачем ты сделал такое дело, обманщик, и погубил Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, когда он верный, надежный?»

Потом халиф приказал схватить Ахмеда Камакима и вали, и тот сказал: «О повелитель правоверных, я обижен! Ты приказал мне его повесить, и я не имел сведений об этой проделке. Это устроили старуха—мать Ахмеда Камакима—и моя жена, и я ничего не знал. Я под твоей защитой, о Аслан».

И Аслан заступился за него перед халифом; и потом повелитель правоверных спросил: «Что сделал Аллах с матерью этого мальчика?» И вали ответил «Она у меня».— «Я приказываю тебе,— сказал халиф,— чтобы ты велел твоей жене одеть его мать в ее прежнюю одежду и украшения и вернуть ей положение госпожи. Сними печати с дома Ала-ад-дина и отдай сыну деньги и имущество его отца». И вали отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»— и вышел и отдал своей жене приказание, и та

одела Ясмин в ее прежнюю одежду, и вали снял печати с дома Ала-ад-дина и передал Аслану ключи.

И потом халиф сказал: «Пожелай от меня чего-нибудь, о Аслан». И Аслан воскликнул: «Я желаю, чтобы ты соединил меня с отцом».

И халиф заплакал и сказал: «Самое вероятное, что твой отец и есть тот, кого повесили, и он умер. Но клянусь жизнью моих дедов, всякому, кто порадует меня вестью о том, что Ала-ад-дин еще в оковах жизни, я дам все, чего он попросит».

И Ахмед-ад-Данаф выступил вперед и поцеловал землю перед халифом, и сказал: «Дай мне безопасность, о повелитель правоверных!» — «Ты в безопасности»,— молвил халиф. И Ахмед-ад-Данаф сказал: «Я обрадую тебя вестью о том, что Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат здоров и пребывает в оковах жизни».— «Что это ты говоришь!» — воскликнул халиф. «Клянусь жизнью твоей головы,— отвечал Ахмед-ад-Данаф,— мои слова истина! Я выкупил его другим человеком, который заслуживал смерти, и доставил в аль-Искандарию, и открыл ему лавку старьевщика».— «Поручаю тебе привести его»,— сказал халиф...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести шестьдесят восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф сказал Ахмеду-ад-Данафу: «Поручаю тебе привести его»; и Ахмед ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И халиф велел дать ему десять тысяч динаров, и Ахмед-ад-Данаф поехал, направляясь в аль-Искандарию.

Вот что было с Асланом. Что же касается его отца, Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата, то он продавал все, что было у него в лавке, и там осталось лишь немного, и между прочим один мешок. И Ала-ад-дин развязал мешок, и оттуда выпал камень, наполняющий горсть, на золотой цепочке, и он был о пяти сторонах, на которых были написаны имена и талисманы, похожие на ползающих муравьев.

И Ала-ад-дин потер эти пять сторон, но никто ему не ответил, и он сказал про себя: «Может быть, этот камень простой оникс?» — и он повесил камень в лавке.

И вдруг прошел по дороге консул[1] и поднял глаза, и увидел, что висит этот камень. И он сел у лавки Ала-ад-дина и спросил его: «О господин, этот камень продается?»—«Все, что у меня есть, продается»,— ответил Ала-ад-дин; и консул спросил: «Продашь ты мне его за восемьдесят тысяч динаров?»— «Аллах поможет!»— ответил Ала-ад-дин; и консул сказал: «Продашь ли ты его за сто тысяч динаров?»— «Я продам его тебе за сто тысяч динаров, плати деньги»,— сказал Ала-ад-дин; и консул сказал: «Я не могу принести деньги с собой, когда в аль-Искандарии воры и стражники. Ты пойдешь со мной на корабль и я дам тебе деньги, а также кипу ангорской шерсти, кипу атласа, кипу бархата и кипу сукна».

И Ала-ад-дин поднялся и запер лавку, вручив сначала консулу камень, и отдал ключи своему соседу, и сказал: «Возьми эти ключи к себе на сохранение, а я пойду на корабль с этим консулом и принесу деньги за мой камень. А если я задержусь и к тебе приедет начальник Ахмед-ад-Данаф, который поселил меня в этом месте, отдай ему ключи и расскажи ему об этом». И затем Ала-ад-дин отправился с консулом на корабль, и консул, приведя его на корабль, поставил скамеечку, посадил на нее Ала-ад-дина и сказал: «Подайте деньги!»— и отдал ему плату и те пять кип, которые он ему обещал. «О господин,— сказал он ему,— прошу тебя, утешь меня, съев кусочек или выпив глоток воды». И Ала-ад-дин сказал: «Если у тебя есть вода, дай мне напиться». И консул велел принести питье, и вдруг в нем оказался дурман, и, выпив его, Ала-ад-дин опрокинулся на спину.

И тогда убрали сходни и опустили багры и распустили паруса, и ветер был им благоприятен, пока они не оказались посреди моря. И капитан велел поднять Ала-ад-дина из трюма, и его подняли и дали ему понюхать средство против дурмана, и Ала-ад-дин открыл глаза и спросил: «Где я!» — «Ты со мною, связанный и под моей охраной, и если бы ты тогда еще раз сказал: «Аллах поможет!», я бы, наверное, прибавил тебе»,— ответил капитан.

И Ала-ад-дин спросил его: «Какое твое ремесло?» И капитан ответил: «Я капитан и хочу отвезти тебя к возлюбленной моего сердца».

[1] Консулами в средние века на Ближнем Востоке называли не только представителей европейских держав, но и вообще всех богатых европейцев.

И пока они разговаривали, вдруг появился корабль, где было сорок купцов, из мусульман, и капитан направил к ним свой корабль и зацепил их корабль крючками, и сошел на него со своими людьми, и они ограбили их корабль, и забрали его, и отправились с ним в город Геную.

И капитан, с которым был Ала-ад-дин, направился к воротам одного дворца, выходившим на море, и вдруг оттуда вышла девушка, закрывавшаяся покрывалом, и спросила его: «Привез ли ты камень и его владельца?» — «Я привез их»,— отвечал капитан.

И девушка сказала: «Подай сюда камень». И капитан отдал ей камень, а потом он направился в гавань и выстрелил из пушек благополучия, и царь города узнал о прибытии этого капитана.

И он вышел к нему навстречу и спросил его: «Какова была твоя поездка?» — «Было очень хорошо,— отвечал капитан,— и мне достался корабль, где был сорок один купец из мусульман»,— «Выведи их»,— сказал царь; и капитан вывел купцов в цепях, и среди них был Ала-ад-дин. И царь с капитаном сели на коней и погнали купцов впереди себя, а прибыв в диван, они сели, и первого из купцов подвели к ним, и царь спросил: «Откуда ты, о мусульманин?» — «Из аль-Искандарии» — отвечал купец; и царь сказал: «Эй, палач, убей его!» И палач ударил его мечом и отрубил ему голову, и второму, и третьему, также до конца всем сорока.

А Ала-ад-дин был последним из них, и он испил печаль по ним и сказал про себя: «Да помилует тебя Аллах, Ала-ад-дин, кончилась твоя жизнь».— «А ты из какой страны?» — спросил его царь, и Ала-ад-дин ответил: «Из аль-Искандарии»; и тогда царь сказал: «Эй, палач, отруби ему голову»; и палач поднял руку с мечом и хотел отрубить голову Ала-ад-дину, и вдруг какая-то старуха, величественная видом, выступила пред лицо царя, и царь поднялся из уважения к ней, а она сказала: «О царь, не говорила ли я тебе, чтобы, когда капитан привезет пленников, ты вспомнил о монастыре и подарил туда пленника или двух, чтобы прислуживать в церкви?» — «О матушка,— отвечал царь,— если бы ты пришла на минуту раньше! Но возьми этого пленника, который остался».

И старуха обернулась к Ала-ад-дину и сказала ему: «Будешь ли ты прислуживать в церкви, или я позволю царю убить тебя?» — «Я буду прислуживать в церкви»,— отвечал Ала-ад-

дин, и старуха взяла его и, выйдя с ним из дивана, направилась в церковь.

«Какую я буду делать работу?» — спросил Ала-ад-дин; и старуха ответила: «Утром ты встаешь и возьмешь пять мулов, и отправишься с ними в рощу, и нарубишь сухого дерева, и наломаешь его, и привезешь на монастырскую кухню, а после ты свернешь ковры, и подметешь, и вытрешь плиты и мраморный пол, и положишь ковры обратно, как было. Ты возьмешь полардебба[1] пшеницы и просеешь и замесишь, и сделаешь из нее сухари для монастыря, и возьмешь меру чечевицы и просеешь ее и смелешь на ручной мельнице, и сваришь, а потом наполнишь четыре водоема и будешь поливать из бочек, и наполнишь триста шестьдесят шесть мисок, и размочишь в них сухари, и польешь их чечевицей и снесешь каждому монаху или патриарху его чашку...» — «Верни меня к царю и пусть он меня убьет, — это мне легче, чем такая работа!» — воскликнул Ала-ад-дин; и старуха сказала: «Если ты будешь работать и исполнишь работу, возложенную на тебя, ты избавишься от смерти, а если не исполнишь, я дам царю убить тебя». И Ала-ад-дин остался сидеть обремененный заботой.

А в церкви было десять увечных слепцов, и один из них сказал Ала-ад-дину: «Принеси мне горшок»; и Ала-ад-дин принес его горшок, и слепец наделал в него и сказал: «Выброси кал!» И Ала-ад-дин выбросил его, и старец воскликнул: «Да благословит тебя мессия, о служитель церкви!»

И вдруг старуха пришла и спросила: «Почему ты не исполнил работу в церкви?» И Ала-ад-дин сказал: «У меня сколько рук, чтобы я мог исполнить такую работу?» — «О безумный, — сказала старуха, — я привела тебя только для того, чтобы ты работал. О сын мой, — молвила она потом, — возьми эту палку (а палка была из меди, и на конце ее был крест) и выйди на площадь, и когда встретишь вали города, скажи ему: я призываю тебя послужить церкви ради господина нашего мессии», — и он не будет прекословить. И пусть возьмет пшеницу и просеет, и провеет, и замесит, и испечет из нее сухари, а всякого, кто будет тебе прекословить, ты бей и не бойся никого». И Ала-ад-дин ответил: «Слушаю и повинуюсь!» — и сделал так, как она сказала, и так он принуждал работать даром и великих и малых семнадцать лет.

[1] Ардебб — мера емкости, приблизительно два гектолитра.

И однажды он сидел в церкви, и вдруг та старуха вошла к нему и сказала: «Уходи вон из монастыря».—«Куда я пойду?»— спросил Ала-ад-дин; и старуха сказала: «Переночуй эту ночь в кабаке или у кого-нибудь из твоих друзей». И Ала-ад-дин спросил ее: «Почему ты гонишь меня из церкви?» И старуха ответила: «Хусн Мариам, дочь царя Юханны, царя этого города, хочет посетить церковь, и не подобает, чтобы кто-нибудь сидел на ее пути».

И Ала-ад-дин послушался старуху и поднялся, и показал ей, будто он уходит из церкви, а сам говорил про себя: «О, если бы увидеть, такая ли дочь царя, как наши женщины, или лучше их! Я не уйду, пока не посмотрю на нее». И он спрятался в одной комнате, где было окно, выходившее в церковь. И когда он смотрел в окно, вдруг пришла дочь царя, и Ала-ад-дин посмотрел на нее взглядом, оставившем после себя тысячу вздохов, так как он увидел, что она подобна луне, выглядывающей из-за облаков. И с царевной была женщина...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ НОЧЬ

Когда же настала двести шестьдесят девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин посмотрел на дочь царя и увидел с ней женщину. И царевна говорила этой женщине: «Ты развеселила нас, о Зубейда».

И Ала-ад-дин внимательно посмотрел на женщину и увидел, что это его жена, Зубейда-лютнистка, которая умерла. А потом дочь царя сказала Зубейде: «Сыграй нам на лютне»; и Зубейда ответила: «Я не сыграю тебе, пока ты не осуществишь мое желание и не исполнишь то, что ты мне обещала».— «А что я тебе обещала?»— спросила царевна; и Зубейда ответила: «Ты обещала мне свести меня с моим мужем, Ала-ад-дином Абу-ш-Шаматом, верным, надежным».— «О Зубейда,— сказала царевна,— успокой свою душу и прохлади глаза, и сыграй нам ради сладости единения с мужем твоим Ала-ад-дином». И Зубейда спросила: «А где он?» И царевна молвила: «Он в этой комнате и слушает наши речи».

И Зубейда сыграла на лютне музыку, от которой запляшет каменная скала; и когда Ала-ад-дин услышал это, горести

взволновались в нем, и он вышел из комнаты, ринулся к женщинам и схватил свою жену Зубейду-лютнистку в объятия.

И Зубейда узнала его, и они обнялись и упали на землю в обмороке, и царевна Хусн Мариам подошла к ним и брызнула на них розовой водой, и привела их в чувство, и воскликнула: «Аллах соединил вас!» — «Благодаря твоей любви, госпожа», — ответил Ала-ад-дин, и затем он обратился к своей жене Зубейде-лютнистке, и сказал ей: «Ты же умерла, о Зубейда, и мы зарыли тебя в могилу! Как же ты ожила и пришла сюда?» — «О господин, — отвечала Зубейда, — я не умерла, меня похитил злой дух из джиннов и прилетел со мной в это место, а та, которую вы похоронили, — джинния, принявшая мой образ и прикинувшаяся мертвой; и после того, как вы ее похоронили, она прошла сквозь могилу и вышла из нее, и улетела служить своей госпоже Хусн Мариам, дочери царя.

А что до меня, то меня оглушило, и, открыв глаза, я увидела себя возле Хусн Мариам, дочери царя (а она — вот эта женщина), и спросила ее: «Зачем ты принесла меня сюда?» И она сказала: «Мне обещано, что я выйду замуж за твоего мужа, Ала-ад-дина Абу-ш-Шамата. Примешь ли ты меня, о Зубейда, чтобы я была ему другой женой и чтобы мне была ночь и тебе была ночь?» И я отвечала ей: «Слушаю и повинуюсь, госпожа моя, но где же мой муж?» А она сказала: «У него на лбу написано то, что предопределил ему Аллах, и когда он исполнит то, что написано у него на лбу, он непременно прибудет в это место, а мы станем развлекаться в разлуке с ним песнями и игрой на инструментах, пока Аллах не соединит нас с ним». И я провела у нее все это время, пока Аллах не соединил меня с тобою в этой церкви».

И после этого Хусн Мариам обратилась к Ала-ад-дину и сказала: «О господин мой Ала-ад-дин, примешь ли ты меня, чтобы я была тебе женою, а ты мне мужем?» — «О госпожа, я мусульманин, а ты христианка, как же я на тебе женюсь?» — ответил Ала-ад-дин. И Хусн Мариам воскликнула: «Не бывать, ради Аллаха, чтобы я была неверной! Нет, я мусульманка, и уже восемнадцать лет крепко держусь веры ислама, и я не причастна ни к какой вере, противной вере ислама». — «О госпожа, — сказал Ала-ад-дин, — я хочу отправиться в свои земли». — «О Ала-ад-дин, — отвечала царевна, — я видела, что у тебя на лбу написаны дела, которые ты должен исполнить, и ты достигнешь своей цели. Аллах да поздравит тебя, о Ала-ад-дин:

у тебя появился сын по имени Аслан, который теперь сидит на твоем месте возле халифа, и достиг он возраста восемнадцати лет. Знай, что явной стала правда и сокрылось ложное, и господь наш поднял покровы с того, кто украл вещи халифа,— это Ахмед Камаким-вор и обманщик, и он теперь заточен в тюрьме и закован в цепи. Узнай, что это я послала тебе камень и положила его для тебя в мешок, который был в лавке, и это я прислала капитана, который привез тебя и камень. Знай, что этот капитан любит меня и привязан ко мне, и требовал от меня близости, но я не соглашалась дать ему овладеть собою и сказала ему: «Я отдамся тебе во власть лишь тогда, когда ты привезешь мне камень и его обладателя». И я дала ему сто мешков денег и послала его в обличье купца, хотя он капитан, а когда тебя подвели для убийства, после того как убили сорок пленников, с которыми был и ты, я послала к тебе старуху».— «Да воздаст тебе Аллах за нас всяким благом, и прекрасно то, что ты сделала!»— воскликнул Ала-ад-дин.

А после этого Хусн Мариам снова приняла ислам с помощью Ала-ад-дина; и, узнав истинность ее слов, Ала-ад-дин сказал ей: «Расскажи мне, каково достоинство этого камня и откуда он». А Хусн Мариам сказала: «Этот камень — из сокровища, охраняемого талисманом, и в нем пять достоинств, которые будут нам полезны при нужде в свое время. Моя госпожа и бабка, мать моего отца, была колдуньей, разгадывавшей загадки и похищавшей то, что хранится в кладах, и к ней попал этот камень из одного клада. И когда я выросла и достигла возраста четырнадцати лет, я прочитала евангелие и другие книги и увидела имя Мухаммеда — да благословит его Аллах и да приветствует! — в четырех книгах: в торе, в евангелии, в псалмах и в аль-фуркане[1], и уверовала в Мухаммеда, и стала мусульманкой, и убедилась разумом, что не должна поклоняться, поистине, никому, кроме Аллаха великого, и что господу людей не угодна никакая вера, кроме ислама. И моя бабушка, когда заболела, подарила мне этот камень и осведомила меня о том, какие в нем пять достоинств. И прежде чем моей госпоже и бабке умереть, мой отец сказал ей: «Погадай мне на доске с песком и посмотри, каков будет исход моего дела и что со мною случится». И она сказала ему: «Далекий[2] умрет, убитый плен-

[1] Аль-фуркан — одно из обозначений корана.

[2] Слово «далекий» употреблено здесь для того, чтобы не называть имени царя и не сказать прямо, что он убит.

ным, который прибудет из аль-Искандарии». И мой отец поклялся, что убьет всякого пленника, который прибудет оттуда, и осведомил об этом капитана, и сказал ему: «Непременно налетай на корабли мусульман и нападай на них, и всякого, кого ты увидишь из жителей аль-Искандарии, убивай или приводи ко мне». И капитан последовал приказанию царя и убил столько людей, сколько волос у него на голове.

И моя бабка умерла, и я выросла и погадала для себя на песке, и задумала про себя кое-что, и сказала: «Увидать, бы, кто на мне женится!» И мне вышло, что на мне не женится никто, кроме одного человека по имени Ала-ад-дин Абу-ш-Шамат, верный, надежный. И я подивилась этому и ждала, пока не пришла пора и я не встретилась с тобою».

Потом Ала-ад-дин женился на царевне и сказал ей: «Я хочу отправиться в свои земли»; и она ответила: «Если так, вставай, пойдем со мной!» — и она взяла Ала-ад-дина и спрятала его в одной из комнат дворца. А затем она вошла к своему отцу, и тот сказал ей: «О дочь моя, я сегодня очень удручен. Садись же, мы с тобой напьемся!»

И она села, а царь велел подать вина, и царевна стала наливать, и поила его, пока он не исчез из мира, а потом она положила ему в кубок дурмана, и царь выпил кубок и опрокинулся навзничь.

И тогда царевна пришла к Ала-ад-дину, вывела его из той комнаты и сказала: «Вставай, пойдем, твой противник лежит навзничь, делай же с ним, что захочешь, я напоила его и одурманила».

И Ала-ад-дин вошел и, увидев, что царь одурманен, крепко скрутил ему руки и заковал его, а потом он дал ему средство против дурмана, и царь очнулся...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

НОЧЬ, ДОПОЛНЯЮЩАЯ ДО ДВУХСОТ СЕМИДЕСЯТИ

Когда же настала ночь, дополняющая до двухсот семидесяти, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Ала-ад-дин дал царю, отцу Хусн Мариам, средство против дурмана, и тот очнулся и увидал Ала-ад-дина и свою дочь сидящими верхом у него на груди. «О дочь моя, почему ты делаешь

со мною такие дела?» — сказал царь своей дочери; и она ответила: «Если я твоя дочь, то прими ислам. Я сделалась мусульманкой, и мне стала ясна истина, которой я придерживаюсь, и ложь, которой я сторонюсь. Я предала свой лик Аллаху, господу миров, и я не причастна ни к какой вере, противной вере ислама, ни в здешней жизни, ни в будущей. И если ты примешь ислам — в охоту и в удовольствие, а если нет — быть убитым тебе подобает более, чем жить».

И Ала-ад-дин тоже стал убеждать царя, но тот отказался и был непокорным, и тогда Ала-ад-дин вынул кинжал и перерезал царю горло от одной вены до другой вены. И он написал бумажку с изложением того, что было, и положил ее царю на лоб, а потом он взял то, что легко снести и дорого ценится, и они пошли из замка и отправились в церковь.

И царевна принесла камень и положила руку на ту сторону, где было вырезано ложе, и потерла ее, и вдруг ложе встало перед нею.

И царевна с Ала-ад-дином и его женой Зубейдой-лютнисткой села на это ложе и воскликнула: «Заклинаю тебя теми именами, талисманами и волшебными знаками, что написаны на этом камне, поднимись с нами, о ложе!»

И ложе поднялось и полетело с ними до долины, где не было растительности; и тогда царевна подняла к небу остальные четыре стороны камня и повернула вниз ту сторону, где было написано «ложе», и ложе опустилось с ними на землю вниз.

И царевна повернула камень той стороной, где было нарисовано изображение шатра, и ударила по ней, и сказала: «Пусть встанет в этой долине шатер!» И шатер встал перед ними, и они уселись в нем.

А это была долина пустынная, без всякой растительности и воды. И царевна обратила камень четырьмя сторонами к небу и воскликнула: «Во имя Аллаха, пусть вырастут здесь деревья и потечет возле них море!» И деревья тотчас же выросли и возле них потекло шумное море, где бьются волны. И путники омылись в нем и помолились, и напились, а затем царевна обратила к небу три стороны камня, кроме той, на которой было изображение скатерти с кушаньями, и сказала: «Ради имени Аллаха, пусть накроется скатерть!» И вдруг появилась накрытая скатерть, где были всякие роскошные кушанья, и путники стали есть и пить, и насладились, и возликовали.

Вот что было с ними. Что же касается сына царя, то он пришел разбудить отца и увидел, что тот убит. Он нашел бумажку, которую написал Ала-ад-дин, и прочитал ее, и понял, что там было; а затем он стал искать свою сестру и не нашел ее. И он отправился к старухе в церковь и нашел ее, и спросил про сестру; и старуха сказала: «Со вчерашнего дня я ее не видела».

И тогда царевич вернулся к войскам и воскликнул: «На коней, о владельцы их!» — и рассказал воинам о том, что случилось; и они сели на коней и ехали, пока не приблизились к тому шатру. И Хусн Мариам поднялась и увидела пыль, которая заслонила края земли, и после того, как пыль поднялась, улетела и рассеялась, вдруг появился брат царевны со своими воинами, и они кричали: «Куда ты направляешься, когда мы сзади вас?»

И женщина спросила Ала-ад-дина: «Насколько крепки твои ноги в боях?» И Ала-ад-дин ответил: «Как колышек в отрубях: я не умею биться и сражаться и не знаю мечей и копий».

И тогда Хусн Мариам вынула камень и потерла ту сторону, на которой был изображен конь и всадник, — и вдруг из пустыни появился всадник, и он до тех пор дрался с воинами и бил их мечом, пока не разбил их и не прогнал.

И после этого та женщина сказала Ала-ад-дину: «Поедешь ты в Каир или в аль-Искандарию?» Ала-ад-дин отвечал: «В аль-Искандарию». И тогда они сели на ложе, и женщина произнесла заклинания, и ложе прилетело с ними и в мгновение ока опустилось в аль-Искандарии.

И Ала-ад-дин привел женщин в пещеру и пошел в аль-Искандарию, и принес им одежду и надел ее на них, и отправился в ту лавку с комнатой, а потом он вышел, чтобы принести им обед, и вдруг видит: начальник Ахмед-ад-Даиаф едет из Багдада.

И Ала-ад-дин увидал его на дороге и встретил его объятьями, и приветствовал его, и сказал: «Добро пожаловать!»

А потом начальник Ахмед-ад-Данаф обрадовал его вестью о его сыне Аслане и рассказал ему, что тот достиг возраста двадцати лет.

И Ала-ад-дин поведал ему обо всем, что с ним случилось, от начала до конца, и взял его в лавку с комнатой; и Ахмед-ад-Данаф удивился всему этому до крайних пределов.

И они проспали эту ночь до утра, а утром Ала-ад-дин продал лавку и приложил плату за нее, к тому, что у него было. А затем Ахмед-ад-Данаф рассказал Ала-ад-дину, что халиф его требует, и Ала-ад-дин сказал: «Я еду в Каир, чтобы пожелать мира моему отцу и матери, и родным». И они все сели на ложе и отправились в Каир-счастливый.

Они спустились по Желтой улице, так как их дом находился в этом квартале, и постучали в ворота своего дома.

И мать Ала-ад-дина спросила: «Кто у ворот после утраты любимых?» И Ала-ад-дин ответил: «Я, Ала-ад-дин!» И его родные вышли и заключили его в объятия, а потом он ввел в дом свою жену и внес то, что с ним было, и после этого вошел сам вместе с Ахмедом-ад-Данафом.

И они отдыхали три дня, и затем Ала-ад-дин пожелал отправиться в Багдад, и отец его сказал ему: «Останься, сын мой, у меня!» Но Ала-ад-дин ответил: «Я не могу быть в разлуке с моим сыном Асланом».

И он взял отца и мать с собою, и они отправились в Багдад. И Ахмед-ад-Данаф вошел к халифу и обрадовал его вестью о прибытии Ала-ад-дина, и рассказал ему его историю, и халиф вышел его встречать и взял с собой его сына Аслана.

И они встретили Ала-ад-дина объятьями, и халиф велел привести Ахмеда Камаким-вора, и его привели; и когда он предстал перед халифом, тот сказал: «О Ала-ад-дин, вот тебе твой противник!» И Ала-ад-дин вытащил меч и, ударив Ахмеда Камакима, отрубил ему голову.

И халиф устроил Ала-ад-дину великолепную свадьбу, после того как явились судьи и свидетели и был написан его договор с Хусн Мариам. И Ала-ад-дин вошел к ней и увидел, что она жемчужина, еще несверленная.

А потом халиф сделал его сына Аслана главой шестидесяти и наградил их всех роскошными одеждами, и жили они блаженнейшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний».

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ

КНИГА ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

ТОМ 3

НОЧИ 145—270

Издание 2

Редактор *С. Ховари*
Художник *С. Вишнепольский*
Художестаенный редактор *Т. Королёва*
Техннческий редактор *Р. Анисимова*
Корректор *Р. Убайдуллаева*

ИБ № 994

Сдано в иабор 17. 01. 83. Подписано в печать 22. 03. 83. Формат 64×84¹/₁₆. Бумага № 2. Гарнитура лнтературная. Печать высокая. Усл - печ. листов 18,60. Усл. кр. оттисков 19,53. Уч.-нзд. лнстов 18,28. Тираж 270000. Заказ № 3728. Цена 1 руб. 70 коп.

Издательство «Ирфон», Душанбе, ул. Айни, 126.

Полнграфкомбинат Государстаенного комитета Таджикской ССР по делам издательств, полиграфни и кижиой торговли, Душанбе, ул. Айни, 126.

1р. 70коп.

Издательство „Ирфон“